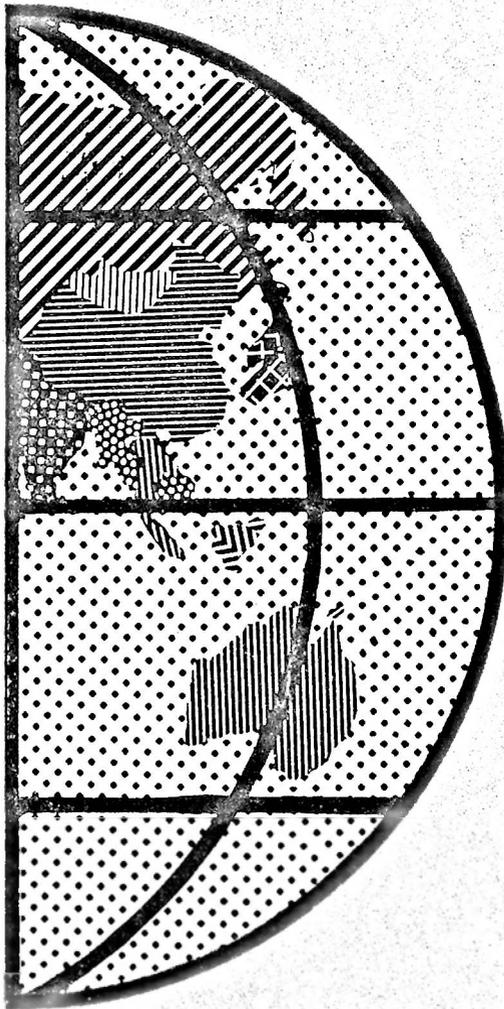

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Ответы М. С. Горбачева
на вопросы редакции
журнала «Ляован»

Свет идей
Великого Октября

30-летие Общества
советско-китайской
дружбы

«Жэньминь жибао»
о внедрении подряда
в китайской деревне

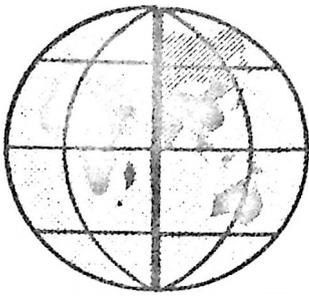
Изучение русского
языка в КНР

Новые архивные документы

ИНСТИТУТ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
АН СССР

2/88

16/11 ДКЗ

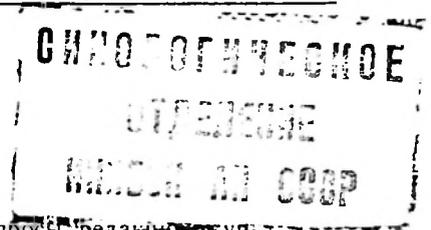

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

2/88

2[68] 1988
Издается с 1972 г.

Научный, общественно-политический журнал, выходит
шесть раз в год на русском, английском, японском
и испанском языках

СОДЕРЖАНИЕ

Ответы М. С. Горбачева на вопросы редакции журнала
нала «Ляован» 3

*Ю. Г. СКОРОХОДОВ. Советский Дальний Восток —
проблемы и перспективы* 6

Свет идей Великого Октября 20

*В. Я. ПОРТЯКОВ. Разработка в Китае концепции
«социалистического товарного хозяйства»* 39

*Г. В. КУЛИКОВА. Во имя взаимопонимания, дружбы
и сотрудничества (к 30-летию Общества советско-ки-
тайской дружбы)* 52

*А. В. ОСТРОВСКИЙ. Рабочий класс КНР: проблемы
трудоустройства* 63

*А. П. МАРКОВ. Роль невоенных факторов в военно-
политической стратегии США в Азии* 74

*В. Д. АНДРИАНОВ. «Новые индустриальные страны»
Азии в мировом капиталистическом хозяйстве* 81

*В. В. МИХЕЕВ, В. П. ЦУПНИКОВ. Деятельность КНДР
в движении неприсоединения: исходные позиции, цели,
интересы* 93

*Ю. М. ОВЧИННИКОВ. Разработка стратегии единого
фронта сопротивления Японии на опыте борьбы в
Маньчжурии* 107

*Ю. В. ЧУДОДЕЕВ. Советские военные советники в
Китае (1937—1942 гг.)* 117

*С. А. ГОРБУНОВА, Н. Л. МАМАЕВА. Новые архив-
ные документы о китайских интернационалистах
(1918—1922)* 125

*А. И. КАРТУНОВА. К вопросу о контактах пред-
ставителей Китайской секции РКП(б) с организациями
КПК (По новым документам 1921—1922 гг.)* 130

Устав организаций китайских коммунистов в России 134

ПОЛИТИКА.
ЭКОНОМИКА

ИСТОРИЯ

Из архивных
материалов

Историография	<i>Б. Г. ДОРОННИ.</i> Современный этап развития китайской историографии	137
КУЛЬТУРА		
Литература	<i>А. С. ИПАТОВА.</i> Жизнь большая и яркая (Памяти Цао Цзинхуа)	144
ПО СТРАНИЦАМ		
ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ	<i>Б. Н. БАСОВ</i> «Жэньминь жибао» о социально-психологических проблемах при внедрении подряда в деревне	151
СООБЩЕНИЯ.		
КОММЕНТАРИИ.		
ОЧЕРКИ	<i>Л. А. ВЕРВИЦКАЯ.</i> Изучение русского языка в Китае	157
	<i>В. Н. КАРПУНИН.</i> Экспансия международного финансового капитала в ЮВА	164
	<i>А. Я. СОКОЛОВСКИЙ.</i> Владивосток — Хайфон: социалистический интернационализм в действии	176
КНИЖНОЕ		
ОБОЗРЕНИЕ	<i>А. Г. ЮРКЕВИЧ.</i> Творческий путь Сюй Бэйхуна	180
	<i>И. Т. МОРОЗ.</i> Маньчжурия в эпоху феодализма	184
	<i>Ю. Е. БУГАЕВ.</i> Советский Союз глазами японцев	187
	<i>А. А. МАКАРОВ.</i> Новое исследование политической системы Японии	191
	<i>В. Э. РАДНАЕВ.</i> Монгольский театр: история и современность	194
	<i>Р. С. БЕЛОУСОВ.</i> Панорама литературных связей	197
	<i>В. Ф. СОРОКИН.</i> Искусство, любимое народом	200
	<i>С. Г. ДЕМЕНТЬЕВ.</i> Китайские и американские ученые о Синьхайской революции	204
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ		
ЗА РУБЕЖОМ	<i>С. ЛУВСАНВАНДАН.</i> Международный форум монголоведов	208
	<i>В. Д. ТИХОМИРОВ.</i> Конференция обществоведов Советского Союза и Корейской Народно-Демократической Республики	215
	<i>В. Б. ВОРОНЦОВ.</i> Семинар в Пхеньяне	218
	Памяти Цзэн Сюфу	220

Адрес редакции: Москва, 117848
ул. Красикова, 27
тел. 124-09-04

© «Проблемы
Дальнего Востока»,
1988

Редакционная коллегия:

Г. В. АСТАФЬЕВ, Р. С. БЕЛОУСОВ, Г. А. БОГДАНОВ, М. С. КАПИЦА,
И. И. КОВАЛЕНКО, В. С. МЯСНИКОВ, В. Я. ПОРТЯКОВ, С. С. РАЗОВ,
О. Б. РАХМАНИН, И. А. РОГАЧЕВ, Б. В. САГАРЕВ (и. о. зам. главного редактора), А. И. СЕНАТОРОВ, В. М. СОЛНЦЕВ, М. Л. ТИТАРЕНКО, С. Л. ТИХВИНСКИЙ, Н. Т. ФЕДОРЕНКО

Ответы М. С. Горбачева на вопросы редакции журнала «Ляован»: [28 окт. 1987] //

В декабре 1987 г. китайский еженедельник «Ляован» обратился с вопросами к Генеральному секретарю ЦК КПСС М. С. Горбачеву. Ответы на эти вопросы были переданы редакции в канун Нового года и публикуются во втором номере журнала.

1. Вопрос. Оглядываясь на ход развития международной обстановки в 1987 году, замечаете ли Вы какие-то радующие сдвиги?

Какие тревожные вопросы, по Вашему мнению, все еще существуют? Какие надежды возлагаете Вы на будущий год?

Ответ. Физики-ядерщики изобразили однажды состояние, которое переживает современный мир, в виде циферблата, где близость стрелки к двенадцати показывает, насколько опасно человечество подошло к роковому часу. Образ мрачноватый, но передающий ощущение нарастающей тревоги.

Так вот, если оценивать уходящий год через призму этого образа, то, думаю, можно сказать: от опасной черты стрелка несколько отодвинулась, хотя было бы рано говорить о начале принципиально иного отсчета времени.

Прежде всего я имею в виду итоги советско-американской встречи в Вашингтоне. Историческое значение этой встречи, приковавшей к себе внимание мира, несомненно. Впервые достигнуто соглашение о ликвидации двух классов ядерных ракет, тем самым положено начало процессу реального разоружения, открыта перспектива глубоких сокращений основных, стратегических арсеналов ядерного оружия.

Все это стало возможным в результате постепенного изменения психологического климата в мире, перемен в состоянии умов. Здесь сыграли свою роль различные факторы. И среди них мы, очевидно, вправе выделить вклад мирового социализма в пробуждение общечеловеческого импульса к оздоровлению, нормализации международных отношений, вклад, прямо связанный с глубокими переменами, перестройкой, обновлением — всем, что отличает сегодня развитие социалистического общества.

Именно социализм предлагает альтернативу изжившей себя опасной концепции ядерного сдерживания — перспективу построения мира без оружия массового уничтожения. И не случайно две великие социалистические державы — СССР и КНР — в одностороннем порядке взяли обязательство не применять первыми ядерного оружия.

В целом изменение общей политической атмосферы представляется самым важным итогом года.

Конечно, реалистически оценивая обстановку, надо сказать, что кладутся лишь первые кирпичи в строительство действительно безопасного мира. Предстоит одолеть еще много препятствий на этом пути. И главные из них — стереотипы старого мышления, согласно которым сила страны — в ее вооружениях; представления о мире, поделенном на сферы влияния, игнорирование растущей пропасти между «богатым» Западом и «бедным» Югом. С этим связаны и региональные конфликты, за справедливое политическое урегулирование которых, где бы они ни были, выступает Советский Союз.

Да, препятствия значительны, проблемы серьезны. Но сильный позитивный импульс, который получили международные отношения в уходящем году, открывает возможность для цепной реакции сдвига по всему фронту ограничения и ликвидации вооружений — идет ли речь о ядерных или космических, о химических или «обычных» их видах. На достижение этих целей направлены все наши помыслы. И, естественно, мы рассчитываем здесь на сотрудничество с Китайской Народной Республикой, от политики которой многое зависит в мировых делах.

2. Вопрос. Какие перспективы, на Ваш взгляд, наблюдаются в развитии советско-американских отношений и какие тенденции есть в развитии отношений между Востоком и Западом?

Ответ. Перспективы, по нашей оценке, улучшились в результате третьей советско-американской встречи на высшем уровне и ее итогов. Американцы лучше узнали, какова на самом деле наша политика, чего мы действительно хотим, в чем смысл и цели нашей перестройки. Они смогли непосредственно ощутить и реальность советского общества, и наше уважение к американскому народу. Все это — обнадеживающий задел на будущее.

Мы не упрощаем положение. СССР и США принадлежат к различным социальным системам. Их отношения — часть более широкой и многоплановой гаммы взаимоотношений этих систем или, как иногда говорят, Востока и Запада. И та, и другая страна обладают своим уникальным историческим опытом, «исповедают» свою идеологию, образ жизни. Каждая имеет своих союзников, свои сложившиеся связи с самым широким кругом государств, прежде всего с государствами, близкими ей по социальному строю.

Но в наш век важно — и в этом одно из стержневых положений нового мышления — не превращать различия и противоречия в предлог и оправдание конфронтации. И тем более сейчас, когда процессы обновления, демократизации, открытости в мире социализма создают тенденции, благоприятствующие контактам между странами Востока и Запада, делают возможной принципиально новую полосу в их взаимоотношениях.

СССР и США порой называют «сверхдержавами» вкладывая в это смысл, с которым нельзя согласиться. Да, мы понимаем свою международную ответственность, но далеки от мысли, будто все в мире, включая отношения между Востоком и Западом, зависит только от Москвы и Вашингтона. Новое политическое мышление, которым мы руководствуемся, отвергает старое немудреное правило: если поддерживаешь хорошие отношения с кем-то, то непременно в ущерб кому-то. Нынешняя эпоха диктует иную мораль, иные законы. Она убедительно показывает: сегодня нельзя строить долгосрочную политику за чужой счет, необходим поиск баланса интересов не против кого-то, а вместе со всеми — это трудный, но единственно верный путь ко всеобщей безопасности и равноправному сотрудничеству.

3. Вопрос. Какие главные сдвиги были достигнуты в вашем деле перестройки? С какими проблемами вы столкнулись? Как собираетесь их решать?

Ответ. Период, который сегодня переживает наша страна, можно назвать рубежным. Мы широко распахнули окна освежающему ветру перемен. В обществе утвердилось новая идейно-нравственная атмосфера. Растут активность, энергия людей. Богаче раскрывается интеллектуальный потенциал партии.

Разработана теоретическая и политическая программа перестройки. Ее ключевые направления — демократизация и радикальная экономическая реформа. Мы использовали 70-летие Великой Октябрьской социалистической революции, чтобы всесторонне оценить свое прошлое, извлечь из него уроки, осмыслить перестройку как закономерный этап развития, связанный с пере-

ходом к современным формам организации социалистического общества.

Разумеется, трудности были и будут. Многие из них порождены противоречиями начального, переходного по своему характеру периода перестройки. Срабатывали инерция, привычка мыслить и работать по-старому, а кое у кого нежелание идти в ногу со временем, страх потерять привилегии. Выявились и левацкие, авангардистские настроения, стремление достичь всего одним махом, а раз не получается — паника, разочарование. Партия дала острую оценку этим явлениям. Консерватизм и перескакивание через этапы — две стороны одной медали, объективно они тянут в прошлое, ведут к возрождению командно-административных методов.

Теперь перестройка вступила в новый этап. Предстоит перевести предприятия на самоокупаемость, самофинансирование, самоуправление, перестроить соответственно взаимоотношения всех звеньев экономической системы.

Эти преобразования затрагивают интересы огромной массы людей, практически всех трудящихся. Они напрямую связаны с ломкой сложившихся искаженных представлений о социализме как о своего рода обществе всеобщей уравниловки. Поэтому есть только один путь выполнить намеченное — это прямое включение широких масс в управление, принятие решений, контроль.

Очень многое будет зависеть от партии. Ей самой придется серьезно перестраиваться, кончать с подменной государственных и хозяйственных органов, менять формы работы. Эти вопросы будут решаться на Всесоюзной партийной конференции летом будущего года.

Перестройка, которую мы начали, выросла из условий советского общества, направлена на его обновление. Но объективно в ней заинтересовано все мировое сообщество. Точно так же, как мы заинтересованы в том, чтобы экономическое развитие и социальный прогресс стали достоянием каждого народа.

Пользуясь случаем, скажу, что для нас большой интерес представляют осуществляемые в КНР реформы хозяйственного механизма и политической системы. Сходство проблем, которые решают наши страны, открывает широкое поле для взаимопользующего обмена опытом.

Китай — наш сосед, и мы испытываем удовлетворение по поводу набирающего обороты взаимовыгодного сотрудничества в области экономики, культуры, науки, образования, спорта. Успешный старт взяли советско-китайские пограничные переговоры. Налаживается политический диалог. Логичным его развитием, по нашему мнению, могла бы стать советско-китайская встреча на высшем уровне. Судя по всему, объективная потребность в ней ощущается и с той, и с другой стороны. Идя навстречу друг другу, можно найти взаимоприемлемые решения — мы в этом уверены.

В заключение хочу пожелать дружественному китайскому народу и его руководству успехов в выполнении масштабных задач, выдвинутых XIII съездом Компартии Китая, счастья и благополучия в новом году.

28 декабря 1987 года.

Советский Дальний Восток — проблемы и перспективы

---

*Ю. Г. СКОРОХОДОВ,
зам. начальника сводного отдела
территориального планирования
Госплана РСФСР*

Дальневосточный район благодаря специфике природно-климатических и географических условий, месторасположению и историческим особенностям освоения и развития играет особую роль в народнохозяйственном комплексе СССР. Создание здесь мощной экономической базы является крупнейшим достижением социально-экономического развития страны.

Исторический путь формирования социально-экономического облика советского Дальнего Востока явился ярким воплощением в жизнь ленинских идей о ликвидации отставания в развитии окраин бывшей царской России.

Обладая широкой гаммой разнообразных природных ресурсов с высокой степенью их концентрации, Дальний Восток уже в первые годы становления Советской власти приковывал к себе внимание молодой Республики Советов. Практические меры, предпринятые Советским правительством в тот период, позволили уже в 1926 г. превзойти уровень 1913 г. по объему промышленного производства.

Провозглашенный партией и правительством курс на индустриализацию страны существенным образом отразился на народнохозяйственном облике Дальнего Востока. В относительно короткий период первых советских пятилеток удалось сформировать здесь многоотраслевое хозяйство, дать начало зарождению системы крупных промышленных центров, активно приступить к освоению территорий, находящихся в значительном удалении от основной транспортной магистрали района — Транссибирской железной дороги.

Новый этап значительного ускорения развития экономики Дальнего Востока наступил в 60-х гг. в связи с началом претворения в жизнь курса партии на более активное освоение природных ресурсов восточных районов страны.

За годы последних пятилеток произошли существенные сдвиги в развитии и размещении производительных сил Дальнего Востока, совершенствовалась их отраслевая и территориальная структура.

Досрочное открытие движения поездов на Байкало-Амурской магистрали, формирование Южно-Якутского территориально-производственного комплекса, Комсомольского промышленного района, сооружение Нерюнгринской и Приморской ГРЭС, Зейской, Бурейской, Вилюйской и Колымской ГЭС, Билибинской АЭС и других важнейших энергетических объектов позволили за последние 15 лет удвоить в этом регионе промышленное производство.

В основном сложились и развиваются функции района как главного поставщика драгоценных и остродефицитных цветных металлов, минералов,

рыбной продукции, пушнины. Усилилась экспортная ориентация развития Дальнего Востока.

За три последние пятилетки в народное хозяйство Дальнего Востока вложено более 70 млрд. руб. государственных капитальных вложений, или 25 % от объема средств, направленных на строительство в целом по восточным районам Российской Федерации.

Получили дальнейшее развитие отрасли социально-культурного и бытового назначения. Более чем на 40 % увеличены за последние 15 лет средства на развитие непроемственной сферы в расчете на 10 тыс. человек населения.

Построены и введены в эксплуатацию жилые дома общей площадью 46,8 млн. м², общеобразовательные школы на 449 тыс. мест, дошкольные учреждения на 255,6 тыс. мест. Укрепилась материальная база здравоохранения, просвещения и культуры, торговли и общественного питания, бытового и коммунального обслуживания населения.

Неуклонно повышались материальное благосостояние и уровень жизни трудящихся Дальнего Востока. Почти в 2 раза выросли денежные доходы на душу населения, в 1,6 раза — среднемесячная заработная плата рабочих и служащих.

Более высокими темпами происходило развитие производства предметов потребления. В результате их удельный вес в общем объеме промышленного производства Дальнего Востока является наиболее высоким среди всех экономических районов в РСФСР, он примерно в 2 раза выше соответствующих показателей в Западной и Восточной Сибири.

Принимались меры по развитию сельского хозяйства Дальнего Востока. Только за одиннадцатую пятилетку на развитие сельскохозяйственного комплекса этого региона израсходовано 4 млрд. руб. государственных капитальных вложений.

Проведение указанных мероприятий способствовало более ускоренному росту численности населения по сравнению с другими восточными районами. За 15 лет численность населения Дальнего Востока увеличилась почти на 30 %, в то время как в Западной и Восточной Сибири это увеличение не превышало 17—18 %.

Позитивные сдвиги в экономическом и социальном развитии Дальнего Востока являются результатом постоянного внимания, которое уделяют этому региону партия и правительство.

Важную роль в наращивании экономического потенциала региона сыграли постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о мерах по дальнейшему комплексному развитию производительных сил Дальневосточного и Восточно-Сибирского экономических районов (1967 и 1972 гг.), по развитию сельского хозяйства Сибири, Дальнего Востока и Курганской области (1982 г.), по развитию производительных сил Магаданской области (1982 г.) и ряд других постановлений по развитию отдельных отраслей народного хозяйства, городов и районов Дальнего Востока.

Существенное значение в привлечении к этому региону внимания министерств и ведомств имело решение о выделении в составе государственных планов СССР и РСФСР основных показателей экономического и социального развития Дальневосточного экономического района.

В результате этих и других мер Дальний Восток стал выполнять важные и ответственные функции в системе народного хозяйства Российской Федерации и всего общесоюзного комплекса.

Однако современные подходы региональной политики партии в осуществлении выработанного XXVII съездом КПСС стратегического курса на ускорение

социально-экономического развития требуют критически оценить состояние развития экономики и уровня социального обустройства в районах Дальнего Востока, эффективность использования созданного здесь потенциала.

За последнее время в экономическом и социальном развитии дальневосточного региона появилось немало территориальных и отраслевых диспропорций, ставших одной из причин наметившейся здесь тенденции к замедлению темпов развития народного хозяйства, к сокращению его относительного вклада в общесоюзное и республиканское производство.

Если до 70-х гг. темпы экономического и социального развития района опережали общесоюзные, то в 1970—1985 гг. были несколько ниже, чем в целом по стране. Среднегодовые темпы прироста промышленной продукции Дальнего Востока в девятой пятилетке составляли 7,0 %, в одиннадцатой — 3,7, в двенадцатой — 4,2 %.

В одиннадцатой пятилетке по сравнению с десятой замедлились темпы роста производства электроэнергии в Приморском крае, Сахалинской области. Топливо-энергетическая база Дальнего Востока не удовлетворяет имеющиеся потребности. Дефицит района в топливе и энергии возрос с 1 млн. т в 1980 г. до 4,5 млн. т в 1985 г.

В настоящее время в Дальневосточном экономическом районе и Забайкалье не удовлетворяется потребность как по объему производимой продукции черной металлургии, так и по ее сортаменту. Так, при выпуске 1 млн. т готового проката в год в Дальневосточном экономическом районе, в нем преобладает листовая сталь (83 %). В ограниченном количестве производится крупносортный прокат.

В Дальневосточном экономическом районе значительно ухудшаются горно-геологические параметры обрабатываемых месторождений, уменьшаются величины балансовых запасов, допускается некомплексное извлечение и переработка минерального сырья. Применяются устаревшие методы добычи и технологии обогащения руд цветных металлов.

Существенно влияет на формирование рациональной структуры производства отсутствие законченных, а в ряде случаев — промежуточных стадий переработки сырья. В результате минерально-сырьевые ресурсы используются некомплексно, низок выход конечной продукции. Даже на лучших рудниках района примерно 45 % олова не извлекается и складывается в отвалы, а из 70 % так называемых попутных минералов, ценность которых составляет почти $\frac{1}{3}$ общей стоимости добываемого сырья, извлекается лишь пятая часть полезных компонентов (по стоимости). В лесной и деревообрабатывающей промышленности глубокой переработке подвергается лишь 18 % древесины. На 1 тыс. м³ вывезенной древесины здесь вырабатывается меньше, чем в целом по стране, пиломатериалов и целлюлозы — в 1,5 раза, фанеры и древесных плит — в 3 раза. Из-за недостаточного объема производства мебели на Дальнем Востоке ее завозится из других районов страны более чем на 50 млн. руб. в год.

Среди основных факторов, определяющих неблагоприятные тенденции социально-экономической ситуации на Дальнем Востоке, можно отметить недооценку значения быстрого развития машиностроения как основного фактора ускорения научно-технического прогресса, отсутствие высокоэффективной специализации машиностроительных заводов, высоко технически оснащенных производств, которые позволяли бы выпускать необходимую продукцию как для нужд региона, так и для экспорта.

Одним из главных недостатков в развитии народнохозяйственных комплексов Дальнего Востока и Забайкалья является слабая производственная база основных строительных организаций министерств и ведомств СССР,

осуществляющих промышленное и гражданское строительство на Дальнем Востоке.

Минвостокстрой, основная подрядная организация на Дальнем Востоке, выполняет сегодня лишь 28 % общего объема строительства в районе, а более 70 % приходится на многочисленные организации нестроительных министерств и ведомств.

Большие недостатки выявлены в развитии рыбной промышленности. За последние годы улов рыбы увеличился более чем на 20 %. Однако это связано с ростом добычи малоценных пород рыб, главным образом минтая. Улов же ценных пород рыбы сдерживается слабым оснащением промыслового и приемно-транспортного флота.

Формирование и развитие агропромышленного комплекса в Дальневосточном экономическом районе имеет ряд специфических особенностей, связанных с необходимостью освоения природных богатств в малообжитых и труднодоступных районах, где сельское хозяйство в основном носит очаговый характер или вовсе отсутствует, хотя развитие продовольственного комплекса должно не отставать, а опережать развитие других отраслей.

В силу этих причин население региона не обеспечивается продуктами питания за счет собственного сельскохозяйственного производства. Так, к концу предыдущей пятилетки местное производство в структуре потребления Дальневосточного экономического района зерновых составляло лишь 28,7 %, мяса — 51,3, молока и молочных продуктов — 46,2, плодоовощных консервов — 5,8, сахара (вырабатываемого из импортного сырья) — 39,7, овощей и бахчевых — 54,7 %. Выше только доля собственного производства яиц (90,7 %), а картофелем в 1985 г. Дальневосточный район обеспечил себя полностью. Обеспечение же основными видами сельскохозяйственной продукции осуществлялось в основном за счет завоза из других районов страны, причем объемы поставок (за исключением яйцепродуктов) систематически росли.

Особо тревожное положение существует с выполнением заданий постановлений и государственных планов по вводу в действие объектов социального назначения.

Несмотря на значительные объемы жилищно-коммунального строительства, в районе Дальнего Востока за последние 10 лет в развитии этой отрасли имеются нерешенные проблемы.

Темпы прироста численности населения в районе Дальнего Востока за одиннадцатую пятилетку более чем в два раза превысили уровень прироста населения в целом по РСФСР (108,9 % при 103,4 % — по РСФСР), из-за чего при значительных объемах строительства жилья не было возможности довести среднюю обеспеченность общей площадью жилых домов на 1 жителя в районе Дальнего Востока до средней обеспеченности по РСФСР (на 1 января 1986 г. средняя обеспеченность в РСФСР без городов Москва и Ленинград — 14,69 м² общей площади на человека, в городах и рабочих поселках — 13,76 м² на человека, в районе Дальнего Востока соответственно 12,7 м² и 12,75 м² на человека).

Систематически не выполняется план по вводу в эксплуатацию жилых домов. Так, в одиннадцатой пятилетке намеченный план не был выполнен во всех районах Дальнего Востока, за исключением Магаданской области и Якутской АССР. План возведения дошкольных учреждений в Хабаровском крае был выполнен лишь на 79 %, а в Сахалинской области — на 88 %. План по вводу больниц выполнен в регионе в целом всего на 76 %.

Неудовлетворительно осуществлялось в одиннадцатой пятилетке строительство ряда крупных объектов коммунального хозяйства — канализационные очистные сооружения мощностью 110 тыс. м³ сточных вод в сутки в городе Ха-

баровске строятся с 1969 г., водопровод в городе Уссурийске — с 1978 г., канализация в городе Находке — с 1969 г.

Аналогичное положение и со строительством других социальных объектов. При этом подрядные организации систематически не выполняют задания по вводу этих объектов, установленные по линии местных Советов.

За две последние пятилетки сократился прирост в уровне обеспеченности детей дошкольными учреждениями, а населения — больничными койками. Темпы прироста торговой площади в магазинах, мест в предприятиях общественного питания государственной и кооперативной торговли также сократились.

Все это служит одной из причин неудовлетворительной демографической обстановки в районах Дальнего Востока. Интенсивность миграции населения в регионе за годы одиннадцатой пятилетки возросла по сравнению с десятой на 10 %. Примерно 85 % из числа прибывшего на Дальний Восток населения в трудоспособном возрасте выбывает из этого района.

Все это явилось, как отмечалось в выступлении Генерального секретаря ЦК КПСС товарища М. С. Горбачева во Владивостоке в июле 1986 г., результатом недооценки роли и значения экономики Дальнего Востока, а в конечном итоге — неадекватности некоторых ответственных работников Госплана и Госнаба СССР, ряда министерств и ведомств. Значительную вину за это несут республиканские и местные органы.

В соответствии с решением Политбюро ЦК КПСС разработана Долговременная государственная программа комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 года.

В практике принятия народнохозяйственных решений в масштабах государства эта Программа, безусловно, является ярким образцом новых подходов и принципов осуществления современной региональной политики, конкретным проявлением стратегического курса партии на ускорение социально-экономического развития страны в условиях глубокой перестройки и совершенствования системы управления.

Основные положения Программы исходят из необходимости революционных перемен в общественном и экономическом развитии восточных районов страны. Для ее реализации потребуются активизация и перестройка работы территориальных и отраслевых органов, наращивание усилий по всем направлениям, полное раскрытие творческого потенциала социалистического строя.

Определенные Программой основные положения по комплексному развитию производительных сил Дальневосточного экономического района предусматривают: создание до 2000 г. в этом регионе высокоэффективного народнохозяйственного комплекса, располагающего собственной крупной ресурсной и научно-производственной базой, оптимальной структурой экономики, развитой социальной сферой и органически включенного в систему общесоюзного и международного разделения труда; повышение роли региона в народнохозяйственном комплексе страны.

Для достижения этой цели в рассматриваемый период предстоит обеспечить:

— ускорение темпов экономического и социального развития, динамичное и пропорциональное развитие отраслей народного хозяйства на Дальнем Востоке, углубление специализации и переход к всемерной интенсификации производства на основе внедрения достижений научно-технического прогресса, коренное улучшение использования созданного производственного потенциала;

— приоритетное решение социальных задач как ключевой проблемы разви-

тия Дальнего Востока, опережающие темпы строительства жилья, улучшение снабжения, медицинского, бытового и иных видов обслуживания населения, расширение сети дошкольных учреждений и школ, создание базы для развития культуры, спорта и туризма, совершенствование систем морального и материального стимулирования, привлечение и закрепление кадров в этом регионе;

— опережающее развитие современного строительного комплекса как основы ускорения экономического и социального развития этого региона;

— ускоренное развитие отраслей производственной инфраструктуры в целях ликвидации существующих диспропорций и оптимизации структуры экономики, формирование сбалансированного народнохозяйственного комплекса Дальнего Востока с рациональной территориальной организацией, обеспечивающей целесообразное внутрорегиональное разделение труда и кооперацию между административно-территориальными единицами региона, развитие интеграционных связей Дальневосточного экономического района с Восточной и Западной Сибирью;

— проведение трудосберегающей политики на основе коренного технического перевооружения всех отраслей хозяйства, широкого применения современных высокоэффективных форм и методов организации труда, передовых технологий, высокопроизводительного оборудования, гибких производственных систем и робототехники;

— использование выгодного географического положения Дальнего Востока для усиления экспортной специализации его хозяйства, развития различных форм взаимовыгодного экономического сотрудничества с социалистическими странами Юго-Восточной Азии, капиталистическими и развивающимися странами бассейнов Тихого и Индийского океанов;

— рациональное и комплексное использование природных ресурсов, более полное извлечение полезных компонентов за счет углубления переработки исходного сырья, получения полупродуктов и конечных продуктов, широкого применения безотходных технологий и резкое сокращение неблагоприятных воздействий на окружающую среду путем осуществления комплексных природоохранных мероприятий;

— ускоренное наращивание научно-технического потенциала, повышение роли научных организаций Дальнего Востока в разработке и реализации региональной научно-технической политики, расширению фундаментальных и прикладных исследований по комплексному и рациональному использованию природных ресурсов Дальнего Востока и Тихого океана, комплексному решению региональных социально-экономических проблем.

Основной задачей в развитии и совершенствовании структуры промышленного комплекса Дальнего Востока является увеличение производства выпускаемой им продукции к 2000 г. по сравнению с 1985 г. в 2,4—2,5 раза, а в зоне хозяйственного освоения Байкало-Амурской железнодорожной магистрали не менее чем в 2,9—3 раза.

Такое наращивание промышленного потенциала вызывает необходимость ускоренного развития топливно-энергетического комплекса Дальнего Востока, обеспечивающего полное удовлетворение потребностей региона в топливе и электроэнергии. В Программе определены меры по реконструкции, техническому перевооружению, расширению действующих и строительству здесь новых угольных разрезов и шахт с тем, чтобы довести к 2000 г. добычу угля до 82—85 млн. т.

Предстоит обеспечить ускорение вовлечения в хозяйственный оборот запасов нефти и газа Западной Якутии и Северного Сахалина, увеличить мощности предприятий по переработке нефти, улучшить структуру выпускае-

мой нефтеперерабатывающими заводами продукции, расширить применение природного газа для нужд энергетики, особенно на западе и в центре Якутской АССР, на Сахалине и в ряде промышленных районов Хабаровского края, создать промышленную базу по производству комплексов плавающих и стационарных технических средств для освоения углеводородного сырья на континентальном шельфе СССР в пределах морей Дальнего Востока.

В предстоящее пятнадцатилетие намечено осуществить ввод в действие мощностей по выработке электроэнергии на Дальнем Востоке в объеме 19,1 млн. кВт и довести выработку электроэнергии в 2000 г. до 100 млрд. кВт·ч.

Структура энергоисточников в Объединенной энергосистеме Дальнего Востока будет совершенствоваться за счет повышения в ней доли гидравлических и атомных электростанций, освоения для нужд энергетики геотермальных ресурсов Камчатки. К концу тринадцатой пятилетки предстоит сформировать сеть линий электропередачи напряжением 500 кВ Объединенной энергосистемы Дальнего Востока и обеспечить подключение всех крупных промышленных узлов и районов к этой сети, развитие межсистемных связей с Объединенной энергосистемой Сибири, а также укрупнение изолированных энергорайонов в Якутской АССР, Камчатской, Магаданской и Сахалинской областях.

Программой определены главные задачи развития машиностроительного комплекса Дальнего Востока, предусматривающие коренное техническое перевооружение и реконструкцию предприятий машиностроения, изменение их специализации с ориентацией на выпуск машин, оборудования и техники, необходимых для эффективного освоения природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока, увеличение на этой основе объема производства продукции на предприятиях машиностроения Дальнего Востока в 3,9 раза, а также снижение поставок машин, оборудования и приборов за пределы региона с 49 до 35 %.

Намечено выполнение мер по созданию на Дальнем Востоке производственных мощностей по сборке и выпуску новой высокопроизводительной техники с учетом эксплуатации ее в условиях района на базе широкой кооперации с заводами, расположенными в европейской части СССР, надежной базы фирменного обслуживания и ремонта силами изготовителей выпускаемой ими техники, небольших узкоспециализированных производств по выпуску продукции общемашиностроительного применения, а также переспециализация и техническое перевооружение действующих предприятий и производств на выпуск малых серий машин, оборудования и продукции общемашиностроительного применения в объемах, обеспечивающих потребности народного хозяйства Дальнего Востока.

Развитие металлургического комплекса Дальнего Востока направлено на вовлечение в полный хозяйственный оборот минерально-сырьевых ресурсов, их комплексную переработку путем создания предприятий с законченным циклом получения полупродуктов и конечных продуктов, формирование на этой основе на Дальнем Востоке крупной базы цветной металлургии, обеспечение ее развития темпами не ниже среднеотраслевых, создание к 2000 г. в регионе новой металлургической базы страны на основе использования имеющихся здесь железных руд и коксующихся углей.

Предстоит приступить к крупномасштабному комплексному освоению месторождений цветных металлов, расширить масштабы вовлечения в хозяйственный оборот вторичных ресурсов, накопленных в отвалах предприятий трудноперерабатываемых и забалансовых руд, содержащих цветные металлы.

В черной металлургии Программой предусмотрено организовать на Дальнем Востоке новую металлургическую базу с вводом в действие к 2000 г.

первой очереди металлургического комбината мощностью 3 млн. т проката в год.

Развитие химико-лесного комплекса Дальнего Востока направлено на более полное удовлетворение потребностей районов Дальнего Востока и Восточной Сибири, а также экспорта в азотных и фосфорных удобрениях, нефтепродуктах, боропродуктах, шинах, продукции основной и органической химии, малотоннажной химической продукции и лесопродукции.

В химической промышленности на базе природного газа острова Сахалин и Селигдарского месторождения апатитов в Якутской АССР предусмотрено создать на Дальнем Востоке новую отрасль по производству минеральных удобрений (азотных и фосфорных), приступить к организации газохимических комплексов на базе нефтяных и газовых месторождений Якутской АССР и Сахалинской области, увеличить объемы и расширить номенклатуру химических товаров народного потребления, выпускаемых предприятиями Дальнего Востока, создать в Амурской области производство полимерных пленок, труб, листов, тары и другой продукции из пластмасс, организовать производство вискозы, кормовых и углеводных добавок, товаров бытовой химии.

В лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности предстоит обеспечить более полное и комплексное использование лесных ресурсов, расширение ассортимента продукции на базе глубокой переработки древесины, развитие расположенных на Дальнем Востоке предприятий более высокими темпами по сравнению со средними по отрасли в целом, с тем чтобы к 2000 г. довести объемы заготовки древесины в этом регионе до 38,3 млн., производства полиматериалов до 6,8 млн. м³, целлюлозы до 1,2 млн. т, картона до 614 тыс. т, древесно-стружечных плит до 800 тыс. м³ в год. При этом поставлена задача рационально использовать лесосечный фонд, сократить потери древесины при ее заготовке, транспортировке и обработке, углубить переработку древесины, включая отходы лесозаготовок, использовать для производства продукции все отходы деревообработки. Будут внедряться прогрессивные техника и технология по заготовке и переработке древесины, в полной мере отвечающие требованиям охраны окружающей среды, а также предусмотрены меры по увеличению объемов и повышению качества лесоустройства и лесовосстановительных работ, улучшению охраны лесов от пожаров и вредных насекомых.

В качестве важнейшей задачи развития агропромышленного комплекса Дальнего Востока Программой намечено улучшение снабжения населения продуктами питания, полное обеспечение за счет собственного производства потребности региона в картофеле, овощах местного ассортимента, мясе, птице, свинине, цельном молоке и цельномолочной продукции, яйцах, повышение их качества и расширение ассортимента, увеличение поставок рыбопродукции для местного потребления, укрепление продовольственной базы на основе динамичного развития всех отраслей агропромышленного комплекса, улучшение использования его производственного потенциала.

Намечено осуществить широкое развитие мелнорации и хозяйственного обустройства земель, крупномасштабное освоение новых земель в пойме реки Амур, в зоне, прилегающей к Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, и в северных районах Дальнего Востока. Будет организовано комплексное строительство 56 новых совхозов на мелнированных землях. Определены задания по значительному укреплению материально-технической базы сельского хозяйства и входящих в агропромышленный комплекс производств перерабатывающих отраслей.

Поставлены задачи обеспечить в ближайшие годы дальнейшее значительное увеличение на Дальнем Востоке улова рыбы и добычи других морепродуктов прежде всего за счет лучшего использования сырьевых ресурсов в водах экономической зоны СССР; увеличить пищевую рыбную продукцию, пользующуюся повышенным спросом населения. Не позднее тринадцатой пятилетки предстоит ликвидировать диспропорции между мощностями флота и береговой обрабатывающей и обслуживающей базы, осуществить техническое перевооружение добывающего флота и береговых предприятий, а также развитие морских рыбных портов и баз рыбопромыслового флота, увеличить пропускную способность всех рыбных портов.

Особенности географического положения Дальнего Востока существенным образом влияют на организацию стабильных межрайонных и внутрирайонных межхозяйственных связей. Для этой цели в Программе определена система мер по развитию транспортного комплекса этого региона с тем, чтобы увеличить объемы перевозок в 2000 г. против уровня 1985 г. в 1,8—1,9 раза по межрайонным и в 1,6—1,8 раза по внутрирайонным перевозкам.

Предусмотрено завершить строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, железнодорожной линии Беркамит — Томмот — Якутск, электрифицировать Транссибирскую магистраль и железнодорожные линии Тында — Бамовская и Карымская — Забайкальск, усилить существующие участки железных дорог, в том числе соединяющие Транссибирскую и Байкало-Амурскую железнодорожные магистрали, а также подходы к морским портам.

Получат дальнейшее развитие морские торговые порты, будут расширены ведомственные порты системы Госснаба СССР и Министерства цветной металлургии СССР, построены новые перегрузочные комплексы, начнут внедряться новые транспортно-технологические системы, включая лихтеровозную систему, намечено пополнить флот судами усиленного класса, рефрижераторами, перспективными типами универсальных и специализированных судов, линейными и портовыми ледоколами, осуществить меры по продлению навигации в замерзающих портах Дальнего Востока.

Предусмотрено за три пятилетки в районах Дальнего Востока построить и реконструировать более 9 тыс. км автомобильных дорог общего пользования, укрепить производственно-техническую базу автотранспортных предприятий, особенно в отдаленных и малоосвоенных районах, расширить сеть воздушных сообщений, увеличить объемы подачи продуктов и сырья на дальние расстояния трубопроводным транспортом.

Важнейшей задачей формирования строительного комплекса Дальнего Востока как основы развития экономики и социальной сферы этого региона является обеспечение намеченной программы капитального строительства на базе создания современной строительной индустрии и промышленности строительных материалов, наращивания мощностей строительных организаций, с доведением к 2000 г. объемов строительно-монтажных работ в этом регионе до 12,6 млрд. руб.

В этих целях Программой предусматривается осуществить переход на широкое применение полносборных комплектных зданий различного назначения, особенно в неосвоенных районах, зданий из легких металлических конструкций и в комплектно-блочном исполнении с оборудованием, установленным в заводских условиях, сборных зданий-модулей при строительстве холодильников, теплиц, хранилищ для картофеля, овощей и фруктов и других объектов агропромышленного комплекса, создать крупные межрайонные базы строительной индустрии и промышленности строительных материалов для изготовления этих комплексных зданий и сооружений, организовать мобильные базы строительной индустрии в отдаленных и вновь осваиваемых районах.

прежде всего в северной зоне Дальнего Востока. В 1990 г. доля крупнопанельного домостроения на Дальнем Востоке в общем объеме жилищного строительства повысится до 60 %, а в 2000 г. — до 70 %.

Предстоит осуществить значительный комплекс геологоразведочных работ на Дальнем Востоке, связанных с созданием надежной сырьевой базы для ускоренного развития в этом регионе предприятий цветной и черной металлургии, угольной, нефтяной, газовой и химической промышленности, промышленности по производству минеральных удобрений, строительных материалов.

Усилятся геологоразведочные работы на энергетические и коксующиеся угли, в первую очередь на месторождениях, пригодных для разработки открытым способом и расположенных в экономически освоенных районах, с обеспечением прироста запасов угля промышленных категорий на Дальнем Востоке в 1987—2000 гг. на 2,4 млрд. т, в том числе коксующихся углей на 0,5 млрд. т.

Расширятся поисковые и разведочные работы на цветные и редкие металлы в районах Якутской АССР, Магаданской и Амурской областей, Приморского и Хабаровского краев, усилятся поиски цементного сырья в зоне Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, а также работы по поиску и разведке полезных ископаемых вдоль трассы строящейся железной дороги Беркамит — Томмот — Якутск.

В Программе обращено особое внимание на необходимость решения задач развития производительных сил Дальнего Востока в увязке с обеспечением охраны природы, прежде всего за счет повышения уровня полного и комплексного использования всех видов природных ресурсов, в том числе за счет внедрения малоотходных и безотходных технологических процессов и оборудования, воспроизводства возобновляемых природных ресурсов и охраны уникальных видов животного и растительного мира с целью сохранения на территории региона экологического равновесия, предотвращения развития необратимых процессов разрушения природных комплексов в результате хозяйственной деятельности и оздоровления среды обитания человека. Определены конкретные направления проведения природоохранных мероприятий в бассейнах озера Байкал и реки Амур, в прибрежной тихоокеанской зоне СССР, в северных и северо-восточных районах Дальнего Востока, а также в зоне лесов этого региона.

Приоритетное значение отведено в Программе вопросам развития социальной сферы и повышения уровня жизни населения как ключевой проблемы развития Дальнего Востока.

Для решения этих задач в Программе определен комплекс мер по привлечению и закреплению трудовых ресурсов, формированию стабильных трудовых коллективов, обеспечению условий проживания и уровня жизни населения, отвечающих социально-экономическим и природно-климатическим особенностям региона. Поставлена задача обеспечить предоставление каждой семье благоустроенной квартиры или отдельного дома, с достижением к 2000 г. обеспеченности жильем каждого жителя Дальнего Востока полезной площадью не менее 20 м², перевести все школы региона на односменный режим занятий, довести уровень обеспеченности населения Дальнего Востока объектами социально-культурного назначения до уровня, превышающего средний по стране, повысить реальные доходы населения, а также обеспечить полное удовлетворение в двенадцатой пятилетке потребности населения в дошкольных учреждениях.

Предстоит увеличить в этом регионе к 2000 г. не менее чем в 3 раза по сравнению с 1985 г. производство непродовольственных товаров народно-

го потребления на местах (в том числе на предприятиях министерств и ведомств, для которых выпуск таких товаров не является профильной продукцией) против заданий, утвержденных Комплексной программой развития производства товаров народного потребления и сферы услуг РСФСР на 1986—2000 годы.

За этот период намечено увеличить объем реализации бытовых услуг населения в Дальневосточном экономическом районе не менее чем в 2,8 раза при опережающих темпах роста услуг в сельской местности, расширить сеть предприятий (ателье, мастерских и других объектов) и комплексных приемных пунктов, а на селе — домов бытовых услуг, развить сеть торговли и общественного питания с достижением нормативного уровня обеспеченности населения этими видами обслуживания.

При этом Программой предусматривается, чтобы в проектах планов экономического и социального развития РСФСР соответствующие показатели по социальному развитию и повышению уровня жизни населения Дальневосточного экономического района составлялись с учетом географического и социально-экономического районирования и научно обоснованных нормативов, определяющих уровень жизни населения, разработку которых поручено осуществить в 1987—1988 гг. Государственному комитету СССР по труду и социальным вопросам, Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР.

Усиление экспортной направленности развития производительных сил Дальнего Востока определено в Программе как важный фактор ускорения экономического и социального развития этого региона.

Стратегическим направлением в создании экспортного потенциала должно стать внедрение новых прогрессивных форм внешнеэкономической деятельности, коренное совершенствование товарной структуры экспорта за счет значительного увеличения доли продукции глубокой переработки, готовых изделий высокого качества и повышение конкурентоспособности. На этой основе в Программе поставлена задача до 2000 г. увеличить объемы экспорта из региона в 3—3,2 раза, развивать торгово-экономическое и научно-техническое сотрудничество со странами азиатско-тихоокеанского региона и Республикой Куба на стабильной и взаимовыгодной основе.

Программа открывает широкие возможности для расширения научных исследований, укрепления научно-технического потенциала Дальнего Востока. Повышается роль научных организаций Дальнего Востока в разработке и реализации региональной научно-технической политики, в расширении фундаментальных и прикладных исследований по комплексному и рациональному использованию природных ресурсов Дальнего Востока и Тихого океана, комплексному решению региональных социально-экономических проблем, развитию внешнеэкономических связей со странами бассейнов Тихого и Индийского океанов, подготовке высококвалифицированных кадров.

Потребуется усиление концентрации научного потенциала региона на важнейших направлениях исследований в целях резкого увеличения доли интенсивных факторов в развитии экономики, координация научных исследований Дальневосточным и Сибирским отделениями Академии наук СССР.

Академии наук СССР и Совету Министров РСФСР поручено обеспечить ускоренное развитие социальной инфраструктуры Дальневосточного отделения Академии наук СССР, укрепление материально-технической базы научных учреждений за счет ввода в эксплуатацию лабораторно-производственных, опытно-экспериментальных и вспомогательных объектов общей площадью 382,5 тыс. м², оснащения их современным научным оборудованием, средствами вычислительной техники, развития научно-исследовательского флота.

В зонах концентрации научно-технического потенциала (города Владивосток, Хабаровск, Якутск, Комсомольск-на-Амуре, Благовещенск, Магадан) Госнабом СССР предусмотрено создание сети межведомственных хозяйственных центров коллективного пользования и проката научного оборудования.

Государственный комитет СССР по науке и технике обязан осуществить в 1987—1995 гг. создание Магаданского и развитие Амурского, Камчатского, Приморского, Сахалинского, Хабаровского и Якутского межотраслевых территориальных центров научно-технической информации и пропаганды, обеспечить получение этими центрами по каналам связи информации о важнейших достижениях науки и техники из всесоюзных, отраслевых и региональных банков данных.

Государственному комитету СССР по науке и технике и Академии наук СССР в ближайшие два года необходимо, исходя из установок и заданий по развитию народнохозяйственных комплексов, принятых в Программе, уточнить целевые комплексные региональные программы «Сибирь», «Дальний Восток» и «Ресурсы бассейна озера Байкал» с тем, чтобы результаты научных исследований и опытно-конструкторских работ, осуществляемых в рамках этих программ, получили более широкое использование в различных областях хозяйственной деятельности предприятий и организаций, расположенных на Дальнем Востоке.

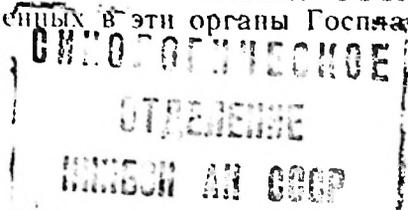
Значительное место отведено в Программе рациональной территориальной организации производительных сил Дальнего Востока.

В ней приводятся основные направления совершенствования территориальной структуры региона, определены главные направления в развитии производительных сил отдельно по северным и южным районам Дальнего Востока с учетом их природно-климатических и экономических условий, определены основные промышленные районы и узлы сосредоточенного строительства, территориально-производственные комплексы, система хозяйственных и социальных мер, связанных с освоением зоны БАМ, сформулированы перспективы развития Якутской АССР, краев и областей Дальнего Востока с определением по каждой из них в отдельности конкретных рубежей в экономическом и социальном развитии к концу двенадцатой, тринадцатой и четырнадцатой пятилеток.

В современных условиях перестройки в управлении и планировании при повышении роли местных Советов в хозяйственном строительстве разработка основных целей и задач Программы не только в отраслевом, но и в территориальном аспекте дает возможность на практической основе решать эти цели и задачи в конкретной практике комплексного планирования экономического и социального развития в АССР, краях и областях Дальнего Востока и регионе в целом.

Это станет одной из главных задач в практической работе создаваемых в настоящее время главных производственно-экономических управлений в крайисполкомах и облисполкомах, в том числе и в дальневосточных.

Реализация намеченных Программой широкомасштабных мер в условиях значительной удаленности Дальнего Востока от центра, близости его к азиатско-тихоокеанскому региону, приобретающему важное значение в мировой экономике и политике, требует дальнейшего совершенствования управления народным хозяйством Дальневосточного экономического района. Разработка таких предложений в настоящее время активно ведется в Госплане СССР и Совете Министров РСФСР с учетом представленных в эти органы Госпланом РСФСР материалов.

Одним из возможных вариантов* решения этого вопроса могли бы стать следующие основные принципы и подходы в формировании системы управления народным хозяйством дальневосточного региона.

Прежде всего следовало бы предусмотреть, чтобы орган управления регионом был подчинен Совету Министров СССР и Совету Министров РСФСР. Председатель этого органа должен быть министром СССР и одновременно заместителем Председателя Совета Министров РСФСР.

В его ведение необходимо передать непосредственное управление производственными объектами, продукция которых реализуется в пределах Дальнего Востока, а также осуществление координации отраслей внерайонного значения через соответствующие государственные производственные объединения министерств и ведомств, которые будут образовываться на региональной основе.

В целях более тесной увязки намеченной в этом районе масштабной строительной программы с вопросами рационального развития и использования мощностей строительных организаций и промышленности строительных материалов целесообразно на базе Минвостокстроя СССР создать единый строительный комплекс с передачей в его ведение соответствующих организаций и предприятий других министерств и ведомств (кроме строительных организаций специального назначения) с подчинением этого комплекса органу управления регионом.

Этот орган должен непосредственно самостоятельно разрабатывать проекты планов по своим регионам и определять объемы государственного заказа и лимитов, учитывающие задания Программы, прорабатывать их с заинтересованными министерствами и ведомствами и представлять их через Госплан СССР и Госплан РСФСР на утверждение в составе государственных планов экономического и социального развития СССР и РСФСР. Кроме того, он должен нести ответственность за разработку комплексных планов экономического и социального развития на территории Дальнего Востока, а также за организацию и проведение этой работы непосредственно в АССР, краях и областях Дальнего Востока.

Наряду с планированием орган управления регионами следует наделить правами, позволяющими ему осуществлять оперативный контроль за реализацией утвержденных в планах заданий и принимать соответствующие решения, обязательные как для министерств и ведомств, так и для местных Советов и их органов управления и планирования.

Орган управления экономическим районом должен иметь право распределения и перераспределения (по согласованию с предприятиями) ресурсов, согласования титульных списков объектов нового строительства и реконструируемых предприятий, принимать решения по размещению новых производств на территории своего района.

Этому органу целесообразно дать широкие полномочия и в области организации и проведения внешнеэкономических связей районов, предприятий и объединений Дальнего Востока с зарубежными странами, исходя из задач, определенных в Программе по данному кругу вопросов.

Учитывая обособленный характер развития народного хозяйства Дальнего Востока и его окраинное расположение, орган управления должен иметь возможность в определенных размерах создавать резервный фонд финансовых

---

* В порядке обсуждения

и материальных ресурсов за счет отчислений от предприятий (по согласованию с ними), расположенных на территории региона, необходимый для оперативного решения на вневедомственной основе возникающих хозяйственных вопросов.

Структура этого органа должна включать в себя государственную плановую комиссию и соответствующие подразделения по управлению непосредственно ему подчиненными отраслями народного хозяйства, а также по координации деятельности региональных государственных производственных объединений и входящих в них предприятий и организаций, расположенных на территории Дальнего Востока и Забайкалья, включая и вопросы их внешнеэкономической деятельности.

Аппарат этого органа может быть укомплектован в основном за счет передачи штатных единиц и фонда заработной платы, высвобождаемых в результате проводимого сокращения аппаратов министерств и ведомств, чье хозяйство имеется в этом районе и получает дальнейшее развитие в соответствии с утвержденной Программой, а также частично за счет сокращения управленческого аппарата организаций и предприятий, которые непосредственно расположены на территории Дальнего Востока.

Для обеспечения единства политического и хозяйственного руководства и координации деятельности партийных органов этого региона возможно было бы рассмотреть также вопрос об образовании органа ЦК КПСС по Дальнему Востоку.

В связи с тем, что Программой многие вопросы развития производительных сил Дальнего Востока и Забайкалья решаются на единой основе, целесообразно изложенные выше принципы и подходы применить в целях создания органа управления, охватывающего одновременно дальневосточный и забайкальский регионы. Для этого потребуются проведение работы по уточнению границ Дальневосточного экономического района за счет включения в него Бурятской АССР и Читинской области.

Крупный народнохозяйственный комплекс, который будет в соответствии с Программой сформирован на дальневосточной окраине нашей страны, займет важную роль в общесоюзном и международном разделении труда.

Выполнение заданий Программы будет проходить в условиях реализации решений июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС, работы предприятий на полном хозяйственном расчете и самофинансировании, действия Закона СССР о государственном предприятии (объединении). Потребуется в полной мере использовать экономические рычаги нового хозяйственного механизма для обеспечения комплексного развития производительных сил Дальнего Востока, повышения его роли как форпоста страны в азиатско-тихоокеанском регионе, создания надежной базы для дальнейшего ускорения его экономического и социального развития на последующий период.

С 1 по 3 декабря 1987 г. в Праге проходила Международная научная конференция на тему «Великая Октябрьская социалистическая революция и борьба за мир и социализм в Восточной Азии». Конференция была организована Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПЧ. В ней приняли участие ученые-обществоведы 10 социалистических стран — Народной Республики Болгарии, Венгерской Народной Республики, Социалистической Республики Вьетнам, Германской Демократической Республики, Корейской Народно-Демократической Республики, Республики Куба, Монгольской Народной Республики, Польской Народной Республики, Советского Союза, Чехословацкой Социалистической Республики.

На конференции было заслушано 24 доклада и научных сообщения. Тематика докладов была довольно широкой — от методологических проблем изучения революционного процесса в странах Восточной Азии до анализа конкретных сторон общественной жизни стран этого региона.

Наибольший интерес участников конференции вызвали методологические и теоретические вопросы, затрагивающие диалектику общего и особенного в развитии национально-освободительных и социалистических революций в странах Востока, в том числе проблема применения общих положений марксистско-ленинского учения к конкретной практике отдельных стран. Этой теме были посвящены доклады старшего научного сотрудника ИМЛ при ЦК КПЧ, доктора Я. Шкваржила; заведующего сектором Института международного рабочего движения АОН при ЦК СЕПГ, профессора Х. Петерса; заместителя директора Института марксизма-ленинизма Нгуен Чань Ле и директора Института стран Азии и Тихого океана, профессора Ван Чонга (Социалистическая Республика Вьетнам); директора Центра по изучению стран Азии и Тихого океана, профессора Мельбы Эрнандес (Республика Куба); научного сотрудника Академии общественных наук ПОРП, доцента Т. Ивиньски; заведующего кафедрой востоковедения философского факультета Карлова университета, доцента М. Кубешевой (ЧССР); научного сотрудника Института экономики АН ЧССР М. Никла; научного сотрудника ИМЛ при ЦК КПЧ, доктора Н. Сильна; заведующего отделом Института Дальнего Востока АН СССР В. Феоктистова.

В этих докладах и научных сообщениях подробно анализировалось ленинское учение о закономерностях национально-освободительного движения в остальных странах Востока, его перерастания в социалистические революции, раскрывалось решающее влияние, которое оказали на революционный процесс на Востоке Октябрьская революция в России, теоретическое наследие В. И. Ленина, опыт социалистического строительства в СССР, международная солидарность трудящихся, помощь стран победившего социализма. В связи с этим докладчики уделили большое внимание выявлению специфики революционного процесса в странах Востока, преломлению в нем общих закономерностей развития человеческого общества. Необходимость творческого применения марксистско-ленинского учения к практике региона в целом и условиям каждой конкретной страны, учета своеобразия национальных традиций — такова центральная мысль, высказанная участниками конференции по этому блоку рассмотренных проблем.

Оживленную дискуссию вызвала в связи с этим проблема первоначального накопления в странах дальневосточного региона, вставших на путь социалистического строительства. В выступлениях профессоров Б. Талаша (ВНР) и Т. Трендафилова (НРБ) была высказана мысль о необходимости тщательного анализа экономических предпосылок и условий строительства социализма в странах, не прошедших стадию капиталистического развития, в том числе факторов развития производительных сил и эквивалентного обмена. Т. Трендафилов обратил внимание на важность рационального сочетания плановых и рыночных начал в условиях переходного к социализму периода, не допуская гипертрофирования ни того, ни другого. Оба эти компонента экономической системы, их умелое сочетание должны служить интересам социализма, развитию демократии, подчеркнул докладчик.

Влиянию Великого Октября, международного коммунистического движения на развертывание революционного процесса в странах Востока были посвящены содержательные доклады профессора Р. Фельбера (ГДР), кандидата исторических наук Д. Маама (МНР), доцента И. Грабовски (ПНР). В докладе Р. Фельбера были приведены новые факты о становлении и деятельности организаций китайских коммунистов в Европе, в частности в Германии. Д. Маам посвятил свое выступление роли русских большевиков, КПСС и лично В. И. Ленина в становлении революционного движения в Монголии, революционного мировоззрения Д. Сухэ-Батора. О значении Великой Октябрьской социалистической революции для развития коммунистического и национально-революционного движения в Китае в 20-е гг. подробно говорила в своем выступлении И. Грабовска.

Значительная часть докладов и сообщений на конференции была посвящена внешнеполитическим проблемам — сохранению мира в азиатско-тихоокеанском регионе, необходимости достижения единства действий всех прогрессивных сил региона в борьбе против глобальных и региональных вооруженных конфликтов. В этой связи отмечалось большое значение миролюбивой политики и мирных инициатив социалистических стран, направленных на всеобщее и полное разоружение, укрепление мира и стабильности в Азии. С сообщениями на эту тему выступили кандидат исторических наук В. Потапов (СССР), профессор Й. Крюгер (ГДР), доктор В. Чебиш (ЧССР) и др.

В ряде выступлений участников конференции рассматривались конкретные проблемы социально-экономического и политического развития КНР, содержание экономической и политической реформ, проводимых ныне в этой стране. В докладе доктора исторических наук В. Галеновича (СССР), например, была проанализирована выдвинутая XIII съездом КПК концепция начального этапа социализма в Китае, показана эволюция теоретической платформы КПК в этом вопросе, отмечен новаторский характер этой концепции, содержащийся в ней диалектический подход к вопросу о темпах и времени строительства социализма в КНР. Докладчик отметил своеобразную переключку идей съездов коммунистических партий социалистических стран, состоявшихся в последние два-три года. Этому же вопросу было посвящено и сообщение кандидата исторических наук Е. Деведжиевой (НРБ). Проблема реформы политической системы в КНР в настоящее время была рассмотрена в докладе доктора З. Кёльпин (ГДР), в котором автор отметила существующие точки соприкосновения и возможность для обмена опытом по этой важной проблеме между социалистическими странами.

Вопросы развития международного коммунистического движения на современном этапе были затронуты в докладе кандидата исторических наук Р. Асланова (СССР), который отметил необходимость расширения диалога, сотрудничества и взаимодействия со всеми революционными, демократичес-

кими и прогрессивными силами планеты в интересах борьбы за мир и выживание человечества.

На конференции был заслушан и ряд других докладов.

В заключение заместитель директора ИМЛ при ЦК КПЧ, профессор М. Матюш отметил ее свободный, демократический характер в духе проходящей в социалистических странах перестройки. Он выделил ряд плодотворных идей, прозвучавших на конференции, в частности о необходимости строго диалектического подхода к реалиям современного мира, в том числе к процессам в странах Азии, учета в них диалектики общего и особенного, о важности выделения этапов в строительстве социализма в различных странах, о значении точного применения экономических категорий к условиям той или иной конкретной страны.

*В. Ф. ФЕОКТИСТОВ,
кандидат философских наук*

Ниже в изложении публикуются доклады некоторых участников конференции.

Великая Октябрьская социалистическая революция — исторический рубеж в жизни народов Восточной Азии и всего человечества

Я. ШКВАРЖИЛ (ЧССР)

Великий Октябрь оказал огромное влияние на весь ход мировой истории. Наступила эпоха всеобщего кризиса капитализма, освобождения рабочего класса и всех трудящихся от эксплуатации. Победой Великой Октябрьской социалистической революции начался процесс социалистического преобразования мира. Под ее влиянием идеи научного коммунизма распространились на все континенты и возникло многомиллионное движение масс.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции явилась триумфом творческого развития марксизма в новой исторической эпохе. Когда в середине XIX в. К. Маркс и Ф. Энгельс на основе научного анализа буржуазного общества вскрыли его основные противоречия и закономерности и пришли к выводу, что капиталистический способ производства является исторически временной ступенью развития общества, они одновременно обратили внимание на то, что революционная теория ликвидации капитализма и создания коммунистического общества вовсе не является догмой. На революционную теорию они смотрели как на краеугольный камень науки, руководство к действию. Основатели научного социализма не утверждали, что они могут конкретно предсказать все стороны, повороты и изменения исторического развития.

В. И. Ленин с самого начала связывал подготовку революционных выступлений в России и распространение революционных завоеваний с интернациональным характером пролетарской революции. Однако он неоднократно подчеркивал, что интернациональное единство пролетариата может быть создано только на «базе невульгаризованного марксизма»¹. Он также отвергал упрощенные представления об универсальной форме перехода от капитализма к социализму и обращал внимание на то, что формы перехода будут иметь в каждой стране определенные специфические черты. Эти ленинские идеи и прогнозы сохраняют свою актуальность и сегодня.

Непосредственное влияние трех русских революций и прежде всего влияние идей Великой Октябрьской социалистической революции, марксизма-ленинизма, опыта решения национального вопроса и строительства социализма в Советской России проявилось в угнетенных странах Востока как прямо — в создании первых коммунистических партий, так и косвенно — в радикализации национально-освободительного движения. Однако речь шла о неравномерном и долговременном процессе, на который действовал целый ряд как объективных, данных конкретной исторической обстановкой, так и субъективных факторов.

Огромной заслугой Великой Октябрьской социалистической революции является то, что она буквально пробила панцирь незнания, незаинтересованности или молчания о научном учении марксизма в ряде стран Востока, активизировала прогрессивную национальную интеллигенцию для изучения научной теории революционного преобразования мира, хотя часто непоследовательно, с акцентом на те части марксистской теории, которые имели наибольшее значение для развития национально-освободительного движения, знакомили с методами, формами и средствами борьбы против империализма, борьбы за независимость и равноправие народов. Что же касается результатов Великой Октябрьской социалистической революции, то речь шла не только о теории, а о практическом опыте реализации политики Советского государства. Этот грандиозный прорыв в мышлении ряда прогрессивных деятелей национально-освободительной борьбы и интеллектуалов угнетенных стран Востока был весьма ценным. В этой оценке ничего не изменяет даже тот факт, что некоторые из них эклектически связывали отдельные части марксизма с традиционной идеологией, национализмом или религией. Для них было типичным освоение ряда идей исторического материализма и одновременное игнорирование или даже отвержение философской основы марксизма-ленинизма — диалектического материализма. «После победы Октябрьской революции в России борьба народов Азии за национальную независимость, против угнетения колонизаторов разгорелась с новой силой. Эта борьба стала гораздо более организованной, цели этой борьбы стали более ясными...» — подчеркнул, например, вождь национально-освободительного движения Индонезии Сукарно, и аналогичную высокую оценку Великой Октябрьской социалистической революции дали также Сунь Ятсен и Неру.

В своих последних статьях «Страницы из дневника», «О кооперации», «О нашей революции», «Лучше меньше, да лучше» и др. В. И. Ленин обобщил опыт социалистического строительства в Советской России и опыт мирового революционного движения, которое развернулось под влиянием Октябрьской революции. Эти работы образуют единое органическое целое и до сих пор актуальны. В них вождь мирового пролетариата охарактеризовал новую историческую эпоху, показал перспективы развития мировой пролетарской революции, наметил разработку плана строительства социализма в СССР, разоблачил теоретическую неправильность и политический вред взглядов зарубежных ре-

формистов и русских меньшевиков о невозможности победы социализма в России из-за ее экономической и культурной отсталости.

Немалое теоретическое значение для разработки путей перестройки деревни, постепенной коллективизации и использования кооперативного труда при реализации задач переходного периода и начального этапа строительства социалистического общества имеет статья В. И. Ленина «О кооперации». В ней дается ясный ответ на вопрос, что является необходимым для обеспечения строительства социализма. Если в стране установлена пролетарская государственная власть, если в руках государства находятся все важные средства производства, если существует союз пролетариата с массами мелких крестьян, если обеспечена ведущая роль пролетариата в этом союзе — «разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения»².

Аналогичные задачи стоят сегодня перед всеми социалистическими государствами Азии. И это, естественно, не кратковременные и не легкие задачи. В. И. Ленин подчеркивал: «...завоевать власть в революционную эпоху гораздо легче, чем суметь правильно эту власть пользоваться»³.

Эти слова относятся к 1922 г., в котором собрался XI съезд РКП(б) — последний съезд с участием В. И. Ленина. С точки зрения сегодняшнего дня он был исключительным — съезд перестройки всей политики, организационно-хозяйственной и культурной деятельности партии и Советов в условиях перехода от гражданской войны к миру. Основные принципы перестройки при этом исходили не только из измененного курса экономической политики, но также из трезвого и правдивого анализа необходимых условий строительства социализма.

С точки зрения предвидения разнообразия путей перехода к социализму и действительно нового творческого мышления большое значение имеет выступление В. И. Ленина на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока.

В. И. Ленин не скрывал огромных трудностей, связанных с борьбой за социалистическую революцию и победу социализма в отсталых странах. Он подчеркивал, что коммунисты должны развить огромные усилия для привлечения на свою сторону народных масс, должны уметь формулировать ясные и притягательные лозунги для трудящихся и «перевести истинное коммунистическое учение... на язык каждого народа», уважать его культуру, обычаи и традиции. Со свойственной ему прозорливостью он видел революционную перспективу Востока в мировом революционном движении. Он предсказывал сложность и длительность этого революционного процесса, который будет содержать многое из общего опыта, но также и много специфического, нового, чем отдельные страны обогатят общую сокровищницу марксистской теории.

В чем, следовательно, заключается актуальность идей Октябрьской революции и теоретических заключений В. И. Ленина для настоящего времени, для современного этапа развития ряда стран, причем не только Восточной Азии? Прежде всего в том, что предвидения В. И. Ленина о закономерном наступлении такого времени, когда каждый народ сможет и будет должен принимать участие в решении не только собственных проблем, но и проблем всего человечества, превратились в реальную действительность. Крах колониальной системы империализма означал второе «пробуждение Азии». Во-вторых, в том, что органическое включение национально-освободительной борьбы в главные движущие силы современности и борьба развивающихся стран за независимость и суверенитет, демократию и против наднациональных монополий объективно

ослабляют империализм и имеют огромное значение с точки зрения решения основных проблем не только революции, но и существования человечества вообще.

Полностью оправдался ленинский тезис, что каждая страна обязана внести свой собственный вклад в поиск путей, методов, форм и средств строительства нового общества. Именно в наш век особенно необходим каждой стране свой собственный активный вклад в дело борьбы за предотвращение ядерной войны и сохранение мира на Земле как основной предпосылки не только для дальнейшего развития, но и для сохранения жизни на планете.

Восток обогатил мировое развитие широким спектром специфического опыта борьбы за свободу, национальную независимость, ликвидацию колониализма и реализацию социалистических преобразований. Страны Азии до сих пор содержат в себе огромный потенциал прогресса, который постепенно, под влиянием идей В. И. Ленина, все больше и больше раскрывается. Идеи В. И. Ленина в этом направлении являются постоянно вдохновляющими и стимулирующими.

Съезды наших коммунистических партий наметили сложные задачи для развития всего теоретического фронта, включая общественные науки. «Сегодня в фокусе теоретической мысли партии, — подчеркнул на XXVII съезде КПСС М. С. Горбачев, — сложный комплекс проблем, вытекающих из современного, переломного характера развития нашего общества, мира в целом. Многогранные задачи ускорения, его взаимосвязанные аспекты — политические, экономические, научно-технические, социальные, культурно-духовные и психологические — нуждаются в дальнейшем глубоком и всеобъемлющем анализе»¹. И можно только добавить: не только в СССР, но во всех социалистических странах растут требования, предъявляемые к изучению современных общественных процессов и прогнозированию будущего развития.

С помощью переоценки всего нашего развития, анализа успехов, недостатков, ошибок и просчетов мы можем и должны учиться друг у друга. Социалистические европейские государства могут передавать своим товарищам в Азии опыт начального периода строительства социализма и конкретного решения задач переходного периода, и наоборот, эти страны могут во многом внести свой вклад в общую сокровищницу творческого развития марксистской теории и практики при поиске новых, специфических и зачастую уникальных подходов к решению задач социалистического строительства. Опыт СРВ, КНДР, ЛНДР, МНР, НРК и КНР является чрезвычайно ценным и буквально незаменимым для десятков развивающихся стран, вступивших на путь социалистической ориентации, и для тех, которые после своего национального освобождения включились в международные капиталистические отношения. «Мир социализма предстает сегодня перед нами во всем своем национальном и социальном многообразии. И это хорошо и полезно. Мы убедились, что единство вовсе не означает тождества, единообразия. Убедились и в том, что у социализма нет и не может быть некоей «модели», на которую все равняются», — подчеркнул в своем выступлении на торжественном заседании, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, М. С. Горбачев.

Мы считаем, что на современном этапе теоретические научные исследования недостаточно глубоки. Нет ответа на такой важный вопрос, как, например, взаимосвязь между общими закономерностями и спецификой исторического развития отдельных азиатских стран и региона как такового. Ответ на этот вопрос важен не только потому, что западные ориенталисты в последнее время увеличили интенсивность своих выпадов против ядра исторического материализма — учения об общественно-экономических формациях, которое якобы на примере азиатских стран оказалось несостоятельным. На этот вопрос очень важно ответить также и потому, что в этих странах действительно гораздо больше

специфических черт в развитии общества, чем, например, в европейских. Достаточно вспомнить существование особой формы рабовладельческого общественного строя в Азии, специфическую форму так называемого восточного феодализма, влияние колониализма на азиатские страны, сложности и особенности при формировании начала капиталистического развития и др. Ответы на эти вопросы мы должны искать также и потому, что и поиск путей социалистического развития, и начальное строительство социализма в азиатских странах являются действительным путем с «китайской», «корейской», «монгольской» или «вьетнамской» спецификой, которые мы должны теоретически изучить, понять и использовать.

Чрезвычайно важно изучение «переходного периода» к социализму в азиатских социалистических странах, особенно изучение таких вопросов, как: многосекторность в экономике, использование различных форм распределения, социально-политические проблемы и проблемы культурного строительства и т. д., а также объективная необходимость дальнейшего укрепления и развития процессов интеграции в области экономического, научно-технического и других видов сотрудничества между социалистическими странами.

Полагаю, что гораздо большего внимания заслуживает также исследование традиций, так называемого традиционного фактора, который до настоящего времени сильно проявляется во всех странах Восточной Азии. Этот широкомасштабный фактор включает в себя как элементы социального бытия, так и уровень общественного сознания, инертность элементов добуржуазной политической культуры, остатки родовых структур, натурального и полунатурального хозяйствования, так называемые пережитки феодализма, которые проявляются кроме прочего в неразвитости демократических традиций и др.

Незнание этих столетних или даже тысячелетних традиций часто имело своим последствием непонимание или искажение ряда важных явлений и событий в жизни стран Восточной Азии, насильственное втискивание населения в европейские образцы классово-социальных структур и оценка традиционного фактора только как элемента, тормозящего модернизацию.

Актуальной проблемой становится необходимость более детального изучения азиатских стран, как социалистической, так и капиталистической ориентации. Такое изучение, разумеется, потребует гораздо большей координации и сотрудничества ученых не только в национальном, но и в международном масштабе. Оно значительно сложнее, но с другой стороны, предоставляет гораздо больше возможностей для сравнения, понимания конкретных явлений и общего развития во всем регионе.

Расширение научных исследований могло бы давать серьезные ответы, например, на такие вопросы: каковы объективные условия для развития капитализма в некоторых бывших азиатских колониях и может ли развитие там капитализма «вдохнуть новую жизнь в мировую капиталистическую формацию», а также каковы там условия для осуществления социальной революции? Какой новый комплекс противоречий образовался между мировым империализмом и развивающимися странами и народами в Азии? Может ли капиталистическая система обойтись без неоколониализма, который является одним из источников ее нынешнего существования? Какие последствия имеет и будет иметь дальнейшее усиление неоколониалистской эксплуатации стран Азии с точки зрения объективного роста социальной напряженности и классовой борьбы, закономерно вызываемых эксплуатацией?

Принцип мирного сосуществования государств с различным общественным строем был впервые разработан В. И. Лениным и им же впервые в истории человечества введен в практическую политику социалистического государства. Рубежом в развитии ленинского мышления в этом направлении стал

апрельский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС. В разработанном виде новую концепцию внешней политики дал XXVII съезд КПСС. Исходной точкой ее является следующая идея: несмотря на глубокую противоречивость современного мира и коренные различия государств, его составляющих, он взаимосвязан, взаимозависим и представляет собой определенную целостность. Это вытекает из интернационализации хозяйственных связей, из комплексного характера научно-технической революции, из принципиально новой роли средств информации и коммуникации, из состояния ресурсов нашей планеты, из общей экологической опасности и из кричащих социальных проблем развивающегося мира, которые касаются всех. Как сказал М. С. Горбачев в своем докладе на торжественном заседании, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, главное — это возникновение проблемы выживания человеческого рода, ибо появление и угроза применения ядерного оружия поставили под вопрос само его существование. Так ленинская идея приоритета интересов общественного развития обрела новый смысл и значение.

Советский Союз выдвинул комплексную программу обеспечения международной безопасности и мирного сотрудничества в азиатско-тихоокеанском регионе. Программа дала импульс к поиску путей решения сложных вопросов, беспокоящих регион, к поиску новых путей сотрудничества. Одновременно оказалось, что процесс будет чрезвычайно сложным и долговременным.

Советская программа создания мира без ядерного оружия отвечает настроениям и планам народов Азии. Ведь именно здесь были применены первые американские атомные бомбы; именно здесь впервые планировалось применение ядерных вооружений в «региональных конфликтах» против корейского, китайского и вьетнамского народов; именно здесь дислоцируются самые современные американские морские, воздушные и наземные силы, подготовленные для начала термоядерной мировой войны; именно здесь вновь прилагаются усилия, направленные на новую милитаризацию Японии, укрепляется наступательная сила южнокорейской и тайваньской армий, подготавливаются планы по использованию бассейна Индийского океана в планах «звездных войн».

Однако мир и безопасность нельзя обеспечить политикой силы и конфронтации. Они могут быть обеспечены только на основе уважения законных интересов и прав всех стран и народов, посредством укрепления взаимопонимания, добрососедских отношений, а часто и компромиссов и взаимных уступок. Именно этими принципами руководствовался СССР, когда предложил создать механизм, исключающий применение силы в отношениях между государствами в области Тихого океана, и провести общеазиатский форум за мир и сотрудничество. Этими принципами руководствовались СССР и КНР, которые подписали протоколы к договору о создании зоны без ядерного оружия в тихоокеанском регионе. Этими принципами руководствуются и азиатские социалистические страны, которые выступают с конструктивными предложениями о создании атмосферы доверия и мира на Азиатском континенте. Этим целям полностью подчиняется проведенный недавно вывод части советских войск из Монголии в соответствии с договором между обеими странами, новые предложения правительства Кампучии, направленные на «национальное примирение» и на превращение страны в мирное нейтральное государство, предложения КНДР по мирному объединению Кореи.

Великий Октябрь оказал решающее влияние и на новую историю чехов и словаков, способствовал возникновению независимого чехословацкого государства, под его влиянием радикализировалась борьба наших трудящихся за социальное освобождение. Наиболее сознательная часть их отошла от оппортунистической социал-демократии и по примеру русских большевиков создала

Коммунистическую партию Чехословакии. Советскому Союзу принадлежит немеркнущая заслуга в освобождении наших народов от фашистского порабощения. На основе исторического опыта чехословацкий народ пришел к глубокому убеждению, что надежной гарантией независимости и безопасности нашей страны может быть только союз, прочная дружба и сотрудничество со страной В. И. Ленина.

«У советских коммунистов мы учились в течение всей истории нашей партии, тем более мы будем использовать их опыт и сегодня», — сказал на 5-м пленуме ЦК КПЧ Густав Гусак. Наша партия и наш народ становятся на сторону решений XXVII съезда КПСС, на сторону творческого подхода советских коммунистов к реализации целей и планов социалистического строительства. Их действия являются для нас примером того, как в наших условиях обеспечить последовательное использование преимуществ социализма, творческую активность трудящихся для реализации решений XVII съезда КПЧ, для преодоления недостатков и для использования существующих резервов.

На основе нынешнего этапа развития всестороннего сотрудничества социалистических стран возникает небывалая потребность в повышении значения обмена опытом социалистического строительства и его обобщения.

Позвольте мне выразить уверенность в том, что и данная научная конференция также внесет свой позитивный вклад в наш совместный поиск оптимальных путей социалистического развития и будет способствовать дальнейшему укреплению сотрудничества в области научных исследований азиатских стран.

Октябрьская революция — факел, освещающий дорогу Вьетнаму и народам Востока

НГУЕН ТХАНЬ ЛЕ (СРВ)

○ значении Октябрьской революции в России Хо Ши Мин писал: «Великая Октябрьская социалистическая революция преподала рабочему классу, трудящемуся народу и угнетенным народам всего мира бесценные уроки того, как добиться успеха в борьбе за полное освобождение трудящегося народа и всего человечества. Рабочий класс и народ Вьетнама стараются ежедневно углублять знания работ Ленина и уроки Великой Октябрьской революции»⁵. Действительно, влияние Октябрьской революции, творческое применение ее уроков, опыт строительства социализма в Советском Союзе и других странах социализма так велики, что уже к середине XX в. силами национальной независимости, демократии, мира и социализма удалось полностью изменить лицо нашей планеты.

Октябрьская революция и идеи Великого Ленина, касающиеся национального и колониального вопросов, вопросов строительства социализма, являются факелом, освещающим путь рабочему классу и народам Вьетнама, и ведут их от победы к победе в борьбе за национальную независимость и социальный прогресс.

Как известно, В. И. Ленин развил марксистское учение по ряду вопросов, касающихся перехода капитализма в стадию империализма. Он открыл закон неравномерности развития империализма. Именно тогда он обосновал возможность победы социализма в нескольких отдельно взятых странах и даже в одной стране. Эта ленинская мысль привела к победе Октябрьской революции и к построению социализма в России в условиях враждебного окружения мирового капитализма.

Мы полагаем, что империализм и в дальнейшем будет развиваться неравномерно, что расхождения между капиталистическими странами будут усиливаться с каждым днем. Исходя из этого, борьба народов Африки, Азии и Латинской Америки, находящихся пока под гнетом империализма, который проявляется в форме неокolonизма, представляется перспективной.

Ленинское учение о революционной ситуации является одновременно наукой и искусством; именно это учение лежит в основе победы Октябрьской революции. Оно освещало наш путь в победоносной борьбе во время августовской революции 1945 г., во время генерального наступления и всеобщего восстания против марионеточного режима в Сайгоне и его империалистических сторонников весной 1975 г. В 1930—1931 гг. восстали крестьяне и рабочие с целью учредить советскую власть в провинции Нге Тинь, но их попытка закончилась провалом, поскольку к этому моменту революционная ситуация еще не сложилась. В августе 1945 г., после того как советские войска разбили Квантунскую армию, японский фашизм безоговорочно капитулировал. К тому времени во Вьетнаме уже наметились три предпосылки революционной ситуации. Воспользовавшись этим случаем, партия подняла всеобщее восстание, и наш народ в течение недели захватил власть в стране.

После соглашения, подписанного в Париже в январе 1973 г., американские империалисты вынуждены были вывести большую часть своих экспедиционных войск из Южного Вьетнама. Позиции сайгонского режима были значительно подорваны, в то же время все более ширилось движение народа, выступающего против проамериканского марионеточного режима. Наконец, три предпосылки революционной ситуации окончательно сложились, и мы окончательно пришли к решению начать генеральное наступление и поднять всеобщее восстание. В течение 55 дней была разбита марионеточная армия — верный лакей американского империализма, полностью освобожден Юг и объединена страна. В 1975 г., вдохновленная ленинским учением о революционной ситуации, Народно-революционная партия Лаоса добилась полной победы, осуществив национально-демократическую революцию.

Мы считаем, что в последние годы революционное движение в некоторых странах Азии, Африки и Латинской Америки страдает от «правого» уклона или «левачества» из-за недостаточно глубокого понимания ленинского учения о революционной ситуации, что лишает возможности соответствующим образом применять его на практике.

В своей работе «Тезисы по национальному и колониальному вопросам» В. И. Ленин сформулировал теорию, суть которой заключается в том, что борьба за национальное освобождение в новую эпоху развивается в рамках пролетарской революции. Это ленинское учение освещает революционный путь народов Азии и всего Востока. Руководствуясь этими идеями, Коммунистическая партия Индокитая в своей программе, разработанной в 1930 г., четко указала на

то, что революция в трех странах Индокитайского полуострова должна пройти два этапа: прежде всего свершится национальная демократическая революция, затем — переход к социалистической революции. Другими словами, наша партия должна одновременно поднять два знамени — знамя борьбы за национальную независимость и знамя борьбы за построение социализма. Задача партии состоит в осуществлении органической связи между этими двумя этапами борьбы и в то же время в четком определении основных целей каждого этапа. Только под знаменем борьбы за национальную независимость и демократию партия имеет возможность собрать широкие слои трудящегося народа и патриотов, в том числе мелкую и национальную буржуазию и интеллигенцию, на борьбу против империализма и феодализма. Только высоко подняв знамя борьбы за построение социализма, можно наметить конечную цель в соответствии с характерными чертами эпохи.

Жизнь доказала, что та пролетарская партия, которая не разворачивает знамя борьбы за национальную независимость, оказывается неспособной возглавить национально-освободительную революцию и попадает в конечном результате под влияние мелкой национальной буржуазии. Такая пролетарская партия, которая стремится перескочить через закономерный этап развития революционного процесса и смешивает задачи первого и второго этапов, приносит делу революции тяжелые потери.

Как писал Карл Маркс, социализм — это естественный продукт мощного развития производительных сил в процессе промышленной революции капитализма. Другими словами, если нет развитого капитализма, не может быть социализма. Применив эту марксистскую диалектику, В. И. Ленин отмечал: «...государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет»⁶.

Победа Октябрьской революции, непрерывное укрепление первого социалистического государства, а в дальнейшем всей мировой социалистической системы доказывают, что путь капиталистического развития не является больше единственно необходимым условием для стран Азии и всего отсталого Востока.

Накануне и после Октябрьской революции, осмыслив изменения, происшедшие в мире, и вновь обратившись к этому вопросу, В. И. Ленин предвидел для отсталых стран возможность перехода к социализму, минуя капитализм. «...С помощью пролетариата передовых стран,— писал он,— отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»⁷.

Это ленинское положение имеет огромное практическое и теоретическое значение для стран Азии, Африки и Латинской Америки. Мы были свидетелями того, как на первом этапе народы Средней Азии, вошедшие в состав Союза Советских Социалистических Республик, с братской помощью России сумели перейти от предкапиталистического, феодального этапа развития к этапу перехода к социализму, минуя капитализм. На втором этапе соседняя с СССР Монгольская Народная Республика пошла тем же путем и добилась блистательных результатов. В последующем Китай, Вьетнам и десятки других стран Азии, Африки и Латинской Америки, хотя они географически и далеки от Советского Союза, выбрали тот же некапиталистический путь развития.

Указанные выше факты свидетельствуют об огромном влиянии Октябрьской революции, ленинского учения, реального социализма на страны Востока.

В. И. Ленин писал: «Все нации придут к социализму, это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму

демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни»⁸.

В 1921 г. в письме, адресованном коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики, В. И. Ленин писал: «Всего более важно... чтобы коммунисты Закавказья поняли *своеобразие*... положения их республик, в отличие от положения и условий РСФСР, поняли необходимость не копировать нашу тактику, а обдуманно видоизменять ее применительно к различию конкретных условий»⁹.

В этом ленинском положении выделено два основных пункта: первое — все нации должны прийти к социализму, развиваясь в соответствии с основными законами, получившими многочисленные подтверждения на примерах Советского Союза, социалистических стран, коммунистических и рабочих партий; второе — осуществляя социалистическую революцию и строительство социализма, коммунисты должны правильно, полно и глубоко учитывать национальные особенности своих стран.

Будучи отсталой восточной страной, проведя в постоянных войнах более полувека и испытав тяжелые лишения, Вьетнам, который подошел к периоду перехода к социализму, минуя капитализм, имеет следующие социально-экономические уклады:

— установлена общенародная собственность на средства производства в основных отраслях промышленности;

— в большей части мелкотоварного производства, в сельском хозяйстве, в кустарном производстве установлена различная степень обобществления средств производства;

— на долю семейного хозяйства приходится существенная часть производства предметов потребления, продуктов питания, жизнеобеспечения и услуг;

— на долю частного сектора приходится значительный процент мелкотоварного производства, кустарных ремесел, общего объема торговли и сферы услуг;

— в высокогорных районах Юго-Западного Вьетнама существуют остатки примитивного коммунистического строя и матриархата.

В целом ранее Вьетнаму был присущ социально-экономический строй колониальной, полуфеодальной страны. Социально-экономическое положение Вьетнама, прошедшего через народную национально-демократическую революцию и находящегося в начале переходного этапа к социализму, очень сложно.

До VI съезда нашей партии в течение долгого периода мы не смогли в полной мере учесть особенности нашей социально-экономической системы: проявили поспешность в обобществлении средств производства; слишком быстро осуществили крупномасштабную коллективизацию в сельском хозяйстве, в кустарном производстве и мелкой торговле; не обратили должного внимания на индивидуальный и семейный секторы экономики. Все это привело к большим экономическим трудностям.

В период нэпа В. И. Ленин указывал на то, что необходимо учитывать все особенности социально-экономической структуры, рассматривать все ее составляющие на каждом этапе исторического развития, ничего не упуская. Это необходимо для того, чтобы мобилизовать все ресурсы для участия в строительстве социализма.

После перехода от политики военного коммунизма к нэпу В. И. Ленин указывал на необходимость развивать торговлю, рассматривать ее как особо важное звено и обращать заслуженное внимание на закон стоимости и товарно-денежные отношения.

Вьетнам подошел к периоду перехода к социализму, имея чрезвычайно низкий уровень развития производительных сил. В сельском хозяйстве и в про-

мышленности Вьетнама в основном используется ручной труд. Общий уровень современного производства во Вьетнаме можно сравнить с уровнем западных стран конца XVIII — начала XIX в.

Поскольку мы не воспользовались своеобразием потенциала наших производительных сил и не сумели их полностью использовать к середине 70-х гг., мы пытались иллюзии завершить процесс социалистической индустриализации, закончить переходный период и перейти к социализму за несколько десятилетий.

Как было указано на VI съезде нашей партии, этот субъективизм, это нетерпение проистекает из непонимания того, что для отсталой страны с докапиталистическим способом производства переход к социализму, минуя капиталистическую стадию, должен вылиться в относительно длительный исторический процесс, включающий в себя несколько этапов. Мы дорого заплатили за то, что не сумели усвоить ленинскую мысль относительно проявления общего характера социально-экономического развития применительно к особенностям нашей страны и уровню развития ее производительных сил, который в нашем случае был весьма низок.

В свете учения В. И. Ленина, с учетом опыта нэпа, после XXVII съезда КПСС, VI съездом нашей партии и последующими пленумами ЦК КПВ были сделаны реалистические выводы.

Социалистическая демократия, завоеванная в Советском Союзе и социалистических странах Центральной Европы, распространяющаяся как на политические, так и на экономические сферы, явилась итогом Октябрьской революции в России и служит знаменем, под которым собрались азиатские народы на успешную борьбу против угнетения и эксплуатации империализма и феодализма.

«Созидающий социализм есть живое творчество масс» — эти ленинские слова являются истинной бесспорной. Право трудящегося народа быть подлинным хозяином страны и участвовать непосредственно в управлении различными сферами общественной жизни является ключом к преодолению всех трудностей, залогом окончательной победы социализма и коммунизма.

Подводя итоги опыта, полученные за 70 лет Советским Союзом в области взаимоотношений демократии и социализма, М. С. Горбачев сказал, что чем «больше демократии, тем больше социализма».

Вьетнам, родившийся из колонии, азиатский феодализм которой обладал всеми чертами крайнего консерватизма, застоя и отсталости, до сих пор находится на начальном этапе переходного периода к социализму. Несмотря на это, за сорок с небольшим лет, прошедших с августовской революции 1945 г., новый социальный строй принес народу демократические свободы, которых ранее у него не было. Но наша социалистическая демократия еще несовершенна. До сих пор в обществе и в партии еще сильны влияние феодальной идеологии и мышления мелкого собственника. Централизация власти, столь необходимая в условиях подпольной, нелегальной борьбы и во время войн сопротивления, оказала отрицательное влияние на развитие демократии в мирное время.

В конце 1945 г. Хо Ши Мин писал: «...независимость была бы лишена смысла, если бы народ не узнал ни счастья, ни свободы»¹⁰.

Руководствуясь идеями В. И. Ленина и вдохновленные идеями перестройки, обновления и демократизации, выдвинутыми на XXVII съезде КПСС, в последние годы, и особенно после VI съезда КПВ, наши партия и правительство предприняли многочисленные меры, направленные на постепенное усовершенствование социалистической демократии, на передачу трудящимся всех прав; на то, чтобы жизнь развивалась в соответствии с лозунгом «Пусть народ знает, обсуждает, выполняет и контролирует». Начиная с середины 1987 г. серия статей

товарища НВЛ*, опубликованных в партийных газетах под названием «Дела, которые необходимо осуществлять в первую очередь», дала первые результаты в деле совершенствования социалистической демократии. Однако, несмотря на это, у нас пока что сохраняются субъективизм и показной стиль, с которыми предстоит сложная, долгая и решительная борьба внутри партии и в обществе.

Октябрьская революция, богатый опыт, накопленный Советским Союзом за 70 лет строительства социализма, в настоящее время углубляемый в процессе перестройки, а также опыт других братских социалистических стран составляют сокровищницу, из которой марксисты могут черпать теоретические идеи и практический опыт для своей работы.

Жизнь ясно показала, что без прочного освоения общих законов социализма, глубокого и полного понимания особенностей каждого народа невозможно успешно завершить социалистическую революцию и построить социализм.

Вьетнаму и другим азиатским странам присущи особенности, резко отличающие их от стран Европы. Эта реальность требует от наших специалистов, с одной стороны, усиленного изучения марксизма-ленинизма, опыта Советского Союза и других социалистических стран, а с другой — умения осуществлять глубокий анализ и точно определять особенности нашей страны. Только таким образом они смогут применить созидательную силу марксизма-ленинизма к конкретным условиям Социалистической Республики Вьетнам.

---

* Псевдоним Нгуен Ван Линя.— Прим. перев.

Идеи Великой Октябрьской социалистической революции в борьбе за мир, социальный прогресс и независимость народов Восточной Азии

МЕЛЬБА ЭРНАНДЕС (Республика Куба)

С того времени, когда К. Маркс и Ф. Энгельс, посвятив свою жизнь и труд революционному делу, научно доказали, что на смену капитализму должен прийти социализм, и до поры, когда история, борьба народов и сама жизнь оправдали справедливость их идей, прошло много лет.

Первый секретарь нашей партии Ф. Кастро высоко ценит значение Великой Октябрьской социалистической революции. В одном выступлении он отметил, что если бы К. Маркс был ее свидетелем, то бы повторил свои собственные слова

о том, что наступило начало конца предыстории человека и началась его подлинная история.

Сразу после победы Октябрьской революции в 1917 г. советскому народу и его коммунистической партии во главе с В. И. Лениным пришлось противостоять блокаде, вооруженным агрессиям и гражданской войне, поддерживаемой империалистическими державами, восстанавливать разоренную войной страну, осуществить в ней социалистические преобразования, образовать Союз Советских Социалистических Республик и превратить ее в могучий оплот социализма. Это позволило СССР сыграть основную роль в разгроме фашизма во время второй мировой войны и тем самым способствовать возникновению мировой социалистической системы и краху колониальной системы империализма.

Великая Октябрьская социалистическая революция, положившая начало новой эпохе в истории человечества, потрясла весь мир. Она вдохновила всех трудящихся земного шара, покончила со лживой, но пустившей глубокие корни идеей о том, что обществу свойственна эксплуатация человека человеком и что капитализм вечен и неизменен. Она также стерла с лица земли чувство смирения перед якобы всемогущим империализмом, доказав, что в действительности возможно покончить с подаваемой хозяевами милостыней.

Великий Октябрь вызвал революционный подъем во многих странах Европы, Азии и Америки, дал толчок движению за национальное освобождение, так как эксплуатируемый рабочий класс одной из самых крупных стран взял власть в свои руки. Залп крейсера «Аврора» озаменовал собой начало нового этапа в борьбе угнетенных народов.

Эксплуатация и грабеж колоний и зависимых стран, а также последствия этих акций, выразившиеся в застое экономического и социального развития, создали необходимые условия для того, чтобы освободительные идеи Великой Октябрьской социалистической революции существенно повлияли на национально-освободительные движения, зародившиеся во многих странах Азиатского континента.

Победа первой в мире пролетарской революции доказала на практике, что колониальная система, родившаяся и развивавшаяся как органическая часть исторического процесса накопления капитала, была обречена на поражение в рамках общего кризиса капитализма.

Многие прогрессивные лидеры из бедных и зависимых стран сумели высоко оценить солидарность и поддержку со стороны Советского государства. Лидер демократических сил Китая Сунь Ятсен в своем политическом завещании выразил убежденность в том, что Советский Союз и в будущем не прекратит осуществлять свою политику, направленную на поддержку китайского народа; он также призвал свой народ бороться плечом к плечу с СССР. Джавахарлал Неру отметил, что Октябрьская революция продвинула вперед человеческое общество и зажгла неугасимый факел. Вождь вьетнамской революции Хо Ши Мин сказал: «Великая Октябрьская революция вдохнула в душу угнетенных народов новые порывы... значительным образом повлияла на все колонии и полуколонии Азии; победоносный марксизм-ленинизм указал всем нациям путь к самоосвобождению».

Под непосредственным влиянием Октябрьской революции Монголия, Корея, Китай, Индия, страны Индокитая и другие страны Азии и тихоокеанского региона стали театром антиимпериалистической борьбы и войн за национальное освобождение. В 1921 г. в Монголии победила народная революция и начался процесс перехода от феодализма к социализму, минуя капитализм. В. И. Ленин, касаясь важности этих движений, указал на то, что народы Востока мобилизуются для практических действий, и на необходимость самостоятельного реше-

ния каждым народом своей судьбы. С 1920 по 1930 г. были созданы коммунистические партии во многих азиатских странах.

Победа первой пролетарской революции, дав начало периоду революционного подъема в различных регионах мира, привела колониальную систему империализма на континенте в состояние кризиса. Позже победа над фашизмом, японским милитаризмом и победы народно-демократических революций в ряде стран Азии, укрепив единство и волю новых государств в борьбе за прочный мир, создали необходимые предпосылки на Азиатском континенте для первых попыток создания движения неприсоединившихся стран.

Касаясь влияния русской революции на распад колониальной системы империализма в странах Азии, Ф. Кастро указал на то, что неумолимый путь современной истории был предопределен Октябрьской революцией, вдохновленной гениальными идеями К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Героическая и самоотверженная борьба народов привела к ликвидации ненавистной колониальной системы.

Развитие социализма в Азии непосредственно связано с победой Советского Союза над японским милитаризмом. Это событие нашло большой отклик в колониальных и полуколониальных странах региона. Народно-освободительное движение, возникшее в условиях борьбы против японского агрессора, укрепилось с точки зрения организации и идейно-политической подкованности.

Сложившаяся в связи с этим конъюнктура была особенно благоприятна для коммунистических сил, объединивших вокруг своей политической платформы и программы различные прогрессивные и демократические круги, способствуя тем самым их сближению с марксистско-ленинской теорией.

Революционное движение Азии получило поддержку, в частности в идейно-политическом плане, от европейских стран, выбравших социалистический путь развития после освобождения от фашистского ига. Социализм перешагнул границы Советского Союза, что вызвало поворот в мировом соотношении сил. Это обстоятельство привело к усугублению общего кризиса капиталистической системы, вступившего в свою вторую фазу.

В результате победоносных революций на Азиатском континенте возникли Социалистическая Республика Вьетнам, Корейская Народно-Демократическая Республика и Китайская Народная Республика. Указанные процессы имели особое значение и оказали огромное влияние на остальные народы Азии и колониальные и полуколониальные страны всего мира. Основная заслуга этих процессов состоит в том, что они переросли в социалистические революции, осуществленные под знаменами марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. Следовательно, они явились практическим и многоликим подтверждением жизненности социалистических идей.

С количественной точки зрения от капиталистической системы откололись территории, занимающие свыше 10 млн. км², в которых проживает больше четверти населения мира. Таким образом империализм лишился больше трети своего колониального арсенала.

Позднее в регионе были образованы новые социалистические государства: Лаосская Народно-Демократическая Республика и Народная Республика Кампучия.

Однако было бы неверным игнорировать трудности, с которыми сталкивалось освободительное движение в Азии. Жизнь доказала, что чем успешнее проходит борьба развивающихся стран за национальное и социалистическое освобождение, тем агрессивнее становятся силы, противостоящие этому историческому процессу.

Говоря о положительных тенденциях в развитии азиатского революционного движения, нельзя не упомянуть наблюдавшиеся в нем отрицательные моменты.

Порой в результате действия объективных факторов, связанных с историей этих стран, а также в связи с недостатками в области организации и подготовленности прогрессивных сил, придерживавшихся в большинстве случаев старых теоретических положений и связанных с деятельностью внутренней и международной левацкой реакции, имели место такие явления, как отступление и стагнация. Коммунисты, стоящие во главе революционных процессов, должны реорганизовать свои силы и продолжить неустанную борьбу за строительство социализма, осознав, что слабости нашего движения используются нашим общим врагом — империализмом — в его постоянных попытках воспрепятствовать прогрессу человечества.

За время, прошедшее после II съезда Коммунистической партии Кубы, со всей силой проявились империалистические стремления США добиться военного превосходства посредством срыва стратегического равновесия с социалистическими странами и, оказывая давление на партнеров по НАТО, расширить радиус действия атлантического блока, а также еще больше вовлечь входящие в него страны в гонку вооружений, пользуясь своим стоящим под вопросом лидерством; использовать экономическую и политическую силу против стран «третьего мира», борющихся за новый, более справедливый международный экономический порядок; открыто и завуалированно применять военную силу против слаборазвитых стран, отстаивающих свою независимость и социальную справедливость.

В своем намерении повернуть вспять колесо истории США не стеснялись осуществлять покушения на жизнь выдающихся деятелей стран «третьего мира», разрабатывать и применять интервенционистскую стратегию против народов Азии, Африки, Ближнего Востока, Латинской Америки и стран Карибского бассейна. В этой связи было сконструировано понятие «конфликтов малой интенсивности», само название которых говорит об империалистическом подходе к современному миру.

Администрация США ныне прибегает ко всевозможным империалистическим способам подрыва слаборазвитых стран, а именно: использование наемников и международной сети контрабанды наркотиков; поддержка наиболее реакционных режимов и кругов во всем мире; обострение религиозных, этнических, племенных и исторических разногласий; манипуляции средствами массовой информации; использование армий третьих стран и прямое вмешательство вооруженных сил США в дела других стран; использование всех форм экономического неокOLONIALИЗМА. Достаточно напомнить действия США на Кубе, Гренаде, в Никарагуа, Сальвадоре, Анголе, Намбии, Мозамбике, Ливии, на Ближнем Востоке, в Афганистане, Кампучии, являющиеся красноречивыми примерами вышеизложенного. Речь идет не только о подавлении народно-освободительных движений, но и о стремлении покончить с процессами, в результате которых народы избрали свои подлинные правительства.

На АТР как регион растущего военного, политического и экономического значения ссылаются не только в официальных американских сообщениях, но и в кругах «новых правых», оказывающих огромное влияние на администрацию США; о Тихом океане говорят как об «американском озере», что напоминает времена первых лет после второй мировой войны.

Поэтому проблема войны и мира широко обсуждается в АТР, где еще чувствуются последствия как взрыва двух атомных бомб, сброшенных на японскую территорию американскими самолетами, так и войн против вьетнамского и корейского народов.

Конкретными проявлениями глобальной и региональной политики агрессии, проводимой США в военной, политической и экономической областях, являются экспроприация большей части богатств стран АТР; узаконивание неоколо-

ниального господства под маской ассоциированных территорий; навязывание неравноправных условий обмена в экономических отношениях и оказание давления на правительства региона для того, чтобы они подписывали военные договоры, угрожающие миру и стабильности региона; бойкот усилий, прилагаемых большинством стран и направленных на создание безъядерных зон в ключевых азиатских и тихоокеанских регионах.

Известно, что для обеспечения превосходства в потенциальном театре военных действий империалисты содержат военно-морские, военно-воздушные и наземные базы в Южной Корее, Японии, Австралии и на Филиппинах, а также другие военные объекты в Тихом и Индийском океанах. В настоящее время они организуют мощную сеть коммуникационных станций, центров управления, баз и складов различного назначения, поддерживающих осуществление «стратегической оборонной инициативы» (СОИ).

Несмотря на всю сложность и напряженность положения, в результате упорных усилий, проявленных в борьбе за внедрение в жизнь принципов, содержащихся в мирных инициативах Советского Союза и других социалистических стран, внешняя политика администрации США претерпела серьезные удары, в частности за последние два года.

Инициативы и практические шаги, предпринятые Советским Союзом, нашли отклик среди народов и политических кругов азиатских стран, которые все больше осознают срочную необходимость использовать ресурсы, отведенные на военные цели, для социально-экономического развития стран и борются сообща за торжество дела мира и безопасности в АТР.

Наша партия и правительство приветствуют инициативы, направленные на проведение переговоров и на установление новых отношений, обеспечивающих мир и безопасность во всех регионах мира.

Считаем неотложной потребностью связать борьбу за мир с усилиями, направленными на ускорение социально-экономического развития в большинстве стран региона. Очевидно, что для достижения такой цели необходимо наличие справедливых отношений и международного сотрудничества. В этом направлении социалистические страны Азии проявляют большую политическую активность.

Серьезные предложения, выдвинутые Советским Союзом во Владивостоке и Рейкьявике, конкретные шаги, предпринятые в результате встреч высокопоставленных советских руководителей с главами государств и видными деятелями стран региона, а также односторонний мораторий СССР, касающийся осуществления ядерных испытаний, способствовали улучшению обстановки в пользу мира, разоружения и развития.

Следует также отметить переговоры, которые проводятся в Народной Кампучии и Афганистане в целях достижения решений, способствующих обеспечению мира, стабильности и необходимому развитию стран региона.

Стремление Социалистической Республики Вьетнам нормализовать отношения с Китайской Народной Республикой представляет собой важный фактор обеспечения мира в Азии и во всем мире; индокитайские народы ведут упорную работу в области создания условий для переговоров на миролюбивой и благоприятной основе со странами — членами АСЕАН в целях установления широкого сотрудничества.

Китайская Народная Республика исходит из того, что модернизация страны должна осуществляться в мирной обстановке, проводит последовательную политику, направленную на обеспечение мира во всем мире.

Корейская Народно-Демократическая Республика предлагает объявить Корейский полуостров зоной, свободной от ядерного оружия, после вывода американских войск из Южной Кореи. Это ознаменовало бы наступление прочного

мира на территории Кореи и упразднило бы важнейшее препятствие на пути мирного воссоединения страны.

Коммунистическая партия и правительство Монголии выразили готовность пойти навстречу мирным инициативам, позволяющим установить новые и справедливые отношения между государствами региона, и предложили заключить договор о ненападении и неприменении силы.

В настоящее время в регионе есть политические силы, выступающие за разрядку напряженности и за начало нового этапа в процессе, направленном на достижение мира в АТР.

На недавно прошедшей международной встрече по обмену мнениями о проблемах современного мира Ф. Кастро отметил: «Здесь мы только подтверждаем, что для нас главной предпосылкой является мир и что этот мир тесно связан с развитием. Представлять себе развитие без мира и разоружения невозможно, а думать о мире без развития было бы нереалистично... Но тут важно отметить, каким должен быть наш мир в условиях сосуществования между двумя противоречивыми общественными системами, как мы сможем создать его на базе нынешнего мира, для которого характерны неравномерное развитие и нетерпимая слаборазвитость... Мы, защитники социализма как будущего человечества, должны участвовать в этой битве, которая пока еще является не непосредственной битвой за социализм, а битвой за лучший мир, свободный от нищеты и угнетения, битвой сотен миллионов людей, которые должны либо убедить неокOLONIALISTОВ в том, что требуются перемены, либо нанести поражение их политике в результате борьбы народов».

В последние годы можно отметить тенденции, направленные на урегулирование конфликтов на основе переговоров, которые крепнут, хотя и медленным темпом. В осуществлении этих целей неоспорима роль Советского Союза.

В дни 70-й годовщины победы Великой Октябрьской революции в мире происходят важнейшие преобразования. Проясняются перспективы борьбы народов за мир и развитие. Как отметил Ф. Кастро, выступая на XXV съезде КПСС: «Нынешней степенью обеспечения мира, громадной привилегией, которую получили новые поколения человечества, избежав участи быть втянутыми в пламя катастрофического мирового пожара, надеждой на будущее, в котором утвердятся сотрудничество всех государств,— всем этим народы обязаны прежде всего победе ленинских идей...»

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 9.

² Там же, т. 45, с. 370.

³ Там же, т. 45, с. 26.

⁴ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986, с. 84—85.

⁵ Хо Ши Мин. Избранные произведения. Ханой. 1980, т. II, с. 465.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, с. 213.

⁷ Там же, т. 41, с. 246.

⁸ Там же, т. 30, с. 123.

⁹ Там же, т. 43, с. 198.

¹⁰ Хо Ши Мин. О независимости, свободе и социализме. Ханой. 1970, с. 58 (на вьет. яз.).

Разработка в Китае концепции «социалистического товарного хозяйства»

---

*В. Я. ПОРТЯКОВ,
кандидат исторических наук*

Китайская экономическая наука постоянно уделяла большое внимание исследованию проблем товарного производства и товарного обмена при социализме как одному из основных и наиболее сложных вопросов теории и практики социалистического строительства. В период до начала «культурной революции», то есть за 1949—1966 гг., в научной печати КНР было опубликовано около 500 статей по данной тематике¹. После смерти Мао Цзэдуна и отстранения от власти «четверки» прерванное на десятилетие конструктивное обсуждение проблем товарно-денежных отношений при социализме возобновилось и по мере углубления хозяйственной реформы в стране постепенно набирало силу.

В 1977—1978 гг. усилия китайских ученых-экономистов были направлены главным образом на критику насаждавшихся «четверкой» левацких воззрений по проблемам товарного производства при социализме, в частности тезиса о том, что оно «неизбежно рождает капитализм», ведет к появлению в стране «новых буржуазных элементов».

Диапазон исследований существенно расширился с выдвижением 3-м пленумом ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.) курса на «раскрепощение сознания». В 1979—1981 гг. широкое признание получила характеристика социализма как товарного хозяйства, пропагандировалось положение о единстве планового хозяйства и товарного хозяйства, равным образом относящихся к основным особенностям социалистической экономики. В публиковавшемся в газете «Еженедельник экономической науки» «Популярном учебнике социалистического экономического строительства» под редакцией Юй Гуанъюаня констатировалось, что «основное содержание экономического строя социализма составляют общественная собственность на средства производства, распределение по труду и социалистическое товарное производство»². Различные аспекты концепции социалистического товарного хозяйства разрабатывались в работах Чжо Цзюна, который первым в Китае еще в начале 60-х гг. ввел в научный оборот этот термин³, Лю Минфу, Линь Цзыли, Сунь Шанцина, Хэ Цзяньчжана, Чжан Чжоюаня.

Период 1982—1983 гг. ознаменовался контрастованием оппонентов концепции социалистического товарного хозяйства. Типичным для противников понимания социализма как планового товарного хозяйства был тот довод, что подобное суждение «означает сведение плановости социалистического хозяйства до уровня всего лишь приписка товарного хозяйства» и ведет на практике к главенству рыночного регулирования в управлении народным хозяйством. Взамен предлагалась формула: «Плановое хозяйство с наличием товарных от-

ношений»⁴. Как писал позднее Сяо Лян, «вновь распространились такие взгляды: движение от натурального хозяйства к товарному, а от него к плановому представляет собой три этапа общественного развития; с заменой капитализма социализмом социалистическое плановое хозяйство заменяет капиталистическое товарное хозяйство; основной особенностью социалистической экономики может быть лишь плановое хозяйство; нельзя использовать одновременно или смешивать воедино понятия «социалистическое товарное хозяйство» и «социалистическое плановое хозяйство»... если плановое хозяйство рассматривать как товарное хозяйство, то ни о каком социализме говорить не приходится»⁵. Причины данного «попятного движения» при обсуждении в КНР проблем товарно-денежных отношений при социализме, на наш взгляд, вполне очевидны. Дело в том, что расширение хозяйственной самостоятельности предприятий в стране, усиление воздействия рыночного спроса на производство привели в условиях отсутствия адекватного эффективного макроконтроля к ряду негативных явлений в народном хозяйстве, в том числе к возникновению массы дублирующих производств, растягиванию фронта капитального строительства и т. п. По мнению некоторых ученых, «действия предприятий... наносившие ущерб интересам государства и потребителей... очевидно, связаны с пропагандой теории концепции социалистического товарного хозяйства»⁶.

Новый толчок углубленной разработке концепции социалистического товарного хозяйства дало «Постановление ЦК КПК о реформе хозяйственной системы», принятое 3-м пленумом ЦК КПК 12-го созыва (октябрь 1984 г.). В постановлении отмечалось, что «необходимо отказаться от традиционного представления, противопоставляющего плановое хозяйство товарному, и ясно понять, что социалистическое плановое хозяйство обязано сознательно опираться на закон стоимости и применять его, что оно является плановым товарным хозяйством, основанным на общественной собственности на средства производства. Полное развитие товарного хозяйства является неминуемым этапом развития общественного хозяйства, необходимым условием модернизации нашей экономики»⁸. Таким образом, концепция социалистического товарного хозяйства была не только официально признана на уровне партийного и государственного руководства страны, но и стала олицетворять собой коренные теоретические основы хозяйственной реформы в КНР. По сути дела, все основные направления реформы, намеченные на седьмую пятилетку (1986—1990), логически вытекают из данной концепции. Эта ситуация предопределила расширение сферы исследования теоретических проблем товарно-денежных отношений. В частности, все более активно обсуждается ранее почти не затрагивавшийся вопрос о механизме функционирования социалистического товарного хозяйства⁹. В центре внимания китайских ученых-экономистов находятся и такие вопросы, как причины существования товарного хозяйства при социализме, историческое место, роль и особенности, сфера распространения социалистического товарного хозяйства (проблема товарности или нетоварности средств производства, рабочей силы, природных ресурсов и т. п.). По всем этим проблемам в КНР по-прежнему существует весьма широкий спектр суждений и точек зрения, что еще раз показала состоявшаяся 19—23 августа 1986 г. в городе Тайюань крупная научная конференция по теории социалистического товарного хозяйства.

Немало различных мнений высказывается относительно причин существования товарного хозяйства при социализме.

В методологическом плане имеет место спор между сторонниками «монистической» теории причины существования социалистического товарного хозяйства и теми, кто выводит его из двух причин или более.

Типично монистическим является подход Чжо Цзюна, видящего причину

существования любого товарного хозяйства в общественном разделении труда. По его словам, характер собственности на средства производства может определять лишь особенности товарного хозяйства, но не причину его существования¹⁰.

Подход Ма Хуна и Хэ Цзяньчжана, напротив, отличается дуализмом. По их мнению, общественное разделение труда выступает базой, предпосылкой товарного хозяйства, а существование имеющих самостоятельные экономические интересы хозяйственных субъектов (Ма Хун) или же принадлежность средств производства и продуктов труда различным собственникам (Хэ Цзяньчжан) — условием товарного хозяйства. «Можно сказать,— пишет Ма Хун,— что если единство коренных интересов трудящихся, которое несет с собой общественная собственность на средства производства, есть объективная основа планового хозяйства, то различия материальных интересов людей есть непосредственная причина того, что социалистической экономике имманентно присущи черты товарного хозяйства»¹¹. Логически близкую позицию занимает и Хэ Цзяньчжан с той лишь разницей, что различие интересов предприятий общенародной собственности он доводит до их «права собственности на свой продукт»¹².

Позиция Ма Хуна была подвергнута критике в статье Ху Пэйчжао на том основании, что в данном случае «товарное хозяйство и плановое хозяйство рассматриваются как два различных явления, обусловленные двумя различными причинами».

Нельзя считать, что с «единством коренных интересов трудящихся» связана лишь планомерность, а товарность с этим «единством» не связана — ведь необходимость всемерного развития товарного производства в социалистическом обществе диктуется коренными интересами народа. С другой стороны, планирование должно учитывать не только единство, но и различие интересов производителей, соединяя в себе централизм и гибкость. Как считает Ху, корни существования планового товарного хозяйства надлежит искать в особенностях общественной собственности на средства производства, созданной на базе неразвитых производительных сил. Единственным путем разрешения противоречия между возможностью планового распределения совокупного общественного труда и невозможностью прямого учета общественного труда является сознательное использование рынка, закона стоимости. Это — коренная причина того, что плановое хозяйство принимает товарную форму¹³.

Существенный интерес представляют взгляды тех китайских ученых-экономистов, которые считают недостаточным искать причины существования социалистического товарного хозяйства только в общественном разделении труда и тех или иных особенностях собственности (Лян Чжунтан) или «существовании хозяйственных субъектов, имеющих несовпадающие экономические интересы» (Лю Бинсин). По мнению Лю Бинсина, помимо этих, наиболее общих, существует и множество других объективных условий, необходимых для развития товарного хозяйства. Среди экономических условий следует назвать развитую систему общественного разделения труда, высокую степень обобществления производительных сил, наличие «плотной» сети обращения и обширного менового рынка. Важное значение имеет и такой момент, как «уровень понимания внутренних закономерностей движения товарного хозяйства классом, занимающим господствующее положение в обществе». Лю Бинсин призывает заимствовать метод исследования товарного хозяйства, применявшийся К. Марксом и Ф. Энгельсом, то есть исследовать его не изолированно, а конкретно-исторически, в связи с различными социальными условиями, обращая внимание не только на внутренние закономерности движения товарного хозяйства, но и на ограничительную роль по отношению к нему спо-

собов производства, обмена, распределения, потребления¹⁴. Лян Чжуитан акцентирует внимание на том обстоятельстве, что социалистическое товарное хозяйство есть «продолжение исторического товарного хозяйства, результат развития товарного производства на протяжении тысячелетий», следовательно, предпосылки и условия его существования должны быть социально-историческими, многообразными, включающими даже роль надстройки, психологического фактора и т. п.¹⁵

Итоги обсуждения вопроса о причинах существования социалистического товарного хозяйства на конференции в Тайюани позволили, с учетом ранее высказанных мнений, выделить три основные группы точек зрения по данной проблеме, внутри каждой из которых существуют свои нюансы.

Это, во-первых, поиск причины существования социалистического товарного хозяйства с «угла собственности»; во-вторых, вывод неизбежности его существования из различия интересов и, в-третьих, увязка существования товарного хозяйства с определяющим воздействием производительных сил¹⁶.

Так, Хэ Вэй полагает возможным возникновение полного товарного хозяйства только с утверждением — в результате поэтапной реформы государственной собственности — собственности предприятий. Это будет новая форма общественной собственности, отличная от коллективной. Ряд ученых, например Хань Чжиго, видит причину существования социалистического товарного хозяйства в личной собственности работника на свою рабочую силу. Такой подход, по их мнению, позволяет объяснить наличие конкуренции не только между предприятиями, но и между отдельными трудящимися, а также объяснить рождение рыночных сигналов и рыночного механизма¹⁷.

Многие ученые во главу угла ставят особенности труда при социализме или, в иной вариации, особенности соединения трудящихся со средствами производства.

Корень вопроса, как считает Юй Цзуюо, в том, что при существующем уровне развития производительных сил труд не является непосредственно общественным, противоречие между отдельным, частным трудом и общественным трудом сохраняется. Коль скоро отсутствуют экономические условия для соединения труда и собственности, осуществления единого хозрасчета в рамках всего общества, то иные, помимо товарно-денежных, способы производства и обмена не могут быть общепринятыми. Поэтому товарный обмен становится основной формой обмена трудом между различными коллективами, которые в свою очередь осуществляют соединение труда и права собственности в различных сферах, на разных уровнях и становятся относительно самостоятельными товаропроизводителями, или организациями товарного хозяйства, обладающими специфическими собственными правами и интересами. При этом Юй Цзуюо, как и другие китайские ученые, апеллирует к положению К. Маркса о том, что непосредственно общественный труд выражается в рабочем времени, а его продуктом является потребительная стоимость. Если же данные качества у труда отсутствуют, то он представляет собой «косвенный» общественный труд, выражающий себя только через обмен, в стоимости и потребительной стоимости¹⁸.

Заметим, что ряд ученых предпочитает оперировать менее категоричной формулой, оценивая социалистический труд как «не полностью непосредственно общественный». По мнению Чжан Чжоюаня, социалистическая практика доказала неосуществимость прогноза К. Маркса и Ф. Энгельса о непосредственно общественном с самого начала характере труда в социалистическом обществе, — прогноза, который был связан с предположением об отсутствии товарных отношений при социализме. Что касается весьма широко распространенной среди ученых точки зрения о непосредственно общественном характере

труда в условиях социалистической общественной собственности, то оно, считает Чжан Чжоюань, тесно связано с особенностями функционирования хозяйственного механизма, сформировавшегося под влиянием «теории натурального хозяйства», когда отрицались и положение предприятий как относительно независимых товаропроизводителей, и необходимость тесной увязки материальных интересов рабочих и служащих с результатами деятельности предприятий. В такой ситуации вполне естественно было считать, что коль скоро весь произведенный предприятиями продукт забирает государство, существуют централизованные закупки и сбыт, общая ответственность за прибыли и убытки, коль скоро продукт не продается, то частному труду совсем или почти не надо превращаться в общественный труд, хозяйственные убытки предприятия не влияют на материальные интересы предприятия и занятых на нем рабочих и служащих, а поэтому «труд внешне и на деле выглядел с самого начала как непосредственно общественный». Однако, подчеркивает Чжан Чжоюань, этот механизм не полностью соответствовал законам развития социалистической экономики. По мнению Чжана, социалистический труд — это труд объединенный, но еще незрелый, неполный. Поэтому он, с одной стороны, является общественным трудом, сознательно планируемым и организуемым обществом, а с другой стороны, является и «отдельным» трудом, который должен проходить общественную проверку на рынке¹⁹.

Ван Цзюэ и У Чжэнькунь делают упор на том факте, что «труд все еще остается средством жизни», следовательно, требуется вознаграждение за труд, которое и формирует материальный интерес индивида. Этот интерес проявляется в отношениях не только между отдельными трудящимися, но и между предприятиями общенародной собственности, поскольку каждое предприятие является коллективом трудящихся. Ввиду многообразия и качественного различия труда, затраченного в процессе производства и хозяйствования на том или ином предприятии, материальные интересы предприятий как коллективов трудящихся не могут измеряться и выражаться непосредственно в рабочем времени, они должны выражаться и измеряться в опосредованной, т. е. стоимостной, форме. Поэтому продукт, произведенный предприятиями, неизбежно принимает товарно-стоимостную форму²⁰.

Заслуживает внимания стоящая особняком позиция Ся Сяолиня, обратившегося к суждениям К. Маркса об условиях отмирания товарного хозяйства, предопределенных состоянием производительных сил. К. Маркс, пишет Ся Сяолинь, полагал, что технический прогресс приведет к подразделению развития системы машин на два этапа: этап до автоматизации и этап автоматизации. На втором этапе может существенно сократиться живой труд в процессе непосредственного производства, сократится и субстанция стоимости — рабочее время, труд в непосредственной форме уже больше не будет решающим источником богатства, меновая стоимость больше не будет выражать меру стоимости. Это — конец производства, базирующегося на меновой стоимости. Свободное время заменит рабочее время в качестве меры общественного богатства, что является важным критерием бестоварного общества. Изменяются формы связи и обмена между людьми, исчезнет способ реализации интересов субъектов труда, возникший с разделением труда на базе рабочего времени, а именно: определение деятельности субъекта в соответствии с принципами товарообмена и эквивалентного обмена. Пока же рабочее время является мерой богатства, то не только сам труд находится на низшем этапе, но и выражаемое им богатство находится на низкой ступени изобилия. С точки зрения этих критериев уровень развития производительных сил в Китае низок прежде всего потому, что система машин еще находится на первом этапе развития. То есть, заключает Ся Сяолинь, товарность общественной формы

социалистической экономики predetermined уровнем развития производительных сил, и эта реальность сохранится на длительное историческое время²¹.

Анализируя историческое место социалистического товарного хозяйства, китайские ученые практически единодушно исходят из того, что развитие товарного хозяйства есть «неизбежный этап исторического процесса», «всеобщая закономерность прогресса человечества»²². Вместе с тем часть из них считает социализм высшим и последним этапом развития товарного хозяйства, другие придерживаются представления о социализме как последнем, но не высшем этапе товарного хозяйства, наконец, третьи полагают, что социализм может быть высшим этапом товарного хозяйства²³.

Весьма оживленный характер носила полемика по вопросу о том, чему противостоит концепция социалистического товарного хозяйства — «теории натурального хозяйства» или же «теории продуктообменного хозяйства», говоря иначе, что именно служило теоретической основой дореформенной хозяйственной системы КНР. Данная проблема имеет несомненную практическую значимость, поскольку, как считают китайские ученые, позволяет «нащупать главное противоречие реформы, дать ответ, с чего же именно начинать реформу застывшей модели хозяйственного механизма»²⁴.

Сотрудник канцелярии по хозяйственной реформе провинции Гуандун Ван Чжо в ряде работ²⁵ отстаивал ту точку зрения, что многие недостатки дореформенного хозяйственного механизма в КНР были обусловлены попыткой преждевременного внедрения прогнозирувавшегося классиками марксизма бестоварного, или «продуктообменного», хозяйства. По его мнению, теоретической основой левацких тенденций в экономической работе в Китае, однозначно нацеленных на «изгнание» товарного хозяйства, служила теория непосредственно общественного труда, непосредственно общественного продукта и теория (да и практика) прямого распределения продукта. Ван Чжо, признавая существование в обществе идей самообеспечения, свойственных натуральному хозяйству, тем не менее подчеркивал, что вожди пролетариата никогда не выдвигали теории или политики развития при социализме натурального хозяйства. Попыткой создания модели натурального хозяйства на базе общественной собственности была, по его мнению, практика государства тайпинов.

Точка зрения Ван Чжо вызвала дискуссию сразу по нескольким направлениям. Во-первых, встал вопрос о взглядах классиков марксизма относительно условий отмирания товарного производства, их соотношения с практикой экономического строительства в Китае. Во-вторых, была предпринята попытка доказать, что недостатки прежнего хозяйственного механизма страны на деле порождены неразвитостью Китая и обусловленной ею «теорией натурального хозяйства».

Постепенно возобладало мнение, что сформировавшаяся в Китае «теория продуктообменного хозяйства» базируется не на самом наследии классиков марксизма, а на его догматическом толковании²⁶. Так, по мнению Юй Цзюя, «теория продуктообменного хозяйства» в ее «китайском варианте» никоим образом не может отождествляться с теорией планового хозяйства марксизма, она есть «переиздание теории натурального хозяйства в новых исторических условиях». Если Маркс говорил об отмирании товарного хозяйства в определенных материальных условиях, которые являются естественным продуктом длительного сложного исторического развития, то теория «продуктообменного хозяйства» полагает необходимым ограничивать и ликвидировать товарное хозяйство в условиях, когда состояние производительных сил требует его всемерного развития. Классики марксизма строго разграничивали общественное разделение труда и разделение труда внутри фабрики, а «теория продуктообменного хозяйства» смешивает их воедино, и даже метод централизованных

закупок и распределения продукции, неизбежный в условиях нехватки материальных ресурсов, выдает за критерий «продуктивности» экономики. Классики, декларирует Юй Цзюяо, не сводили планирование к директивному планированию, считали, что принцип обмена эквивалентным трудом и в новом обществе будет регулировать отношения между ним и индивидуумами, называли закон экономии времени и пропорционального распределения рабочего времени первым законом коллективного производства. Напротив, «теория продуктообменного хозяйства» отстаивает главенство директивного планирования и расширение его сферы вслед за повышением степени обобществления производства. Она отрицает принцип эквивалентного обмена, регулирующую роль закона стоимости, игнорирует экономическую эффективность, роль и значение прибыли²⁷.

Как считает Лю Гогунан, на реальную хозяйственную жизнь негативное воздействие оказала «теория натурального хозяйства», то есть подход к социалистической экономике как к «натуральному хозяйству, первобытному коммунизму, в котором отсутствуют понятия абстрактного труда, стоимости, цены, денег и т. п.». Однако в теории здесь была навешена вывеска «бестоварной экономики», и немало людей по-настоящему полагало, что они, действительно, действуют в соответствии со взглядами классиков марксизма. Практически же они осознанно или неосознанно рассматривали социалистическое общество как родовую экономику первобытного общества с той лишь разницей, что «единый централизованный плановый орган заменил главу первобытного рода». Закавыченные места в тексте заимствованы Лю Гогунаном у Сунь Ефана, впервые в КНР, еще в 1964 г., давшего критическую характеристику «теории натурального хозяйства». Лю Гогунан объясняет «естественное смешение представлений о плановом и натуральном хозяйстве» в таких странах, как Китай, господством там до революции мелкокрестьянского хозяйства и феодализма, глубоким укоренением идей натурального хозяйства и, как следствие, неизбежным объяснением и восприятием ряда суждений Маркса и Энгельса о будущем социалистическом обществе сквозь «призму традиционных для этого мира понятий и психологий»²⁸.

В рамках обсуждения вопроса о сущности и особенностях социалистического товарного хозяйства китайские ученые анализируют его отличие от товарного хозяйства, основанного на частной собственности²⁹, особенности категории «товар» в социалистическом обществе³⁰. Наибольшее же внимание уделяется проблеме соотношения и взаимосвязи планомерности и товарности в едином «плановом товарном хозяйстве». Здесь можно выделить следующие основные позиции³¹.

Это, во-первых, «теория дополнения», согласно которой социалистическая экономика есть плановое товарное хозяйство постольку, поскольку при данном невысоком уровне развития производительных сил в обществе еще не может функционировать «чистое» плановое хозяйство, еще необходимо сохранить и развивать товарное хозяйство в качестве дополнения к плановому хозяйству. Для сторонников этой точки зрения характерен акцент на главенство планомерности по сравнению с товарностью, подчеркивание того обстоятельства, что «товарное хозяйство как таковое не имеет социалистической сущности»³². Показательна позиция Сунь Сюэвэня, считающего, что «производственные отношения, воплощенные в плановом хозяйстве, есть главное в социалистических производственных отношениях, являются их сущностным отражением, а товарное хозяйство воплощает «второстепенное», отражает не сущность, а свойства»³³. Во-вторых, это «теория перехода», то есть подход к товарному хозяйству при социализме как к неизбежному «родимому пятну» старого общества (заметим, что конкретно кто-либо из китайских ученых в последние годы подобных суждений в открытой печати не высказывал). В-третьих,

«теория факторов», когда плановое хозяйство и товарное хозяйство рассматриваются как два различных аспекта социалистических производственных отношений. Первое отражает способ регулирования общественного производства, а второе — способ обмена трудом, отношения людей в процессе производства и их отношения с произведенным продуктом. То есть плановое хозяйство и товарное хозяйство — это не односущностные явления, у них разный «объект» применения, но при определенных условиях возможно единство между ними. Такие экономические условия для их объединения как раз и существуют в социалистическом обществе, поэтому оно и есть плановое товарное хозяйство. В-четвертых, назовем «теорию основы», при которой товарное хозяйство рассматривается как сущность, основа, стержневой пункт движения социалистической экономики. По мнению Юй Цзюяо, при социализме товарно-денежные отношения являются основными общественными производственными отношениями, занимают доминирующее место. Ни плановое регулирование общественного труда, ни распределение по труду, ни единство коренных интересов людей не могут «отринуть» эту основную черту социалистической экономики. Юй Цзюяо полагает, что те формы распределения, обмена и потребления, которые противоречат товарному производству, рано или поздно заменяются адекватными ему формами³¹. В-пятых, плановое хозяйство рассматривается как специфическая для социализма форма управления товарным хозяйством. На конференции в Тайюани данное положение было оспорено: ряд ученых считает, что плановое хозяйство, будучи методом макроэкономического управления, есть не специфика социализма, а продукт развития крупного обобществленного производства, оно не имеет «обязательной связи» с формой собственности. В свою очередь эта точка зрения также подверглась критике. По мнению оппонентов, отрицание определяющего воздействия отношений общественной собственности на способ макроэкономического регулирования равнозначно отрицанию неизбежности замены капитализма социализмом³⁵.

Важным аспектом разработки концепции социалистического товарного хозяйства явились дискуссии по вопросу о товарности или нетоварности при социализме средств производства, рабочей силы, природных ресурсов.

В последние годы была всерьез поколеблена почти общепринятая когда-то точка зрения о нетоварном характере средств производства, распределяемых «внутри» экономики общенародной собственности. Как известно, этой позиции до конца своих дней был привержен Сунь Ефан, считавший, что обмен средствами производства между государственными предприятиями есть не товарообмен, а продуктообмен, поскольку здесь не происходит переноса права собственности — средства производства как были, так и остаются в государственной собственности. Как правило, при критике подобных суждений китайские ученые-экономисты апеллируют к идее хозрасчета, самокупаемости предприятий, предопределяющей необходимость применения в отношениях между ними принципа эквивалентного обмена, то есть принципа товарного хозяйства. Другим аргументом выступает широко распространенное в китайской экономической науке положение о необходимости разграничивать право собственности, с одной стороны, и право распоряжения и использования — с другой. В случае с обменом средствами производства отношения собственности в юридическом смысле не меняются, но меняются фактические права распоряжения и использования³⁶.

Хотя не все согласны с подобной аргументацией³⁷, тем не менее положение о товарном характере средств производства внутри общенародной собственности постепенно становится господствующим в КНР, реально воздействуя на реформу системы материально-технического снабжения в стране.

Появились попытки оспорить традиционную точку зрения, согласно которой «природные ресурсы являются собственностью государства или коллектива, не могут продаваться или покупаться, сдаваться в аренду и, естественно, не являются товаром». Как считает Шэнь Лижэнь, безвозмездное использование ресурсов, обусловленное их «нетоварностью», не благоприятствует их разработке и рациональному использованию. По его мнению, в ходе хозяйственной реформы товарность некоторых видов природных ресурсов становится все более явной — так, при создании предприятий с участием иностранного капитала земля и рудные ресурсы оцениваются и включаются в пай китайской стороны, в деревне имеет место закрепление за дворами не только земли, но и гор, лесов, воды. Шэнь Лижэнь полагает, что существуют объективные причины «товаризации» природных ресурсов, такие, как редкость и невозобновляемость некоторых из них, в том числе земли и полезных ископаемых; растущая — с вложением средств, живого и овеществленного труда — стоимость природных ресурсов, которые теперь в отличие от первобытного общества обладают не только природной потребительной стоимостью, но и общественной стоимостью и потребительной стоимостью; наконец, рентность, различие в качестве природных ресурсов. Без включения природных ресурсов как одного из факторов производства в систему рынка роль рыночного механизма была бы неполной. Правда, оговаривается Шэнь Лижэнь, при социализме такой рынок должен быть ограниченным, поскольку «переносу» подлежало бы не право собственности на природные ресурсы, а право хозяйствования, распоряжения и использования. Этот рынок мог бы функционировать в виде торгов на разработку полезных ископаемых, а также путем развития кооперации, акционерных и паевых начал при использовании природных ресурсов³⁸.

Все более оживленной становится полемика по вопросу о товарности или нетоварности рабочей силы при социализме. Часть ученых придерживается здесь традиционной отрицательной точки зрения. Так, по мнению Вэй Синхуа, признание рабочей силы товаром искажает сущность экономических отношений при социализме, означает отрицание принципа распределения по труду. Известно, что стоимость товара рабочая сила определяется до процесса труда, тогда как доход от распределения по труду зависит от результата труда, его размер должен определяться после процесса труда. Вэй Синхуа выступает и против тезиса о личной или частной собственности трудящихся на свою рабочую силу, так как, считает он, понятие личной собственности на рабочую силу есть понятие биологическое, а не экономическое, в экономическом же смысле вопрос о собственности на рабочую силу возникает только в том случае, если она поступает на рынок для продажи³⁹.

Дань Юнтан, напротив, полагает, что при социализме по-прежнему существуют условия превращения рабочей силы в товар. Это личная свобода трудящегося, позволяющая ему продавать рабочую силу в качестве товара, и отсутствие другой собственности, кроме рабочей силы, вынуждающая трудящегося продавать свою рабочую силу. Общее владение средствами производства не дает трудящемуся права на самостоятельную продажу какого-либо продукта, произведенного с использованием этих средств. Возникает вроде бы парадоксальное явление — «продажа себе самому своих вещей», — но оно естественно предопределено различием интересов государства, предприятий, индивидуумов⁴⁰.

Чжуан Хунсян видит два условия товаризации рабочей силы при социализме: трудящийся владеет средствами производства и продуктом, произведенным с их помощью, не в одиночку, а в составе коллектива трудящихся; обмен трудом между трудящимися осуществляется на принципах эквивалентности. Положение трудящегося в социалистическом обществе двоякое: как индивид он

является продавцом своей рабочей силы, а как член коллектива, образованного путем объединения трудящихся, он одновременно является и покупателем рабочей силы. По мнению Чжуан Хунсяна, превращение рабочей силы в товар диктуется требованиями объективных экономических законов, прежде всего требованиями законов развития товарного хозяйства. Без двух «свобод» — свободы выбора предприятиями работников и свободы выбора трудящимися предприятия, то есть места работы, — нет настоящего товарного хозяйства, не приходится говорить о подлинной самостоятельности предприятий, конкуренции между ними⁴¹.

Несколько особняком стоит мнение Дун Фужэна, считающего, что товарность или нетоварность рабочей силы определяется характером применяемой системы труда. При контрактной системе труда рабочая сила — товар, так как здесь она поступает в общественное потребление через обмен, который без согласия обеих сторон не происходит. Дун Фужэн полагает, что в Китае часть рабочей силы не является товаром. Это — рабочая сила крестьян, работающих на подрядных участках, рабочая сила рабочих и служащих государственных предприятий, набранных и распределенных в централизованном порядке. Товаром является рабочая сила контрактных рабочих государственных и коллективных предприятий, трудящихся, получающих зарплату в частных хозяйствах, индивидуальных трудящихся, продающих продукцию или услуги. При этом контрактная система труда расширяет свою сферу, в будущем она заменит централизованное распределение рабочей силы⁴².

Все более активно обсуждается в КНР вопрос о механизме функционирования социалистического товарного хозяйства. В период непосредственно после 3-го пленума ЦК КПК 12-го созыва он ставился в самом общем виде. Так, Ван Цзюэ, обращаясь к «Постановлению ЦК КПК о реформе хозяйственной системы», декларировал, что, согласно этому документу, в социалистической плановой экономике необходимо сознательно использовать закон стоимости, а его роль может проявляться только через рынок, то есть социалистическое плановое регулирование должно быть плановым рыночным регулированием. При этом Ван Цзюэ констатировал различие в двух способах регулирования (плановом и рыночном), однако подчеркивал, что это различие — различие на единой базе, так как плановое регулирование в отрыве от объективной основы в виде отношений спроса и предложения на рынке утрачивает ориентиры для правильного определения и осуществления плана, а рыночное регулирование в случае отрыва от контроля со стороны государственного плана может привести к слепой конкуренции и анархии⁴³. Сходную мысль высказывал и Чжан Чжоюань. По его мнению, роль закона стоимости может быть сведена к двум сторонам — экономии труда и пропорциональному распределению труда (по отраслям общественного производства). В основном на общественной стоимости при товарном хозяйстве закон стоимости может использоваться людьми сознательно, цель экономии труда и его пропорционального распределения достигается через плановое регулирование, следовательно, роль закона стоимости не противоречит роли экономических законов социализма как планового хозяйства, а едина с их ролью. Как считает Чжан Чжоюань, социалистический рынок может планово регулироваться государством. Будь то рынок товаров, услуг, капиталов, техники, информации — везде государство должно осуществлять плановое руководство, ставить рыночную деятельность в определенные рамки, используя экономические, административные, юридические рычаги⁴⁴.

Примерно в таком же ключе строил свои рассуждения Ван Чжипин, декларировавший, что механизм функционирования «общественно-товарного хозяйства» есть механизм выявления роли всех присущих ему законов, взятых

во взаимосвязи. Помимо общих законов товарного производства, сюда входят и законы, связанные с социалистическими производственными отношениями.

Ван Чжипин в качестве относительно самостоятельных элементов функционирования социалистического товарного хозяйства выделял механизм рынка, механизм цен и механизм конкуренции. По его мнению, при социализме они обладают существенной спецификой по сравнению с аналогичными механизмами капиталистического товарного хозяйства. Так, рыночный механизм «общественно-товарного хозяйства» есть такой рыночный механизм, который соединяет высокую степень выбора и конкуренции с высокой степенью направляемости и экономической рациональности. Базой системы цен является плановая цена производства, отличающаяся от стихийно формирующейся на рынке цены производства. Конкуренция при социализме, считает Ван Чжипин, не может иметь столь огромной разрушительной силы, неизбежных негативных последствий, как при капитализме. Вместе с тем здоровая конкуренция необходима, для ее развития следует бороться с монополизацией, как региональной, так и отраслевой⁴⁵.

В дальнейшем вопросы об особенностях функционирования социалистического рынка, проблема движения социалистического товарного хозяйства на макро- и микроуровнях начали обсуждаться более детально, появились и достаточно существенные различия во мнениях. В частности, стала высказываться точка зрения, что, коль скоро Китай находится на начальном этапе социализма, то нельзя иметь лишь планомерно функционирующий рыночный механизм, нужен и охватывающий какую-то часть рынка полностью стихийный рыночный механизм.

На конференции в Тайюани большинство участников солидаризировались со следующей обобщенной формулой способа движения экономики в Китае: государство направляет рынок, рынок регулирует деятельность предприятий. Вместе с тем по вопросу о том, каким именно образом государство руководит рынком, были высказаны три точки зрения. Согласно первой, главным является плановый контроль, то есть государство устанавливает предприятию различные плановые показатели и дополняет их необходимыми экономическими рычагами, способствующими выполнению плана. При этом подчеркивается, что план устанавливается в соответствии с потребностями рынка. Вторая точка зрения: государство контролирует главным образом экономические рычаги, «сигналы» рынка, через которые и осуществляется воздействие на экономическую деятельность предприятий. Тем самым достигается единство общественных целей и эффективности с целями и эффективностью на микроуровне. Согласно третьей точке зрения, государство контролирует только параметры рынка (например, процентные ставки по вкладам, векселям и т. п.) и использует рыночные рычаги, включая фактор риска, конкуренцию, динамику спроса и предложения для воздействия на предприятия⁴⁶.

Часть китайских ученых-экономистов придает решающее значение созданию «эффективного рынка», рационализации деятельности предприятий, то есть микроуровню экономики. В связи с этим декларируется необходимость разорвать «пууповину» между государством и предприятиями, планомерно использовать рыночное давление для придания действиям предприятий долгосрочного характера. Ставится задача формирования на уровне предприятий механизма «самоограничения, саморегулирования»⁴⁷. Другие же ставят на главное место проблему макрорегулирования экономики. Например, Ван Чжо полагает, что механизм движения социалистического товарного хозяйства есть «эффективно контролируемый на макроуровне рыночный механизм». Его особенность состоит в том, что он базируется на стоимостном макробалансе народного хозяйства. Регулирование общего спроса и предложения и изменений их структуры на

рынке осуществляется сознательно, с помощью директивных стоимостных показателей и экономических рычагов. Механизм макрорегулирования выполняет две основные функции: контроль за балансом при распределении национального дохода, призванный устранять инфляционный рост спроса и товарный дефицит, и регулирование пропорций, структуры производства, обеспечивающее соответствие структуры спроса и предложения. Соответственно из этой «целевой модели» механизма функционирования социалистического товарного хозяйства вытекают и такие задачи реформы, как отказ в основном от директивного планирования «натуры», создание и развитие фондового рынка, упрощение организационной структуры управления и т. п.⁴⁸

Таковы некоторые основные тенденции дискуссии в КНР по проблемам социалистического товарного хозяйства. Хозяйственная практика Китая, нередко опережающая в последние годы теоретическое осмысление тех или иных проблем, ставит перед китайскими учеными-экономистами все новые и новые вопросы, для ответа на многие из которых требуется дальнейшая разработка концепции социалистического товарного хозяйства. Эта работа, несомненно, будет продолжаться и со временем по идее, видимо, должна выйти по крайней мере на два принципиальных направления. Это, во-первых, изучение проблемы этапов развития социалистического товарного хозяйства с сопутствующим анализом особенностей адекватного тому или иному этапу функционирования низовых производителей, рынка, системы макроэкономического регулирования. Во-вторых, «встраивание» концепции социалистического товарного хозяйства в формирующуюся ныне более глобальную концепцию «начального этапа социализма», синхронизация задач развития товарного хозяйства с более общими целями совершенствования социалистического общества в КНР.

XIII съезд КПК (25 октября — 1 ноября 1987 г.) дал высокую оценку концепции социалистического товарного хозяйства, охарактеризовав ее в качестве основного теоретического обоснования реформы хозяйственной системы КНР. С постепенным формированием и отлаживанием на практике механизма функционирования социалистического планового товарного хозяйства, воплощающего в себе, как указывалось на съезде, «органическое единство планирования и рынка», связывается возможность сознательно обеспечивать гармоничное развитие народного хозяйства страны. Реализация этой возможности, как представляется, в немалой степени будет зависеть и от дальнейшего углубления теоретической разработки всего комплекса проблем социалистического товарного хозяйства.

¹ Подробный перечень основных публикаций периодики КНР по данной проблематике по годам за период 1950—1966 гг., а также за 1977—1978 гг. см. в сб.: Избранные статьи о товарном производстве и законе стоимости при социализме. Шанхай, 1979, ч. 2, с. 1244—1308.

² «Цзинцзисюэ чжоубао», 22.III.1982.

³ Термин «социалистическое товарное хозяйство» («шэхуэйчжун шаипинь цзинцзи») фигурирует, например, в статье Чжо Цзюна «О товарном хозяйстве», опубликованной впервые в журнале «Цзинцзи яньцзю», 1962, № 10. См. также Чжо Цзюнь. О социалистическом товарном хозяйстве. Гуанчжоу, 1981, с. 19.

⁴ См.: Лю Цзяньсин. Сомнения по поводу понятия «плановое товарное хозяйство». — «Цзинцзисюэ чжоубао», 7.VI.1972.

⁵ «Цзинцзисюэ вэньчжай», 1985, № 1, с. 5.

⁶ Кэ Чжи Ли Цзянь. В самом ли деле товар по-прежнему является клеточкой социалистической экономики. — «Цзинцзи вэньчжай», 1984, № 8, с. 36.

- ⁷ Пленум определил курс на широкое развертывание реформы в городе
- ⁸ Постановление ЦК КПК о реформе хозяйственной системы. Пекин, 1984, с. 17 (на русск. яз.).
- ⁹ См., например: Ли Ипин. Анализ движения социалистического товарного хозяйства.— «Чжунго шэхуэй кэсюэ», 1987, № 1, с. 11—31.
- ¹⁰ См.: «Шинцзи цзинцзи даобао», 25.V.1987.
- ¹¹ «Цзинцзи яньцзю», 1984, № 12, с. 6.
- ¹² См.: «Шэхуэй кэсюэ», 1984, № 11, с. 6.
- ¹³ См.: «Гуанмин жибао», 3.III.1985.
- ¹⁴ См.: «Цзинцзисюэ чжоубао», 10.III.1985.
- ¹⁵ См. там же, 14.IX.1986.
- ¹⁶ См. там же, 21.IX.1986.
- ¹⁷ См. там же, 14.IX.1986.
- ¹⁸ См.: «Цзинцзи яньцзю», 1984, № 11, с. 9—17; 1985, № 5, с. 46.
- ¹⁹ См.: «Цзинцзисюэ вэньчжай», 1985, № 2, с. 4—8.
- ²⁰ См.: «Жэньминь жибао», 25.I.1985.
- ²¹ См.: «Цзинцзисюэ чжоубао», 10.III.1985.
- ²² См.: «Жэньминь жибао», 14.XII.1984; 23.V.1986.
- ²³ См.: «Цаймао цзинцзи», Пекин, 1985, № 6, с. 59; «Цзинцзисюэ чжоубао», 11.II.1985; «Гуанмин жибао», 20.I.1985; 3, 10, 24.II.1985.
- ²⁴ «Цзинцзи яньцзю», 1985, № 8, с. 59.
- ²⁵ См.: «Наньфан цзинцзи», 1983, № 1; «Цзинцзи яньцзю», 1985, № 8; «Гуанмин жибао», 6.I.1985.
- ²⁶ См.: «Цзинцзисюэ чжоубао», 10.III.1985.
- ²⁷ См.: «Гуанмин жибао», 24.II.1985.
- ²⁸ См.: «Цзинцзи яньцзю», 1985, № 8, с. 64—67; «Чжунго шэхуэй кэсюэ», 1986, № 6, с. 3—26.
- ²⁹ См., например: Ван Чжипин. Вкратце об общественно-товарном хозяйстве.— «Шэхуэй кэсюэ», 1984, № 12, с. 6—9.
- ³⁰ См.: Ли Гуанъюань. Новое развитие понятия «товар».— «Хунци», Пекин, 1985, № 7, с. 19—23; Лю Гуанди. К вопросу об особенностях социалистического товара.— «Цзинцзи яньцзю», 1984, № 7, с. 37—42.
- ³¹ См.: «Цзинцзи яньцзю», 1985, № 5, с. 45—47; «Цзинцзисюэ чжоубао», 14.IV.1985; 21.IX.1986.
- ³² «Цзинцзисюэ чжоубао», 7.VII.1985.
- ³³ «Гуанмин жибао», 18.V.1985.
- ³⁴ См.: «Цзинцзи яньцзю», 1984, № 11, с. 12.
- ³⁵ См.: «Чжунго шэхуэй кэсюэ», 1986, № 6, с. 30—31.
- ³⁶ См.: «Цаймао цзинцзи», 1985, № 3, с. 41—44.
- ³⁷ См. там же, с. 45—50.
- ³⁸ См.: «Гуанмин жибао», 7.IX.1986.
- ³⁹ См.: там же, 27.IX.1986.
- ⁴⁰ См.: там же, 18.X.1986.
- ⁴¹ См.: там же, 7.IX.1986.
- ⁴² См.: там же, 4.X.1986.
- ⁴³ См.: там же, 25.XI.1984.
- ⁴⁴ См.: «Цзинцзисюэ вэньчжай», 1985, № 2, с. 6.
- ⁴⁵ См.: «Шэхуэй кэсюэ», Шанхай, 1984, № 12, с. 8; 9.
- ⁴⁶ См.: «Цзинцзисюэ чжоубао», 21.IX.1986.
- ⁴⁷ См.: «Жэньминь жибао», 3.X.1986.
- ⁴⁸ См.: «Цзинцзи яньцзю», 1985, № 11, с. 46—51.

Во имя взаимопонимания, дружбы и сотрудничества

(к 30-летию Общества советско-китайской дружбы)

Г. В. КУЛИКОВА,
ответственный секретарь ЦП ОСКД

Исполнилось 30 лет со дня создания Общества советско-китайской дружбы — первого в Советском Союзе общества дружбы с народами зарубежных стран.

Этот знаменательный юбилей в общественно-политической жизни нашей страны отмечался в канун 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции. В. И. Ленин и Великий Октябрь заложили основы революционной дружбы народов России и Китая.

Воспитанные партией в духе уважения и дружбы к великому китайскому народу, советские люди как в годы национально-освободительной революционной борьбы китайского народа, так и в годы его мирного строительства всегда были рядом с китайским народом. Советский Союз сделал все от него зависящее для оказания помощи и поддержки китайскому народу в его борьбе за победу народной революции, в деле создания основ социалистической экономики, защиты ее суверенитета и территориальной целостности, укрепления авторитета на международной арене.

Этот принципиальный курс КПСС и Советского государства всегда пользовался и пользуется единодушным одобрением и поддержкой советской общественности.

Проведение в Москве 29 октября 1957 г. учредительного собрания по созданию Общества советско-китайской дружбы (ОСКД) отражало давние симпатии советского народа к Китаю, его освободительной борьбе, говорило о стремлении и дальше идти вместе путем строительства новой жизни. «Создание Общества советско-китайской дружбы, — комментируя это событие, писала газета «Жэньминь жибао», — представляет собой новое звено во всестороннем сотрудничестве китайского и советского народов. Китайский народ искренне приветствует создание общества, приветствует его благородные цели и желает ему успехов в работе»¹.

Свою работу по развитию дружеских связей с общественностью Китая ОСКД проводило в тесном сотрудничестве с Обществом китайско-советской дружбы (ОКСД), созданным в Китае 5 октября 1949 г. и много сделавшим в первые годы по воспитанию китайского народа в духе дружбы с народами Советского Союза, его ознакомлению с жизнью нашей страны. Были установлены непосредственные контакты между отделениями ОСКД в республиках, краях, областях и городах Советского Союза и отделениями

ОСКД в провинциях и городах Китая, стороны активно обменивались делегациями, фото- и другими информационными материалами.

Руководствуясь неизменной и последовательной линией КПСС и Советского государства на сохранение дружественных отношений с китайским народом, ОСКД не прекращало свою работу и в период так называемой «культурной революции» в Китае, заявив на состоявшейся в Москве в январе 1969 г. II Всесоюзной конференции ОСКД, что считает своей главной задачей «содействии сохранению, укреплению и развитию братской дружбы и сотрудничества между народами наших стран, широкое ознакомление советской общественности с жизнью китайского народа, его историей и культурой».

Итоги этой деятельности были подведены на III Всесоюзной конференции общества, состоявшейся в Москве в феврале 1978 г. Конференция поставила задачу «продолжать работу по ознакомлению советской общественности с жизнью китайского народа, его историей и культурой...» и заявила также о том, что ОСКД готово к восстановлению контактов с ОСКД.

Эту нашу готовность к восстановлению контактов с китайскими партнерами мы вновь подтвердили в дни празднования в октябре 1982 г. 25-летия нашего общества.

Выступивший на юбилейном вечере в Москве, посвященном этой дате, посол КНР в СССР Ян Шоучжэн огласил приветственный адрес ОСКД в адрес нашего общества, отметив «благородную деятельность Общества советско-китайской дружбы, направленную на расширение взаимопонимания, укрепление дружбы и сотрудничества между советским и китайским народами»².

В феврале 1986 г. в Москве состоялся исторический XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Советские люди с удовлетворением восприняли прозвучавшие с трибуны съезда слова Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева об определенном улучшении взаимоотношений Советского Союза с нашим великим соседом — социалистическим Китаем. Готовность Советского Союза «в любое время, на любом уровне самым серьезным образом обсудить с Китаем вопросы о дополнительных мерах по созданию обстановки добрососедства» была подтверждена в выступлении М. С. Горбачева во Владивостоке в июле 1986 г.

Состоявшаяся в Москве 25 ноября 1986 г. IV Всесоюзная конференция ОСКД от имени советской общественности целиком и полностью поддержала и одобрила изложенный в докладе М. С. Горбачева на съезде принципиальный и последовательный курс КПСС и Советского государства, направленный на восстановление с КНР отношений дружбы, добрососедства и сотрудничества в интересах народов наших стран, дела мира и социализма.

К своей IV Всесоюзной конференции ОСКД пришло массовой и представительной общественной организацией. Отделения общества сегодня активно действуют в Москве и Ленинграде, Украинской, Белорусской, Казахской, Узбекской, Киргизской, Таджикской, Азербайджанской, Грузинской, Армянской, Латвийской союзных республиках, в Приморском и Хабаровском краях, Новосибирской, Иркутской, Читинской и Амурской областях, в ряде городов РСФСР.

В ходе отчетно-выборной кампании, предшествовавшей IV Всесоюзной конференции ОСКД, в состав правлений республиканских, краевых, областных, городских и районных отделений ОСКД было избрано более 400 человек, 1200 человек вошло в бюро первичных организаций общества на предприятиях,

в колхозах, совхозах, культурных и научных учреждениях, в учебных заведениях и школах.

IV Всесоюзная конференция ОСКД избрала Центральное правление ОСКД, в состав которого вошло более 190 партийных и советских работников, ветеранов КПСС и советских вооруженных сил, руководителей министерств и ведомств, ученых, деятелей науки и культуры, рабочих, колхозников, учащейся молодежи.

Председателем Центрального правления ОСКД был вновь избран академик С. Л. Тихвинский.

Конференция отметила все возрастающий вклад ОСКД в поступательный процесс развития советско-китайских отношений, в интернациональное воспитание советской общественности в духе уважения и дружбы к великому китайскому народу.

За последние годы общество провело около 300 различного рода мероприятий по случаю знаменательных событий из китайской истории и истории советско-китайских отношений.

Общество ежегодно торжественно отмечает годовщины провозглашения КНР. На вечера-концерты, которые мы посвящаем победе китайской революции, приглашаются сотрудники Посольства КНР, китайские студенты и стажеры, обучающиеся в вузах Москвы.

По случаю 35-й годовщины провозглашения КНР посол Ян Шоучжэн и сотрудники Посольства КНР участвовали в открытии в Доме дружбы фотовыставки «Китай сегодня», полученной из Пекина от ОКСД, и художественной выставки «Советские художники о Китае», подготовленной нами совместно с Союзом художников СССР. На этой выставке были показаны работы таких известных мастеров советской живописной школы, побывавших в свое время в Китае, как народные художники СССР Д. Шмаринов и Б. Ефимов, народный художник РСФСР О. Верейский, заслуженные художники РСФСР В. Михалев и С. Чураков, народный художник Армянской ССР М. Асламзян и т. д.

На вечере-концерте, посвященном 38-й годовщине провозглашения КНР, посол КНР в СССР Юй Хунлян открыл в Доме дружбы фотовыставку, познакомившую москвичей и гостей столицы с жизнью и успехами КНР. На вечере была открыта также выставка «Архитектура Китая», подготовленная ОСКД совместно с Союзом архитекторов СССР.

Отдавая дань уважения истории национально-освободительной и революционной борьбы китайского народа, общество торжественно отметило 120-летие со дня рождения великого сына китайского народа, китайского революционера-демократа Сунь Ятсена. Свои мероприятия общество посвящало 125-летию Тайпинского восстания и 75-летию Синьхайской революции, 65-летию демократического «движения 4 мая», 65-летию создания первых марксистских кружков в Китае, 60-летию начала в Китае национально-демократической революции 1925—1927 гг., 55-летию восстания шанхайского пролетариата, 60-летию забастовки на Пекин-Ханькоусской железной дороге, 60-летию Наньчанского восстания, 50-летию начала освободительной войны китайского народа против японской агрессии, 60-летию Кантонской коммуны, памяти выдающихся китайских коммунистов-интернационалистов и деятелей профсоюзного движения: Ли Дачжао, Цюй Цюбо, Чжан Тайлэя, Су Чжаочжэня, Пэн Бая, Дэн Чжунся, Линь Боцюя, Дун Биу, Чжу Дэ, Лю Бочэна и других.

Свидетельством глубокого уважения советской общественности к культуре великого китайского народа является тот факт, что большое количество своих мероприятий Общество советско-китайской дружбы посвящало и посвя-

щает выдающимся деятелям китайской литературы и искусства, музыки, театра и кино. Совместно с Союзом писателей СССР мы торжественно отметили 100-летие со дня рождения Лу Синя — великого китайского писателя. Мы проводили мероприятия, посвященные известным китайским писателям и поэтам Чжоу Либо, Чжао Шули, Мао Дуню, Лао Шэ, Ба Цзиню, Чжэн Чжэньдо и др., классикам китайской литературы Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюйи, Ли Циньчжао, Хань Юю, Инь Фу, Тао Юаньмину, китайским композиторам Не Эру и Си Синхаю, всемирно известному мастеру пекинской оперы Мэй Ланьфану, китайскому театру и драматургам Сюй Хайшэну и Цао Юю. Совместно с Союзом кинематографистов СССР наше общество отметило 50-летие со дня создания Китайского кинематографического общества и 70-летие китайской кинематографии; совместно с Государственным музеем искусств народов Востока активно участвовало и участвует в организации и проведении различных китайских выставок: национальной живописи «Гохуа», декоративно-прикладного искусства, лаковой и масляной живописи, каллиграфии и народного лубка...

Доброй традицией стал показ в Доме дружбы китайских документальных и художественных фильмов, любезно предоставляемых нам Посольством КНР в Москве.

Одним из важнейших направлений деятельности ОСКД всегда было и в настоящее время является проведение мероприятий, посвященных знаменательным событиям из истории советско-китайских отношений, знакомящих советскую и зарубежную общественность с последовательной политикой нашей ленинской партии и страны в отношении Китая.

Общество совместно с Институтом Дальнего Востока АН СССР проводило мероприятия на тему: «Ленин, Великая Октябрьская социалистическая революция и Китай». Широко и торжественно при участии общества было отмечено 60-летие Обращения Совета Народных Комиссаров РСФСР к китайскому народу, к правительствам Южного и Северного Китая, в котором были впервые сформулированы основополагающие принципы ленинской политики Советского Союза в отношении Китая. Свои мероприятия общество посвящало 50-летию начала широкого движения советской общественности в защиту Китайской революции, развернувшегося в 1924 г. под лозунгом «Руки прочь от Китая», помощи и поддержке, которую оказывал Советский Союз Китаю в отражении агрессии японского милитаризма. Мы торжественно отметили 35-летие установления дипломатических отношений между СССР и КНР и 30-летие подписания Соглашения о культурном сотрудничестве. Доброй традицией стали встречи в Доме дружбы ветеранов советско-китайской дружбы, которые на разных этапах Китайской революции проводили в жизнь ленинский интернациональный курс нашей страны в отношении Китая, провозглашенный Великим Октябрем.

Активная деятельность нашего общества, происходящая на общем фоне позитивных перемен в советско-китайских отношениях, привела к восстановлению в 1983 г. наших связей и контактов с партнерами в КНР — Китайским народным обществом дружбы с заграницей (КНОДЗ) и ОКСД.

Сегодня эти связи и контакты, включающие обмен делегациями и специализированными группами туристов — активистов обществ дружбы, обмен фотовыставками, фильмами, литературой и периодическими изданиями, осуществляются на плановой основе.

В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду КПСС говорилось: «Все большее значение КПСС придает живому, широкому общению граждан социалистических стран, людей разных профессий, разных поколений. Это —

источник взаимного духовного обогащения, канал обмена мыслями, идеями, опытом социалистического строительства».

Это указание партии служит для нашего общества руководством к действию.

Начиная с 1983 г. в составе делегаций и специализированных групп туристов — активистов ССОД и ОСКД в КНР выезжало более 250 представителей различных слоев советской общественности: передовиков промышленности и сельского хозяйства, ученых, представителей творческой интеллигенции, ветеранов советско-китайской дружбы. Более 250 представителей китайской общественности по приглашению нашего общества посетило Советский Союз.

Отличительной чертой наших обменов является то, что они стали носить профессиональный характер.

Наша партия призвала и призывает нас к бережному, уважительному отношению к опыту других социалистических стран, применению его на практике, что является огромным резервом социалистического мира.

Именно поэтому в соответствии с договоренностью с партнерами в КНР в период 1983—1987 гг. по линии ОСКД выезжали специалисты в области городского хозяйства, группа ветеранов советско-китайской дружбы — участники боев за освобождение Маньчжурии, деятели театра, кино, музыки, группа активистов для ознакомления с опытом работы с детьми и молодежью, а также специалистов в области преподавания русского языка для встреч с русистами КНР.

В Советском Союзе по приглашению ОСКД побывали специалисты сельского хозяйства во главе с президентом Всекитайского центра по исследованию сельского хозяйства Ду Жуньшэном, специалисты в области воспитания детей и молодежи во главе с почетным председателем Пекинского общества по исследованию работы среди молодежи Цзинь Цзянем, группа виднейших китайских медиков во главе с президентом МН КНР, известным китайским вирусологом профессором Гу Фанчжоу, архитекторы и градостроители во главе с заместителем НИИ городского планирования и строительства КНР Сюй Цзючжоу и др.

Во время пребывания в СССР и КНР представителям китайской и советской общественности — гостям обществ дружбы — оказывается большое внимание и гостеприимство, предоставляется максимальная возможность для ознакомления с успехами, достигнутыми советским и китайским народами, с актуальными проблемами советской и китайской действительности, организуются профессиональные программы.

Так, китайские медики, среди которых были крупнейшие китайские кардиологи, онкологи, педиатры и хирурги, посетили в Москве, Ленинграде, Минске, Вильнюсе и Ереване кардиологические и онкологические центры, центры сердечно-сосудистой хирургии, учебные и лечебные учреждения, встретились с руководителями здравоохранения, своими советскими коллегами.

Для группы архитекторов и градостроителей из КНР была разработана такая программа, которая дала возможность ее членам в Москве, Минске, Таллине, Ташкенте встретиться с руководителями Госгражданстроя, ГлавАПУ, Союза архитекторов, главными архитекторами городов, посетить НИИ проектирования и гражданского строительства, высшие и средние учебные заведения. Эта программа предоставила возможность членам группы детально познакомиться с тем, как планируется и осуществляется в нашей стране градостроительство, какое внимание уделяется его социальным аспектам, как готовятся кадры, какая работа проводится по охране памятников старины.

Подчеркивая значение обменов специализированными группами активистов обществ дружбы. Ду Жуньшэн, руководитель группы специалистов сельского хозяйства, после возвращения в Китай написал в ОСКД:

«Я уверен, что дальнейшее расширение контактов между общественными дружественными организациями Китая и Советского Союза благоприятствует не только углублению традиционной дружбы между нашими народами, но содействует также и тому, чтобы специалисты наших стран могли учиться друг у друга и перенимать друг у друга все положительное».

Когда из Китая возвращаются делегации и специализированные группы активистов ОСКД, они также рассказывают и пишут на страницах центральной и местной советской прессы о том, как много интересного и полезного в решении экономических задач, в строительстве новой жизни накоплено у наших китайских друзей...

Важным этапом в развитии советско-китайских общественных связей по линии обществ дружбы явился визит в Советский Союз в мае — июне 1984 г. делегации КНОДЗ и ОКСД во главе с председателем КНОДЗ Ван Биннанем и посещение КНР в апреле 1985 г. делегацией ССОД и ОСКД во главе с председателем президиума ССОД З. М. Кругловой.

В ходе этих обменов был согласован и подписан первый после 23-летнего перерыва план сотрудничества ССОД и ОСКД с КНОДЗ и ОКСД на 1985 г.

Ван Биннань в Москве был принят членом Политбюро ЦК КПСС, первым заместителем Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецовым; З. М. Круглова — членом Политбюро ЦК КПК, заместителем Премьера Госсовета КНР Ли Пэнном.

В прошлом, юбилейном для нашей страны году мы успешно завершили выполнение плана сотрудничества с КНОДЗ и ОКСД на 1986—1987 гг. Отличительной чертой этого двухгодичного плана сотрудничества с нашими китайскими партнерами было активное участие в его реализации отделений ОСКД приграничных с КНР республик, краев, областей и городов нашей страны.

У Советского Союза с КНР самая протяженная в мире сухопутная граница. М. С. Горбачев, выступая во Владивостоке в июле 1986 г., сказал: «Нам, нашим детям, внукам и правнукам отныне и навеки веков предопределено жить рядом». Именно поэтому советские люди искренне хотят, чтобы советско-китайская граница стала полосой мира и дружбы.

Отмечая положительные сдвиги в развитии советско-китайских приграничных отношений, необходимо отметить активный вклад, который вносят в этот процесс отделения ОСКД в Казахской, Узбекской и Киргизской ССР, в Приморском и Хабаровском краях, Читинской и Амурской областях.

Приграничные отделения ОСКД возглавляют министры, руководители край- и обласполкомов. В деятельности обществ на правах первичных организаций принимают участие коллективы, участвующие в приграничном советско-китайском экономическом и торговом сотрудничестве. Видные представители различных слоев общественности входят в правления отделений и бюро первичных организаций.

По инициативе и приглашению советской стороны начиная с 1984 г. в мероприятиях, посвященных годовщинам Великого Октября в городах Владивосток, Хабаровск, Чита, Благовещенск, в поселке Пограничный, на станции Забайкальская участвуют делегации отделений ОКСД провинций Хэйлунцзян, Цзилинь, автономного района Внутренняя Монголия, городов Хэйхэ и Суйфынхэ.

По приглашению отделений ОКСД провинций Хэйлунцзян и Цзилинь

делегации отделений ОСКД Приморского и Хабаровского краев, Читинской области, города Благовещенска Амурской области, станции Забайкальская Читинской области и поселка Пограничный Приморского края принимают участие в мероприятиях, посвященных национальному празднику китайского народа.

В 1985 г. контакты приграничных отделений обществ дружбы были расширены за счет обмена делегациями между Казахским, Узбекским, Киргизским республиканскими отделениями ОСКД и отделением ОКСД Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР.

Представители общественности приграничных районов и в Советском Союзе и в Китае являются желанными гостями. Им предоставляется возможность участвовать в праздничных мероприятиях, посещать промышленные и сельскохозяйственные предприятия, учреждения науки и культуры, вузы и школы, встречаться со своими коллегами.

В Советском Союзе делегации принимаются руководителями республик, краев и областей, в КНР — руководителями СУАР и провинций КНР. Пребывание делегаций освещается средствами массовой информации.

В Алма-Ате на встрече с активистами Казахского отделения ОСКД член делегации Синьцзян-Уйгурского автономного района, заместитель директора Института Центральной Азии АОН КНР Ван Пэй сказал: «Я не был в вашей республике 30 лет. За эти годы у вас произошли огромные изменения, но неизменными остались дружеские чувства и доброе отношение советских людей к китайскому народу».

На членов делегаций и специализированных групп ОСКД, побывавших в Китае, также производит большое впечатление то, что в Китае помнят о помощи, которую Советский Союз оказал Китаю в борьбе за победу народной революции, в освобождении Маньчжурии, в создании основ социалистической экономики, что там проявляют большой интерес к перестройке в нашей стране, заинтересованно говорят о дальнейшем развитии сотрудничества, о расширении китайско-советских приграничных связей...

1987 г. — год 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции — вписал новые яркие страницы в летопись советско-китайских отношений по линии обществ дружбы.

С 5 по 12 ноября 1987 г. в Советском Союзе по приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР для участия в мероприятиях, посвященных 70-летию ВОСР, находилась делегация ОКСД во главе с председателем КНОДЗ Чжан Вэньцинем.

Делегация ОКСД, прибывшей в нашу страну впервые после 23-летнего перерыва для участия в торжествах, посвященных годовщине Великого Октября, было оказано большое внимание и гостеприимство со стороны ССОД и ОСКД. Делегация приняла участие в параде и демонстрации трудящихся на Красной площади, в Москве и Ленинграде посетила исторические места, связанные с именем В. И. Ленина и Октябрьской революцией.

Делегация ОКСД во главе с председателем КНОДЗ Чжан Вэньцинем имела встречи и беседы с председателем президиума ССОД В. В. Терешковой, председателем ЦП ОСКД, академиком С. Л. Тихвинским, в ходе которых стороны высказались за дальнейшее расширение советско-китайских общественных связей и контактов. Чжан Вэньцин пригласил В. В. Терешкову и С. Л. Тихвинского посетить Китай в апреле нынешнего года. Приглашение было с благодарностью принято.

В Москве Чжан Вэньцин был принят членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР А. А. Громыко,

имел встречи с секретарем ЦК КПСС А. Ф. Добрыниным, заместителем министра иностранных дел СССР И. А. Рогачевым.

В Ленинграде состоялась встреча и беседа делегации ОКСД с председателем исполкома Ленсовета В. Я. Ходыревым, руководителями Ленинградского отделения ССОД и ОСКД, в ходе которой китайской стороне было предложено восстановить контакты между Ленинградским отделением ОСКД и Шанхайским отделением ОКСД. Мэр Шанхая был официально приглашен в Ленинград.

В ходе встреч и бесед с советской стороны подчеркивалось, что в Советском Союзе придадут большое значение факту прибытия в нашу страну китайской делегации для участия в торжествах, посвященных 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, и высоко ценят заявление китайских гостей о том, что 70-летие Великого Октября, являющееся праздником не только Советского Союза, но и Китая, широко отмечается в Китайской Народной Республике.

С советской стороны выражалась признательность китайскому руководству за понимание советской политики перестройки и неизменно подчеркивалось, что в Советском Союзе также с пониманием относятся к проблемам развития Китая, выдвинутым на XIII съезде КПК, свидетельством чего является приветствие ЦК КПСС в адрес съезда и поздравление товарища Горбачева товарищу Чжао Цзяну в связи с его избранием Генеральным секретарем ЦК КПК.

Называя перестройку в СССР продолжением дела Октября, Чжан Вэньцинзнь подчеркивал общность процессов, происходящих в КНР и СССР, призывал активнее перенимать опыт друг друга.

Большое внимание в ходе бесед было уделено советско-китайским отношениям. Стороны высказались за их дальнейшее поступательное развитие в интересах советского и китайского народа, дела мира и социализма.

Конкретные предложения по восстановлению связей и контактов между Украинским республиканским отделением ОСКД и отделением ОКСД провинции Хубэй, между Киевом и Уханем, между Иркутским областным отделением ОСКД и отделением ОКСД провинции Ляонин, между Иркутском и Шэньяном внесли китайской стороне посетившие КНР в 1987 г. во главе делегации и спецгруппы активистов ССОД и ОСКД. Председатель Украинского общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами В. П. Оснач и заведующий отделом зарубежных связей Иркутского обкома КПСС Б. В. Недашковский.

В 1987 г. успешно были также осуществлены обмены делегациями между отделениями ОСКД и ОКСД приграничных союзных республик, краев, областей и городов СССР и провинций и городов КНР.

Делегация отделений ОСКД Казахской, Узбекской и Киргизской ССР во главе с министром иностранных дел Казахской ССР М. И. Исиналиевым, Приморского краевого отделения ОСКД во главе с депутатом Верховного Совета СССР, ректором ДВГУ, заместителем председателя Приморского краевого отделения ОСКД В. В. Горчаковым, делегации Хабаровского краевого, Читинского и Амурского областных отделений ОСКД, а также делегации отделений ОСКД станции Забайкальская и поселка Пограничный во главе с председателями отделений ОСКД по приглашению китайской стороны участвовали в мероприятиях, посвященных 38-й годовщине провозглашения КНР.

В ходе визитов в КНР руководители делегаций изложили позицию советской стороны о готовности расширения советско-китайских приграничных контактов путем участия в них местных органов власти, профсоюзных,

молодежных, женских, спортивных организаций, творческих союзов, трудовых коллективов и вузов.

Делегации отделений ОКСД Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР), провинций Хэйлуцзян, Цзилинь, Внутренняя Монголия, городов Хэйхэ и Суйфынхэ, станции Маньчжуря и поселка Пограничный были приглашены в Советский Союз для участия в мероприятиях, посвященных 70-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Делегацию отделения ОКСД СУАР возглавлял мэр города Урумчи, заместитель Председателя отделения ОКСД СУАР Исмаил Махсут, делегацию ОКСД провинции Хэйлуцзян — заместитель председателя Собрания народных представителей провинции Сюй Юаньчжи. Все делегации были приглашены в президиумы торжественных собраний, посвященных 70-летию Великого Октября, и им было предоставлено слово для выступлений.

Для делегаций были организованы посещения промышленных и сельскохозяйственных объектов, научных и культурных заведений, вузов и школ, они имели большие возможности для контактов с рядовыми тружениками; члены делегаций познакомили с тем, как на местах реализуются решения XXVII съезда КПСС, как идет процесс перестройки.

В дни пребывания в СССР делегациям было вновь заявлено о готовности советской стороны к расширению связей и контактов с подключением местных органов власти и других государственных и общественных организаций на местах.

ОСКД наряду с развитием делегационного и туристского обмена с КНОДЗ и ОКСД участвует в приеме делегаций и групп, прибывающих в Советский Союз по линии других организаций и ведомств.

Так, только в последние годы гостями ОСКД и его отделений были: делегация китайских артистов во главе с Чжэн Синли — профессором Шанхайской консерватории; Центральная балетная труппа КНР; делегация китайских писателей во главе с секретарем Союза китайских писателей, ныне министром культуры КНР Ван Мэном; делегация китайских историков во главе с Лю Данянем — почетным председателем Ассоциации китайских историков; известные переводчики русской и советской литературы Гэ Баоцзянь и Гао Ман; делегация музыкальных работников КНР во главе с ректором Пекинской консерватории У Цзюцяном; делегации профсоюзных работников, журналистов Пекинского радио.

Летом 1987 г. в Москве, в Доме дружбы с народами зарубежных стран состоялась встреча руководителей и активистов ОСКД с делегацией Комиссии по делам национальностей ВСНП во главе с членом ПК ВСНП, заместителем председателя Комиссии Юй Вэнем.

ОСКД и его отделения активно участвуют также в работе с китайскими студентами и стажерами, обучающимися в вузах Москвы и других городов нашей страны. В ОСКД стало доброй традицией проведение для них веселых праздников Нового года по лунному календарю, организация вечеров вопросов и ответов на тему «Советский Союз — сегодня», встреч с руководителями предприятий, деятелями науки и культуры, экскурсий по историческим и памятным местам нашей страны.

Большое внимание в деятельности ОСКД уделяется воспитанию подрастающего поколения в духе дружбы и уважения к своему великому соседу — социалистическому Китаю.

В вузах и школах Москвы, Ленинграда, Алма-Аты, Ташкента, Фрунзе и Владивостока, в Читинском педагогическом институте им. Н. Г. Чернышевского, в школах Хабаровска и Забайкальска проводятся Недели китайского языка, научные конференции о Сунь Ятсене и Лу Сине, древней и

современной китайской поэзии и прозе, проводятся олимпиады по истории Китая, оформляются фотостенды «Наш сосед — Китай».

В последние годы в ОСКД стали приходиться письма от трудовых коллективов, советских и китайских граждан с просьбой о содействии в восстановлении и установлении контактов, в переписке, в направлении материалов о Китае или Советском Союзе... «Я простой рабочий, родился и вырос в провинции Хубэй,— пишет в ОСКД Лу Чжикун...— Примите мои поздравления по случаю 70-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, посылаю вам в знак уважения к вашей благородной деятельности мой билет члена ОКСД, который я сохранял все эти более чем 30 лет...»

«Посылаю вам мой перевод рассказа А. Толстого «Детство Никиты». У нас в стране — большой интерес к советской литературе. Пришлите, пожалуйста, что-либо из советских литературных новинок», — написал нам Сюй Шинц зян, медик из города Чжэнчжоу.

...Письма, письма. Их стало много, в них много теплых слов о дружбе между нашими странами и народами, готовность внести свой вклад в ее развитие.

В принятом IV Всесоюзной конференцией ОСКД Уставе ОСКД говорится: «Целью деятельности Общества советско-китайской дружбы является активное участие в проведении в жизнь политики КПСС и Советского государства, направленной на укрепление и развитие отношений дружбы, добрососедства и всестороннего сотрудничества с нашим великим соседом — социалистическим Китаем; всемерное содействие политическому, торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству между народами СССР и КНР... ознакомление советской общественности с жизнью китайского народа, его успехами и достижениями в социалистическом строительстве, актуальными вопросами внутренней и внешней политики КНР; содействие ознакомлению китайской общественности с жизнью советского народа, его успехами и достижениями на путях совершенствования социалистического общества и продвижения к коммунизму, с актуальными вопросами внутренней и внешней политики КНР; содействие ознакомлению китайской общественности с жизнью советского народа, его успехами и достижениями на путях совершенствования социалистического общества и продвижения к коммунизму, с актуальными вопросами внутренней и внешней политики СССР».

Поставленные уставом задачи создают значительные, еще далеко не использованные возможности для участия наших организаций в обмене с китайскими партнерами опытом строительства и развития наших стран, для творческих конструктивных дискуссий в целях лучшего взаимопонимания и т. д.

Деятельность ОСКД будет результативнее, если мы будем прилагать усилия для дальнейшего углубления и развития нашего сотрудничества с ОКСД. Думается, что хорошей основой для этого может стать план сотрудничества с ОКСД на последующие два года, проект которого был рассмотрен на состоявшемся 29 декабря 1987 г. заседании Центрального правления ОСКД, обсудившего также итоги деятельности ОСКД в 1987 г. и план работы общества на 1988 г.

Новый, 1988 г. наше общество ознаменовало открытием в Москве совместно с Всесоюзным обществом «Знание» и Всесоюзной ассоциацией китаеведов лектория «Китай: традиции и современность». Вынесенные на его заседания темы, охватывающие как опыт хозяйственной реформы в КНР, так и вопросы китайской истории, искусства, литературы, ки-

тайских народных праздников и даже самобытной китайской кухни, дадут возможность участникам лектория — представителям трудовых коллективов, НИИ, вузов и школ — ближе познакомиться с различными сторонами жизни нашего великого соседа — Китая.

ОСКД в наступившем году отметит также 90-летие со дня рождения видного деятеля КНР и КПК Чжоу Эньлая, 90-летие со дня рождения маршала Пэн Дэхуая, 110-летие со дня рождения видного китайского коммуниста-интернационалиста У Юйчжана, 90-летие со дня рождения видного китайского драматурга, поэта и литературного деятеля Тянь Ханя, ученого и писателя Чжэн Чжэньдо. Мы будем отмечать 39-ю годовщину провозглашения КНР, рассказывать советской общественности о том, как в Китае претворяются в жизнь решения XIII съезда КПК...

Выступая 30 октября 1986 г. на торжественном вечере в Москве, посвященном 30-летию ОСКД, Председатель президиума ССОД В. В. Терешкова, Председатель ЦП ОСКД, академик С. Л. Тихвинский, член ЦК КПСС, бывший первый заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов, член-корреспондент АН Казахской ССР заместитель председателя Казахского республиканского отделения ОСКД Р. Б. Сулейменов и член ЦП ОСКД, заслуженная артистка РСФСР О. М. Остроумова говорили, что советская общественность в соответствии с решениями XXVII съезда КПСС выступает за дальнейшее улучшение отношений с КНР во всех областях, за налаживание прочного и взаимовыгодного добрососедства.

В приветственном послании в адрес ОСКД по случаю его 30-летнего юбилея председатель ОКСД, известный государственный и общественный деятель КНР У Сюцюань написал:

«За прошедшие тридцать лет Общество советско-китайской дружбы проделало большую работу по укреплению взаимопонимания и развитию традиционной дружбы между китайским и советским народами. Мы высоко ценим это. Китайский народ всегда питает искренние дружественные чувства к советскому народу и от всей души желает развивать дружественные добрососедские отношения с советским народом. Мы с удовлетворением отмечаем, что в последние годы благодаря общим усилиям обеих сторон дружба и многостороннее сотрудничество между народами Китая и Советского Союза получили развитие, что отвечает не только интересам народов обеих стран, но и интересам обеспечения стабильности в Азии и сохранения мира во всем мире.

Общество китайско-советской дружбы и Общество советско-китайской дружбы служат узами, связывающими дружественные отношения между народами двух стран. Активное развитие их роли и укрепление дружбы между народами обеих стран являются общим чаянием обеих сторон. Мы надеемся, что благодаря неустанным усилиям обеих стран отношения между организациями дружбы будут непрерывно развиваться во имя дальнейшего укрепления и развития дружбы между нашими странами и народами».

ОСКД, его многомиллионный актив будут и впредь вносить активный вклад в поступательное развитие советско-китайских отношений в интересах наших стран и народов, дела мира и социализма.

¹ Цит. по: «Проблемы Дальнего Востока», 1982, № 3, с. 103.

² Там же, с. 102—110.

Рабочий класс КНР: проблемы трудоустройства

---

*А. В. ОСТРОВСКИЙ,
кандидат экономических наук*

Начавшаяся в КНР в конце 70-х годов хозяйственная реформа оказала серьезное влияние на дальнейший процесс формирования и развития рабочего класса страны. Перенесение центра тяжести во внутренней политике Китая на решение экономических задач привело к заметному повышению роли рабочего класса в жизни китайского общества, значительному росту численности рабочего класса и его удельного веса в социальной структуре КНР. Так, например, за последние шесть лет, с 1980 до 1986 г., общая численность рабочих и служащих увеличилась со 104,4 млн. человек до 128,1 млн. человек¹ и их доля превысила четверть экономически активного населения страны. Кроме того, за последние несколько лет произошел заметный рост занятых на предприятиях вне сферы сельского хозяйства в деревне. Если в 1980 г. общая численность занятых на предприятиях на уровне волостей (в то время народных коммун.— А. О.) составляла около 30 млн. человек, то в 1985 г.— превысила 54,1 млн. человек², что являлось значительным пополнением отряда рабочего класса КНР. Однако, несмотря на большие изменения, происходившие в китайском обществе на протяжении последних 5—6 лет, социальная структура КНР не претерпела серьезных качественных изменений, и по-прежнему крестьянство составляет большинство населения Китая.

Такая ситуация во многом объясняется тем, что в отличие от многих стран мира в КНР в 50—70-е гг. рост рабочего класса происходил почти исключительно за счет городских жителей. Как отмечал в журнале «Интернэшнл лэйбор ревью» — печатном органе Международной организации труда (МОТ) — директор Института труда Министерства труда и кадров КНР Юэ Гуанчжао, это объяснялось тем, что прирост экономически активного населения городов мог обеспечиваться практически целиком за счет прироста городского населения³.

В целом это происходило в Китае, очевидно, во-первых, вследствие низкого уровня производительности труда в сельском хозяйстве, в соответствии с постановлениями конца 1957 — начала 1958 гг. существовали жесткие ограничения на миграцию крестьян из деревни в город; во-вторых, в сельских поселках большая часть экономически активного населения была занята сельскохозяйственным трудом, что также служило препятствием для изменения статуса села из-за небольшой доли занятых вне сферы сельского хозяйства. Лишь с начала 80-х гг. в результате введения системы производственной ответственности в сельском хозяйстве, основой которой является семейный подряд, произошло заметное повышение производительности труда в растениеводстве, многие годы поглощавшем большое число рабочих рук в китайской деревне. Это в значительной степени способствовало росту трудозбыточного населения, особенно в тех районах, где ощущается недостаток пахотных земель. В результате в волостях

и сельских поселках постепенно уменьшалась доля населения, занятого в сельском хозяйстве, за счет занятых в промышленности, транспорте, торговле, капитальном строительстве вплоть до того, что эти населенные пункты начали получать статус городов. В то же время наблюдался приток населения из сельской «глубинки» в малые города и поселки для работы на промышленных предприятиях, на транспорте, в торговле и в сфере услуг, а также жителей крупных и средних городов на строительство предприятий в малых городах и поселках.

За последние несколько лет в КНР произошел заметный рост рабочего класса за счет увеличения количества мелких предприятий сельской промышленности и других отраслей экономики. Было создано свыше 15 млн. мелких сельских предприятий в таких отраслях, как производство стройматериалов, угледобывающая и швейная промышленности, транспорт и пр., на которых было занято около 80 млн. человек, или почти в 3 раза больше, чем в начале 80-х гг.⁴

Однако при этом на крупных предприятиях не происходило заметного роста численности рабочего класса из-за того, что стоимость подготовки рабочего места на них была намного выше, чем на мелких сельских предприятиях волостей и поселков коллективного сектора. Стоимость основных производственных фондов на предприятиях волостей и поселков невелика: на 10 человек занятых приходится 10 тыс. юаней основных производственных фондов (в среднем на 1 рабочее место 1 тыс. юаней⁵). Таким образом, если учесть, что стоимость подготовки одного рабочего места в тяжелой промышленности на государственном предприятии составляет те же 10 тыс. юаней, то при тех же капиталовложениях в основные производственные фонды на эти предприятия можно привлечь в 10 раз больше рабочей силы.

Рост занятости в так называемой «третьей сфере» (торговля, питание, услуги, материально-техническое снабжение, транспорт, непромышленная сфера) также вызвал заметный рост рабочего класса, точнее, одного из его основных периферийных отрядов — рабочих сферы обслуживания. Но процесс роста занятых в этих отраслях народного хозяйства был естественным, необходимым для более быстрого экономического развития страны. К 1980 г. сложилось такое положение, когда доля занятых в «третьей сфере» стала составлять лишь 12 % всех занятых, а доля всей «третьей сферы» в создании совокупного общественного продукта — 20 %⁶. Как признавалось в китайской печати, «сфера услуг — самая отсталая отрасль в КНР. В развитых странах в «третьей сфере» занято 60—70 % экономически активного населения, по стоимости производства — 50—65 %⁷. В КНР предприятия «третьей сферы» в индивидуальном и коллективном секторе стали развиваться как возможность обеспечения дополнительных рабочих мест для трудозбыточного населения. К концу 1984 г., по данным Торгово-промышленного административного управления, в КНР насчитывалось 2 493 тыс. предприятий «третьей сферы», на которых было занято почти 30 млн. человек⁸. К 1984 г. в городе Циндао (провинция Шаньдун) за 6 лет было трудоустроено 96,8 тыс. человек, из них в «третьей сфере» — 66,5 тыс. человек, и на каждые 100 человек занятых стало приходится более 20 работающих в «третьей сфере»⁹. В создавшихся условиях развитие отраслей «третьей сферы», особенно торговли, питания и услуг, явилось мощным резервуаром для поглощения излишка рабочей силы в городах и в сельской местности. Как отмечала газета «Цзинцзи жибао», «надо развивать «третью сферу», перемещать излишек занятых в сельском хозяйстве и промышленности в «третью сферу», повышая эффективность труда в промышленности и сельском хозяйстве и, с другой стороны, дать больше мест ожидающим работу, смягчить напряженность с трудоустройством»¹⁰.

К 1986 г., несмотря на значительный рост количества предприятий коллективного и индивидуального секторов в различных отраслях народного хозяй-

ства, по-прежнему большую часть составляли занятые на государственных предприятиях, как показано на таблице 1.

Таблица 1

Динамика занятых в городах и поселках по секторам экономики
в 1980—1986 гг.

	Численность (млн. чел.)			Рост (%)		Удельный вес (%)		
	1980	1985	1986	1985	1986	1980	1985	1986
				по сравнению с 1980				
Занятые в городах и поселках (всего)	105,25	128,08	128,53	21,7	22,1	100,0	100,0	100,0
из них:								
а) на государственных предприятиях	80,19	89,90	90,33	12,1	12,6	76,2	70,2	70,3
б) на коллективных предприятиях	24,25	33,24	33,26	37,1	37,2	23,0	26,0	25,9
в) на смешанных предприятиях	—	0,440	0,470	—	—	—	0,3	0,4
г) индивидуальный сектор	0,810	4,500	4,470	460	450	0,8	3,5	3,4

Примечание: данные на середину 1986 г. Источник: «Beijing Review», 1987, № 3, p. 21

По-прежнему в конце 1985 г. государственный сектор продолжал сохранять ведущие позиции по таким показателям, как доля в валовой продукции промышленности — 70,4 %, в розничном товарообороте — 44,6, в товарных перевозках — 91,0 (в том числе по шоссе и дорогам — 64,4 %, по рекам — 95,1 %¹¹). Как мы видим, изменения в ходе хозяйственной реформы не повлияли серьезно на долю государственного сектора в экономической структуре общества и государственный сектор по-прежнему занимает ведущие позиции в китайской экономике.

В последние годы многие китайские ученые в своих публикациях неоднократно заявляли о том, что долгие годы в КНР односторонне развивали государственный сектор в ущерб индивидуальному и коллективному, что в конечном итоге обострило многие социальные проблемы из-за того, что производительные силы Китая оставались на низком уровне, и экономическое развитие различных секторов, отраслей и регионов было неравномерным. Все это оказало серьезное влияние и на проблему обеспечения населения рабочими местами. В сложившейся ситуации государственный сектор в 60—70-е гг. оказался не в состоянии трудоустроить в городах по нескольку миллионов человек, что создало напряженную ситуацию в трудоустройстве населения в конце 70-х — начале 80-х гг.

В КНР отмечают четыре основных негативных момента, способствовавших обострению проблемы занятости в городах к концу 70-х гг. Во-первых, это отсутствие контроля за ростом населения, в результате чего рабочая сила городов росла в среднем на 3—4 млн. человек в год. Во-вторых, был сделан односторонний упор на развитие государственного сектора, и прежде всего на развитие предприятий тяжелой промышленности (которые не могли вместить избыточную рабочую силу), ограничение коллективного и игнорирование индивидуального секторов, слабое развитие легкой промышленности, торговли,

транспорта и сферы услуг. В-третьих, общеобразовательные школы преобладали над профессионально-техническими училищами. Так, в 1976 г. насчитывалось 98,8 % учащихся, обучавшихся в общеобразовательных школах, и лишь 1,2 % — в профессионально-технических училищах, и многие выпускники начальных школ и средних школ I ступени не имели первоначальной профессиональной подготовки. В-четвертых, распределением и устройством на работу государство занималось централизованно через управление труда, что в значительной степени сужало каналы трудоустройства¹².

В декабре 1978 г. на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва было указано на необходимость реформы системы труда. Основой для проведения реформы системы труда и трудоустройства «ожидающего работы» городского населения явилось развитие коллективного и индивидуального секторов экономики. Как отметил в своей статье директор Института труда Министерства труда и кадров КНР Юэ Гуанчжао, «в течение длительного времени сохранится множественность форм управления предприятиями при доминирующем положении социалистической общественной собственности, и правительство приняло политику поощрения и поддержки развития коллективных и частных предприятий»¹³. Им предоставлялись займы, возможность закупки оборудования по сниженным ценам, преимущество при снабжении, производстве и сбыте и налоговые льготы в первые два-три года работы. В августе 1980 г. состоялось Всекитайское совещание по вопросам занятости, которое выдвинуло курс «сочетание трех» («сань цзехэ»), включающий в себя три основных направления при трудоустройстве. Помимо распределения на государственные и крупные коллективные предприятия, ожидающим распределения на работу предлагалось самим создавать с помощью крупных предприятий мелкие кустарные предприятия коллективной собственности, работающие по заказу крупных предприятий и выпускающие продукцию, которую тем невыгодно производить ее мелкими сериями. Значительную часть безработной молодежи ориентировали на создание рабочих мест на свои средства в индивидуальном секторе в сфере торговли, питания и услуг.

В 1981 г. ЦК КПК и Госсовет КНР приняли «Постановление по некоторым вопросам развития экономики, трудоустройства в городах и поселках». Это постановление, регулируя распределение рабочей силы на государственные предприятия, должно было способствовать и развитию предприятий коллективного и индивидуального секторов в городской местности. При этом отмечалось, что «набор рабочей силы должен производиться на основе экзаменов и отбора лучших кандидатур»¹⁴.

В результате с 1978 по 1986 г. в городах и поселках было обеспечено работой 67,8 млн. человек, то есть в среднем ежегодно трудоустроивалось более 7 млн. человек. Более чем в 30 городах страны была решена проблема трудоустройства¹⁵. Доля «ожидающих работы» в общей численности рабочей силы в городах и поселках снизилась с 5,3 % в 1978 г. до 2,0 % в конце 1986 г.¹⁶ Большую часть «ожидающих работы» в городах и поселках — около 80 % составляла молодежь (ранее с 1968 г. молодых людей отправляли в сельские и горные районы), пополнявшаяся выпускниками средних школ.

Значительную часть трудоустроенных как раз и составляла «грамотная молодежь». Однако ее доля постепенно уменьшалась: в 1983 г. — 64,7 %, в 1985 г. — 62,8 %, а в 1986 г. — лишь 54,4 %. В 80-х гг. период ожидания работы сократился до 1 года (с 2 лет в конце 70-х гг.). Из села в город по контрактам на временные неквалифицированные работы с 1982 по 1986 г. направлено 5739 тыс. человек (или 15,8 % всех трудоустроенных в городе). По-прежнему среди трудоустроенных невелика была доля выпускников вузов, техникумов и профессионально-технических училищ — в 1986 г. лишь 12,6 %¹⁷.

В настоящее время значительная часть городского населения КНР получает работу на предприятиях государственного сектора. По данным ГСУ КНР, только за 5 лет, с 1982 по 1986 г., в городах и поселках было трудоустроено 36,2 млн. человек, из которых 13875 тыс. (38,4 %) — на предприятия коллективной собственности и кустарей-единоличников. В начале 80-х гг. это соотношение начало изменяться в сторону роста доли трудоустроенных на индивидуальных предприятиях. Если в 1982 г. на предприятиях индивидуального сектора было принято 334 тыс. человек (5,1 % всех трудоустроенных), то в 1983 г. — уже 840 тыс. (13,4 %), а в 1984 г. — 1036 тыс. человек (15,1 %), в 1986 г. — лишь 330 тыс. человек¹⁸. Отмечен рост в коллективном секторе, особенно в 1984 г. — 32,1 млн. человек по сравнению с 1983 г. — 27,5 млн. человек (прирост составил 16,7 % в год)¹⁹. Таким образом, в конце 70-х — начале 80-х гг. рост трудоустройства проходил в основном за счет быстрого развития коллективного и индивидуального секторов.

В ходе хозяйственной реформы произошли заметные изменения в системе управления экономикой, в результате этого на многих крупных промышленных предприятиях государственного сектора произошло повышение экономической эффективности производства, что, по оценке многих китайских экономистов, привело к высвобождению 10—20 млн. рабочих мест. Кроме того, к 1990 г. необходимо будет трудоустроить еще 29 млн. человек, а также возникнет проблема обеспечения работой еще около 100 млн. человек, которые покинут сельскохозяйственное производство²⁰.

Каким же образом в КНР предполагают решить один из наиболее сложных вопросов социально-экономического развития страны — создание рабочих мест для трудоизбыточного населения? На симпозиуме по вопросам народонаселения и занятости, организованном Центром техники и экономики Госсовета КНР и Центром народонаселения АОН Китая, проходившем в уезде Чжусянь провинции Хэбэй в ноябре 1984 г., пришли к выводу, что основной путь решения проблемы трудоустройства — это повышение производительности труда. Повышение производительности труда в сфере материального производства приведет к высвобождению рабочих рук, но в то же время к росту занятости в сфере производственных услуг в непромышленной сфере, в которой требуется больше рабочей силы, чем в производственной сфере с высокой степенью процессов автоматизации²¹. При этом некоторые китайские ученые предлагают решить вопрос трудоустройства таким образом, чтобы это было составной частью хозяйственной реформы. В частности, советник Госплана КНР Чжуан Цидун предлагает во главу угла поставить повышение экономической эффективности в сфере материального производства и одновременно развивать «третью сферу» — торговлю, услуги, транспорт, связь, складское дело, финансы, здравоохранение, образование, науку, культуру, что, по его мнению, даст возможность трудоустроить не только избыток рабочей силы, имеющейся в сфере материального производства, но и молодых людей, вступающих в трудовой возраст²². Таким образом, многие китайские ученые рассматривают вопрос трудоустройства рабочей силы более широко — не как простое распределение излишка рабочей силы по отдельным отраслям народного хозяйства, а как составную часть проводимой в стране хозяйственной реформы.

Большое значение в КНР придается развитию индивидуального сектора как пути трудоустройства населения, вступающего в рабочий возраст. В последние годы происходил заметный рост занятости в индивидуальном секторе. Если в 1965 г. общая численность занятых в индивидуальном секторе городов и поселков составляла 1710 тыс. человек, то в 1979 г. — 310 тыс., в 1986 г. — уже 4800 тыс. человек²³. Фактически в плане социального развития общества в конце 70-х — начале 80-х гг. Китай был вынужден сделать большой шаг в сторону

многоукладной (или диверсифицированной) экономики, тем самым были ликвидированы последствия поспешных социальных преобразований в годы «большого скачка» и «культурной революции». И такая политика будет сохраняться в КНР еще многие годы. Как сказал заместитель министра труда КНР Хэ Гуан на заседании правления Государственной компании консультативных услуг коллективным предприятиям угольной промышленности, «развитие коллективного и индивидуального секторов — это долгосрочная стратегическая задача, решать вопрос занятости надо в рамках разных форм собственности»²⁴. При этом в ближайшие годы предполагается довести общую численность занятых в индивидуальном секторе городов до 10 млн. человек, а в целом планируется превзойти период максимального развития индивидуального сектора в 1953 г. и довести число индивидуальных предприятий до 13,8 млн., что предполагает занять на этих предприятиях около 40 млн. человек. Стимулирование развития индивидуального сектора во многом определяется тем, что такие предприятия не требуют больших капиталовложений. Для того чтобы подготовить рабочее место на предприятии в государственном секторе, требуется затратить около 9—10 тыс. юаней, в коллективном — около 1—2 тыс. юаней, в индивидуальном секторе — 400—500 юаней²⁵.

Важная роль в обеспечении незанятого населения рабочими местами отводится коллективному сектору. В начале 80-х гг. коллективные предприятия во многих городах стали составлять значительную долю всех предприятий городов. Например, в апреле 1985 г. в городе Чанчжоу доля коллективных предприятий составила 61 % всех предприятий города, доля занятых на них рабочих и служащих — 32, доля валовой продукции промышленности — 25 %²⁶.

Руководство КНР стремится решить проблемы занятости в городах в основном за счет создания или расширения таких предприятий и организаций, на которых требуется меньше затрат на подготовку рабочего места. Широкие масштабы приняло создание так называемых компаний трудовых услуг — питание, торговля, пошив одежды, ремонт радиоаппаратуры. Например, если в 1986 г. стоимость основных производственных фондов в государственном секторе из одного занятого в торговле, на предприятиях питания и в сфере услуг в среднем составила 6574 юаней, то в промышленности — 13 102 юаня, на транспорте и в связи — около 23,4 тыс. юаней²⁷.

Поэтому при решении вопросов трудоустройства большое внимание уделялось организации компаний трудовых услуг (лаодун фуу гунсы). Компании трудовых услуг были созданы в 1979 г. в качестве резервуара для использования неквалифицированной рабочей силы, которую нельзя трудоустроить на предприятиях из-за отсутствия профессиональной квалификации. В настоящее время они являются одной из вспомогательных форм вовлечения не имеющей профессиональной подготовки молодежи в сферу общественного труда, где молодые люди получают временную работу и имеют возможность овладеть одной из специальностей. Таким образом, в КНР компании трудовых услуг становятся одной из форм обеспечения занятости молодежи, только что вступающей в трудоспособный возраст. Они также призваны помочь людям, ушедшим с предприятий по причине выхода из трудоспособного возраста.

Постепенно в течение 80-х гг. была создана целая сеть компаний трудовых услуг в городах, в отдельных районах они распространялись в волостях и поселках. К 1986 г. уже насчитывалось 50 тыс. компаний трудовых услуг, при них было создано 230 тыс. коллективных предприятий, трудоустроено 13 млн. человек. Компаниями трудовых услуг было создано 2000 центров подготовки кадров, в которые принимали в год около 2 млн. человек²⁸. Через компании трудовых услуг получали работу свыше 20 % трудоустроенных²⁹. Если раньше они направляли на предприятия временных рабочих на неквалифицированные

работы, то сейчас предлагаются все виды трудовых услуг, постепенно создается рынок труда. Ежегодно компании трудовых услуг организуют временную работу более 1 млн. человек. Они также занимаются вопросами распределения избыточной рабочей силы на предприятиях и заняты работой по перемещению трудозбыточного населения из сельского хозяйства. Одними из лучших считаются компании трудовых услуг в Шанхае, которые охватывают 12 районов, 123 уличных комитета, 4 уезда, 33 поселка и 108 волостей, подчиненных городским властям. Всего в Шанхае насчитывается 167 компаний трудовых услуг, в которых занято 32 тыс. человек. Из них 68 % рабочих и служащих занято в сфере услуг, 25 — в перерабатывающей промышленности и 7 % — в торговле. Эти рабочие и служащие набираются из закончивших среднюю школу и ожидающих работу молодых людей и безработных из прилегающих уездов и волостей. Все являются временными рабочими на срок от полугода до года, и их средний доход составлял в 1984 г. 80 юаней в месяц³⁰. В рамках компании трудовых услуг функционировали и группы подготовки, где рабочая сила проходила предварительное обучение для освоения какой-либо профессии — ремонт электрооборудования, перепечатка на машинке, шитье, вязание, пошив одежды, приготовление пищи и т. д. Таким образом, в 80-е гг. компании трудовых услуг становятся не только важной формой трудоустройства населения, но и местом получения одной из массовых профессий, необходимых обществу.

Однако, несмотря на заметные изменения в вопросах трудоустройства рабочей силы, в целом в начале 80-х гг. сдвиги в вопросах найма на предприятия были довольно незначительными. Некоторые китайские экономисты отмечали тогда в порядке дискуссии, что «реформы в экономике в основном не затронули вопросы распределения рабочей силы», и поэтому предлагалось «разрешить трудящимся на базе потребностей общественного производства и индивидуальных трудовых навыков свободно выбирать профессию и место работы»³¹.

В начале 80-х гг., как и в 60—70 гг., существовала чрезмерная централизация в сфере найма, и администрация предприятий не имела тогда достаточно возможностей регулировать приток рабочей силы. Решение этого вопроса в значительной мере сдерживалось принятым в 1978 г. Госсоветом КНР Временным постановлением об уходе рабочих и служащих на пенсию, которое подтверждало фактическое наследование рабочего места на предприятии детьми рабочих и служащих, уходящих на пенсию. Практически этим постановлением пользовались почти все рабочие и служащие, уходящие на пенсию, включая кадровых рабочих, интеллигенцию, служащих. В результате на предприятия не всегда попадали лучшие. Таким образом, в последние годы значительно уменьшился поток рабочей силы, направляемый на государственные предприятия, особенно центрального подчинения. Это вызвано прежде всего нехваткой государственных капиталовложений, невозможностью подготовить большее количество новых рабочих мест на государственных предприятиях.

В сентябре 1983 г. Госсовет КНР принял специальное уведомление, в котором сообщал об изменениях, внесенных во Временное постановление об уходе рабочих и служащих на пенсию. Разрешалось принимать на работу детей только постоянных рабочих, достигших определенного возраста (мужчины — 60 лет, женщины — 50 лет) при десятилетнем непрерывном трудовом стаже родителей. При этом для детей были введены обязательные экзамены по специальности и установлен испытательный срок, а администрация получила возможность увольнять с работы тех из них, кто не соответствовал условиям найма. Также было предложено уволить всех детей рабочих и служащих, принятых на работу, но не соответствовавших условиям найма³². Однако

и после публикации уведомления Госсовета КНР местные органы продолжали набор на работу в обход принятого уведомления.

Итак, все это не снимало проблемы создания системы рационального использования рабочей силы, предусматривающей наибольшую отдачу от каждого работающего. Особенно актуально этот вопрос стоял для рабочих и служащих государственного сектора, и прежде всего так называемых постоянных рабочих, находящихся фактически пожизненно в штате предприятия до ухода на пенсию. Их нельзя было уволить за профессиональную непригодность, прогулы и нарушение трудовой дисциплины, по состоянию здоровья перевести на другую работу. На Всекитайском совещании работников управлений и канцелярий труда и кадров в мае 1986 г. было предложено постепенно ликвидировать недостатки единого распределения рабочей силы, создавать новую систему труда (в которой трудоустройство, профессиональная подготовка и использование рабочей силы были бы тесно взаимосвязаны с социальным регулированием), способствовать рациональному переливу и использованию рабочей силы³³. Реализация этих положений связана с ликвидацией системы централизованного направления на работу, созданием системы использования рабочей силы, соответствующей положению в стране. В первую очередь китайские ученые-экономисты и социологи рекомендовали «проводить отбор рабочей силы на предприятия и свободный выбор профессии трудящимися», предложили разрешить совместительство в интересах соединения рабочей силы и средств производства³⁴. Эти предложения в отдельных районах КНР стали реализовываться с 1982 г. в виде такой формы найма рабочей силы, как система трудовых договоров.

С 1982 г. начала осуществляться новая форма найма рабочей силы — была введена система трудовых договоров (лаодун хэтон чжиду), которая к концу 1984 г. охватила около 780 тыс. человек в 29 провинциях, городах центрального подчинения и автономных районах³⁵. В основном эти трудовые договоры заключались молодежью от 16 до 25 лет, имеющей образование в объеме средней школы первой ступени и выше, при найме на государственные и крупные коллективные предприятия. Новая форма трудового найма предусматривала период обучения рабочего с выплатой стипендии и различных надбавок, а затем после сдачи экзамена — испытательный срок на полгода-год, иногда на 2—3 года и лишь затем подписание трудового договора на 3—8 лет (например, в Ухани и Сучжоу — на 5 лет) с последующим продлением его действия после окончания срока в случае хорошей работы на производстве. Вот как действует система контрактного труда в городе Чжанцзякоу (провинция Хэбэй). Во время испытательного срока рабочий выполняет производственные задания по I разряду, затем по истечении испытательного срока ему дают выполнять задание по II разряду и еще через год в зависимости от отношения к труду, уровня квалификации, вклада в работу ему устраивают экзамен и присваивают разряд. Затем через несколько лет еще раз проводят экзамен, и рабочему дают разряд, иногда разряд могут повысить, а могут и понизить³⁶. Сам контракт, как правило, включает в себя всего 14 пунктов, в которые входят условия действия и срок контракта, обязанности сторон, подписавших контракт, условия оплаты труда и социального страхования, время работы и отдыха, условия безопасности труда, ответственность за нарушение условий контракта и т. д.³⁷ И в настоящее время одним из основных вопросов при внедрении системы контрактного труда является действенность контроля за выполнением контракта как администрацией предприятия, так и рабочим.

На совещании по трудовым договорам, состоявшемся в Пекине еще в начале 1983 г., особое внимание обращалось на то, что если рабочие, заключившие трудовой договор, находятся в равных условиях с постоянными рабочими, по

работают больше, то их заработная плата должна быть выше, чем у постоянных. Указывалось также, что они имеют такие же права, как и постоянные рабочие при вступлении в КПК, КСМК, профсоюз, равные возможности участия в системе политической учебы и повышении профессиональной квалификации³⁸. Однако в настоящее время даже в тех городах, где эта система найма уже действует, доля «контрактных» рабочих пока еще невелика. Например, в 1984 г. их доля в Ухани составляла 0,5 % общей численности рабочих и служащих, в Шанхае — 3, в Сучжоу — 2,2 %³⁹. Таким образом, система трудовых договоров затронула пока лишь незначительную часть рабочего класса.

Однако, в дальнейшем, как отмечалось в статье известного китайского ученого-экономиста, директора Института экономики промышленности АОН Китая Цзян Ивэй, «планируется переход всех рабочих и служащих на эту систему. Эта система, осуществляемая в порядке эксперимента, дала хорошие результаты»⁴⁰. В середине 80-х гг. среди китайских ученых велись дискуссии по вопросу о перспективах развития системы трудовых договоров при найме рабочей силы. Сторонники этой системы, в частности директор Института труда Министерства труда и кадров КНР Юэ Гуанчжао, предполагают, что к концу XX века будет полностью осуществлен переход на эту систему. Для этого намечается изменить существующую в настоящее время практику использования системы контрактного труда только для молодых рабочих, поступающих на предприятия, распространять ее на постоянных рабочих, имеющих длительный стаж работы на предприятии. С одной стороны, этот порядок должен действовать при переводе постоянных квалифицированных рабочих на новые предприятия и в новые районы, предусматривает заключение с ними трудовых контрактов и, таким образом, перевод в контрактные рабочие. С другой стороны, среди постоянных рабочих планируется создавать рабочие комплексные бригады («цзухэ»), а при создании этих бригад рабочие должны подписывать контракты⁴¹.

В середине 80-х гг. в некоторых районах страны на предприятиях была создана система рабочих комплексных бригад, в чем-то напоминающая систему бригадного подряда в СССР. Наиболее активно такие рабочие бригады возникали в провинции Хэнань. Эти бригады были созданы в рамках существующего штатного расписания предприятия. Набор в бригаду происходил на основе отбора и приглашения лучших и желания работать в бригаде. Бригада выбирает своего бригадира, который сам расставляет рабочих и от имени бригады заключает с руководством предприятия контракт. Не попавшие в одну из бригад назывались кандидатами, им выплачивалась прежняя зарплата на протяжении от 3 месяцев до года, в дальнейшем если они не находили себе бригаду, то им или снижалась заработная плата, или они по своему желанию могли уволиться с предприятия⁴². Такая система организации труда постоянных рабочих в значительной степени способствовала скорейшему переводу постоянных рабочих в контрактные.

Некоторые экономисты, в частности вышеупомянутый Цзян Ивэй, ставили вопрос по-иному: целесообразно ли всех рабочих переводить на систему контрактации труда, не подорвет ли эта система положения рабочего, хозяина предприятия? Поэтому ими предлагалось использовать на предприятии сразу три категории рабочих — постоянные (чжэншигун), контрактные (хэтунгун) и временные (линьшигун), между которыми должны осуществляться постоянные перемещения из одной категории в другую⁴³. Однако и в том и в другом случае предполагалась замена наследования рабочих мест детьми квалифицированных рабочих, уходящих на пенсию, на систему трудовых договоров, что должно было позволить ликвидировать социальные барьеры, сложившиеся к концу 70-х — началу 80-х гг. между временными и постоянными рабочими.

В сентябре 1986 г. Госсовет КНР принял четыре постановления по реформе

системы организации труда в стране: 1) о системе трудовых договоров, 2) о порядке найма на работу, 3) об увольнении с работы, 4) о двух системах социального страхования для безработных и ушедших на пенсию. Как отмечалось в китайской печати, «реформа системы организации труда проводится для того, чтобы привести ее в соответствие с основными задачами в области проведения хозяйственной реформы и с необходимостью развигтия социалистической плановой товарной экономики»⁴¹. Таким образом, руководство КНР в ходе хозяйственной реформы через реформу системы организации труда пытается увязать интересы трех сторон — государства, предприятия и отдельного работника. В ходе этой реформы постепенно предстоит добиваться необходимого соответствия между интересами государства, предприятия и отдельного работника с целью совершенствования производственных отношений.

В результате использования системы трудовых договоров, по данным Министерства труда и кадров КНР, на конец 1986 г. общая численность контрактных рабочих составила около 4,3 млн. человек (или около 5 % всех рабочих)⁴². В целом в КНР собираются перейти на систему трудовых договоров к 2000 г. Сейчас система контрактного труда используется только среди молодых рабочих. Однако с 1 октября 1986 г. все желающие трудоустроиться на предприятия государственного сектора должны сдавать экзамены, проходить испытательный срок 3—6 месяцев и подписывать трудовой договор с администрацией предприятия. Хотя сейчас доля контрактных рабочих невелика, но ежегодное трудоустройство 6—7 млн. человек на предприятия государственного сектора в целом позволит к 2000 г. полностью перейти на систему трудовых договоров в стране.

В конце 70-х — начале 80-х гг. в системе найма рабочей силы стали происходить изменения, которые заметно оживили социальную структуру общества за счет больших возможностей для социальных перемещений в ней и создали предпосылки для постепенного роста качественного уровня рабочего класса. Однако наличие ряда объективных факторов (большая численность населения, сравнительно низкий уровень производительных сил) в значительной степени сдерживает развитие рабочего класса Китая, и потребуются еще годы для того, чтобы полностью проявилась его ведущая роль в обществе.

¹ См.: Чжунго тунци чжайяо — 1987. Пекин, 1987, с. 17.

² См.: «Шэхуэйсюэ яньцзю», 1986, № 6, с. 22.

³ См. подробнее: Yue Guangzhao. Employment, wages and social security in China. — "International Labour Review", 1985, v. 124, № 4, p. 411—413.

⁴ См.: Чжунго тунци яньцзюнь — 1981. Пекин, 1981, с. 189; «Цзинци жибао», 6.I.1988. «Жэньминь жибао», 12.VIII.1987.

⁵ См.: Сяньдай чжунго цзинци шидянь (Экономический словарь современного Китая). 1985, с. 513.

⁶ См.: Ли Цзяньли. Дали фачжань дисань чань е кайпи гуанкоды цзю е линъюй (Всемерно развивать сферу трудоустройства, широко открывая путь «третьей сфере»). «Чжунго лаодун», 1985, № 2, с. 2.

⁷ См.: «Цзинци жибао», 8.V.1985.

⁸ См.: «Жэньминь жибао», 11.V.1985.

⁹ См.: «Цзинци жибао», 17.X.1984.

¹⁰ См.: «Цзинци жибао», 18.X.1984.

¹¹ In: "Beijing Review", 1987, № 3, p. 22—23.

¹² См.: Хэ Гуан. Гуанъюй лаодун и «се гуанцзюды цзи дянь цзюнь (Мнение по работе в сфере трудоустройства). — «Чжунго лаодун», 1985, № 6, с. 2—6, Yue Guangzhao. Employment, wages and social security in China. — "International Labour Review", 1985, v. 124, № 4, p. 411—422.

- ¹³ Уде Гуангжао. *Op. cit.*, p. 414.
- ¹⁴ См.: «Жэньминь жибао», 24.XI.1981, «Гуанхуэйды 35 нянь, 1949—1985» (Славное 35-летие), Пекин, 1984, с. 156. Чжунго тунци чжайяо — 1987, с. 22.
- ¹⁵ См.: Хэ Гуан. Указ. соч.
- ¹⁶ См.: Чжунго тунци чжайяо — 1987, с. 22.
- ¹⁷ См.: там же
- ¹⁸ См.: там же
- ¹⁹ См.: там же
- ²⁰ См.: Ли Цзяньли. Указ. соч., с. 2, 3; Чжуан Цидун. Цзай цзинци тичжи гайгэ чжун цзэцзюэ цзюэе вэньти. (В ходе хозяйственной реформы решить вопрос трудоустройства) — «Лаодун юй жэньши». 1985, № 4; Хэ Гуан. Указ. соч., с. 2—6.
- ²¹ См.: «Жэньминь жибао», 16.XI.1984.
- ²² См.: Чжуан Цидун. Указ. соч., с. 13.
- ²³ См.: Чжунго тунци ниньцзинь — 1981, с. 105, Чжунго тунци чжайяо — 1987, с. 17.
- ²⁴ См.: «Цзинци жибао», 1.II.1985.
- ²⁵ См.: «Жэньминь жибао», 16.XI.1981.
- ²⁶ См.: «Проблемы Дальнего Востока», 1986, № 4, с. 84.
- ²⁷ См.: Чжунго тунци чжайяо — 1987, с. 13, 18.
- ²⁸ См.: «Жэньминь жибао», 4.XI.1984 (из выступления министра труда КНР Чжао Шоуи; Чэнь Шунюань. Игэ пиньбу цюаньгоды лаодун цзюэван (Всесторонняя общегосударственная сеть трудоустройства).— «Банькюэтань», 1986, № 18, с. 28—29; «Цзинци жибао», 5.I.1988.
- ²⁹ См.: «Жэньминь жибао», 4.XI.1984.
- ³⁰ Из беседы в управлении труда и кадров города Шанхая в апреле 1985 г.
- ³¹ См.: «Гуанмин жибао», 31.XII.1980.
- ³² См.: «Жэньминь жибао», 9.IX.1983.
- ³³ См.: «Жэньминь жибао», 8.V.1986.
- ³⁴ См.: Шэнь Цзэнхуи. Индан юньсюй чэньши чжигун цунши диэр чжие (Надо разрешить рабочим и служащим города заниматься совместительством).— «Цзянхай сюекань», 1985, № 3, с. 52—53; «Жэньминь жибао», 16.XI.1984.
- ³⁵ См.: Хэ Гуан. Цзякуай туйсин лаодун хэтунчжиды буфа (Ускорить внедрение системы трудовых контрактов). «Чжунго лаодун», 1985, № 2, с. 2.
- ³⁶ См.: «Хэбэй лаодун жэньши», 1985, № 6, с. 25.
- ³⁷ См.: Цзя Чэнь, Хуан Шилнь. Лаодун хэтун баокоды нэйжун (Содержание трудовых контрактов).— «Лаодун юй жэньши», 1985, № 2, с. 27—29.
- ³⁸ См.: Лю Инчэн. Туйсин хэтунчжи гунжэньчжунды цигэ вэньти (Некоторые вопросы внедрения системы трудовых контрактов среди рабочих).— «Цишу цзинци юй гуаньти яньцзю», 1985, № 2, с. 59—60.
- ³⁹ Из бесед автора в управлениях труда и кадров Шанхая и Сучжоу и канцелярии народного правительства города Ухани в январе и апреле 1985 г.
- ⁴⁰ См.: Цзян Ивэй. Соючжигун доу шини хэтунчжи бу фухэ цие шэхуэйчжун синчжи (Переход всех рабочих и служащих на систему контрактного труда не соответствует социалистической сущности предприятия).— «Цзинци тичжи гайгэ», 1985, № 1, с. 11.
- ⁴¹ См., например, Юэ Гуанчжао. Гайгэ гудингун чжиду чжун ин чжунды цигэ вэньти (Несколько вопросов, на которые надо обратить внимание при реформе системы «постоянных» рабочих).— «Чжунго лаодун», 1985, № 4, с. 13—15; Ван Цзюнь, Ли Цзюньшэн, Юй Фамин. Гуаньюй цзякуай юнгуи чжиду гайгэ буфады вэньти (К вопросу об ускорении реформы системы использования рабочей силы).— «Чжунго лаодун», 1985, № 6, с. 9—11.
- ⁴² См.: Чжао Чжунсюань. Гаохо гудингун чжидуды юи чанши (Полезный эксперимент для оживления системы постоянных рабочих).— «Чжунго лаодун», 1985, № 6, с. 8—10.
- ⁴³ См.: Цзян Ивэй, там же, с. 11—13.
- ⁴⁴ См.: «Жэньминь жибао», 10.IX.1986.
- ⁴⁵ См.: там же, 21.I.1987.

Роль невоенных факторов в военно-политической стратегии США в Азии

А. П. МАРКОВ,
доктор исторических наук

Всемерное наращивание военного потенциала страны, «тотальная милитаризация» партнеров по военным блокам и союзам, ядерный шантаж — все, что составляет политику «с позиции силы», является важным, но не единственным средством достижения империалистических целей в глобальной стратегии США. Использование идеологического, политического, дипломатического, финансового, экономического, пропагандистского, иных невоенных факторов воздействия на страны Азии и других районов мира (ибо эта политика проводится Вашингтоном в глобальных масштабах) играет немаловажную роль в арсенале внешнеполитических средств американской администрации.

Возросшее значение этих факторов вытекает из признания президентом США Р. Рейганом на встрече в ноябре 1985 г. с Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым в Женеве того факта, что «ядерная война никогда не должна быть развязана, в ней не может быть победителей», что «любой конфликт между СССР и США мог бы иметь катастрофические последствия» и поэтому необходимо добиваться «предотвращения любой войны между ними — ядерной или обычной»¹. Убеждение в недопустимости ядерной войны лежало также в основе переговоров «на высшем уровне» в Рейкьявике в октябре 1986 г., когда только упорное нежелание Р. Рейгана отказаться от пресловутой программы «звездных войн» — СОИ — помешало достижению очень важных соглашений. «Это были не очередные переговоры, а момент истины, когда приоткрылась величайшая перспектива выйти на дорогу к безъядерному миру», — заявил, касаясь Рейкьявика, М. С. Горбачев на встрече с участниками Международного форума «За безъядерный мир, за выживание человечества», состоявшегося в Москве в феврале 1987 г.²

Понимание губительных последствий ядерной войны хоть и медленно, с оговорками, но проникает в высшие сферы американского руководства. Как известно, первым практическим шагом, позволившим «выйти на дорогу к безъядерному миру», явилась новая встреча в верхах, состоявшаяся в декабре 1987 г., когда между СССР и США был подписан Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, а также достигнута договоренность о переговорах относительно сокращения на 50 % стратегических вооружений двух держав, ликвидации химического оружия, сокращения обычных вооружений и др. Все это открывает хорошие перспективы для ослабления противостояния стран НАТО и Варшавского договора, для нормализации положения в Европе. Но это также окажет позитивное воздействие и на обстановку в азиатско-тихоокеанском регионе, активизируя там антивоенные, антиядерные силы. В сложившихся условиях невоенные факторы обретают в политике США все больший вес и значение.

Усиление роли невоенных факторов в военно-политической стратегии США

«Насилие может *взять*... но не может *создать*», — писал Ф. Энгельс³. В наши дни в условиях существования военного паритета использование Вашингтоном военной силы не может обеспечить ему «взятие» каких-либо преимуществ и привилегий, представляя реальную угрозу самому существованию США. Между тем широкое использование невоенных факторов, устраняя эту угрозу, преследует в конечном счете все те же цели увеличения мощи и влияния США в азиатско-тихоокеанском регионе и в других районах мира. «Невоенные факторы будут в значительной мере определять эффективность военной силы той или иной державы при решении и чисто военных, и невоенных задач, — считают американские специалисты. — Война будет всегда оставаться допустимым орудием национальной политики государства»⁴.

Политика, акцентирующая меры, не представляющие собой прямые военные приготовления, но так или иначе способствующая им, делающая их более эффективными, кроме других преимуществ, служит как бы маскировкой главных целей американского империализма. Активно используя, наряду с мерами открыто силового давления, обширный арсенал невоенных средств, Вашингтон стремится к достижению своих империалистических целей в АТР. Набор средств оказания воздействия на политику других стран региона, а также тактические методы их применения могут меняться

с учетом внутривнутриполитического и экономического положения в той или иной стране, однако главные цели — противодействие социалистическим государствам, расширение американского влияния в регионе, укрепление здесь экономических, политических и военных позиций США для утверждения превосходства над своими союзниками и партнерами — пока остаются общими и неизменными. Последнее усилено маскируется тезисом о необходимости объединения усилий стран «свободного мира» для борьбы против «советской угрозы», против «угрозы коммунизма».

Экономическая и финансовая экспансия как инструмент давления

Усилия Вашингтона направлены на то, чтобы заставить «работать» экономику и ресурсы как развитых, так и развивающихся капиталистических стран, находящихся в фарватере империалистической политики США, на военную стратегию американских «ястребов», оказывающих большое влияние на политику Вашингтона, по возможности перекладывая на эти страны и финансовое бремя, и ответственность за проводимую США политику «тотальной милитаризации». Для этого широко используются и манипулирование долларом, все еще сохраняющим привилегированное положение в системе международных расчетов, и колоссальные американские капиталовложения в экономику Австралии, Новой Зеландии, стран АСЕАН.

Этому служат технологические достижения и экспортные потенции наукоемких отраслей американской промышленности, ведущее положение в производстве сельскохозяйственной продукции, а также многие другие невоенные компоненты, являющиеся, с одной стороны, ресурсами силы американской буржуазии, прежде всего в отношении развивающихся стран, а с другой — инструментом внешней политики в руках государственного департамента и военной стратегии в руках Пентагона. «Ведь что происходит? — говорил М. С. Горбачев в интервью алжирскому журналу «Революсьон африкэн». — Сохраняя эти страны в неравноправном положении, империализм перекладывает на них последствия неурядиц в собственной экономике... Эксплуатируя молодые государства, империализм наживается, богатеет. Во многом за их счет он финансирует гонку вооружений». «Лишь за последнее десятилетие прибыли, выкаченные корпорациями США из развивающихся стран, вчетверо превысили их вложения»⁶.

Мощным инструментом «силового давления» США на страны азиатско-тихоокеанского и других районов мира, особенно в 80-е гг., служит внешняя торговля. Хотя, начиная с 1978 г. США перестали быть крупнейшим экспортером среди других капиталистических промышленно развитых стран, уступив Японии и ФРГ (доля американского экспорта в 1986 г. составила 12,2 %, а дефицит внешней торговли на них последнее десятилетие возрос, что явилось одной из причин резкого падения курса доллара и финансового кризиса капиталистических стран, разразившегося в 1987 г.), внешнеторговая экспансия по-прежнему играет очень большую роль во внешнеполитической стратегии Вашингтона. Прямые капиталовложения США за границу достигли к тому времени 223 млрд. долл., из них более 30 млрд. — в странах АТР. Эти капиталовложения активно «работали» на отечественную экономику и торговлю. Чистая же прибыль от них достигала 23 млрд. долл. в год. Стоимость продукции, производимой ежегодно на базе инвестиций и предприятий, находящихся под контролем американского капитала, составляет примерно 3 трлн. долл. Количество предприятий за рубежом, контролируемых американским капиталом, — 17 тыс. Стоимость их продукции почти в 4 раза превышала размеры экспорта страны⁷.

Получение максимальных прибылей является важнейшим стимулом инвестиционной деятельности американских монополий в АТР. Однако четко прослеживаются ее политическая направленность, политический расчет. По мере увеличения роли государства в определении стратегии правящих кругов страны этот расчет получает все большее значение, оказывая решающее влияние на деятельность в странах региона как государственных, так и частных американских торговых фирм, дипломатических и торговых представительств, банков, фондов и т. п.

Против социалистических стран АТР — СССР, МНР, КНДР, стран Индокитайского полуострова — Вашингтон широко использовал «экономические санкции», а Куба уже более 20 лет подвергается экономической блокаде со стороны США. Постоянно ужесточались запреты на поставки в эти страны техники и технологии по линии созданного в 1949 г. по инициативе Вашингтона Координационного комитета по контролю над экспортом в социалистические страны (КОКОМ). Давно наложен запрет на деятельность американских банков, торговых фирм на экспорт товаров и техники в КНДР и МНР (1950), в ДРВ (1954). Администрация США отказывается поставить на прочную недискриминационную основу торгово-экономические отношения с СССР. С начала 80-х гг. условия торговли США с социалистическими странами все более ужесточались, вводились все новые запреты и санкции. Эту политику Вашингтон стремился навязывать и своим союзникам.

Одновременно предпринимались усилия для того, чтобы теснее привязать экономику Японии, других «дружественных стран» к экономике США, установить через транснациональные компании, в которых господствует американский капитал, свой контроль над распределением промышленного стратегического сырья и топлива в капиталистическом мире, получив таким образом в свое распоряжение еще один мощный рычаг для воздействия на другие страны АТР, являющиеся поставщиками такого сырья на мировой рынок или его потребителями.

При этом администрация США проявляет известную гибкость, не очень связывая себя идеологическими догмами. Руководствуясь исключительно политическими соображениями, Вашингтон ослабил формальные ограничения на торговлю с некоторыми социалистическими странами, пытаясь поколебать содружество социалистических государств. Очень рельефно эта политика проявляется в настоячивых попытках Вашингтона вовлечь в систему капиталистических международных отношений Китай, используя его заинтересованность в получении современной техники и технологии.

Исходя из политических и чисто военных расчетов, Вашингтон сравнительно терпимо относится к крайне нежелательной для США торговой экспансии Японии на рынки страны, а также на рынки зависимых от них развивающихся стран АТР. Дефицит США в торговле с Японией продолжает расти: в 1983 г. он составил 23,3 млрд. долл., в 1984 г. — 35 млрд. долл., в 1985 превысил 50 млрд. долл., а в 1986 г. был более 60 млрд. долл.⁸

Создавшееся положение вызывает протесты среди американских бизнесменов, в американском конгрессе. Администрация пытается влиять на Токио, добиваясь от Японии введения «добровольных ограничений» на экспорт в США, угрожая применением санкций и других мер. Однако переходить от слов к делу США пока не спешат. Такая позиция администрации объясняется просто, за «либеральное отношение» к активной торговой экспансии Японии Вашингтон требует от японского правительства безоговорочного удовлетворения домогательств Пентагона в ускорении милитаризации страны, в превращении ее территории в ракетно-ядерный плацдарм США на Дальнем Востоке, добиваясь активного соучастия страны в реализации программы СОИ, военно-стратегических планов США в АТР.

В марте 1987 г. американский конгресс уполномочил президента принять карательные меры в отношении стран, прибегающих к «нечестным способам ведения торговли», имея при этом в виду Японию. В том же месяце Р. Рейган принял решение о наложении «штрафов» в размере 100 % на цены некоторых японских товаров, поступающих на американский рынок. Общая сумма «штрафов» составила около 300 млн. долл. В июне Вашингтон поднял большой пропагандистский шум вокруг так называемого дела о продаже Советскому Союзу японским концерном «Тосиба» нескольких станков с программным управлением, запрещенных КОКОМ, под тем предлогом, что это якобы позволило усовершенствовать обработку гребных винтов советских подводных лодок, что «нанесло огромный ущерб безопасности свободного мира». В связи с этим Вашингтон угрожал потребовать от Токио выплаты компенсации в 30 млрд. долл.⁹ Вместе с тем он дал понять, что не будет требовать компенсации «за нанесенный ущерб» и уменьшит «штрафы» за «нечестные способы торговли», если Япония проявит больше готовности в выполнении некоторых требований США. Результатом этого явного шантажа было согласие Токио на активное двустороннее сотрудничество с США в совершенствовании противолодочных средств, подписание в июле соглашения об участии в программе СОИ, искусственно разжигаемая в стране кампания шпиономании и антисоветизма, ухудшение в 1987 г. советско-японских отношений.

Для удержания в своей орбите Австралии и Новой Зеландии Вашингтон также стремится использовать торгово-экономические связи с этими странами и другие невоенные факторы. Идеологическая, информационная культуртрегерская экспансия США носит здесь тотальный характер. Эксплуатируется близость культур, традиций преобладающего англоязычного населения этих двух стран, хорошо налаженные торговые отношения, обмен людьми и т. п.

Наряду с этим прибегают также к методам политического и торгово-экономического давления на эти страны, если считают, что политика их правительства не согласуется с интересами США. Так осенью 1983 г., когда лейбористское правительство Новой Зеландии запретило заход в порты страны американских кораблей с ядерным оружием на борту, американская администрация подвергла ее торгово-экономическим санкциям, грубому политическому давлению. США также наотрез отказались признать «Договор Раротонга» 1985 г., по которому южная часть Тихого океана была объявлена безъядерной зоной. Участниками этого договора, как известно, являются, кроме Австралии и Новой Зеландии, также Фиджи, Папуа — Новая Гвинея, другие страны региона. Предпринимаются энергичные попытки вызвать раскол среди этих стран, ослабить антиядерную направленность проводимой ими политики.

Особо важное значение имеет наличие сильных позиций США в экономике Австралии, где американские капиталовложения в настоящее время превышают 15 млрд. долл., а многие отрасли экономики находятся под контролем американских фирм. Так, из 200 крупнейших компаний, действующих в стране, 86 контролируются иностранными, главным образом американским, капиталом. При этом финансовый фактор играет исключительно важную роль в проникновении США в экономику Австралии. «Финансовый капитал, — писал В. И. Ленин, — такая крупная, можно сказать, решающая сила во всех экономических и во всех международных отношениях, что он способен подчинить себе и в действительности подчиняет даже государства, пользующиеся полнейшей политической независимостью»¹⁰.

Еще более откровенно экспансионистский характер носит использование Вашингтоном торговых, финансовых и других невоенных средств в развивающихся странах региона. Это можно видеть на примере стран АСЕАН, где ведут свои операции более 5 тыс. американских фирм¹¹. Прибегая к экономическим и финансовым рычагам, администрация США добивается экономического закабаления этих стран, подчинения их целям своей военной стратегии, проводит политику их милитаризации, пользуясь поддержкой и содействием со стороны Японии, Австралии и стран Западной Евро-

ны. Американские капиталовложения в экономику стран АСЕАН составляют сейчас более 10 млрд. долл., а общая сумма их задолженности США, Японии, их партнерам по проведению не-околоналистской политики в регионе достигает почти 100 млрд. долл.¹²

Роль «помощи». Торговля оружием

Среди военных средств воздействия на развивающиеся страны предоставление займов, капиталовложения, оказание экономической и технической «помощи» занимают весьма видное место в стратегии американского империализма. Касаясь характера и целей подобного рода деятельности капиталистических государств за границей, В. И. Ленин указывал на ее тяжелые политические и особенно экономические последствия для стран-получателей. Он писал, что империалистические державы, использующие вывоз капитала для форсирования экспорта товаров, «дерут две шкуры с вола: во-первых, прибыль с займа, во-вторых, прибыль с *того же* займа, когда он идет на покупку изделий»¹³. Масштабы такой деятельности в развивающихся странах, предоставление им экономической и технической «помощи» увеличиваются или уменьшаются в зависимости от «поведения» стран-получателей. Известный американский специалист по вопросам помощи развивающимся странам Р. Уолтерс еще в 1970 г. писал в связи с этим, что предоставление экономической «помощи» США диктуется политическими целями, желанием получить больший доступ к принятию решений в правительственных сферах развивающихся стран. В этом смысле экономическая помощь выполняет функцию смазочного вещества, облегчающего или делающего возможным осуществление американской дипломатии¹⁴.

В 80-х гг. политизация и даже милитаризация торгово-экономических и других связей страны с развивающимися государствами резко усилилась. Видное место заняло предоставление им различных видов «военной помощи», расширение коммерческих поставок боевой техники. Значительная часть американского экспорта оружия и так называемой «военной помощи» направляется в страны АСЕАН. В 1981 г. ее сумма составляла 541 млн. долл. (в 1980 г. — 403 млн. долл.). За последние 10 лет общая сумма «военной помощи» США странам АСЕАН превысила 3 млрд. долл.¹⁵

Однако продажа дорогостоящей современной боевой техники неизмеримо больше. Расходы стран АСЕАН на ее приобретение, на оплату тысяч американских советников, на содержание и обучение армий увеличились с 6599 млн. долл. в 1980 г. до 9087 млн. долл. в 1985 г.¹⁶ Процесс милитаризации этих государств с помощью США происходит по сходным сценариям. Чаще всего на первых порах предлагается американская военная техника за малую, иногда символическую плату или же безвозмездно, в порядке «военной помощи» (и конечно же — в целях «отражения коммунистической угрозы»). Получив американскую военную технику, страна оказывается зависимой от поставок к ней запасных частей. Она также нуждается в помощи американских специалистов для ее освоения и ремонта. Часть такого оружия продолжает поступать безвозмездно, зато быстро увеличиваются его коммерческие поставки. Завладев таким образом рынком оружия развивающейся страны, установив тесные деловые контакты с местными военными кругами и влиятельными политическими деятелями, Пентагон уже диктует свои условия поставок, добиваясь уступок и прибегая к подкупам, шантажу, политическим и иным формам воздействия на ее правительство. Таким образом, «военная помощь» и экспорт американского оружия в развивающиеся страны Азии являются одним из средств неокOLONIALИЗМА, что позволяет США осуществлять прямой грабеж их национальных богатств.

Если же правительство современной развивающейся страны не проявляет интереса к дальнейшим закупкам оружия, предпочитая направлять средства на развитие невоенных отраслей экономики, на удовлетворение социальных нужд, то ей предлагают оказать помощь и в этом, при условии, если она закупит также и американскую военную технику или согласится на строительство военных предприятий с помощью США.

Результат одинаков: развивающаяся страна оказывается так или иначе привязанной к американским источникам получения техники и технологии, как «двойного назначения», так и чисто военной. Постепенно она расширяет закупки американского оружия, на что ей предоставляются соответствующие кредиты, а ее собственная, быстро прогрессирующая военная промышленность ориентируется на американские технические стандарты. Наглядным примером может служить Таиланд — активный покупатель американской военной техники. Таким же способом осуществляется милитаризация других стран АСЕАН, насыщение рынков этих стран американским оружием.

Идеологическая обработка

Очень важную роль в политике американской администрации играют также инструменты идеологического воздействия, и в частности — широко пропагандируемый средствами массовой информации фактор «общности интересов» правящих кругов США, других капиталистических стран. Объявив «крестовый поход» против коммунизма, США стремились создать общую идейную платформу борьбы против СССР, других социалистических и независимых развивающихся государств. На этой основе они пытались добиваться от правительств «дружественных стран» приведения их

политических курсов и практических действий в соответствии с идейными догматами и постулатами предложенной им антисоветской, антисоциалистической платформы.

Одновременно ведется активная обработка общественного мнения этих стран. Из посылок «обности идей» делается вывод о «взаимосвязанности» капиталистических стран свободного мира, о необходимости «единства действий» всех, разумеется, под руководством США.

В 80-х гг. в столицах Японии, Южной Кореи, Австралии, стран АСЕАН побывали многочисленные американские делегации во главе с высокопоставленными деятелями, начиная с президента Рейгана, вице-президента Буша, государственного секретаря Шульца, бывшего министра обороны Уайнбергера, кончая их заместителями, помощниками и другими ответственными представителями администрации, конгресса, «большого бизнеса». Главная цель этих визитов — максимально четко определить, а если удастся, то и расширить, круг совпадающих или параллельных интересов США с этими странами, ослабить или «затушевать» имеющиеся разногласия и противоречия. Как правило, своим переговорам с руководителями азиатских государств американские визитеры стремились придать откровенно антисоветскую направленность, а их выступления и заявления содержали призывы объединить с США на основе «стратегической общности» интересов усилия в целях отражения «советской угрозы». Демагогически подчеркивая общность идей и политических целей, в реализации которых якобы заинтересованы все несоциалистические страны Азии, Вашингтон указывает на «логическую целесообразность» и даже «неизбежность» объединения усилий и ресурсов этих стран с усилиями и ресурсами США также и в военной области.

Концепция «идейной общности» представляет собой не что иное, как идеологическую экспансию американского империализма, которая вступает в прямое противоречие с национальными интересами не только развивающихся, но и развитых капиталистических государств, поскольку преследует эгоистические интересы прежде всего самой Америки. При этом следует учитывать, что внедрению антисоциалистических идей в сознание народов служит прежде всего сама система образования и воспитания в капиталистических странах. Этому служит деятельность разного рода институтов, а также новейшие средства массовой информации, пропаганды, другие средства и способы идеологического воздействия на сознание людей; деятельность религиозных, миссионерских, филантропических организаций, «корпуса мира», многочисленных фондов и т. д. «Источники всех политических процессов. — писал первый директор «корпуса мира» С. Шрайвер, — надо искать в умах и сердцах людей. Именно в городах, деревнях, на фабриках, в профсоюзах и школах, где люди живут, работают, разговаривают, учатся, начинается мировая политика»¹⁷.

Для проникновения в умы и сердца людей Вашингтон использует громадные средства как по государственной линии, так и предоставляемые частными лицами, неофициальными обществами и фондами, которых в США насчитывается около 30 тыс., а их ежегодные расходы на «благотворительные цели» достигают 2 млрд. долл. Все они преследуют общую цель — укрепление экономических и политических, а в конечном счете и военных позиций США за рубежом. Касаясь этого вопроса, Ф. Энгельс писал, что «буржуазия занимается благотворительностью в собственных интересах; она ничего не дарит, а смотрит на свои подаяния, как на торговую операцию»¹⁸. «Операции» частных американских организаций и фондов в странах АТР представляют собой постоянно действующую «добровольную», но хорошо направляемую правительством систему косвенных невоенных средств, которые должны способствовать созданию в этих странах «мирного образа» империалистической Америки, правоверной, чтущей религиозные устои и «права человека».

Еще более активную деятельность в этом плане развивают американские правительственные и полуправительственные институты, радио- и телевизионные корпорации, различные агентства печати и другие органы средств массовой информации. Информационное агентство США (ЮСИА), например, поставляет информацию 115 странам объемом до 12 тыс. слов ежедневно. Большая часть этой препарированной информации направляется в Азию. Утверждению идеологического и морально-политического лидерства США, распространению здесь дезинформации и клеветы против СССР, других социалистических государств подчинена деятельность многочисленных американских радиостанций, круглосуточно вещающих на японском, корейском, индонезийском и других языках азиатских народов. Этому в конечном счете служит деятельность американских издательств, кинокомпаний, продукция которых заполняет книжные рынки, кино- и телеэкраны развитых и развивающихся государств Азии, других районов мира. «Информация — это сила, и по традиции страна или частное лицо, которое контролирует ее в одностороннем порядке, получает преимущество по сравнению со своими собратьями и противниками, — говорил бывший директор ЦРУ У. Колби. — Это диктует необходимость для США информировать, а подчас и «индоктринировать» общественность в соответствии с логикой национальной политики»¹⁹.

Большинство информационных служб и культурных организаций США в странах АТР самым тесным образом связаны с ЦРУ, другими спецслужбами, с Пентагоном и госдепартаментом, представляя собой каналы распространения идей антисоциализма, антисоветизма и милитаризма.

Говоря о роли и значении невоенных факторов в военно-политической стратегии американской администрации в регионе, нельзя пройти мимо деятельности Центрального разведывательного управления США. В сферу деятельности этого влиятельного учреждения, в составе которого десятки тысяч служащих и секретных агентов, входят практически все мыслимые и немыслимые факторы — как военные, так и невоенные. Обязанности ЦРУ разнообразны, а «права» практически безграничны. Расходы ЦРУ официально не публикуются, но, по подсчетам специалистов, они

составляют миллиарды долларов ежегодно. Его ответственные представители входят в состав всех наиболее важных планирующих и исполнительных правительственных учреждений страны (разведывательных, военных и гражданских). ЦРУ направляет работу многих американских информационных служб за рубежом, имеет своих представителей различных рангов и специальностей в штатах всех без исключения американских посольств за границей, финансовых, торговых, научных и технических представительств, как государственных, так и частных.

* * *

Таким образом, переплетаясь и взаимодействуя, военные и невоенные факторы служат общей цели — укреплению экономических и военно-политических позиций американского империализма в Азии и других районах мира. 80-е гг. ознаменовались резкой активизацией политики с «позиции силы», беспрецедентными военными приготовлениями США, что поставило мир на грань катастрофы. Такая политика бесперспективна и крайне опасна. Повсюду, в том числе и в США, она вызывает решительные протесты. В странах НАТО, в развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки растут антиамериканские настроения. Усиливается оппозиция этой политике в американских общественно-политических кругах и в конгрессе.

Крайне осложнилось положение в Южной Корее, население которой требует установления демократического правления в стране, ухода с полуострова армии США. Касаясь антиамериканских выступлений в Южной Корее, газета «Нью-Йорк таймс» писала 15 июля 1987 г., что «простые люди» этой страны возмущены политическим вмешательством Соединенных Штатов». На Филиппинах свергнут и изгнан из страны Ф. Маркос. Новое правительство К. Акино весной 1987 г. провело референдум, которым был одобрен проект конституции, запрещающей нахождение на территории страны ядерного оружия. В ноябре в Маниле состоялась конференция с участием представителей общественно-политических, церковных, других кругов 30 азиатских стран и территорий. Делегаты обсудили вопрос о предотвращении дальнейшей милитаризации бассейна Тихого океана, о создании в регионе безъядерной зоны. В их выступлениях содержалась резкая критика политики Вашингтона²⁰. Вопрос этот был включен в повестку дня встречи глав государств стран АСЕАН в Маниле в декабре 1987 г. В принятой Декларации говорится о стремлении участников встречи предпринимать дальнейшие шаги в направлении превращения ЮВА в зону мира, свободы и нейтралитета, не подверженную никаким вмешательствам извне²¹.

Возникла реальная угроза ослабления военно-политических позиций США в АТР. Причем особую тревогу вызывали Филиппины, в которых американские генералы и политики привыкли видеть послушного исполнителя своей воли. Пытаясь оказать воздействие на правительство К. Акино, Вашингтон стремится дестабилизировать обстановку в стране, прибегая к использованию таких невоенных средств, как экономическое и финансовое давление, чему способствуют, в частности, сильные позиции американского капитала в экономике страны, ее задолженность американским банкам, к обработке общественного мнения средствами массовой информации и др. Однако все это, судя по всему, не дает Вашингтону ожидаемых результатов. В последнее время он прибегает ко все более грубому, открытому вмешательству во внутренние дела Филиппин. Через каналы ЦРУ оказывается поддержка группе оппозиционно настроенных военных, ставящих целью свержение правительства. Раскрыто несколько антиправительственных заговоров. В этой деятельности оказались замешанными американские граждане, в том числе сотрудники американского посольства. Вашингтону пришлось срочно отозвать их на родину. Пентагон увеличивает контингенты американских войск, дислоцированных на Филиппинах²². Не без участия Вашингтона в ноябре 1987 г. на Филиппинах была сформирована оппозиционная партия — «националистическая», выступающая против политики К. Акино.

Возросшее противодействие милитаристской политике США в АТР и в других районах мира, недовольство ею в народе заставляют администрацию США менять тактику. Теперь в Вашингтоне уже не говорят о подготовке ядерной войны. Там признают, что любая война — ядерная или обычная — «имела бы катастрофические последствия». Однако выполнение ранее принятых военных программ идет полным ходом. Одновременно предпринимаются попытки найти способы придания политике США больше гибкости, чему служит также использование невоенных факторов. Эти попытки получили отражение, в частности, в одобрении Белым домом доктрины «неоглобализма», призванной теснее увязать как военные, так и невоенные средства в борьбе за господство США в мире. Доктрина провозглашает «право» США на применение любых средств, включая и вооруженное вмешательство в тех районах, где Вашингтон усматривает наличие «угрозы национальным интересам США»²³. Главная цель доктрины «неоглобализма» в Азии — группировать и концентрировать под знаменем американского империализма силы реакции и контрреволюции против освободившихся стран и народов. Авторы доктрины призывают «не мириться с тем положением, когда та или иная страна примыкает к социалистическим странам, а опираться на оппозиционные силы мятежников»²⁴ (как это, например, имеет место в Кампучии, Анголе, Никарагуа или Афганистане). Они указывают на необходимость вести решительную борьбу против недовольных и «повстанческих движений» в тех развивающихся странах, где правят проамериканские антинародные режимы (например, в Южной Корее), формируя и вооружая местные «карательные

силы», не исключая и вооруженное вмешательство США. «Наш долг,— подчеркнул в связи с этим орган Пентагона «Милитари ревью»,— оказать помощь тем, кто стал объектом наступления левых повстанцев, в том числе путем открытого вмешательства вооруженных сил США, для чего следует использовать легкие силы американских дивизий быстрого развертывания»²⁵.

Указывая на крайне опасный характер политики американского империализма, в частности созданной им доктрины «неоглобализма», Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев говорил о том, что она представляет собой попытку применения прежней «классической системы разбоя» в современных условиях. «Чтобы подмять, сокрушить освободившиеся страны, остановить ход истории,— заявил он,— силы империализма, прежде всего американского, идут на все — экономические диверсии, политические провокации, прямое силовое давление. Под этот курс подведена насуп сработанная «доктрина нового глобализма»²⁶.

Однако очевидно, что мир и безопасность в Азии, развитие здесь здоровых торгово-экономических, научно-технических, культурных и других связей и контактов между странами нельзя обеспечить политикой, нацеленной на конфронтацию, используя для этого и военные, и невоенные факторы, как это делает администрация США. Здесь нужен иной подход, учитывающий интересы всех азиатских государств — больших и малых. Именно эта идея легла в основу Делийской декларации о принципах свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира, подписанной руководителями Советского Союза и Индии в ноябре 1986 г. Построение такого мира, говорится в декларации, «требует революционной перестройки в умах людей, воспитания народов в духе мира, взаимного уважения и терпимости. Следует запретить пропаганду войны, ненависти и насилия и отказаться от стереотипов мышления категориями врага в отношении других стран и народов»²⁷. Об утверждении в Азии безъядерного ненасильственного мира, что обеспечило бы безопасность расположенных здесь государств, их полное равенство, экономическое процветание, М. С. Горбачев заявлял в июле 1987 г. в интервью индонезийской газете «Мердека», предлагая эффективные и ненасильственные пути достижения указанных целей. Об этом говорил он также во время своего визита в Вашингтон в декабре 1987 г. Народы, подчеркнул М. С. Горбачев, за изменение к лучшему. «Они уже сами начинают действовать, устанавливают контакты, ищут разные их формы и способы, проявляют буквально удивительную изобретательность, начиная от детей и кончая самыми умудренными людьми. Все понимают, что настало время, чтобы перевернуть последнюю страницу конфронтации, открыть новый этап»²⁸.

¹ «Правда», 22.XI.1985.

² Там же, 17.II.1987.

³ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 223.

⁴ National Security and Detente. N. — Y., 1976, p. 127.

⁵ «Правда», 3.IV. 1986.

⁶ М. С. Горбачев. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987, с. 178.

⁷ "The Economic and Budget Outlook: Fiscal Years 1986—1990". Congressional Budget Office. Wash., 1985, p. 97.

⁸ "Business Week", 10.IV.1985; "Daily Yomiuri", 11.II.1987.

⁹ См.: «Правда», 12.VII.1987.

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 379.

¹¹ "Survey of Current Business", 1984, August, p. 29.

¹² "Washington Times", 2.V.1986.

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 414.

¹⁴ In: R. Walters. American and Soviet Aid. Pittsburg, 1970, p. 12.

¹⁵ См.: «Международная жизнь», 1986, № 1, с. 69.

¹⁶ In: World Armaments and Disarmament. SIPRI Yearbook, 1986. L. — N.-Y., 1986, p. 235.

¹⁷ S. Shriver. Point of the Lance. N.-Y., 1964, p. 8.

¹⁸ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 2, с. 499. Подробно о деятельности американских фондов см.: Э. А. Журихин. «Филантропические» фонды США в системе власти монополий. М., 1978.

¹⁹ International Communications and Information. Hearings before the Subcommittee on International Operations of the Committee on Foreign Relations. US Senate. 95-th Congress 1-st Session on the Implications and Information, June 8,9 and 10.1977. Wash., 1977, p. 20—21.

²⁰ См.: «Известия», 11.XI.1987.

²¹ «Правда», 16.XII.1987.

²² См.: «Советская Россия», 17.XI.1987.

²³ "International Herald Tribune", 12.XII.1985.

²⁴ "US News and World Report", 24.XII.1984, p. 20—21.

²⁵ "Military Review", 1984, January, p. 47—57.

²⁶ См.: «Правда», 3.IV.1986.

²⁷ Там же, 28.XI.1986.

²⁸ Там же, 12.XII.1987.

«Новые индустриальные страны» Азии в мировом капиталистическом хозяйстве

---

*В. Д. АНДРИАНОВ,
кандидат экономических наук*

Послевоенный период, ознаменованный крахом колониальной системы империализма, характеризуется усилением роли освободившихся стран в мировом капиталистическом хозяйстве. Этот период характерен также тем, что усиливающийся процесс дифференциации развивающихся государств, обусловленный действием закона неравномерности экономического развития, привел к выделению особой группы стран и территорий, получивших название «новые индустриальные страны» (НИС), которые по ряду экономических показателей (размеру валового внутреннего продукта (ВВП), среднегодовых темпов его прироста, удельному весу обрабатывающей промышленности в ВВП, объему экспорта промышленных изделий и их доле в общем вывозе, объеме прямых инвестиций за рубежом) обогнали другие развивающиеся государства. В экономическом развитии НИС наблюдаются явления и тенденции, присущие зрелой стадии капиталистической формации: идет активный процесс концентрации производства и капитала, слияния банковского и промышленного капитала; образуются крупные национальные монополистические объединения, деятельность которых принимает международный характер. Наряду с экспортом товаров растет экспорт предпринимательского капитала. В результате эти страны и территории заняли особое место в мировом капиталистическом разделении труда, постепенно втягиваются в борьбу за рынки сбыта, сферу приложения капитала, экономический передел мира. Развитие национального хозяйства в НИС приобретает циклический характер.

Отмеченные выше экономические показатели, характерные черты и особенности наиболее четко прослеживаются в экономическом развитии Южной Кореи, острова Тайвань, Гонконга, Малайзии и Сингапура, которые, как правило, и относят к НИС. В мировом капиталистическом хозяйстве «пятерка» азиатских НИС занимает противоречивое положение. С одной стороны, они являются «верхним эшелонном» развивающихся стран, а с другой — остаются «периферией», эксплуатируемой промышленно развитыми капиталистическими государствами.

В последние годы роль НИС Азии в мировом капиталистическом хозяйстве быстро растет. Их удельный вес в совокупном ВВП капиталистического мира в начале 80-х гг. достиг 2%, что в два с лишним раза больше, чем в 70-е гг. Это обусловлено высокими темпами их экономического развития. За период с 1960 по 1984 г. среднегодовой темп

прироста ВВП «пятерки» составил в среднем 8,8 %, что значительно превышает аналогичный показатель для промышленно развитых капиталистических стран (3,7 %) и развивающихся государств в целом (5,4 %)¹.

Еще более высокими темпами увеличивалось в азиатских НИС промышленное производство, причем в отдельные годы показатели его роста у некоторых из них достигали рекордного уровня. Так, например, в 1978 г. на острове Тайвань прирост стоимости продукции, созданной в обрабатывающей промышленности, составлял 24,9 %, в Сингапуре этот показатель в 1979 г. составил 24,8, в Малайзии в 1976 г. — 18,5, в Южной Корее в 1984 г. — 14,8 %. Соответственно увеличивалась доля обрабатывающей промышленности в ВВП Южной Кореи, острова Тайваня, Гонконга, Малайзии и Сингапура, которая в этой группе стран в совокупности достигла в 1985 г. 26,7 % и была выше, чем в среднем у пяти ведущих империалистических держав — США, Японии, ФРГ, Великобритании и Франции². К середине текущего десятилетия удельный вес «пятерки» в мировом капиталистическом промышленном производстве возрос до 5 %.

По производству отдельных видов промышленной продукции, причем не только простейшей, но и достаточно наукоемкой, НИС Азии вышли на передовые рубежи в капиталистической экономике. В середине 80-х гг. Гонконг, например, занимал первое место в мировом капиталистическом хозяйстве по производству одежды, радиоприемников, телефонов и часов, ведущие позиции в мире занимали остров Тайвань — по выпуску обуви, Южная Корея и остров Тайвань — в строительстве судов, Сингапур — в строительстве морских нефтебуровых платформ, Малайзия и Южная Корея — в производстве электронных компонентов. В азиатских НИС осваивается производство автомобилей. Так, в Южной Корее объем их выпуска в 1987 г. уже достиг 940 тыс., на острове Тайвань — 300 тыс. В Сингапуре и Южной Корее созданы предприятия по изготовлению различных частей и компонентов для авиационной техники. Почти во всех странах «пятерки» осваивается выпуск относительно сложной электронно-вычислительной техники.

Рост значения азиатских НИС на мировой арене также связан с высокими темпами роста экспорта. За период с 1970 по 1985 г. совокупный стоимостной объем вывоза увеличился в 14 с лишним раз и достиг 130,3 млрд. долл. Удельный вес «пятерки» в мировом капиталистическом экспорте соответственно возрос с 3,3 % до 7,5 %, а в экспорте развивающихся государств — с 15,9 % до 28,2 %. В 1987 г. остров Тайвань, Гонконг и Южная Корея по стоимости вывоза товаров перешли 45-миллиардный рубеж и вошли в число 15 крупнейших мировых экспортеров, опередив такие развитые капиталистические страны, как Швейцария, Австралия, Норвегия, Дания и Финляндия.

Все это свидетельствует об активном процессе индустриализации азиатских НИС, который имеет ряд особенностей. Прежде всего он отражает поворот в политике империалистических держав от сдерживания развития производительных сил в освободившихся странах к их активному стимулированию на капиталистической основе. В рамках этой политики реализуется концепция установления «нового» международного разделения труда, которая предполагает закрепление за отдельными развивающимися государствами роли производителей и поставщиков на мировой капиталистический рынок ограниченной номенклатуры промышленной продукции. С этой целью происходит перемещение в развивающиеся государства отдельных видов промышленного производства, в основном технологически отлаженного,

трудоемкого, энерго- и материалоемкого, экологически вредного. Активизация этого процесса в 70—80-е гг. способствовала созданию в азиатских НИС целых отраслей промышленности, ориентированных на внешний рынок.

Таким образом, в отличие от многих развивающихся государств, НИС Азии в кратчайшие сроки пройдя импортзамещающую фазу индустриализации, перешли сразу к созданию промышленного потенциала, ориентированного на мировой капиталистический рынок. Приоритеты в выборе основных направлений такой индустриализации и в формировании промышленной структуры азиатских НИС определяли транснациональные корпорации (ТНК) империалистических держав, а развитие основных отраслей экономики «пятерки» осуществлялось фактически под контролем западного капитала.

Оценивая роль иностранного капитала в процессе индустриализации азиатских НИС, особое внимание нужно обратить на приток ссудного капитала, который становится ведущей формой экспансии империалистических держав. Наиболее наглядно это проявляется на примере США, которые превратились в основного донора займов и кредитов для некоторых стран и территорий «пятерки». За период с 1946 по 1985 г. общий приток американского ссудного капитала в азиатские НИС составил почти 29 млрд. долл., или 8,2 % всего объема займов и кредитов, предоставленных США иностранным государствам. Львиная доля американской «помощи» сконцентрирована в экономике Южной Кореи (19 млрд. долл.) и острова Тайвань (9 млрд. долл.), которые находятся в особой сфере военно-стратегических интересов США.

Приток финансовых ресурсов в форме займов и кредитов из международных финансовых организаций, контролируемых развитыми капиталистическими странами, за тот же период составил почти 12 млрд. долл.³ Кроме того, на двусторонней основе крупные инвестиции ссудного капитала в азиатских НИС осуществляют Япония и Великобритания.

Общий объем ссудного капитала значительно превышает размер прямых инвестиций, что подчеркивает возрастающий ростовщический характер вывоза капитала из развитых капиталистических государств. Однако следует учитывать, что в отличие от займов и кредитов инвестирование капитала в производительной форме подчиняется законам развития капиталистической формации, по которым капитал затем уже воспроизводится на собственной основе. При эксплуатации наемного труда возникает прибавочная стоимость, которая создает основу для непрерывного развития и модернизации капиталистического производства. Образуется своеобразная система постоянного возобновления доходов. Таким образом, накопленный за многие годы объем прямых инвестиций является одной из главных материальных основ эксплуатации азиатских НИС.

В середине 80-х гг. накопленный объем прямых иностранных инвестиций в экономике НИС Азии превысил 20 млрд. долл., в том числе на Сингапур приходилось 5,6 млрд., остров Тайвань — 5,1 млрд., Малайзию — 4,6 млрд., Южную Корею — 2,9 млрд. и Гонконг — 1,9 млрд. В этих вложениях доминирует капитал американских и японских ТНК. Так, в общем объеме прямых капиталовложений в Южной Корее на США приходилось 30 % и Японию — 48 %, в Гонконге соответственно — 54 и 21 %, на острове Тайвань — 42 и 30 %, в Малайзии — 38 и 31 %, Сингапуре — 33 и 20 %⁴.

Однако на положение азиатских НИС в мировом капиталистическом хозяйстве решающее воздействие оказали не столько размеры иностранных

инвестиций, сколько степень их концентрации в экспортных отраслях экономики. Это прежде всего электронная и электротехническая, химическая и нефтехимическая, текстильная, швейная и обувная промышленность. В последние годы отмечен рост инвестиций в наиболее капиталоемкие и наукоемкие отрасли — такие, как судостроение, автомобильная промышленность, биотехнология.

Следует подчеркнуть, что готовые изделия стали крупнейшей статьёй экспорта азиатских НИС (около 80 % от общего экспорта «пятерки» в 1987 г.), что во многом определило их положение в «новом» международном капиталистическом разделении труда. Стоимость экспорта продукции обрабатывающей промышленности азиатских НИС за период с 1970 по 1985 г. увеличилась почти в 8 раз и достигла 100 млрд. долл., что составило 67 % всего вывоза готовых изделий освободившихся государств и 8,3 % мирового капиталистического экспорта⁵.

Быстрый рост экспорта продукции обрабатывающей промышленности обусловлен как увеличением физического объема поставок, так и диверсификацией их товарной структуры. Номенклатура экспорта промышленной продукции существенно расширилась. Проведенный анализ показал, что в период с 1970 по 1983 г. количество наименований основных экспортных товаров⁶ увеличилось у Гонконга с 8 до 125, у Южной Кореи — с 22 до 147, у Малайзии — с 31 до 158 и у Сингапура — с 59 до 173.

Крупнейшими статьями экспорта «пятерки» тем не менее оставались товары массового спроса, прежде всего текстиль, одежда и обувь, на которые приходилось примерно около трети всего экспорта продукции обрабатывающей промышленности «пятерки». В середине текущего десятилетия удельный вес НИС Азии в мировом капиталистическом экспорте обуви (по количеству пар) составлял 51,7 %, одежды (по стоимости) — 31,7, текстильных изделий (по стоимости) — 15,5 %.

По данным за 1984 г., первое место в капиталистическом мире по экспорту обуви занимал остров Тайвань (605 млн. пар), Южная Корея (263 млн. пар) находилась на третьем месте (после Италии) и Гонконг (197 млн. пар) — на четвертом, Сингапур и Малайзия входили в первую двадцатку ведущих экспортеров обуви. Свыше половины экспортируемой НИС Азии обуви реализуется на рынке США⁷.

Начиная с 1980 г. первое место в капиталистическом мире по экспорту одежды удерживает Гонконг. В 1985 г. на внешнем рынке было реализовано гонконгской одежды на сумму 6,7 млрд. долл. В том же году на третье место (после Италии) вышла Южная Корея (4,5 млрд. долл.) и на четвертое — остров Тайвань (3,5 млрд. долл.). Что касается экспорта текстиля, то в 1985 г. по стоимости продукции Гонконг находился на пятом месте (3 млрд. долл.), Южная Корея — на восьмом (2,5 млрд. долл.) и остров Тайвань — на девятом месте среди промышленно развитых и развивающихся государств. Сингапур и Малайзия входили в двадцатку крупнейших экспортеров текстиля⁸.

Стремительной экспансии НИС Азии на мировом рынке обуви, одежды и текстильных изделий способствовал ряд факторов, в том числе более низкий уровень издержек производства (в основном за счет меньших расходов на заработную плату), высокий коэффициент сменности оборудования и загрузки производственных мощностей предприятий, более льготное налогообложение, государственное субсидирование вывоза этих товаров.

Крупной статьёй экспорта продукции обрабатывающей промышленности азиатских НИС являются электронные и электротехнические изделия, на которые приходится около 18 % экспорта. На внешний рынок страны «пя-

терки» поставили в 1985 г. электронных компонентов на сумму 5,4 млрд. долл., бытовой электроники — 3,9 млрд. долл., вычислительной техники — 3,9 млрд. долл., телекоммуникационного оборудования — 2,2 млрд. долл., конторского оборудования — 0,3 млрд. долл. В номенклатуру вывоза этих изделий входят различные виды полупроводниковых приборов (транзисторы, интегральные схемы), радиоприемники, магнитофоны, телевизоры, видеомагнитофоны, электронные часы, калькуляторы, системы коммутационного оборудования, телефонные аппараты, передающее оборудование, фото- и киноаппаратура, пылесосы, домашние холодильники, воздушные кондиционеры, персональные компьютеры, микроЭВМ и многое другое. В 1985 г. среди капиталистических стран по стоимости экспорта бытовой электроники Южная Корея, остров Тайвань, Сингапур и Гонконг занимали после Японии и ФРГ соответственно третье, четвертое, пятое и шестое места. Малайзия в том же году была на третьем месте (после Японии и США) по поставкам на внешний рынок электронных компонентов, Сингапур — на пятом, Южная Корея — на восьмом и остров Тайвань — на десятом месте. В среднем более 60 % экспорта электронных и электротехнических изделий реализуется на американском рынке.

Следует подчеркнуть, что в торговле электронными и электротехническими изделиями наиболее велик удельный вес внутрифирменных операций, что связано с прочными позициями западных ТНК в этой отрасли экономики азиатских НИС. В частности, в начале 80-х гг. в торговле электронными компонентами между Малайзией и США доля внутрифирменных поставок составляла 92,5 %, между Сингапуром и США — 56,8, между Малайзией и Японией — 46,3, между Сингапуром и Японией — 35,1 %⁹.

В последние годы отмечается тенденция к увеличению вывоза и другой промышленной продукции. В частности, Южная Корея стала вторым (после Японии) крупнейшим в капиталистическом мире экспортером судов, объем вывоза которых только за период с 1980 по 1985 г. возрос почти в 7 раз и достиг 2287 тыс. бр. т. Экспорт судов с острова Тайвань увеличился за тот же период в 10 раз и составил 211 тыс. бр. т.

Столь же стремительными темпами увеличивается экспорт автомобилей, особенно из Южной Кореи. Фактически начав вывозить автомобили лишь в 80-е гг., южнокорейские фирмы в 1987 г. продали за рубежом уже более 300 тыс. автомобилей, из них почти половина приходилась на американский рынок.

Значительному расширению экспорта готовых изделий во многом способствовала политика правительств НИС Азии, направленная на всемерное поощрение производителей товаров для внешнего рынка. В частности, существенную роль в данном процессе сыграло создание экспортно-производственных зон, которые дают ряд преимуществ производителям экспортной продукции. В этих зонах хорошо развита инфраструктура, налажена непосредственная связь с основными рынками сбыта продукции. Экспорт и импорт товаров практически освобожден от пошлин и таможенных формальностей. Предприятиям, расположенным в экспортно-производственных зонах, предоставляется ряд налоговых льгот.

В начале 80-х гг. в 10 экспортно-производственных зонах Южной Кореи функционировало 1631 предприятие с общим числом занятых 289 тыс. человек, на острове Тайвань в таких зонах насчитывалось 296 предприятий с числом занятых около 80 тыс. человек, в Малайзии в 9 зонах функционировало около 90 предприятий с числом занятых более 70 тыс. человек. Стоимость вывоза продукции из экспортно-производственных зон в начале текущего десятилетия

составляла в Южной Корее 16 % от всех валютных доходов страны, в Малайзии — 14 и на острове Тайвань — около 10 %¹⁰.

Поскольку в экспорте и импорте НИС Азии преобладают готовые изделия, которые удобнее всего перевозить в контейнерах, это имело немаловажное значение в усилении позиций азиатских НИС в мировых контейнерных перевозках и в судоходстве в целом. По данным Регистра Ллойда, специализированный контейнерный тоннаж под флагом острова Тайвань, Сингапура, Гонконга, Южной Кореи и Малайзии по сумме валовой вместимости составлял в 1986 г. 2,8 млн. бр. т, а их доля в мировом капиталистическом тоннаже достигла 15,5 % и официально уступала лишь США¹¹. В 1986 г. первое место в числе ведущих капиталистических контейнерных операторов заняла тайваньская компания «Эвергрин».

Заняв прочные позиции в капиталистическом судоходстве, некоторые наиболее мощные компании азиатских НИС приступили к организации кругосветных перевозок контейнеризированных грузов, которые считаются самым перспективным направлением развития мирового судоходства в ближайшей перспективе. Кругосветные перевозки становятся фактически продолжением производственного процесса, связывая регулярным товарообменом головные фирмы с их филиалами в азиатском регионе. В этой сфере НИС Азии обладают большими потенциальными возможностями.

Во-первых, страны «пятерки» опираются на собственную мощную судостроительную промышленность. Компании Южной Кореи, острова Тайвань, Гонконга, Сингапура в состоянии удовлетворить до 40 % потребностей мирового капиталистического судоходства в новом тоннаже. В 1987 г., несмотря на продолжающийся кризис капиталистического судостроения, только доля Южной Кореи в мировом портфеле заказов на суда составила 29 % (82 судна общим тоннажем 2,64 млн. бр. т). По этому показателю в капиталистическом мире она уступала лишь Японии¹². Во-вторых, азиатские НИС сконцентрировали у себя производство самих контейнеров. По количеству и номенклатуре выпускаемых контейнеров азиатские НИС занимают ведущее место в капиталистическом мире, удовлетворяя более 80 % мирового спроса¹³. В-третьих, все НИС Азии имеют выход к морю, располагают крупными портами и развитым современным портовым хозяйством. По грузообороту в 1986 г. сингапурский порт вышел на первое место в капиталистическом мире.

Таким образом, можно предположить, что в ближайшие годы экспансия НИС Азии в мировом капиталистическом судоходстве усилится. По оценкам специалистов, происходит стремительная концентрация контейнерного потенциала у основных стран-операторов — острова Тайвань, Южной Кореи, Гонконга и Сингапура. Общий тоннаж их специализированного флота к 1990 г. может достичь 4,5 млн. бр. т, что составит около 20 % мирового капиталистического контейнерного тоннажа, а удельный вес «пятерки» в перевозке контейнеризированных грузов увеличится до 37 %¹⁴. Развитие современных форм перевозок, включая кругосветные перевозки, дает возможность монополиям снижать транспортные расходы, которые закладываются в стоимость товара, и открывают перспективы для переноса в азиатские страны производства более сложной продукции.

Быстрый экономический рост НИС Азии сопровождался усилением процесса концентрации производства и капитала, который привел к образованию крупных национальных монополистических объединений. Так, например, в середине 80-х гг. в Южной Корее около 20 ведущих компаний контролировали почти половину промышленного производства и экспорта страны.

Следует подчеркнуть, что сильное влияние на рост и образование национальных монополистических объединений оказал капитал транснациональных

корпораций, который во многом способствовал ускорению вызревания капиталистических производственных отношений. Поэтому крупнейшие монополии «новой» азиатской буржуазии оказываются теснейшим образом связанными с капиталом ТНК ведущих империалистических держав. Происходит своеобразный процесс переплетения капиталов развивающихся стран и империалистических держав на качественно новом международном уровне.

В последние годы национальные монополистические объединения начинают играть заметную роль не только во внутренней экономике, но и в мировом капиталистическом хозяйстве. По результатам экономической деятельности в 1986 г. из 40 компаний развивающихся государств, вошедших в список пятисот крупнейших монополий капиталистического мира (за исключением американских корпораций), 14 фирм представляли азиатские НИС.

Следует подчеркнуть, что многие компании азиатских НИС, хотя и не попали в престижный список элиты мирового бизнеса, тем не менее занимают ведущие позиции в отдельных сферах капиталистической экономики. Так, например, малайзийская компания «Малэйсиа майнинг корп.» является основным в мире производителем оловянного концентрата; тайваньская «Эвергрин» — одна из крупнейших судоходных компаний, лидер в мировых контейнерных перевозках; тайваньская «Чайна шипбилдинг корп.» входит в первую десятку судостроительных компаний капиталистического мира; сингапурская корпорация «Промет» — одна из крупнейших в мире строителей плавающих нефтебуровых платформ; гонконгская «Стелюкс маньюфэкчуринг» — одна из ведущих мировых фирм по производству часов и т. д.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что производственная и финансовая деятельности азиатских НИС базируются уже не на случайных операциях конъюнктурного характера, а на углубляющемся международном капиталистическом разделении труда. В этой связи некоторые из наиболее крупных монополий азиатских НИС можно отнести к разряду транснациональных корпораций, поскольку они полностью отвечают качественным критериям, применяемым к ТНК развитых капиталистических государств. Это и значительные масштабы операций, и широкая сфера экономических интересов, и глобальный подход к организации производственного процесса, и использование преимуществ международного разделения труда и др.

Развиваясь на основе законов капитализма, национальные монополии НИС Азии на определенном этапе проявляют стремление к зарубежной производственной деятельности. Экспорт предпринимательского капитала становится неотъемлемой частью их зарубежной экономической экспансии и заметным явлением в мировом капиталистическом хозяйстве. На современном этапе экспорт капитала из НИС Азии приобретает относительно широкие масштабы. По нашим оценкам, в начале 1988 г. инвестиционную деятельность за рубежом осуществляли примерно 900 компаний «пятерки», накопленный объем вывоза предпринимательского капитала которых составлял около 15 млрд. долл. (на Гонконг приходилось 11,5 млрд. долл., Сингапур — 1,5 млрд., Южную Корею — 0,9 млрд., Малайзию — 0,5 млрд., остров Тайвань — 0,4 млрд. долл.).

Следует подчеркнуть, что наиболее стремительный рост инвестиций был отмечен в первой половине текущего десятилетия. На этот период приходится почти 70 % всего объема южнокорейских капиталовложений, 60 — тайваньских, 50 — сингапурских и гонконгских, около 40 % — малайзийских. Произошел своеобразный бум в вывозе предпринимательского капитала из азиатских НИС, причем по средним темпам прироста прямых инвестиций они опережали традиционных экспортеров капитала из числа ведущих империалистических держав.

Основной сферой приложения капитала «пятерки» за рубежом является

обрабатывающая промышленность, и главным образом те ее отрасли, где фирмы этих стран и территорий добились более высокой конкурентоспособности. В середине 80-х гг. на обрабатывающую промышленность приходилось 86 % всех тайваньских, около 60 — гонконгских, 50 — сингапурских, 16 % южнокорейских инвестиций. Большая часть вложений в эту отрасль зарубежных стран связана с продвижением на их рынки экспортной продукции национальной промышленности.

Однако интересы предпринимателей из НИС Азии не ограничиваются только обрабатывающей промышленностью. Так, например, более трети южнокорейских вложений приходится на добывающую промышленность, что связано с разработкой нефтяных ресурсов стран Ближнего и Среднего Востока. Значительные инвестиции осуществляются в строительство. Весьма своеобразным оказалось создание в Южной Корее международных строительных фирм, которые, используя собственную технологию и рабочую силу, возводят во многих странах мира крупные промышленные и гражданские объекты.

Важным направлением инвестиционной деятельности сингапурских фирм являются инфраструктурные отрасли, строительство и кредитно-финансовая сфера. Малайзийские капиталовложения концентрируются в плантационном секторе сельского хозяйства, в отраслях, связанных с первичной переработкой сельскохозяйственной продукции. Кроме того, в последние годы осуществлялись инвестиции в горнодобывающую промышленность, торговлю и сферу услуг.

В настоящее время инвестиции из НИС Азии зарегистрированы практически во всех крупных развитых и развивающихся государствах. Однако можно выделить приоритетные направления в их географическом распределении. Это прежде всего соседние развивающиеся страны Юго-Восточной Азии и бассейна Тихого океана. На этот регион в середине 80-х гг. приходилось более 80 % малайзийских, 50 — сингапурских и гонконгских, 40 — южнокорейских, 30 % тайваньских инвестиций. Большая их часть сконцентрирована в странах АСЕАН.

Из промышленно развитых капиталистических стран крупнейшим импортером азиатского капитала являются США, на которые приходилось почти 55 % тайваньских, 33 — южнокорейских, около 16 — сингапурских и более 12 % гонконгских инвестиций. Общий объем накопленных инвестиций азиатских НИС в американскую экономику превысил в 1985 г. 1 млрд. долл., причем крупнейшим инвестором являлся Гонконг (618 млн. долл.). В японскую экономику азиатские НИС вложили около 300 млн. долл., из которых на гонконгские фирмы приходилось 220 млн., тайваньские — 30 млн., южнокорейские — около 10 млн.¹⁵

В последние годы отмечен значительный рост интереса азиатских предпринимателей к инвестициям в экономику КНР, причем в текущем десятилетии это направление стало приоритетным для гонконгских и сингапурских компаний, контролируемых в основном капиталом зарубежных китайцев. Объем капиталовложений азиатских НИС в КНР на начало 1988 г. оценивался примерно в 10 млрд. долл., из них на Гонконг приходилось 9,5 млрд. и Сингапур — 0,5 млрд.¹⁶

Так же как в развитых капиталистических государствах основными экспортёрами капитала выступают ведущие ТНК, так и в НИС Азии ими являются крупнейшие монополистические объединения. Однако точно выделить национальную принадлежность капитала, вывозимого из азиатских НИС, весьма трудно. Многие фирмы — инвесторы капитала представляют собой сложный конгломерат, в котором переплелись капиталы местной буржуазии, национального государства, транснациональных корпораций ведущих империалистических держав. Это явление отражает новый уровень интернационализации меж-

дународного капитала и более тесное влечение экономики и капитала НИС Азии в ткань мирового капиталистического хозяйства.

Анализ современного положения азиатских НИС в мировом капиталистическом хозяйстве позволяет выявить новые тенденции в развитии международного разделения труда и определить возможные перспективы дальнейшего развития освободившихся государств Азии, Африки и Латинской Америки, определить оптимальные модели индустриализации, наиболее полно отвечающие их насущным интересам.

Совершенно очевидно, что «новые индустриальные страны» Азии добились определенных успехов в своем экономическом развитии. Естественно, возникают вопросы, каковы основные факторы, определившие столь бурное развитие, где главные пружины механизма включения НИС Азии в «новое» международное капиталистическое разделение труда, каковы социально-экономические последствия их индустриализации.

Высокие темпы экономического развития азиатских НИС были достигнуты прежде всего за счет интенсификации эксплуатации их людских и материальных ресурсов иностранным капиталом в лице ведущих ТНК. Стремясь к получению максимальных прибылей, ТНК рассматривают свой вклад в развитие отдельных отраслей азиатских НИС лишь как предпосылку для дальнейшей эксплуатации.

Вывоз из стран и территорий «пятерки» различных видов доходов, получаемых иностранным капиталом, почти в четыре раза превышает приток новых финансовых ресурсов из развитых капиталистических государств, что в два раза выше, чем в среднем по развивающемуся миру.

Норма прибыли, как известно, во многом определяется нормой прибавочной стоимости. Чем выше норма прибавочной стоимости, тем выше, при прочих равных условиях, и норма прибыли. В свою очередь норма прибавочной стоимости определяется в основном двумя факторами — стоимостью рабочей силы и величиной рабочего времени.

Затраты ТНК на оплату труда наемного рабочего в азиатских НИС значительно ниже, чем в странах базирования. Так, например, почасовая заработная плата малайзийского рабочего в обрабатывающей промышленности в 19 раз ниже, чем в США и Канаде, в 15 раз ниже, чем в ФРГ, и в 12 раз ниже, чем в Японии, а южнокорейского рабочего — в 10 раз ниже американского и т. д.¹⁷

«Низкая плата и длинный рабочий день всегда идут рядом, — писал В. И. Ленин, — и одно без другого невозможно»¹⁸. Так, например, в Южной Корее средняя, продолжительность рабочей недели составляла в 1985 г. 53,8 часа. Это больше, чем в США, на 13,3 часа, в ФРГ — на 13,1, в Японии — на 12,3, в Великобритании — на 12 часов¹⁹. В других странах и территориях «пятерки» рабочий день также продолжительнее, чем в капиталистических государствах.

«Новое» международное капиталистическое разделение труда предполагает специализацию азиатских НИС на производстве и экспорте в основном потребительских товаров массового спроса — одежды, обуви, текстильных товаров, игрушек, спортивных товаров, электронных и электротехнических изделий и др.

Таким образом, прорезаются развитие прежде всего тех отраслей хозяйства, которые не требуют крупных затрат на НИОКР, проведение фундаментальных научно-исследовательских разработок. В результате консервируется отсталость в разработке передовой техники и технологии, предполагается сохранение постоянного разрыва в уровнях экономического развития между странами и территориями «пятерки» и промышленно развитыми капиталистическими государствами. Если на современном этапе в азиатских НИС развертывается ин-

дустриализация, то в ведущих западных странах начинается процесс «реиндустриализации», связанный с созданием и внедрением принципиально новой техники и технологии, основанной на использовании роботов и электронно-вычислительной техники, новых материалов и др.

Модернизация отдельных отраслей промышленности НИС Азии при участии иностранного капитала не привела к укреплению их экономической самостоятельности, а проникновение ТНК в ведущие отрасли национального хозяйства еще сильнее привязало «пятерку» к основным промышленным центрам империализма. Экспансия ТНК становится главным фактором, способствующим развитию «зависимого капитализма» в азиатских НИС. Усиливаясь в последние годы, зависимость приобретает все новые, более сложные формы, постоянно модифицируется.

Всемерное поощрение притока иностранного капитала способствовало увеличению его роли в процессе воспроизводства ВВП. По различным оценкам, в НИС Азии в среднем почти половина ВВП производится в иностранном секторе, причем подавляющая часть на предприятиях, контролируемых ТНК.

Фактически процесс индустриализации этих стран и территорий поставлен под контроль транснациональных монополий. Многие отрасли экономики, особенно обрабатывающая промышленность (электронная и электротехническая, автосборочная и др.), служат наглядным примером «расчлененного» производства, начальная и конечная стадии которых находятся в развитых капиталистических странах, а промежуточная — в азиатских НИС. Это — новая технологическая зависимость, при которой страны и территории «пятерки» более прочно, чем прежде, интегрируются в механизм мирового капиталистического хозяйства на подчиненных, неравноправных началах.

Зависимость от мирового империализма является экономической основой перенесения в азиатские НИС кризисных явлений, причем во многих из них эти экономические кризисы принимают циклический характер. Экономический кризис 1980—1982 гг. явился фактически кризисом всего мирового капиталистического хозяйства, так как привел почти к синхронному спаду во многих развивающихся странах.

Для НИС Азии наиболее глубоким оказался кризис 1985 г. В Сингапуре и Малайзии впервые за весь период независимого развития отмечено сокращение прироста стоимости ВВП соответственно на 1,8 % и 1,0 %. По сравнению с предыдущим годом темп прироста ВВП сократился в Гонконге в 11,6 раза, на острове Тайвань — в 2,3 раза, в Южной Корее — в 1,5 раза. Сложным и напряженным оставалось валютно-финансовое положение. Значительно возросла внешняя задолженность «пятерки», которая достигла 73,6 млрд. долл. Для некоторых стран обострилась проблема выплаты основной части долга и процента по нему.

Основным каналом перенесения кризисных явлений в азиатские НИС являются транснациональные корпорации. Экономический кризис 1985 г. наиболее ярко показал пагубные последствия односторонней ориентации «пятерки» на промышленно развитые капиталистические страны.

Азиатские НИС оказываются в большей степени, чем многие другие развивающиеся страны, вовлеченными в военные приготовления. В начале 80-х гг. удельный вес военных расходов в ВВП составлял на острове Тайвань — 7,4 %, в Малайзии — 6,6, Южной Корее — 6,2, Сингапуре — 6,1 и в Гонконге — 1,3 %. За исключением Гонконга, эти показатели были одними из самых высоких среди государств развивающегося мира²⁰. Это во многом связано с тем, что значительная часть «помощи» империалистических держав идет не на экономические, а на военные цели. За период с 1946 по 1985 г.

более 13 млрд. долл., или 47 % американской «помощи» азиатским НИС предназначалось для развития военных программ²¹.

Бремя военных расходов, втягивание в гонку вооружений оказывают негативное влияние на темпы роста экономики, объем и структуру капиталовложений, состояние платежного баланса, ведет к росту внешней задолженности, отвлекает значительные людские и материальные ресурсы на непроизводительные расходы. Рост военных ассигнований, как правило, осуществляется за счет урезания социальных программ, ведет к обострению и без того сложных социально-политических проблем азиатских НИС.

Подводя общий итог анализу «новых индустриальных стран» Азии в мировом капиталистическом хозяйстве, следует подчеркнуть, что механизм включения в международное разделение труда предполагает сохранение за этими странами роли эксплуатируемой периферии. Однако если раньше она была аграрной, то теперь превращается в индустриальную. Экономика «пятерки» трансформировалась из сырьевого придатка империализма в одно из многочисленных звеньев производственного конвейера западных ТНК.

Таким образом, происходит постепенная модификация политики неоколониализма, появляется его новая форма, которую можно назвать «индустриальным» неоколониализмом. Процесс международной эксплуатации развивающихся государств поднимается на качественно новый уровень, при этом экстенсивные его формы сменяются интенсивными.

Вместе с тем, оставаясь объектом усиливающейся эксплуатации со стороны империалистических государств, «новые индустриальные страны» Азии сами становятся эксплуататорами наименее развитых из числа освободившихся государств, о чем свидетельствует растущий быстрыми темпами вывоз предпринимательского капитала. Вызревая в недрах капиталистического хозяйства, НИС несут на себе отпечаток всех пороков эксплуататорской системы.

¹ Подсчитано по: Handbook of International Trade and Development Statistics. Supplement. 1986. N. — Y. 1987, p. 224--232.

² Подсчитано по: «Monthly Bulletin of Statistics», January 1987, p. 316—323.

³ U. S. Overseas Loans and Grants and Assistance from International Organization, Serves as Statistical Annex I to the Annual Development Coordination Committee Report to Congress, 1946—1985. Washington D. C., 1987.

⁴ Подсчитано по: "EXIM review", 1987, N 2, The Bank of Japan. Research and Statistics Department. Special paper N 138, October 1986; "Survey of Current Business", 1986, N 8.

⁵ Подсчитано по: International Trade 1985—86, General Agreement on Tariffs and Trade. Geneva, 1986, p. 141, 165.

⁶ Товары, стоимость которых была более 50 тыс. долл. в 1970 г. и более 100 тыс. в 1983, или свыше 0,3 % от всей стоимости национального экспорта. См.: Handbook of International Trade and Development Statistics, Supplement 1986, p. 244—248.

⁷ World Footwear Markets, SATRA, 1980—1985.

⁸ Подсчитано по: International Trade 1985—86, General Agreement on Tariffs and Trade. Geneva, 1986, p. 172--173.

- ⁹ Martin Gross. Intrafirm Trade with ACEAN Countries by Japanese and U. S. Multinational Corporations. Kiel, 1986. p. 42—43.
- ¹⁰ Подсчитано по: Management Japan. Vol. 19, 1986, N 1., p. 27; The Export Performance of the Republic of Korea, 1961—1982. Geneva, 1984, p. 33.
- ¹¹ Подсчитано по: Lloyd's Register of Shipping. Statistical Tables. 1986, p. 7—9.
- ¹² «Far Eastern Economic Review», 12.III.1987.
- ¹³ «Journal de la Marine Marchande», 10.IV.1986.
- ¹⁴ «Shipping statistics», December 1986.
- ¹⁵ Подсчитано по: «Сэкай кэйдай хёрон», 1986, № 5.
- ¹⁶ «Far Eastern Economic Review», 12.XII.1987.
- ¹⁷ «Business Times», 31.V.1986.
- ¹⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, с. 278.
- ¹⁹ Подсчитано по: «Monthly Bulletin of Statistics», 1987, January, p. 16.
- ²⁰ «Nomura Research Institute, Quarterly Economic Review», Vol. 16, N 2, May 1986, p. 28; «Institute of Developing Economics, Press Release». Tokyo, 10.XII.1986.
- ²¹ UNCTAD. Statistical pocket book. U. N. 1984, p. 75—76 U. S. Overseas Loans and Grants and Assistance from International Organizations. Washington, D. C., 1987.

Деятельность КНДР в движении неприсоединения: исходные позиции, цели, интересы

В. В. МИХЕЕВ,

В. П. ЦУПИКОВ

Характерной чертой движения неприсоединения является то, что в нем участвуют страны с различными политическими системами, с различной внешнеполитической ориентацией. Их объединяет стремление сделать мир более стабильным и динамичным, совместная борьба с империализмом и колониализмом, за новые, более справедливые межгосударственные отношения. Движение неприсоединения вносит свой вклад в оздоровление международной обстановки. Оно открыто для всех стран, разделяющих его цели и идеалы и готовых к совместной борьбе за их практическую реализацию. КНДР стала третьей (после Югославии и Кубы) социалистической страной — участником движения.

История вступления и исходная позиция

КНДР была принята в движение неприсоединения в 1975 г. на Конференции министров иностранных дел неприсоединившихся стран в Лиме. Вступление КНДР в движение неприсоединения (ДН) произошло в результате двух процессов — курса движения на упрочение своих рядов за счет стран, последовательно выступающих с антиимпериалистических позиций, и активных шагов Пхеньяна, направленных на то, чтобы примкнуть к набирающей все больший международный вес политической силе в лице ДН.

Движение неприсоединения постоянно уделяло внимание судьбам разделенных наций, рассматривая этот вопрос как важную политическую проблему. Уже на II конференции в Каире (1964) прозвучал призыв ко всем заинтересованным странам «стремиться к нахождению справедливого и прочного решения в целях воссоединения их территорий мирным путем, без вмешательства или давления извне»¹.

Исходя из этих позиций, движение неприсоединения еще до вступления в него КНДР высказывало свое принципиальное отношение к корейской проблеме как важной составляющей проблеме разделенных наций. В Лусакской декларации о мире, независимости, развитии, сотрудничестве и демократизации международных отношений (1970) отмечалось, что «присутствие иностранных войск в Корее создает угрозу национальной независимости, международному миру и безопасности»².

Положительную оценку движения получили первые шаги Пхеньяна и Сеула по налаживанию внутрикорейского диалога в 1972 г. На Конференции министров иностранных дел неприсоединившихся стран в Джорджтауне (1972)

было отмечено, что «конференция с удовлетворением приняла к сведению первые результаты, достигнутые на пути мирного воссоединения двух Корей». Было высказано требование о прекращении вмешательства в дела корейского народа и о выводе из Кореи всех иностранных войск³.

Движение с пониманием относилось к судьбе корейского народа, стояло на конструктивных позициях относительно решения корейского вопроса, поддерживая требование КНДР об освобождении Кореи от иностранного военного присутствия.

Вступая в ДН, КНДР рассчитывала, со своей стороны, расширить поддержку собственной политики в вопросе объединения Кореи и в противоборстве с сеульским режимом на международной арене, занять более заметные позиции в мировых делах.

Другая группа причин связана с решением в КНДР основных задач индустриализации и созданием индустриально-аграрной структуры народного хозяйства, что позволило выдвинуть в число важнейших задачу приведения возросших экономических возможностей страны в соответствие с ее политической ролью на международной арене. Расширение сотрудничества с развивающимися странами рассматривалось как один из путей решения этой задачи. В связи с этим возникла потребность расширить «географию» внешних связей республики, особенно если иметь в виду тот факт, что на конец 1971 г. Южная Корея поддерживала дипломатические отношения с 77 странами (из них 56 развивающихся), а КНДР — с 34 (из них 21 развивающаяся).

Усиление внимания в КНДР к связям с развивающимися странами не являлось чем-то неожиданным. Руководители страны всегда признавали значение антиимпериалистического потенциала «третьего мира», подчеркивая при этом общность исторических судеб и схожесть политических целей своей страны с бывшими колониальными странами. В КНДР постоянно указывают на тесную связь корейской революции с антиимпериалистической борьбой в мировом масштабе, на то, что объединение Кореи является не только «национальным, но и интернациональным долгом корейского народа» и требует объединения со всеми антиимпериалистическими силами⁴.

Фактор международной поддержки в противоборстве КНДР с Южной Кореей особенно возрос в связи с массовым характером выхода на мировую арену молодых освободившихся государств, увеличением их политического веса в ООН, в других международных организациях. Естественно, что и в Пхеньяне, и в Сеуле не могли не обратить внимание на такое мощное международное объединение, как движение неприсоединения.

В начале 70-х гг. КНДР и Южная Корея прилагали активные усилия, чтобы вступить в ДН. В этом соревновании победа была на стороне дипломатии Пхеньяна, чьи основополагающие внешнеполитические принципы — антиимпериализм и антиколониализм — находились в полном соответствии с направленностью движения неприсоединения. В пользу принятия КНДР, несомненно, действовал ее опыт участия в борьбе против империализма и колониализма, в частности конкретная помощь народам Индокитая и арабских стран в отражении американской и израильской агрессий, ряду освободительных движений в африканских странах и др. Сыграла свою роль и поддержка таких влиятельных членов движения, как Куба и Югославия. Еще до конференции в Лиме, в совместном югославо-корейском коммюнике по итогам визита в СФРЮ в мае 1975 г. Генерального секретаря ЦК ТПК, президента КНДР Ким Ир Сена было зафиксировано, что «югославская сторона целиком и полностью поддерживает полноценное участие КНДР в деятельности неприсоединившихся государств»⁵.

Одновременно были сорваны попытки Южной Кореи вступить в ДН или —

в случае неудачи — использовать все рычаги давления с тем, чтобы не допустить вступления в движение КНДР. Лимская конференция отклонила просьбу Южной Кореи о приеме в члены движения, мотивировав свое отрицательное решение тем, что последняя имеет военное соглашение с США (договор безопасности) и предоставляет свою территорию для американских военных баз. В этой связи в процессе обсуждения вопроса о членстве в движении неприсоединения КНДР встал вопрос о роли советско-корейского Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи (1961).

Противники народной Кореи пытались использовать положение договора о предоставлении ей военной помощи в случае агрессии для того, чтобы противопоставить политику КНДР в отношении социалистических стран принципам движения неприсоединения. Однако такой подход не имел оснований, поскольку данный договор предусматривает возможность военной помощи не «в контексте противостояния великих держав», — а именно такого рода военное сотрудничество противоречит принципам движения неприсоединения, — но в контексте существовавшей опасности вооруженного нападения на Север со стороны южнокорейского реакционного режима.

На конференции в Лиме с северокорейской стороны было заявлено о тех основных принципах, которые она намеревалась отстаивать в движении неприсоединения. Это — «поддержка и солидарность с народами в борьбе против империализма, колониализма и расизма, за свободу и социальный прогресс», «борьба против империализма и колониализма, за самостоятельное развитие стран», «укрепление отношений дружбы и сотрудничества с неприсоединившимися странами», «расширение и развитие движения неприсоединения». Выступавший в Лиме тогдашний министр иностранных дел КНДР Хо Дам отметил также экономический аспект программы деятельности своей страны в движении. «Чтобы добиться экономической самостоятельности, — заявил он, — неприсоединившимся странам необходимо ликвидировать экономические устои империализма и колониализма... предпринять совместные действия в защиту экономических интересов, развивать многостороннее экономическое и техническое сотрудничество на основе взаимодополняющего обмена. Тогда неприсоединившиеся страны вполне смогут без помощи больших держав построить свою национальную экономику»⁶.

Такой подход к проблемам экономического сотрудничества в рамках движения неприсоединения соответствовал стратегии внутреннего экономического развития КНДР, в основу которой были положены принцип «опоры на собственные силы» и курс на создание максимально комплексного, ориентированного преимущественно на внутренний рынок национального хозяйства. Лозунг, призывающий осуществлять развитие «опираясь на собственные силы», трансформированный впоследствии КНДР в лозунг «коллективной опоры на собственные силы» применительно к сотрудничеству в движении неприсоединения, находил своих сторонников в ДН и служил концептуальной базой, на которой народная Корея рассчитывала строить взаимоотношения с неприсоединившимися странами.

Последующая деятельность КНДР в движении неприсоединения показала, что основными ее направлениями являются: борьба за обеспечение поддержки развивающихся стран в вопросе корейского урегулирования, борьба за мир и безопасность народов, против империализма и колониализма, борьба за укрепление сотрудничества по линии «Юг — Юг». КНДР отстаивает такие важнейшие цели, как мир, безопасность, разоружение, выступает за единство действий движения неприсоединения и сил социализма. Как заявил на VIII конференции в Хараре (1987) глава корейской делегации вице-президент КНДР Пак Сен Чер, «мир — это насущное требование

социализма. Исходя из сущности социализма, мы последовательно боремся против войны, за мир».

Большое значение в выработке нынешнего курса в движении неприсоединения принадлежит VI съезду ТПК (1980). На съезде была закреплена современная платформа КНДР в ДН, исходным моментом которой является признание за движением роли важной революционной силы современной эпохи, против которой направлено «острие агрессивной политики империализма».

Во главу угла политических подходов в движении неприсоединения КНДР ставит защиту самостоятельности движения, его внеблоковый характер. На VI съезде ТПК отмечалось, что стремление к самостоятельности и отказ от участия в блоках являются основными принципами движения неприсоединения. В документах ТПК проводится мысль о недопустимости превращения неприсоединившихся государств в «сателлитов любых блоков», вмешательства «внешних сил» в дела движения и создания новых блоков в его рамках.

КНДР выступает за демократизацию движения неприсоединения, настаивает на принципах полного равноправия стран-участниц независимо от величины государства, его веса на мировой арене, сроков пребывания в движении, отвергает идеи предоставления привилегий тем или иным государствам. VI съезд ТПК отмечал, что страны-участницы не должны стремиться занять привилегированное положение в движении неприсоединения, не должны осуждать деятельность других членов движения, вмешиваться в их дела. В Пхеньяне подчеркивают, что неприсоединившиеся государства не должны применять силу в отношении друг друга и заниматься действиями, способными привести к военным конфликтам при решении спорных вопросов.

В качестве важнейшей задачи движения неприсоединения на современном этапе КНДР выделяет обеспечение сплоченности его членов, которая может быть достигнута благодаря отстаиванию самостоятельности и, соответственно, устранению «подчиненности и господства». Пхеньяном активно пропагандируется лозунг «превратить весь мир в самостоятельный». КНДР призывает неприсоединившиеся государства соблюдать принципы равноправия и невмешательства во внутренние дела друг друга, укреплять сотрудничество не только в политической, но и в экономической и технологической сферах.

В Пхеньяне высказываются за организационное укрепление движения неприсоединения, предлагают проводить на уровне глав государств и правительств заседания Координационного бюро, членом которого КНДР является с 1979 г., созывать общие конференции не реже одного раза в два года.

Подобная платформа действий в целом совпадает с позицией многих стран — членов ДН, что позволяет КНДР рассчитывать на получение встречной поддержки в вопросах, имеющих для нее первостепенное значение, прежде всего в вопросе объединения страны.

Движение неприсоединения и корейский вопрос

Отдельная резолюция по Корее была впервые принята на IV конференции в Алжире в 1973 г. В ней корейская проблема была названа в числе важнейших политических проблем, привлекающих внимание неприсоединившихся стран. IV конференция потребовала «положить конец иностранному вмешательству в Корее и обеспечить право корейского народа на самоопределение», вывести все иностранные войска из Южной Кореи, в том числе размещенные там под флагом ООН, а также распустить комиссию ООН по воссоединению Кореи.

Большое значение для поддержки линии КНДР в вопросах объединения имела выраженная на конференции оппозиция по отношению к проекту одновременного вступления в ООН двух Корей. Именно эта идея стала активно проводиться сеульским режимом в 70-е гг. Главы неприсоединившихся государств были едины в том, что вступление Кореи в ООН может произойти под единым государственным названием и лишь после полного воссоединения этой страны или создания конфедерации Севера и Юга.

На Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран в Коломбо (1976) позиция КНДР по вопросам воссоединения получила еще более полную политическую и, можно сказать, эмоциональную поддержку. Этому, несомненно, способствовало то обстоятельство, что КНДР впервые в качестве официального члена ДН принимала участие в работе конференции.

Корейский вопрос был широко представлен в политической декларации конференции. В декларации говорилось, что в «Корее создается критическое положение, при котором новая война может вспыхнуть там в любой момент». Отмечалось, что империалисты усиливают военные приготовления в Южной Корее, превратив ее в «базу агрессивного ядерного нападения». Подчеркивалась связь политической обстановки в Корее с проблемами общеазиатской безопасности; указывалось на угрозу того, что война, которая может вспыхнуть в Корее, «распространится на Азию и весь мир»⁸. В Коломбо была дана характеристика южнокорейскому режиму как «фашистской системе угнетения», при которой «безжалостно попираются элементарные демократические права и свобода народа»⁹.

Конференция назвала решение корейской проблемы одной из неотложных задач, «выполнение которой не допускает дальнейших промедлений». Были сделаны также заверения в том, что «неприсоединившиеся страны примут согласованные действия в международных организациях и конференциях» с тем, чтобы способствовать мирному и самостоятельному объединению Кореи.

Политическая декларация VI конференции в Гаване (1979) выделила следующие основные аспекты корейской проблемы. Во-первых, отмечалось, что сохранение раскола Кореи «представляет собой потенциальную угрозу миру». Во-вторых, была вновь подтверждена поддержка курсу Пхеньяна на достижение мирного объединения страны на основе трех принципов Совместной декларации Севера и Юга от 4 июня 1972 г. (самостоятельность, мир, национальная консолидация) и отвергнуты попытки разделить Корею на две части как противоречащие чаяниям корейского народа. В-третьих, подчеркивалось, что вывод иностранных войск из Южной Кореи, роспуск сил ООН, ликвидация иностранных баз и замена соглашения о перемирии соглашением о прочном мире будут способствовать осуществлению права корейского народа на мирное объединение¹⁰.

Подобный подход к корейской проблеме в принципе сохранился и в решениях последующих высших форумов движения неприсоединения — в Дели (1983) и Хараре, в которых зафиксированы продолжающаяся напряженность ситуации в разделенной Корее, одобрение стремления корейского народа к объединению на основе трех принципов, признание связи объединения с выводом иностранных войск.

Сравнение содержания декларации в Хараре с декларацией в Коломбо, принятой 10 лет назад, показывает стремление большинства членов движения неприсоединения рассматривать корейский вопрос скорее как национальную проблему, а не проблему движения в целом. Так, в отличие от Коломбо, где утверждалось, что напряженность в Корее «нарастает с каж-

дым днем» и «новая война может вспыхнуть в любой момент», в Хараре отмечалось, что разделенная Корея представляет собой «потенциальную угрозу миру».

В Хараре не была представлена характеристика южнокорейского режима как «базы ядерного нападения». Тезис о выводе ядерного и иного оружия и ликвидации иностранных баз в Южной Корее заменен на более расплывчатый: «Они (главы государств и правительств.— Авт.) выразили надежду, что вывод всех иностранных войск из этого района будет содействовать осуществлению стремления корейского народа к мирному соединению страны».

В отличие от Коломбо, в Хараре не было выражено отношение к формуле объединения — создание конфедерации путем созыва Великого национального собрания. На конференции в Хараре подчеркивалось, что путь к объединению Кореи лежит через «диалог и консультации между Севером и Югом в соответствии с тремя принципами».

Эти положения составляют, на наш взгляд, сущность современного отношения движения неприсоединения к корейскому вопросу как внутренней проблеме разделенной нации, которая прежде всего сама должна найти пути решения своей проблемы.

Движение неприсоединения и позиция КНДР по глобальным проблемам

Борьба за устранение опасности термоядерной войны, за укрепление мира и безопасности народов остается в числе важнейших направлений внешней политики КНДР. Руководители республики постоянно подчеркивают необходимость сплочения всех прогрессивных сил в мире, чтобы успешно противостоять безрассудной политике империализма — источнику обострения международной напряженности, усиления гонки вооружений. Ким Ир Сен отмечал: «Интересы устранения угрозы новой мировой, термоядерной войны и сохранения мира во всем мире требуют от народов стран социализма, неприсоединившихся государств и всех миролюбивых народов планеты крепко сомкнуть ряды и энергично развернуть антиядерное, антивоенное движение в защиту мира»¹¹. Этот курс корейская дипломатия проводит на международной арене, в том числе на мероприятиях в рамках движения неприсоединения.

КНДР выступает против форсируемой империализмом гонки вооружений, призывая добиваться всеобщего и полного разоружения. Резкой критике подвергаются все мероприятия американской администрации, направленные на наращивание военного потенциала, как собственного, так и союзников, на создание новых видов оружия массового поражения, осуществление программ «химического перевооружения» и ведения бактериологической войны. Категорически отвергаются КНДР планы «звездных войн», переноса гонки вооружений в космос; заявляется, что космическое пространство должно быть использовано только в мирных целях; высказывается поддержка инициативам СССР, направленным на полное упразднение ядерного и химического оружия, на недопущение разрывывания ядерного оружия в космосе¹². КНДР позитивно отреагировала на советско-американский договор о ракетах среднего и меньшего радиуса действия. Пхеньян поддерживает также усилия «делийской шестерки», добивающейся прекращения ядерных испытаний.

Важным условием достижения мира без ядерного оружия в КНДР считают борьбу за создание во всех районах планеты **безъядерных зон**, зон мира. Народная Корея приветствует объявление таких зон в Латинской Аме-

рике, в южной части Тихого океана и высказывает одобрение идеи их создания в Центральной Европе, на Балканском полуострове, в Южной Атлантике, в Индийском океане, превращения района Средиземного моря в зону мира и сотрудничества.

КНДР выступила также с собственным предложением создать безъядерную зону, зону мира в Северо-Восточной Азии, включающей весь Корейский полуостров. Данное предложение впервые было выдвинуто в Совместной декларации Трудовой партии Кореи и Социалистической партии Японии в 1981 г. Сфера действия зоны должна была бы охватывать Корею, Японские острова и прилегающие к ним водные пространства. В декларации предусматривалось запрещение разработки, производства, хранения, испытаний, применения и транспортировки ядерного, биологического и химического оружия, а также ликвидация военных баз и вывод иностранных войск с территорий, включенных в эту зону.

В настоящее время КНДР сосредоточивает усилия на борьбе за превращение в безъядерную зону прежде всего Кореи. Предложение о создании такой зоны на Корейском полуострове встречает растущую поддержку в мире. Об этом свидетельствует тот факт, что в работе международной конференции, состоявшейся в КНДР в сентябре 1986 г. и специально посвященной этому вопросу, приняли участие более 120 делегаций из 78 стран, а также представители ряда международных демократических организаций¹³.

Принципиально важной частью политической платформы КНДР в движении неприсоединения является ее настойчивое стремление добиваться роспуска военных блоков, ликвидации иностранных баз и удаления иностранных войск с чужих территорий. В этой связи Пхеньян призывает неприсоединившиеся страны воздерживаться от действий, способствующих появлению на их территории военных баз или баз снабжения иностранных государств, не допускать проведения военных маневров, особенно с имитацией применения ядерного оружия.

Все это самым непосредственным образом связывается с ситуацией на Юге Корейского полуострова: осуждаются милитаристские планы и действия Вашингтона, направленные на повышение уровня напряженности на Дальнем Востоке и в азиатско-тихоокеанском регионе, на создание там нового блокового образования наподобие НАТО в форме военно-политического треугольника США — Япония — Южная Корея.

Позиция КНДР по региональным проблемам

КНДР в духе основных требований движения неприсоединения выступает в поддержку национально-освободительной борьбы народов, за полную ликвидацию остатков колониализма, всемерное укрепление независимости и государственного суверенитета освободившихся стран.

Острые критики КНДР направляются на американский империализм, бывшие колониальные державы, а также на проводников их политики, таких, как правящие круги ЮАР и Израиля. Так, большое внимание вновь было уделено в выступлении главы корейской делегации на VIII конференции в Хараре положению на Юге Африки и на Ближнем Востоке. Он заявил, что настало время усилить совместную борьбу неприсоединившихся стран против расистского режима ЮАР, поскольку «не покончив с расистской политикой, невозможно достичь целей национально-освободительной борьбы коренного населения Юга Африки, обеспечить там стабильность»¹⁴. Предлагалось усилить поддержку народам Намибии против оккупации

ЮАР во имя достижения национального самоопределения и независимости, а также «прифронтовым государствам», противостоящим агрессии и вмешательству в их внутренние дела со стороны Претории.

КНДР выступает против увязывания вопроса о предоставлении независимости Намибии с пребыванием и выводом из Анголы интернационалистских кубинских войск.

Осуждению подвергают в КНДР экспансионистские устремления и агрессивные действия Израиля на Ближнем Востоке. Корейская сторона выступает за совместное противодействие всех неприсоединившихся стран Израилю в дипломатической, экономической, военной, культурной областях, в сфере транспортных перевозок. США предъявляется требование немедленно прекратить поощрение сионизма и вмешательство в дела арабских народов. С корейской стороны выражается твердая солидарность с палестинским и другими арабскими народами в борьбе за восстановление своих прав, возвращение оккупированных Израилем арабских земель, положительно оценивается идея проведения международной конференции по Ближнему Востоку.

КНДР активно проявляет солидарность с антиимпериалистической политикой Ливии, с которой у нее имеется союзный договор. Резкому осуждению Пхеньян подвергает агрессивные действия США против этой арабской страны, квалифицируя их как акты государственного терроризма, нарушения международного права, как нарушение суверенитета и территориальной целостности Ливии, угрозу миру и стабильности в районе Средиземного моря.

С антиимпериалистических позиций выступает КНДР в движении неприсоединения по проблемам Латинской Америки. Народной Кореей выражается неизменная солидарность с борьбой народа Кубы и Никарагуа в защиту революционных завоеваний, признается право Пуэрто-Рико на суверенитет и независимость. Пхеньян резко осудил агрессию США на Гренаде, критикует попытки Вашингтона увековечить свое господство в зоне Панамского канала, рейгановский план экономического развития стран Карибского бассейна. КНДР встала на сторону Аргентины в вопросе о принадлежности Мальвинских (Фолклендских) островов, осудив поддерживаемые США империалистические устремления Англии в Южной Атлантике и требуя деколонизации этих островов.

Серьезную озабоченность проявляют в Пхеньяне в связи с осложнением обстановки в Центральной Америке. Источником роста напряженности в этом районе, подрыва мира и стабильности называются империалистические круги США, их намерение не допустить прогрессивных преобразований в соседних странах. Выступая на заседании Координационного бюро движения неприсоединения в Джорджтауне в марте 1987 г., министр иностранных дел КНДР Ким Ен Нам подтвердил «твердую солидарность со справедливым делом братского народа Никарагуа, поднявшегося на защиту своей политической независимости и достоинства»¹⁵.

Положительно оцениваются КНДР усилия контадорской группы, «стремящейся найти правильное решение центральноамериканской проблемы, обеспечения мира и безопасности политическими средствами»¹⁶, на основе национального самоопределения.

Подтверждена также полная поддержка КНДР, «ее боевая солидарность» с патриотами Сальвадора, «борющимися за подлинное демократическое освобождение и свободу».

КНДР выступает за усиление коллективных действий в движении неприсоединения. Она сторонница того, чтобы любую агрессию против любой неприсоединившейся страны считать агрессивней против всех неприсоединившихся стран и чтобы пострадавшей стране были оказаны все соот-

ветствующие виды помощи и поддержки. Этот тезис нашел официальное закрепление в решениях Харарской конференции в верхах, принявшей специальный документ и Декларацию об усилении коллективных действий.

В Пхеньяне поддерживают усилия неприсоединившихся государств, направленные на превращение Индийского океана в зону мира, разоблачая действия Вашингтона по милитаризации этого региона, выражают солидарность с борьбой народа Маврикия за восстановление суверенитета над архипелагом Чагос, в том числе над островом Диего-Гарсия, где должна быть демонтирована американская военно-морская база.

Придерживаясь нейтралитета относительно ирано-иракского конфликта, корейское руководство призывает стороны прекратить военные действия и решить двусторонние споры в интересах народов обеих стран. В Пхеньяне позитивно отзываются об афганской революции, приветствуют борьбу народа этой страны под руководством Народно-демократической партии за построение нового общества и пресечение происков империализма. Одобряя политику национального примирения, проводимую НДПА, корейская сторона желает решения имеющихся в этой стране проблем в интересах всего афганского народа.

КНДР прилагает усилия для развития отношений со странами АСЕАН. И хотя КНДР продолжает поддерживать дипломатические отношения с «Демократической Кампучией», не признавать НРК, в отношении существующих в Индокитае проблем она разделяет в основном ту точку зрения, которая отражена в ряде заключительных документов форумов движения неприсоединения последних лет и которая предусматривает поиск и принятие всеобъемлющего политического решения. Корейские представители были участниками консультативной рабочей встречи заместителей министров иностранных дел социалистических стран Азии (Москва, 8—9 января 1987 г.), по итогам которой было заявлено, что сохраняющаяся сложная обстановка в Юго-Восточной Азии диктует настоятельную необходимость активизации поиска путей решения существующих здесь проблем самими государствами региона на основе полного уважения их суверенитета, независимости и территориальной целостности без вмешательства извне в их внутренние дела¹⁷.

КНДР и борьба движения неприсоединения за новый международный экономический порядок

Одним из центральных направлений с начала деятельности КНДР в движении неприсоединения является активное участие в борьбе за установление нового международного экономического порядка. Об этом свидетельствует ее участие в 1976 г. в «группу 77». Выход КНДР на данное направление соответствовал общей тенденции развития ДН, которое в 70-е гг. значительно усилило внимание к вопросам экономической деколонизации, перестройки международных экономических отношений на подлинно демократической основе, поискам конкретных форм и методов достижения этих целей.

В подходе к проблемам преодоления трудностей в развитии освободившихся стран КНДР отстаивает принцип «коллективной опоры на собственные силы», взаимодополняющего сотрудничества между самими неприсоединившимися странами. Республика выступает за неотъемлемое право распоряжаться своими ресурсами по собственному усмотрению, за право на национализацию, за установление эффективного контроля за деятельностью транснациональных корпораций. При этом подчеркивается, что освободившиеся страны «вправе использовать имеющиеся у них природные богатства в качестве орудия давления на развитые капиталистические государства»¹⁸.

Поддерживая в принципе усилия большинства развивающихся стран найти решение накопившихся социально-экономических проблем путем заключения договоренностей с западными державами в рамках глобальных переговоров «Север—Юг», корейские представители все же ставят под сомнение возможность достижения приемлемых компромиссов, указывая на «неизменную грабительскую, хищническую природу монополистического капитала». «Страны «третьего мира» не должны надеяться на империалистов, на развитые страны, а должны сами расчистить себе дорогу для обеспечения своего существования. Империалисты никогда не подарят экономическое освобождение... не подарят новый международный экономический порядок», — заявил по этому поводу Ким Ир Сен¹⁹.

Поэтому в качестве определяющего направления борьбы за завоевание подлинной экономической независимости предлагается расширять и углублять взаимодействие по линии «Юг — Юг», т. е. между самими развивающимися странами. КНДР участвует в разработке теоретических основ и в проведении практических мероприятий в рамках сотрудничества «Юг — Юг».

Участие в сотрудничестве «Юг — Юг» в 80-е гг. стало носить характер приоритетного направления внешнеэкономической деятельности КНДР. Этому вопросу была посвящена специальная сессия высшего законодательного органа страны — Верховного народного собрания, состоявшаяся в январе 1984 г. В постановлении сессии прямо указывается, что «одно из важнейших направлений внешнеэкономической деятельности нашей партии и правительства республики в данное время — это расширение и развитие сотрудничества в рамках „Юг — Юг“»²⁰.

Главным содержанием сотрудничества «Юг — Юг», как считают в КНДР, является многократное умножение двусторонних обменов на основе взаимодополняющего принципа²¹. Действуя в данном направлении, КНДР развивает торгово-экономические связи с развивающимися странами. Она оказывает помощь, главным образом африканским государствам, в решении продовольственной проблемы (строятся показательные кооперативы, рисовые плантации, опытные станции, ирригационные системы, предприятия и мастерские по производству сельскохозяйственного инвентаря, удобрений, ядохимикатов и т. п.), в подготовке национальных кадров, а также в строительстве предприятий легкой промышленности, разработке горнорудных месторождений, сооружении дорог, портов, складских помещений. Условия предоставления помощи весьма льготные, нередко на безвозмездной основе.

В целях активизации сотрудничества «Юг — Юг», повышения его эффективности в КНДР считают необходимым поднять эти вопросы на самый высокий уровень — созвать специальную конференцию глав государств и правительств неприсоединившихся стран. При этом выражается готовность провести такой форум в Пхеньяне.

Непосредственно в рамках движения неприсоединения КНДР развернула работу по определению и осуществлению мер развития сотрудничества «Юг — Юг» еще на V конференции в верхах в Коломбо. Тогда глава корейской делегации предложил на многосторонней основе объединять капиталы и технику, уделяя первоочередное внимание вопросу достижения самообеспечиваемости развивающихся стран продовольствием.

На Гаванской конференции КНДР вступила в число стран — координаторов движения, в чью задачу входит реализация программы действий в области сельского хозяйства и продовольствия. Решением состоявшейся в Дели в феврале 1981 г. конференции министров иностранных дел КНДР было предоставлено право провести в Пхеньяне очередное совещание координаторов, а также симпозиум неприсоединившихся и других развивающихся стран

по вопросам производства продуктов питания и сельскохозяйственной продукции. В симпозиуме, состоявшемся в августе — сентябре 1981 г., приняли участие представители 81 страны и 14 международных организаций.

В принятой по итогам симпозиума «Пхеньянской декларации об увеличении производства продовольствия и сельскохозяйственной продукции» предлагалось наладить всемерный обмен опытом, сотрудничество и взаимопомощь в деле подготовки кадров, в области ирригации, селекции, механизации, сельскохозяйственных наук как на двусторонней основе, так и на региональном уровне. Указывалось на целесообразность увеличения числа стран — координаторов движения неприсоединения по вопросам продовольствия и сельского хозяйства, создания группы экспертов из их числа, составления каталога всех возможных форм сотрудничества и анкеты для выяснения всех потребностей развивающихся стран. В соответствии с решением 2-го заседания координаторов, состоявшегося в Пхеньяне в июне 1981 г., КНДР взяла на себя обязательство создать в Гвинее и Танзании региональные научно-исследовательские сельскохозяйственные центры соответственно для Западной и Восточной Африки.

Совещание координаторов и проведение симпозиума явились первым конкретным вкладом КНДР в деятельность движения неприсоединения на экономическом поприще.

В июне 1984 г. КНДР провела встречу экспертов по ирригации в рамках упомянутой группы координаторов, которая подготовила ряд рекомендаций по координации технического сотрудничества в области ирригации и дренажа. В сентябре 1987 г. в соответствии с решением VIII конференции в Пхеньяне было проведено совещание экспертов неприсоединившихся и других развивающихся стран по аквакультуре.

Экономическая деятельность КНДР в движении неприсоединения развивалась и по другим направлениям. В 1978 г. КНДР стала координатором группы «Роль женщин в развитии», в феврале 1981 г. вошла в число стран-координаторов по темам: «Развитие науки и техники», «Рыболовство», «Здравоохранение». На VII конференции в верхах она присоединилась дополнительно к группам: «Техническое сотрудничество и консультационные услуги», «Мирное использование ядерной энергии», «Телекоммуникации», «Жилищное строительство», «Сотрудничество в области стандартизации, измерения и контроля качества», «Образование и культура», «Физическое воспитание и спорт». Тем самым КНДР сделала заявку на расширение своего участия в сотрудничестве «Юг — Юг» по большинству его направлений.

Еще одной важной областью деятельности КНДР в движении неприсоединения становится сфера культуры и образования. В Пхеньяне были организованы I конференция министров образования и культуры неприсоединившихся и других развивающихся стран (сентябрь 1983 г.), II Генеральная конференция министров и ответственных деятелей в области физического воспитания и спорта (июль 1986 г.), семинар по ликвидации неграмотности и расширению охвата детей школьным образованием (октябрь 1986 г.). Эти мероприятия позволили разработать ряд рекомендаций к практическим действиям для развития культуры и образования в освободившихся странах.

Примечательным событием стало проведение в Пхеньяне I кинофестиваля неприсоединившихся и развивающихся стран в сентябре 1987 г. Положительно оценена в движении неприсоединения инициатива КНДР по созданию музея народных музыкальных инструментов. Харарская конференция призвала неприсоединившиеся страны «предоставлять для экспозиции этого музея различные типы национальных музыкальных инструментов».

Серьезное значение придается в КНДР также участию в такой важной сфере, как информация. Республика является членом Координационного комитета радиовещательных корпораций неприсоединившихся стран и членом Координационного комитета информационного пула. В мае 1982 г. в Пхеньяне было проведено заседание этого органа, где вновь обращалось внимание на укрепление независимости неприсоединившихся стран, отстаивание «неприсоединившегося» характера распространяемой информации, предлагалось объединить все информационные службы неприсоединившихся стран в единую систему, создавать региональные трансляционные центры. В целом КНДР является весьма решительным поборником установления нового международного информационного порядка, отвергая «информационный империализм» и выступая за всемерное улучшение деятельности информационных служб неприсоединившихся стран, их реорганизацию и модернизацию, повышение уровня профессиональной и идеологической подготовки журналистов. Уже вошла в практику периодическая организация в Пхеньяне краткосрочных курсов для журналистских кадров из развивающихся стран.

На Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран в Хараре делегация КНДР подтвердила готовность принять самое активное участие в налаживании сотрудничества «Юг — Юг». Глава делегации вице-президент Пак Сен Чер выделил ряд задач в качестве первоочередных. Во-первых, предлагалось активизировать сотрудничество в области сельского хозяйства для достижения самообеспечиваемости в продовольствии, выдвигая на передний план осуществление ирригационных проектов, таких как «10-летний план строительства ирригационных систем в развивающихся странах» и «10-летний план строительства ирригационных сооружений в Африке»; предлагалось также создать совместные предприятия по производству удобрений, ядохимикатов, сельхозинвентаря. Во-вторых, в целях облегчения финансовых проблем и кредитования взаимного товарообмена указывалось на целесообразность учреждения «Банка Юг». Вновь выдвигалась инициатива провести совещание глав государств и правительств неприсоединившихся стран, заинтересованных в ускорении налаживания сотрудничества «Юг — Юг»²².

На Харарской конференции КНДР было дано право провести у себя такое важное политическое мероприятие, как специальную конференцию по вопросам сотрудничества «Юг — Юг» на министерском уровне. Данная конференция состоялась в Пхеньяне с 9 по 13 июня 1987 г. В ее работе приняли участие представители более 100 стран и международных организаций, обсудивших пути расширения всестороннего сотрудничества между народами Азии, Африки и Латинской Америки в целях обеспечения их социально-экономического прогресса.

В приветственной речи на открытии конференции президент КНДР Ким Ир Сен выделил в качестве важнейших задачи налаживания торгового и научно-технического сотрудничества между развивающимися странами на принципах взаимодополняющего обмена, взаимной выгоды и бескорыстия, объединения усилий в решении продовольственной проблемы, в деле улучшения организации здравоохранения на базе достижений как современной, так и традиционной медицины. Касаясь проблемы внешней задолженности, одного из наиболее острых вопросов для большинства развивающихся стран, корейский руководитель выразил мнение, что самым рациональным путем ее решения было бы «продлить срок погашения задолженности до тех пор, пока развивающиеся страны не построят самостоятельную национальную экономику и не приобретут возможности погасить долги, а до тех пор заморозить выплаты по процентам, согласовывая такие действия путем двусторонних или много-

сторонних переговоров между государствами-должниками и государствами-кредиторами»²³.

Справедливо было указано на прямую зависимость проблем развития от разоружения, от укрепления мира во всем мире. «Только мир даст возможность народам развивающихся стран ускорить хозяйственное строительство и создать самостоятельную национальную экономику», — подчеркнул Ким Ир Сен²⁴.

По итогам конференции были приняты заключительные документы (Пхеньянская декларация о сотрудничестве «Юг — Юг» и «Программа действий»), в которых намечены конкретные направления совместных усилий развивающихся стран по решению насущных экономических и социальных проблем.

* * *

За десять с лишним лет участия КНДР в движении неприсоединения значительно расширились и укрепились международные позиции республики, возрос ее авторитет. Сейчас народная Корея поддерживает дипломатические отношения со 102 странами, в том числе с 78 развивающимися. Заключено 10 договоров о дружбе и сотрудничестве, действуют межправительственные соглашения об экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве с более чем 35 государствами. Примечательно, что с начала 70-х гг. состоялось свыше 70 визитов в Пхеньян на высшем уровне руководителей 45 развивающихся стран, из них 33 — африканских.

Укрепляются связи и координация действий КНДР с другими социалистическими государствами — членами движения неприсоединения. В 1986 г. состоялись визиты руководителей Кубы и Югославии в Пхеньян. В преамбуле подписанного корейско-кубинского Договора о дружбе и сотрудничестве подчеркивается стремление сторон вносить «активный вклад в дело сохранения мира и безопасности в Азии и Латинской Америке, в Африке и во всем мире, в дело укрепления сплоченности сил социализма, международного коммунистического и рабочего движения, движения неприсоединения и национально-освободительного движения прогрессивных и миролюбивых сил планеты»²⁵. На корейско-югославской встрече отмечалось, что обе страны «как государства — члены движения неприсоединения ведут борьбу за единство и сплоченность движения, за его расширение и развитие»²⁶.

В целом, как показывают годы участия КНДР в движении неприсоединения, ее деятельность на этом направлении в координации с силами социализма и прогресса содействует борьбе против империализма и колониализма, за мир и безопасность народов.

¹ Движение неприсоединения в документах и материалах. М., 1975, с. 95.

² Там же, с. 123.

³ Там же, с. 165.

⁴ См.: История Кореи. М., 1974, т. 2, с. 331.

⁵ «Нодон синмун», 17.V.1975.

⁶ Там же, 31.VIII.1975.

⁷ См.: Ким Ир Сен. Отчетный доклад ЦК ТПК VI съезду партии. Пхеньян, 1980, с. 104.

⁸ Движение неприсоединения в документах и материалах. М., 1979, с. 397.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, с. 398.

¹¹ «Нодон синмун», 12.III.1986.

¹² Там же, 18.III.1987.

¹³ «Проблемы мира и социализма», 1986, № 11.

¹⁴ «Нодон синмун», 8.IX.1986.

¹⁵ Там же, 15.III.1987.

¹⁶ Там же.

¹⁷ «Известия», 10.I.1987.

¹⁸ «Нодон синмун», 17.IX.1981.

¹⁹ Ким Ир Сен. О борьбе корейского народа за претворение в жизнь идей чучхе. Пхеньян. 1983, с. 42.

²⁰ «Нодон синмун», 28.I.1984.

²¹ См.: там же.

²² «Нодон синмун», 8.IX.1986.

²³ Там же, 10.VI.1987.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же, 12.III.1986.

²⁶ Там же, 30.III.1986.

Разработка стратегии единого фронта сопротивления Японии на опыте борьбы в Маньчжурии

*Ю. М. ОВЧИННИКОВ,
кандидат исторических наук*

Последнее время вопросы борьбы китайского народа с японской агрессией в Маньчжурии, деятельность КПК в этом регионе в 30-е гг. привлекают пристальное внимание исследователей, особенно китайских историков. Вызвано это, как представляется, стремлением глубже понять историю войны сопротивления, найти истоки развития разнообразных форм борьбы КПК за национальное и социальное освобождение в условиях внешней агрессии, наконец, просто исследовать область, ранее весьма слабо изученную. В настоящее время для этого появились все условия в связи с открытием части японских архивов, публикацией многих архивных материалов по данной теме в КНР. Естественно, в первых работах сосредоточено внимание на вооруженной борьбе партизан с японскими захватчиками, на истории формирования и действий Объединенной антияпонской армии Дунбэя, на оценке принципиальных, крупных решений КПК в отношении Маньчжурии. Вопросы же становления антияпонской власти на местах, социально-экономической политики партии в партизанских районах, развития маньчжурской партийной организации в условиях войны остаются пока еще вне поля зрения историков. Нет также работ, которые бы специально рассматривали борьбу в Маньчжурии под углом зрения разработки и становления новой стратегической линии партии — единого национального фронта, попыток применения этой линии на практике в Дунбэе, влияния опыта антияпонского сопротивления на северо-востоке страны на решения Коминтерна о едином фронте в отношении Китая. В данной статье как раз и делается попытка осветить некоторые аспекты этой темы.

* * *

Военные действия японской армии в Маньчжурии и последующая оккупация северо-восточных провинций Китая японскими империалистами, превращение Дунбэя в фактическую колонию Японии привели к коренному изменению ситуации в регионе. Здесь сложилась политическая, военная, социально-экономическая обстановка, резко отличавшаяся от той, что была в остальных районах Китая. Национальные противоречия, национальный кризис вышли на первый план. Во главу угла выдвинулась задача борьбы за национальное освобождение.

Агрессия Японии всколыхнула все слои населения Дунбэя. Первыми начали борьбу, вопреки приказу Чан Кайши, части гоминьдановской Дунбэйской армии, отказавшиеся отступить без боя во внутренние районы Китая. Вокруг них стали быстро расти различные отряды самообороны, партизанские отряды,

отряды миньтуаней, хунхузов, тайных обществ, впоследствии сформировавшихся в различные антияпонские добровольческие армии и армии спасения родины. По социальному составу они были чрезвычайно разнородны и включали в себя как представителей рабоче-крестьянских масс, студенчества, городской бедноты, так и представителей имущих классов города и деревни. По разным оценкам, в 1932 г., в период наивысшего подъема борьбы добровольческих армий, их численность доходила до 300—360 тыс. человек¹. Наряду с формированием добровольческих армий в городах, прежде всего в среде интеллигенции и студенчества, стали возникать антияпонские общества, занимавшиеся антияпонской пропагандой, сбором средств для помощи партизанским отрядам. Одним из наиболее влиятельных и сильных было Народное дунбэйское антияпонское общество спасения страны, созданное в Бэйпине беженцами из Маньчжурии. Оно имело широкие и разветвленные связи в различных слоях общества как в Маньчжурии, так и в других районах Китая². Его члены вели антияпонскую пропаганду, собирали пожертвования, занимались организацией добровольческих отрядов сопротивления Японии (к середине 1932 г. было создано 56 отрядов)³. Согласно архивным данным, приводимым китайскими учеными, большую помощь вооружением, боеприпасами, обмундированием отрядам добровольческих армий оказывал Чжан Сюэлян⁴.

Движение сопротивления японской агрессии в Дунбэе носило массовый и стихийный характер. Оно не имело единого военно-политического руководства, согласованных тактических планов, единой программы борьбы, хотя различные добровольческие армии временами координировали свои действия. КПК, Маньчжурская партийная организация в том числе, оказались неподготовленными к резкому изменению ситуации в регионе, были, по сути дела, застигнуты врасплох и сравнительно длительный промежуток времени находились в растерянности⁵. Это объяснялось целым рядом как объективных, так и субъективных причин. Коммунистическая организация в Дунбэе была сравнительно молода, неопытна, немногочисленна и слаба. Первые ячейки КПК появились в 1925 г. в Даляне и Шэньяне. В 1927 г. был создан Маньчжурский провинциальный комитет КПК. К июню 1932 г. в Маньчжурии насчитывалось немногим более 2 тыс. коммунистов⁶. Большинство составляли корейцы юго-восточных сельских районов Маньчжурии и лишь 700—800 человек китайцы⁷. Рабочих в партийной организации региона было чрезвычайно мало, и это несмотря на довольно значительный потенциал рабочего класса в Дунбэе, сосредоточенного в основном на японских предприятиях⁸. В известной мере на деятельности коммунистов региона сказывалось отсутствие опыта революционных боев периода революции 1925—1927 гг. Специфичность ситуации в Маньчжурии с более строгим военно-политическим и административным контролем, с одной стороны, и с более благоприятными социально-экономическими условиями жизни, чем в остальном Китае, с другой, накладывала свой отпечаток на деятельность партии в Дунбэе и на возможности ее роста. Частые провалы и вызываемые ими организационные перестройки, смена руководства Маньчжурского провинциального комитета также неблагоприятно сказывались на состоянии провинциальной организации КПК (с октября 1927 г. по апрель 1935 г. в Маньчжурском провинкоме сменилось 13 секретарей)⁹. Ко времени японского наступления в Маньчжурии партия в регионе следовала курсу, в целом разработанному 4-м пленумом ЦК КПК и последующими постановлениями ЦК. Суть его состояла в преодолении линии Ли Лисаня, в борьбе против наступления империалистов и гоминьдана на советские районы и Красную армию, в развертывании советского движения, проведении аграрной революции, борьбе за свержение гоминьдана, причем последняя задача счи-

талась главной. Даже после событий «18 сентября» Маньчжурский провинциальный комитет, так же как и вся КПК, в целом продолжал следовать старому курсу, дополненному лишь новыми установками борьбы против японских и всех других империалистов. В сущности, линия партии в этот период не учитывала особенности сложившейся ситуации, коренных изменений в обстановке. Воззвание Маньчжурского провинциального комитета от 19 сентября 1931 г. и решение ЦК КПК от 22 сентября того же года исходили из старых оценок и установок и рассматривали захват японцами Маньчжурии как создание благоприятных условий для полного созревания революционного кризиса. Главными по-прежнему считались борьба против гоминьдана, свержение гоминьдановского правительства, готового капитулировать перед японским империализмом, создание советов и осуществление аграрной революции. Вместе с тем эти основные задачи были дополнены установками на развитие массового антиимпериалистического движения, пробуждение национального самосознания, развертывание антияпонской партизанской войны. Решение ЦК КПК впервые указывало на необходимость осуществления тактики единого фронта снизу в антиимпериалистическом движении, на привлечение к этому фронту мелкой буржуазии¹⁰. Эта принципиально верная установка, однако, не была повторена и развита в последующих воззваниях и решениях руководителей КПК, а также и в Коминтерне. Уже 30 сентября 1931 г. ЦК КПК в своем воззвании к народу по поводу захвата Маньчжурии японцами резко осуждал гоминьдан и его призывы к сплочению и единому фронту, расценивая их как обман масс. Таким образом, борьба против гоминьдана по-прежнему ставилась главной задачей, а свержение гоминьдановского правительства рассматривалось как неперемное условие успешной антиимпериалистической борьбы¹¹.

Такого курса КПК придерживалась вплоть до 1933 г. Развитие реальной ситуации в Маньчжурии, однако, заставляло местных коммунистов отходить от общих установок и в конкретной практической деятельности приспосабливаться к условиям борьбы. Здесь главное внимание партии было сосредоточено на военном вопросе. 23 сентября 1931 г. Маньчжурский провинциальный комитет принял решение относительно работы партии в армии, в котором предлагал коммунистам по мере возможности возглавить и «большевизировать» отступавшие и разбитые части Дунбэйской армии, начать вооруженное сопротивление японцам. 12 октября ЦК КПК в указаниях Маньчжурскому провинциальному комитету потребовал от партийной организации развертывания широкой партизанской войны в регионе. Исходя из этих указаний, партийные организации Дунбэя направили коммунистов в войска и различные добровольческие армии. При их непосредственном участии выработывались принципы взаимодействия и сотрудничества различных отрядов добровольческих армий¹². Определенная работа велась и по привлечению к борьбе с японцами отрядов хунхузов. Таким образом, на практике уже делались попытки организации вооруженного единого фронта снизу. Вместе с тем главной целью партии в Маньчжурии было создание собственных вооруженных сил, красных партизанских отрядов рабочих, крестьян и солдат как единственной надежной основы сопротивления японцам и борьбы с гоминьданом. Такие отряды под непосредственным руководством КПК были созданы главным образом в Юго-Восточной Маньчжурии в основном из крестьян-корейцев. Однако численность их была невелика (по 60—100 бойцов), они часто терпели поражения и не могли идти ни в какое сравнение с добровольческими армиями.

В городах антияпонское движение развертывалось довольно слабо. Забастовки рабочих были сравнительно редки и носили в основном экономический характер. Наибольшую активность проявляло студенчество, но и эта

деятельность в целом носила стихийный характер и довольно быстро сошла на нет. Местные партийные организации, провинциальный комитет, так же как, впрочем, ЦК КПК и делегация КПК в Коминтерне, явно не поспевали за развитием событий. Груз старых представлений и понятий мешал трезво оценить обстановку, выработать соответствующий курс.

Летом 1932 г. опыт борьбы партии в Маньчжурии и некоторых других северных провинциях Китая в известной мере был обобщен на созданном ЦК КПК в Шанхае совещании представителей северных партийных организаций (так называемое «северное совещание ЦК»). Совещание проанализировало сложившуюся ситуацию на севере и северо-востоке страны и определило задачи партии в регионе. В принятых решениях Маньчжурская партийная организация критиковалась за пассивность, явное отставание от развития событий, известный отрыв от масс. Была поставлена задача активного развертывания антияпонской партизанской войны, массового антиимпериалистического, антияпонского движения, завоевания гегемонии в антиимпериалистическом движении. Вместе с тем стремление руководства ЦК КПК как можно скорее развернуть по всему Китаю советское движение и добиться победы революции в одной или нескольких провинциях предопределило ошибочность целого ряда установок. При оценке общей ситуации упускались два момента: 1) выдвигание на первый план национальных противоречий, национального кризиса; 2) коренное отличие ситуации в Маньчжурии от ситуации в других районах Китая. В решениях совещания указывалось, что главным противоречием в мире является противостояние социализма и империализма. Ситуация же в Китае была охарактеризована как противостояние двух властей — советской рабоче-крестьянской и гоминьдановской буржуазно-помещичьей. Национальный кризис и борьба в Маньчжурии рассматривались как кризис революционный, созревание революционной ситуации, как фактор, способствующий победе революции. Попытка отдельных представителей северных провинций (Шэньси, Маньчжурии) указать на особенность ситуации на севере, специфичность обстановки в Маньчжурии, фактически превратившейся в колонию Японии, на отставание развития революции в этих районах от Центрального и Южного Китая была расценена на совещании как «безосновательная оппортунистическая болтовня, попытка отрицания существования на севере революционного кризиса», как правооппортунистическая «теория исключительности севера»¹³. В решениях совещания прямо указывалось, что вывод о наличии революционного кризиса справедлив для всего Китая, в том числе и для севера. Отсюда вытекала и общая установка на развертывание в регионе национально-революционной войны народных масс против гоминьдана и японцев с основными задачами создания советов, формирования Красной армии, развертывания аграрной революции в деревне и проведения массовых забастовок в городах. Естественно, не было и речи о едином фронте. Все демократические и антияпонские силы в гоминьдане и среди господствующих классов рассматривались как пособники гоминьдана и обманщики. Работа же коммунистов среди командного состава добровольческих армий рассматривалась как правый уклон. Таким образом, партия заведомо изолировала себя от всех античанкайшистских, антияпонских сил, от возможных союзников в антиимпериалистической, антияпонской борьбе.

С середины июля 1932 г. реорганизованный Маньчжурский провинциальный комитет приступил к проведению в жизнь решения «северного совещания ЦК» с упором главным образом на военное строительство. В различных районах стали создаваться красные партизанские отряды под непосредственным руководством КПК, были сделаны попытки создания советских районов. Большая работа была развернута в добровольческих армиях среди

низового состава. В отдельных районах Юго-Восточной Маньчжурии была предпринята попытка проведения радикальных аграрных преобразований. В городах устраивались рабочие забастовки, демонстрации. В целом партия активизировала свою деятельность, вышла из состояния растерянности и пассивности. Однако, несмотря на отдельные успехи, дальнейшее проведение установок «северного совещания ЦК» очень скоро натолкнулось на огромные трудности и в итоге привело к значительным потерям. Была упущена возможность создания национального единого фронта, мощной объединенной вооруженной силы, способной дать эффективный отпор японской армии. В результате партия и ее воинские формирования попали в изоляцию как в городе, так и в сельских районах, а возможный реальный союзник по единому фронту, различные добровольческие армии, к концу 1932 — началу 1933 г. были разбиты либо вытеснены на территорию СССР.

Ситуация, сложившаяся в Китае, опыт борьбы в Маньчжурии, стали предметом обсуждения в Коминтерне. На XII пленуме ИККИ представитель делегации КПК в Коминтерне Ван Мин в своих выступлениях впервые указал на различные задачи, стоящих перед КПК в Маньчжурии и в Центральном Китае. Он вновь поставил вопрос о создании единого антиимпериалистического фронта снизу (то есть из рабочих, крестьян и городской бедноты). Для Дунбэя были выдвинуты задачи развертывания антияпонского партизанского движения, создания крестьянских комитетов, конфискации имущества предателей, подготовки организации выборов народного правительства Дунбэя. Задача создания советов хотя и не снималась, но отодвигалась на перспективу. Вместе с тем, исходя из прежней оценки ситуации в мире как конца стабилизации капитализма и перехода к новому туру революций и войн, Ван Мин не совсем верно определял социально-экономическое состояние Китая в целом и Маньчжурии в особенности, не учитывал специфику новой колониальной политики Японии в Маньчжурии, завышал степень кризисности экономического и политического состояния гоминьдановского Китая, уровень борьбы народных масс. Это привело его к утверждению о наличии революционной ситуации в Китае, выдвижению установки на свержение гоминьдана как необходимой предпосылки победы национально-революционной войны, осуждению не только национальной буржуазии как контрреволюционной силы, но и мелкой буржуазии¹⁴. Тем не менее в целом установка пленума ИККИ были шагом вперед по пути выработки новой линии партии Китая и Маньчжурии.

Вскоре после XII пленума ИККИ делегация КПК в Коминтерне направил в Маньчжурию Сунь Гуанъина для более подробного выяснения обстановки и проведения в жизнь новых установок. Основываясь на полученных инструкциях, он созвал в декабре 1932 г. совещание Суйнинского уездного комитета КПК и передал общий смысл и дух указаний Коминтерна. На совещании были сняты установки на аграрную революцию и создание советов. В принятом решении указывалось, что задачей партии должно быть создание рабоче-крестьянских добровольческих армий, расширение антияпонской партизанской войны, создание опорных баз, крестьянских комитетов, организация выборов народного правительства. Решение уездного комитета было направлено Маньчжурскому провинциальному комитету КПК. Ознакомившись с ним, провинциальный комитет, придерживавшийся духа решений «северного совещания ЦК», подверг критике Суйнинский комитет, расценив его действия как нарушение указаний ЦК и линии «северного совещания ЦК»¹⁵.

Тем временем в Коминтерне продолжалась более глубокая и детальная разработка нового курса с учетом реального положения на Северо-Востоке Китая. В конце 1932 г. делегация КПК в Коминтерне созвала спе-

циальное совещание для обсуждения вопросов антияпонской борьбы в Маньчжурии в условиях японской оккупации и разработки задач партии. Были обсуждены и приняты два документа, написанные Ван Мином от имени ЦК КПК, Центрального советского правительства и ВРК Красной армии Китая: письмо Маньчжурскому провинциальному комитету (так называемое письмо ЦК от 26 января 1933 г.) и декларация Центрального советского правительства и ВРК Красной армии Китая о трех условиях сотрудничества в борьбе против японского империализма (декларация от 17 января 1933 г.)¹⁶.

В письме Маньчжурскому провинциальному комитету впервые был выдвинут новый тактический курс партии — создание вооруженного национального единого фронта. Указывалось, что участниками его могут быть не только рабочие и крестьяне, но также и мелкая буржуазия и даже часть имущих классов. В письме был дан довольно объективный анализ антияпонского партизанского движения в Маньчжурии и поставлена задача укрепления руководящей роли партии в партизанском и массовом антияпонском движении. Впервые были изложены основные принципы единого национального фронта сопротивления Японии. Они состояли в том, что партия в едином фронте должна сохранять свою организационную и политическую самостоятельность, стремиться к руководству единым фронтом снизу (рабочие, крестьяне, мелкая буржуазия); при определенных условиях участником единого фронта могла стать национальная буржуазия. В этом случае внутри фронта должно было вестись как сотрудничество в деле совместного сопротивления империализму, так и борьба с национальной буржуазией за руководство массами в едином фронте. Непременным условием успеха этой борьбы должно было стать создание широких массовых революционных организаций, руководимых КПК. Эти основные принципы легли в основу деятельности партии в едином фронте в период войны сопротивления. Несмотря на определенные ошибочные оценки (недооценка гоминьдана и гоминьдановских группировок и воинских подразделений как потенциальных союзников в сопротивлении Японии и возможных партнеров по единому фронту; установка на свержение гоминьдановского правительства как условия успешного ведения национально-революционной войны против Японии; отсутствие четкого указания на необходимость сосредоточения всех сил на борьбу с главным врагом — японским империализмом), письмо имело огромное значение для формирования нового курса КПК.

На первых порах новые установки, выработанные делегацией КПК в Коминтерне, были восприняты и в ЦК, и в Маньчжурском провинкоме с недоверием и непониманием. В лучшем случае они рассматривались как пропагандистские лозунги, а не как руководство к действию¹⁷. Однако по мере развития ситуации в Дунбэе провинциальный комитет вынужден был пересмотреть свою позицию. На расширенном совещании Маньчжурского провинциального комитета КПК 15 мая 1933 г. были проанализированы ошибки, допущенные со времени «северного совещания ЦК», и принято решение, в котором перед маньчжурской партийной организацией ставилась главная задача — создание антиимпериалистического национально-революционного единого фронта, формирование из рабочих и крестьян костяка народно-революционной армии Дунбэя, организация выборов народной власти. Были разработаны также условия сотрудничества с другими антияпонскими вооруженными силами региона. В целом решение расширенного совещания полностью повторяло сильные и слабые стороны письма делегации КПК в Коминтерне.

Несмотря на известное непонимание новых установок на местах (что вынудило Маньчжурский провинциальный комитет направить 10 сентября

1933 г. партийным организациям письмо с подробным разъяснением проводимого курса¹⁸), в целом претворение их в жизнь способствовало укреплению антияпонских сил, находившихся под влиянием КПК, сглаживало противоречия между различными партизанскими отрядами, между верхушкой деревни и партизанами-коммунистами, стабилизировало обстановку на опорных базах, где стала укрепляться новая власть. Функции местных органов власти взяли на себя крестьянские советы и антияпонские общества спасения страны. Главной их задачей была организация местных вооруженных формирований, призванных защищать партизанские районы и действовать в координации с Народно-революционной армией Дунбэя. Важной, хотя и трудноразрешимой задачей антияпонской власти была и организация хозяйственной жизни опорных баз, помощь крестьянству. Были отменены все налоги японских и марионеточных властей. Во многих районах в связи с бегством помещиков была отменена и арендная плата. Там же, где помещики оставались и выразили желание оказывать сопротивление японцам, арендная плата, в духе новых установок о едином фронте, должна была выплачиваться на договорных началах¹⁹.

Вместе с тем вскоре выявились и просчеты в проведении новой линии. Так, создание Народно-революционной армии шло в основном по линии переименования бывших красных партизанских отрядов либо реорганизации других партизанских отрядов под руководством коммунистов. Реорганизованные антияпонские общества, призванные стать новым фундаментом народной власти, по-прежнему находились под непосредственным контролем КПК и с трудом расширяли сферу своей деятельности. В целом, несмотря на ряд успехов (расширение опорных баз, известный рост рядов партии в регионе и др.), подъема антияпонского движения в Маньчжурии не произошло.

Это обстоятельство вынудило ЦК КПК 22 февраля 1934 г. направить письмо Маньчжурскому провинциальному комитету. Суть этого письма состояла в обвинении провинциального комитета в правом уклоне, в переоценке роли имущих классов в борьбе с японцами, в якобы замене единого фронта снизу соглашениями с верхушкой командования добровольческих армий, в забвении классовой борьбы. В письме содержалось требование поднять антияпонское партизанское движение в Дунбэе до уровня аграрной революции, форсировать борьбу против гоминьдана²⁰. Несмотря на ряд верных положений, письмо в целом носило явно левацкий характер. Оно не учитывало конкретной ситуации, сложившейся в Маньчжурии, и было написано, скорее всего, исходя из обстановки в Центральном Китае, где окончились неудачей переговоры о возможном антияпонском и античанкайшистском сотрудничестве с фуцзяньским правительством. Однако вряд ли можно согласиться с Сюй Цинчаном, который утверждает, что ошибочные установки были вызваны влиянием некоторых «левых» положений письма делегации КПК в Коминтерне Маньчжурскому провинкому от 26 января 1933 г.²¹ Ошибка заключалась в том, что не была проанализирована конкретная ситуация в Маньчжурии, которая коренным образом отличалась от обстановки в Центральном Китае. Эту ошибку Коминтерн и делегация КПК в Коминтерне исправили уже осенью 1932 г., между тем как ЦК по-прежнему приравнивал ситуацию в Дунбэе к ситуации в остальном Китае.

Под влиянием письма ЦК КПК Маньчжурский провинциальный комитет начал «исправлять» так называемый правый уклон. В многочисленных указаниях местным парторганизациям предлагалось отказаться от создания объединенных командований воинских подразделений. Объединение партизанских отрядов коммунистов с добровольческими армиями и горно-лесными отрядами расценивалось как ошибка. В некоторых партизанских районах вновь

начались радикальные аграрные преобразования и конфискация земли помещиков и кулаков²². Была форсирована подготовка к созданию народно-революционного правительства Дунбэя, хотя некоторые партийные и военные руководители считали это преждевременным²³. Более того, все эти мероприятия натолкнулись на пассивность населения и партизан, в связи с чем от создания такого правительства пришлось отказаться, хотя лозунг в целях пропаганды использовался вплоть до 1936 г., когда он был заменен другим — «правительство национальной обороны»²⁴.

Ситуация в Маньчжурии была проанализирована в Коминтерне, где в ходе подготовки к VII конгрессу в 1934 г. делегация КПК созвала совещание по этому вопросу. На совещании присутствовали прибывшие из Владивостока и поддерживавшие связь с Маньчжурским провинциальным комитетом работники тихоокеанского секретариата Профинтерна У Пин и Ян Чуньшань. На совещании ясно было сказано о необходимости создания самого широкого единого фронта, включающего в себя и национальную буржуазию. Была дана характеристика антияпонского движения как движения буржуазно-демократического и национально-революционного, направленного против колониально-национального гнета японского империализма, за национальную независимость и единство всего Китая. Вся антияпонская борьба в Маньчжурии расценивалась как объективно революционная борьба²⁵.

С осени 1934 г. в связи с началом Великого похода, Маньчжурская партийная организация перешла под непосредственное руководство делегации КПК в Коминтерне, которая провела реорганизацию руководящих органов партии в регионе с целью преодоления сектантства и осуществления курса на единый фронт²⁶. Одновременно по рекомендациям и указаниям Коминтерна в Маньчжурии началась реорганизация Народно-революционной армии, находившейся под полным контролем коммунистов. Был разработан план формирования Объединенной антияпонской армии, которая должна была включать в себя все антияпонские партизанские отряды, действовавшие в Маньчжурии, независимо от партийной принадлежности и национальности их руководителей²⁷. В начале 1935 г. делегация КПК в Коминтерне направила Маньчжурской партийной организации новое письмо, где подчеркивалась необходимость создания широкого единого антияпонского фронта, и для практического осуществления этой задачи предлагалось отказаться от выдвижения в качестве предварительного условия объединения признание руководящей роли компартии²⁸. К середине июля 1935 г. произошли дальнейшие изменения в тактике единого фронта. Делегация КПК в Коминтерне рекомендовала маньчжурским коммунистам снять лозунг борьбы против гоминьдана, гоминьдановской армии и правительственных организаций. Лозунг же борьбы против Чан Кайши и Ван Цзинвэя остался²⁹.

Наиболее полно и подробно новая линия партии в Маньчжурии была изложена Ян Суном в статье «Об антиимпериалистическом едином фронте в Маньчжурии», где были проанализированы прошлые ошибки и поставлена задача создания единого фронта не только снизу, но и сверху. В статье подчеркивалось, что основной задачей партии в Маньчжурии должно стать укрепление и расширение уже частично созданного антияпонского единого фронта, преодоление «левого» уклона, объединение всех партизанских отрядов вне зависимости от их партийной принадлежности, убеждений, национальности их бойцов и командиров³⁰.

Последовавшая вскоре после VII конгресса Коминтерна известная декларация КПК от 1 августа, излагавшая основные установки и программу единого национального фронта, полностью восприняла опыт и уроки борьбы

партии за единый фронт в Маньчжурии. И хотя снятие установок борьбы против гоминьдана, а затем и против Чан Кайши произошли под влиянием изменения общекитайской ситуации, а также ситуации в мире, тем не менее большинство других принципиальных установок единого национального фронта сопротивления Японии было выработано главным образом с учетом опыта борьбы партии в Маньчжурии.

¹ См.: Сюй Цинчан. Работа партии в добровольческих армиях Дунбэя после событий «18 сентября». — «Данши яньцзю», 1986, № 2, с. 50.

² In: Chong-Sik Lee. Revolutionary Struggle in Manchuria. Chinese communism and Soviet Interest, 1922—1945. Berkeley—Los Angeles—London, 1983, p. 129.

³ См.: Бянь Чжипу. Начальное исследование причин поражения дунбэйских добровольческих армий сопротивления Японии. — «Бэйфан луньцун», 1984, № 6, с. 26.

⁴ См. там же, с. 25.

⁵ См.: У Пин. Вооруженная оккупация и национально-революционное движение в Маньчжурии. — «Тихий океан», 1934, № 1, с. 68; Нарастание революционного кризиса и задачи партии на Севере. Решение, принятое на совместном совещании представителей северных провинциальных комитетов. — «Хэйлунцзян данши цзыляо», 1985, № 2, с. 14, 16.

⁶ См.: Ван Цзин, Цзинь Юйчжун. Общий обзор истории развития Хэйлунцзянской провинциальной организации КПК (1921—1945 гг.). — «Чжунгун данши цзыляо», 1983, № 7, с. 269.

⁷ Запись беседы с Чжоу Баочжунем 17.1.1960. — «Хэйлунцзян данши цзыляо», 1985, № 2, с. 107.

⁸ См.: У Пин. Указ. соч., с. 73;

⁹ См.: «Данши яньцзю цзыляо», 1983, № 4, с. 265.

¹⁰ См.: Решение ЦК о захвате японским империализмом Маньчжурии. — «Хэйлунцзян данши цзыляо», 1985, № 2, с. 4—10.

¹¹ См.: Воззвание ЦК КПК. — Оккупация Маньчжурии и борьба империалистов. Сб. статей. М., 1932, с. 150—154.

¹² См.: Чжоу Баочжун. Антияпонская партизанская война и Объединенная антияпонская армия Северо-Восточного Китая. Первоначальный набросок. — «Данши цзыляо», 1954, № 9, с. 8—9.

¹³ Решение... совещания представителей северных провинциальных комитетов. — «Хэйлунцзян данши цзыляо», 1985, № 2, с. 16—17.

- ¹⁴ См.: XII пленум НККН. Стенографический отчет. М., 1933, т. 1, с. 144—157; т. 3, с. 15—26.
- ¹⁵ См.: Ли Хунвэнь. Попытка изложить организационное упразднение Маньчжурского провинциального комитета КПК. — «Данши яньцзю цзыляо», 1985, с. 405—406.
- ¹⁶ См.: Ли Хунвэнь. О влиянии «инструктивного письма ЦК КПК от 26 января» на антияпонскую борьбу в Дунбэе. — «Дунбэй шида сюэбао», 1983, № 5, с. 47.
- ¹⁷ См.: Лекции по проблемам истории КПК. Пекин, 1984, т. 2, с. 317. (на кит. яз.).
- ¹⁸ См.: Ван Цзин, Цзинь Юйчжун. Указ. соч., с. 50.
- ¹⁹ См.: Ли Хунвэнь. Общий обзор антияпонских партизанских районов и партизанских опорных баз Дунбэя. — «Цзинь дайши яньцзю», 1987, № 3, с. 80—81.
- ²⁰ См.: Инструктивное письмо ЦК Маньчжурскому провинциальному комитету. — «Хэйлуцзян данши цзыляо», 1985, № 2, с. 71—85.
- ²¹ См.: Сюй Цинъянь. О «левых» установках «директивного письма от 26 января». — «Цилинь дасюэ шэхуй кэсюэ сюэбао», 1986, № 6, с. 19—20.
- ²² См. там же. с. 20.
- ²³ См.: Ли Хунвэнь. Общий обзор антияпонских партизанских районов и партизанских опорных баз Дунбэя, с. 79.
- ²⁴ См.: Чжоу Баочжун. Антияпонская партизанская война и Объединенная антияпонская армия Северо-Восточного Китая. — «Данши цзыляо», 1954, № 9, с. 49—50.
- ²⁵ См.: У Пин. Указ. соч., с. 75—76.
- ²⁶ См.: Ли Хунвэнь. Попытка изложить организационное упразднение Маньчжурского провинциального комитета КПК, с. 407—409.
- ²⁷ См.: Сунь Шэ. Партизанская борьба в Маньчжурии. М., 1939, с. 15; Ли Хуэй. Обсуждение некоторых вопросов изучения истории борьбы Объединенной антияпонской армии Дунбэя. — «Данши яньцзю», 1986, № 3, с. 60—61.
- ²⁸ См.: Б. М. Лейбзон, К. К. Шириня. Поворот в политике Коминтерна. М., 1975, с. 120.
- ²⁹ Цзюго вэньсюань. Без выходных данных, с. 5—11.
- ³⁰ См.: Ян Сун. Об антиимпериалистическом едином фронте в Маньчжурии. — «Коммунистический Интернационал», 1935, № 33—34, с. 68.

Советские военные советники в Китае; (1937—1942 гг.)

Ю. В. ЧУДОДЕЕВ,
кандидат исторических наук

Наряду с советской политико-дипломатической, экономической и моральной поддержкой, а также поставками оружия из СССР большую роль в деле повышения способности Китая к отражению японской агрессии сыграли советские военные советники, специалисты и летчики-добровольцы, непосредственно участвовавшие в боевых действиях¹. Их задачей являлось укрепление китайских вооруженных сил, превращение их в активный фактор сопротивления японскому вторжению.

Меры Советского правительства, деятельность советских добровольцев в помощь борющемуся Китаю логически вытекали из последовательной позиции СССР по оказанию всемерной поддержки национально-освободительной борьбе китайского народа, подвергшегося нападению со стороны империалистического агрессора. Для гоминьдановского же руководства, в частности для Чан Кайши, который вплоть до 1937 г. выступал как ярый противник активного сближения с Советским Союзом, обращение за помощью к СССР явилось вынужденным актом, противоестественным с точки зрения его политических симпатий, обусловленным не только японской угрозой, но и позицией западных держав, их отказом в тот период от активной военной поддержки Китая.

Почти 10 лет в гоминьдановской армии подвизалась группа немецких военных советников, которая в первой половине 30-х гг. активно помогала Чан Кайши в организации карательных походов против Освобожденных районов, контролируемых КПК. Первоначально эту группу возглавлял генерал Бергер, затем генерал-полковник Г. фон Сект, которого перед войной сменил генерал Фалькенхаузен. В мае 1937 г. немецкие военные советники, работавшие ранее по частным контрактам, получили официальный статус представителей германского вермахта. К этому времени их число вместе с различными военными специалистами составило около 70 человек. Существо дела от этого, конечно, не изменилось: благодаря «усилиям» аппарата немецких советников китайские вооруженные силы намного отставали от уровня армий развитых капиталистических стран и не могли активно противостоять широкому японскому вторжению. С началом войны статус аппарата немецких советников стал двусмысленным. Германия была связана с Японией «антикоминтерновским пактом» и, естественно, не стремилась помогать борьбе с японской агрессией. Чан Кайши весьма рассчитывал на посредническую миссию Германии и на поставки немецкого оружия по уже заключенным договорам. Однако под давлением обстоятельств он был вынужден опереться на поддержку Советского Союза и попросить советское оружие,

военных советников и специалистов, которые научили бы китайских солдат этим оружием пользоваться и помогли разработать планы активного сопротивления японским захватчикам. Гоминьдановское руководство, с другой стороны, рассчитывало на то, что советско-китайский договор о ненападении от 21 августа 1937 г. и оказание Советским Союзом помощи Китаю еще больше обострят советско-японские отношения и спровоцируют нападение Японии на СССР.

К маю 1938 г. Чан Кайши и его окружению стало ясно, что рассчитывать на Германию не приходится: ее «посредническая» миссия имела своим результатом то, что Чан Кайши не согласился с унижительными условиями мира, предложенными Японией². Германия все более тесно сотрудничала со своим союзником на Дальнем Востоке (предоставляла займы Маньчжоу-го, в мае 1938 г. признала де-юре это марionеточное государство, заключила с Японией морской договор, ряд статей которого был прямо направлен против Китая и т. д.). К тому времени в Китай стало активно поступать советское вооружение и прибыли летчики-добровольцы, которые уже с декабря 1937 г. вели жаркие бои с японской авиацией. В мае 1938 г. во имя укрепления союзнических отношений с Японией Гитлер, используя факт прибытия в Ханькоу советских военных советников, заявил об отзыве немецкой группы советников, мотивируя это «желанием сохранить нейтралитет».

Первая группа советских военных советников и специалистов (27 человек) прибыла в Китай в конце мая — начале июня 1938 г. (к октябрю 1939 г. их число возросло до 80). Тогда же, в мае 1938 г., после отъезда миссии Фалькенхаузена, на пост главного военного советника китайской армии был назначен комкор М. И. Дратвин, который прибыл в Китай еще в конце ноября 1937 г. в качестве военного атташе при посольстве СССР и оставался им до августа 1938 г.³ В последующие годы главными военными советниками являлись А. И. Черепанов (август 1938 — август 1939 гг.), К. М. Качанов (сентябрь 1939 — февраль 1941 гг.), В. И. Чуйков (февраль 1941 — февраль 1942 гг.). В. И. Чуйков одновременно являлся и советским военным атташе. В 1938—1940 гг. военными атташе при посольстве СССР в Китае были Н. П. Иванов и П. С. Рыбалко.

Согласно данным, приведенным в воспоминаниях А. Я. Калягина, в 1937—1942 гг. в Китае работало свыше 300 советских военных советников⁴. Всего же в эти годы там работало свыше 5 тыс. советских людей⁵. Среди них были летчики-добровольцы, преподаватели и инструкторы, рабочие по сборке самолетов и танков, авиационные специалисты, специалисты — дорожники и мостовики, транспортники, медики и, наконец, военные советники. Советский Союз направлял в Китай лучшие кадры своей армии, которые обладали высокой оперативно-тактической и специальной подготовкой. Об этом, в частности, красноречиво свидетельствовали должности, которые большинство из них занимали во время Великой Отечественной войны, полученные ими высокие воинские звания. Среди них — маршалы Советского Союза П. Ф. Батицкий и В. И. Чуйков, маршалы родов войск П. В. Рычагов, П. Ф. Жигарев, П. С. Рыбалко, К. П. Казаков, генералы А. Н. Боголюбов, А. Г. Рытов, М. И. Дратвин, А. И. Черепанов, К. М. Качанов, А. Я. Калягин, Р. И. Панин, И. П. Алферов, Ф. Ф. Алябушев, А. В. Васильев, Г. И. Тхор, Н. В. Славин, М. П. Журавлев, М. И. Блохин, А. В. Трусов и др.

Нельзя забывать, что Советский Союз еще до начала японо-китайской войны более года оказывал значительную военную поддержку испанскому народу, сражавшемуся против мятежников Франко и итало-гер-

манских фашистов (многие советские летчики и военные специалисты прибыли в Китай, получив боевое крещение в сражающейся Испании). Между тем сложная международная обстановка и надвигающаяся мировая война требовала укрепления обороноспособности самой Страны Советов. Японские правящие круги рассчитывали, что в этих условиях Советский Союз будет не в состоянии или по крайней мере не рискнет оказывать помощь еще и борющемуся Китаю. Японская печать писала об этом с подчеркнутым удовлетворением и откровенным цинизмом⁶. Прогнозы японских милитаристов, как известно, не оправдались. В Советском Союзе учитывали, что поддержка национально-освободительной борьбы китайского народа в определенной степени сковывала силы агрессора, затрудняя подготовку войны против первого в мире социалистического государства. Вместе с тем следует иметь в виду, что, оказывая Китаю материальную помощь, направляя туда своих военных советников и летчиков-добровольцев, которые принимали непосредственное участие в боевых действиях, СССР действительно создавал для себя дополнительные сложности во взаимоотношениях с Японией.

Активное участие советских добровольцев в антияпонской войне сопротивления являлось высшим проявлением интернациональной солидарности советского народа с борющимся народом Китая. В 1938 — первой половине 1939 г. по мере прибытия новых групп советников сформировался наш советнический аппарат, который охватывал своей деятельностью центральные военные органы и действующую армию (основные военные районы). В этом аппарате практически были представлены специалисты всех родов войск: общевойсковые, артиллерийские, авиационные, танковые советники, саперы, военные врачи, специалисты по связи, тылу, противовоздушной обороне, наконец, разведке. При Ставке и в войсках старшими советниками работали И. П. Алферов (5-й военный район), Ф. Ф. Алябушев (9-й военный район), П. Ф. Батицкий, А. К. Берестов (2-й военный район), Н. А. Бобров, А. Н. Боголюбов, А. В. Васильев, М. М. Матвеев (3-й военный район), Р. И. Панин, П. С. Рыбалко, М. А. Шукин (1-й военный район) и др. Старшими советниками были: по авиации — Г. И. Тхор, П. В. Рычагов, Ф. П. Польшин, П. Н. Анисимов, Т. Т. Хрюкин; по танкам — П. Д. Белов, Н. К. Чесноков; по артиллерии и ПВО — И. Б. Голубев, Русских, Я. М. Табунченко, И. А. Шилов; по инженерным войскам — А. Я. Калягин, И. П. Батуров, А. П. Ковалев; по связи — Геранов; по военно-медицинской службе — П. М. Журавлев; по оперативно-тактической разведке — И. Г. Ленчик, С. П. Константинов, М. С. Шмелев и др.⁷

Советским советникам пришлось столкнуться с исключительными трудностями в своей работе, среди которых устаревшее вооружение, отжившая система организации войск, низкий уровень их подготовки были далеко не единственными. Нашим военным пришлось действовать в непривычной для них обстановке, в сложной внутривойсковой ситуации. Наряду с правительственными войсками в Китае существовали формирования различных милитаристов, которые так или иначе враждовали с Чан Кайши и между собой, заботясь лишь об обороне своих провинций. К этому следует добавить сложности взаимодействия советских советников с китайскими генералами, которые в массе своей были косными рутинерами с антисоветскими настроениями и имели своеобразные представления о военно-политических задачах вооруженной борьбы с Японией. Сказывались и факторы субъективно-личностного порядка: разность воз-

растов, чинов, званий между советниками и генералами, особая забота китайских генералов о своем престиже, «сохранении лица» и т. п.

Пришлось иметь дело с разными уровнем и характером подготовки китайских генералов-милитаристов (некоторые из них в свое время учились в США, Англии, Японии, Германии, Франции, Италии, Швеции), с различными школами, различными подходами к решению оперативно-тактических задач. Деятельности советников мешала провинциальная обособленность китайского генералитета и связанная с ней нестрота организационных форм и взглядов на использование войск в бою и в ходе операции. Как свидетельствует А. Я. Калягин, для того чтобы «вернуть» какой-либо вопрос, советник должен был не только разработать его, но и высунуть взгляды и приемлемость этого предложения для взаимодействующих учреждений и частей. Нередки были случаи, когда Чан Кайши одобрял предложение, давал указание, а на местах под разными предлогами его игнорировали. Эффективность работы советников, таким образом, в значительной мере зависела от их способностей к быстрой ориентации в сложной обстановке, от учета многочисленных факторов, определяющих стереотипы поведения китайских генералов, от умения находить с ними общий язык. Работа потребовала максимального напряжения сил, пришлось на практике овладевать сложным советническим искусством (опыт наших советников в китайской армии 1923—1927 гг. к тому времени, к сожалению, обобщен не был). И наши советники своей деловитостью, продуманными рекомендациями очень скоро завоевали расположение китайского командования.

«Опыт показал,— пишет А. Я. Калягин,— что советник в какой-то мере должен быть и дипломатом: не спешить, советы давать только на основе фактов, подтвержденных документами и оправданных историческим опытом. Нужно быть и психологом: заботиться о престиже собеседника, предвидеть его намерения. ...Надо прямо сказать, мы скоро нашли общий язык и установили деловой контакт со своими «подшефными» и за все время работы в Китае не было ни одного случая размолвки из-за ущемленного самолюбия генералов. Наши предложения со вниманием изучались и с незначительными изменениями проводились в жизнь. Это был показатель боевого сотрудничества советников с китайской национальной армией, доброго согласия и взаимопонимания».

Советские военные советники и специалисты не только смогли в короткий срок наладить обучение личного состава китайской армии владению советским оружием, — они привнесли совершенно новые качества в боевую подготовку китайских вооруженных сил, в планирование и ведение боевых операций. Главные военные советники и советнический аппарат основной упор при обучении войск делали на полевую выучку, на использование оружия во всех видах боевой деятельности, на инженерное оборудование местности. В штабной работе — на планирование и изучение опыта прошедших операций, организацию и планирование войсковой и оперативной разведки, улучшение организационной структуры войск и органов управления. Авиационные советники главное внимание уделяли концентрированному использованию авиации по целям, улучшению взаимодействия с наземными войсками, вопросам связи, маскировке и подготовке новых аэродромов, обучению китайского летного состава. По артиллерии и ПВО советники учили использовать артиллерию в обороне и наступлении, стрельбе с закрытых позиций, организации ПВО в войсках и населенных пунктах, вносили рекомендации по улучшению организационной структуры артчастей. В деле инженерной подготовки войск упор делался

на выбор полосы обороны и ее инженерном оборудовании, огневых сооружениях и их расположении в системе батрайонов и опорных пунктов, использовании элементов долговременной фортификации, устройства разрушений и заграждений, способах их преодоления и т. д.

Советские советники привнесли в китайскую армию и новый стиль работы. Они не только повышали боевое мастерство китайских солдат и офицеров, но и внушали им уверенность в своих силах, в способности бить врага. Действуя самоотверженно, советники большую часть времени проводили в войсках, выезжали на передовую, учили на личном примере. Такой стиль работы был для Китая и для китайских генералов непривычным. Нередко им приходилось отказываться от традиционных стереотипов поведения, «выходить из паланкинов, в которых они восседали, и шагать по земле рядом с советником».

Усилиями военных советников были разработаны и предложены китайскому генштабу и руководству военных районов сотни оборонительных и наступательных операций (из наиболее крупных следует назвать Уханьскую, Наньчанскую, Чаншаскую, Сяньян-Наньянскую, Ичанскую и др.). Конечно, далеко не все их предложения были осуществлены гоминьдановским командованием. Нежелание Чан Кайши и генералов активизировать боевые действия против японцев резко снижало эффективность советнической помощи борющемуся китайскому народу. Однако можно без преувеличения утверждать, что даже частичная реализация предложений советников способствовала крушению планов японского блицкрига в Китае.

Примером высокого оперативного-тактического мастерства советников являлся план Уханьской оборонительной операции (июль — октябрь 1938 г.), предложенный А. И. Черепановым. Главный военный советник обратил внимание гоминьдановского командования на то, что японские ударные группы, наступающие на Ухань вдоль Янцзы и играющие роль «тарана», оторвались от своих резервов и «напоминают паучка, спускающегося по паутине с ветки дерева», и по мере продвижения в конце концов повисают на «ниточке». Вследствие этого у китайской армии появилась возможность отрезать и уничтожить выдвинувшуюся вперед японскую группировку⁸. Для этого наряду с организацией на пути противника оборонительных «пробок» А. И. Черепанов предложил «к северу и югу от основного направления сосредоточить резервы, которые, как снежные обвалы с гор, свалятся на фланги и тылы ударной группировки, отрежут ее от базы снабжения и прижмут к реке Янцзы»⁹.

План А. И. Черепанова предполагал резкую активизацию китайской армии, отказ от шаблонных приемов борьбы с наступающим противником. Он подчеркивал, что там, где не наступают японцы, китайские войска должны не стоять пассивно, а переходить в наступление, прорываться в тыл и действовать на флангах у японцев. Там же, где противник сравнительно плотно занял позиции, следует лишь демонстрировать подготовку к наступлению и непрерывно тревожить японцев разведывательными операциями. Главный советник предлагал также активизировать действия соединений китайских войск, оставленных в тылу японцев для партизанских действий. В совокупности все это должно было привести к распылению японских сил и приостановке их наступательных операций.

Однако для китайского командования, которое привыкло действовать по шаблону, реализация этого плана оказалась мучительным и трудным делом. Оно не сразу разобралось в новой тактике, предложенной главным

военным советником, проявило пассивность и медлительность. Лишь постепенно в ходе военных операций у китайских генералов появилась уверенность в своих силах и соответственно в успехе новой тактики. Большую роль в этом сыграл успех разработанной советниками операции, предпринятой против врага, наступавшего на Чанша (в обход Уханя с юга). Японцы были не только остановлены, но и отброшены от Чанша на большое расстояние.

К сожалению, ни в период битвы за Ухань, ни в последующие годы советникам не удалось склонить китайское командование к активному использованию танковых соединений. Между тем уже к августу 1938 г. на базе поступившей из СССР техники (82 танка Т-26) в Сянтяне была сформирована первая в китайской армии механизированная дивизия (советник майор Чесноков) и с помощью советских специалистов шла усиленная подготовка танковых экипажей и изучение материальной части. Руководили всем советские инструкторы Грабовский, Булатов, Цыганков, Гальчин, Михайлов и др. Позднее на базе этой дивизии была сформирована 5-я механизированная армия (советник майор П. Д. Белов). Однако Чан Кайши запрещал использовать танки в бою, считая это слишком дорогим удовольствием, и держал их в глубоком тылу в качестве стратегического резерва не столько для сдерживания японцев, сколько для устрашения милитаристов-губернаторов. Только в конце октября 1938 г. один танковый полк был выдвинут в район Пинцзяна и сыграл важную роль в сдерживании японских частей, наступавших к югу от Ханькоу.

К осени 1938 г. после падения Уханя и Гуанчжоу завершился первый этап японо-китайской войны. Добиться военного разгрома Китая японцам не удалось. Хотя они и смогли захватить важные районы страны, китайские вооруженные силы сохранили свою боеспособность. Характерно, что в первый год войны, пользуясь превосходством в технике, японская армия продвинулась на 1 тыс. км, а в центральной части Китая — от Шанхая до озера Поянху — на 650—700 км (при тактических темпах продвижения 12—18 км в сутки). Во второй год войны, когда в боевую работу широко включились советские военные советники, оперативные темпы продвижения японцев упали до 250—300 км (Уханьская операция), а тактические упали до 3—5 км в сутки (под Чанша они были еще ниже). Увеличились оперативные паузы между операциями¹⁰.

К началу 1939 г. благодаря усилиям военных специалистов из СССР резко упали потери в китайской армии. Если в первый год войны китайские потери убитыми и ранеными составили 800 тыс. человек (5:1 к потерям японцев), то за второй год они уравнились с японскими (300 тыс.).

Чан Кайши неоднократно обращался к Советскому правительству с просьбой увеличить число военных советников (на 1940 г. китайская сторона просила прислать еще 140—200 человек). В одном из таких обращений говорилось: «Китайское правительство доводит до сведения Советского правительства, что после того, как оно прислало советников... отмечаются большие успехи в деле вооруженного сопротивления Китая агрессии. Причем все советники, приехавшие в Китай на помощь, проявляют огромное рвение в своей работе. За это Китайское правительство выражает благодарность»¹¹. Характерно, что Чан Кайши ставил вопрос даже о назначении советских военных советников на должности начальников штабов фронтов и групп армий.

В 1939—1941 гг. обстановка на фронтах японо-китайской войны изме-

нилась. Резкое обострение межимпериалистических противоречий в мире, и в частности на Дальнем Востоке, приближало вооруженное столкновение в этой части земного шара главных империалистических держав — Японии и США. Основные военные усилия Японии должны были переключиться с китайского на тихоокеанский театр войны. Япония, по существу, прекратила крупномасштабные наступательные операции в Китае, не решив (в чем немалую роль сыграла помощь Китаю со стороны СССР) главной задачи в войне на континенте — разгрома Китая. Освободительная борьба китайского народа получила, таким образом, более благоприятные перспективы.

Однако руководство гоминьдана воспользовалось этими перспективами отнюдь не для усиления военного давления на японских агрессоров. Прекращение японского наступления на фронтах, некоторое улучшение международного положения Китая, увеличение поддержки гоминьдановского правительства США и Англией были использованы Чан Кайши для укрепления однопартийной диктатуры, давления на КПК и для блокады Освобожденных районов. На фронтах антияпонской войны гоминьдановские войска в этот период проявляли полную пассивность.

На первый взгляд может показаться, что деятельность советского советнического аппарата в 1939—1941 гг. выглядит гораздо менее результативной, чем в предыдущий период. На самом деле это не так.

Период затишья на фронтах советские советники (К. М. Качанов¹² и В. И. Чуйков) использовали для осуществления серьезных мер по укреплению боеспособности китайской армии. В 1939—1941 гг. в Китае работали опытные советские специалисты (в начале 1941 г. число советников составило 140): П. И. Батов, А. В. Васильев, М. И. Панкевич, С. С. Огнев, А. К. Берестов, М. В. Виноградов и др. Они оказали большую помощь китайскому военному командованию в организации войсковых частей и соединений, их боевой подготовке, обучении штабов, офицеров, в создании службы войскового и армейского тыла. Советники добились хороших результатов в подготовке оборонительных сооружений.

Все попытки японцев прорвать оборону китайцев на каком-либо участке фронта и захватить новые районы не увенчались успехом. В сентябре 1941 г., реализуя план, предложенный главным военным советником, китайскому командованию удалось сорвать очередное японское наступление на Чанша. Многие советники преподавали в китайских военных учебных заведениях. Под руководством наших советников и инструкторов прошли переподготовку 90 тыс. китайских военнослужащих¹³.

Советским военным советникам не удалось в этот период склонить гоминьдановское руководство к крупномасштабным наступательным операциям, хотя обстановка не только тому благоприятствовала, но, главное, требовала того (как известно, это не удалось в дальнейшем и американским советникам Чан Кайши). Планы такого рода операций разрабатывались советскими советниками во всех деталях (например, А. И. Черепановым еще в первой половине 1939 г., затем К. М. Качановым, наконец, В. И. Чуйковым, предложившим, в частности, план Ичанской наступательной операции в долине Янцзы летом 1941 г.).

Обстановка на советско-германском фронте, сложившаяся в первые месяцы нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, требовала усиления борьбы китайского народа против японских агрессоров, чтобы предотвратить возможность вступления Японии в войну против СССР. Это соответствовало не только интересам Советского Союза, но и интересам других свободолюбивых народов, в особенности интересам китайского на-

рода. Однако и после нападения гитлеровской Германии на СССР и первых крупных успехов немецко-фашистской армии гоминьдановский генералитет проявлял пассивность на фронте борьбы против японских захватчиков¹⁴. В этот момент Чан Кайши проводил линию на обострение советско-японских отношений, более того, на провоцирование войны между Японией и СССР. Гоминьдановское руководство считало необходимым выждать время, когда Советский Союз и другие страны и народы, образовавшие антифашистскую коалицию, разгромят армию фашистской Германии и Японии, чтобы таким путем сохранить силы и в нужный момент нанести ими решающий удар по КПК.

После нападения Японии на Перл-Харбор и начала войны на Тихом океане США усилили военную помощь режиму Чан Кайши, проявив заинтересованность в активизации китайского фронта. В Китай начали прибывать разного рода американские военные миссии (Л. Кэрри, Клэггетта, Мэргудера и др.), появились советники и инструкторы из США. Одновременно все более четко стала проявляться внешнеполитическая ориентация гоминьдановского руководства на США.

Это не могло не сказаться на деятельности советских советников. Следует учесть, что к этому времени обострение внутривнутриполитических противоречий между гоминьданом и КПК, усиление давления на Освобожденные районы привело к фактическому кризису единого фронта. В этих условиях Советское правительство приняло решение об отзыве советских военных советников из Китая (февраль 1942 г.). Еще раньше, в 1941 г., вернулись на родину советские летчики-добровольцы.

¹ Опубликованные мемуары о деятельности советских добровольцев в Китае: А. И. Черепанов. Записки военного советника в Китае. Изд. 2-е. М., 1976; А. Я. Калягина. По неизвестным дорогам (Записки военного советника в Китае). Изд. 2-е. М., 1979; На китайской земле. Воспоминания советских добровольцев. 1925—1945. Изд. 2-е. М., 1977; В. И. Чуйков. Миссия в Китае: Записки военного советника. М., 1981; В небе Китая. 1937—1940. Воспоминания советских летчиков-добровольцев. Изд. 2-е. М., 1986.

² См.: Б. Г. Сапожников. Китай в огне войны (1931—1950). М., 1977. с. 115—119.

³ По свидетельству А. Я. Калягина, Чан Кайши в 1938 г. дважды обращался к И. В. Сталину с просьбой прислать в качестве главного военного советника китайской армии В. К. Блюхера.

⁴ С любезного согласия А. Я. Калягина, эти и некоторые другие сведения взяты нами из рукописи его воспоминаний «На китайской земле», подготовленной им для сборника «По дорогам Китая», (Издательство «Наука»).

⁵ См.: Ленинская политика СССР в отношении Китая. М., 1968, с. 106.

⁶ См.: Военная помощь СССР в освободительной борьбе китайского народа. М., 1975. с. 47.

⁷ См.: История второй мировой войны 1939—1945. М., 1973, т. 11, с. 73; А. Я. Калягина. По неизвестным дорогам, с. 50, 62.

⁸ А. И. Черепанов, несомненно, опирался и на опыт своего предшественника М. И. Дратвина, который обосновал необходимость перехода китайской армии от пассивной обороны к контрнаступлению. В частности, в конце июля 1938 г. М. И. Дратвин доложил Чан Кайши план контрнаступления войск 3-го и 5-го военных районов. Предлагалось создать в каждом районе ударную группу, хорошо вооруженную и усиленную артиллерией, которой ставилась задача отбросить японские войска, наступавшие на Ухань, на восточные рубежи.

⁹ А. И. Черепанов. Указ. соч., с. 631.

¹⁰ См. там же, с. 635.

¹¹ Цит. по: Ленинская политика СССР в отношении Китая. с. 105—106.

¹² К сожалению, советническая деятельность К. М. Качанова и его аппарата почти не отражена в мемуарной и исторической литературе.

¹³ См.: Б. А. Бородин. Помощь СССР китайскому народу в антияпонской войне 1937—1941. М., 1965 с. 171

¹⁴ Б. Г. Сапожников. Китайский фронт во второй мировой войне. М., 1971. с. 54.

Из архивных материалов

Новые архивные документы о китайских интернационалистах (1918—1922)

*С. А. ГОРБУНОВА,
кандидат исторических наук
Н. Л. МАМАЕВА,
кандидат исторических наук*

В советской историографии изучение темы «Участие китайских интернационалистов в Великой Октябрьской социалистической революции, в гражданской войне, в борьбе с иностранной интервенцией» базируется главным образом на архивных источниках. В конце 50-х — начале 60-х гг. советские ученые проделали значительную работу в этом направлении. Публикация архивных материалов, преимущественно из фондов Центрального государственного архива Советской Армии (ЦГАСА), Центрального государственного архива Октябрьской революции (ЦГАОР), Государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области (ГАОРССЛО), Государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства Московской области (ГАОРССМО), сообщений из советской прессы периода Октябрьской революции, гражданской войны, периода первых пятилеток, осуществлялась параллельно с исследовательскими работами по данной теме¹. На основе изучения опубликованных архивных материалов советской историографией выделены следующие направления в изучении данной темы: создание в Советской России общественных организаций китайских граждан, организация союзов китайских рабочих, создание коммунистических ячеек в этих организациях, а также в китайских отрядах Красной Армии; формирование отрядов китайских интернационалистов, сражавшихся в рядах Красной Армии, боевые действия этих отрядов; боевой путь выдающихся китайцев—организаторов военных формирований китайских отрядов. Наиболее полное освещение получили вопросы формирования отрядов китайцев-интернационалистов и их боевых действий в рядах Красной Армии. Значительная часть архивных материалов по данному вопросу уже введена в оборот: в общей сложности опубликовано свыше 60 документов, главным образом из ЦГАСА. Вместе с тем в различных его фондах содержится большое количество не публиковавшейся ранее военной документации периода гражданской войны: приказы, распоряжения, донесения, оперативные сводки, телефонограммы, телеграммы и т. д.

Создание китайских отрядов, входивших в состав интернациональных частей Красной Армии, началось в первой половине 1918 г. в различных уголках Советской России². Почти одновременно они появились в Петрограде и Москве, в Центральной России, Закавказье, на Урале, включились в боевые действия на Западном, Южном, Восточном и Северном фронтах.

Как свидетельствуют вновь выявленные материалы ЦГАСА, такой китайский отряд интернационалистов был сформирован в городе Глазове. Приказы по этому отряду (период с 2 декабря 1918 по 24 января 1919 г.) подписаны его комиссаром Чжан Хайчен³, имя которого упоминается только в одном опубликованном документе — «Сообщении газеты «Известия» о митинге китайских отрядов интернационалистов» от 19 ноября 1919 г. Как сообщалось, на этом митинге, давшем отпор вражеской пропаганде о якобы принудительном характере китайских формирований Красной Армии и о чинимых Советским правительством препятствиях выезду китайских граждан на

Родину, выступали командир китайской части Лу Ивень, политический комиссар Чжан Хайчен, тов. Чжан Хайтин и заведующий отделом Востока Наркоминдела Вознесенский³. Обнаруженное в ЦГАСА донесение заведующего оперативным отделом Управления особых формирований при штабе 3-й армии командиру 1-го запасного Интернационального батальона, дислоцировавшегося в Московском военном округе, проливает свет на организаторскую деятельность Чжан Хайчена. Как следует из донесения от 27 января 1919 г., Чжан Хайчену поручалось формирование и отправление отряда из состава 1-го запасного Интернационального батальона в распоряжение штаба 3-й армии Восточного фронта. В 1920 г. Чжан Хайчен уже в Иркутске. Известно, что при Всероссийском штабе формирования китайских отрядов, который был переведен в середине 1920 г. из Москвы в Иркутск, находилась китайская часть под командованием Чжан Хайчена⁴.

Приведенные выше документы дают новые сведения еще об одном активном организаторе китайских отрядов, дополняя плеяду уже известных имен китайских интернационалистов, таких как Шен Ченхо (в конце 1917 г. руководил первым китайским отрядом, сражавшимся против банд Корнилова и Каледина, в 1918 г. был организатором отряда китайских интернационалистов в Петрограде, затем — комиссаром по формированию китайских отрядов на всей территории страны), Жень Фучен (командир китайского полка 29-й стрелковой дивизии 3-й армии), Сан Фуян (командир одного из первых китайских отрядов, уже в 1917 г. сражавшегося на юге Украины против немецких интервентов, затем организатор китайского батальона в Москве).

В процессе работы удалось систематизировать документы ЦГАСА, удостоверяющие личность и характеризующие деятельность Шен Ченхо. По хранящемуся в ГАОРССМО заявлению Шен Ченхо от 28 апреля 1930 г., в котором он подробно описал свою биографию, можно проследить его боевой путь: в 1917 г. вскоре после Октябрьской революции вступил добровольцем в тираспольский отряд, а затем стал его командиром. В 1918 г. был вызван Реввоенсоветом в Москву и назначен военным комиссаром по формированию интернациональных войск; в том же году формировал полки в Луганске, Харькове, Москве, Перми, а затем в Петрограде. В 1919 г. на Западном фронте не только был одним из командиров отрядов 12-й и 13-й армий, но и участвовал в боях, был ранен. После выздоровления по приказу Реввоенсовета был направлен на Южный фронт, где входил в командный состав китайских отрядов 7, 9, 11-й армий. Затем вновь создавал отряды в Харькове. Вновь был ранен. После выздоровления организовывал красноармейские отряды в Ташкенте, Казани, Закавказье.

По приказу Фрунзе в 1923 г. сформировал отряд китайцев, посланный для подавления банд. После демобилизации по распоряжению РКП(б) был направлен на Дальний Восток для работы среди нацменьшинств, являлся инструктором среди восточных рабочих в Чите.

Другой круг документов связан с деятельностью Жень Фучена⁵. В первые месяцы после Великой Октябрьской социалистической революции он являлся уполномоченным по делам китайских рабочих в Пермской и Вятской губерниях, позднее стал организатором китайского батальона, в ноябре 1918 г. развернутого в полк. Этот батальон был укомплектован из китайских рабочих Алапаевска, Надеждинска и Перми. В него влились также китайские бойцы из отрядов В. К. Блюхера, присоединившихся к войскам Восточного фронта в сентябре 1918 г. 225-й китайский полк под командованием Жень Фучена входил в состав Уральской дивизии, переименованной затем в 29-ю стрелковую дивизию 3-й армии, и являлся одним из крупнейших добровольческих частей Красной Армии.

В октябре — декабре 1918 г. 225-й китайский полк 29-й стрелковой дивизии участвовал в боевых действиях на Верхотурском направлении по ликвидации наступательных операций контрреволюционного Чехословацкого корпуса.

18 ноября 1918 г., как свидетельствует хранящаяся в фонде Управления 29-й стрелковой дивизии ЦГАСА копия «Удостоверения Жень Фучена», он был назначен командиром китайского полка. В другом архивном документе — телеграфной ленте с «Политсводкой политотдела 3-й армии» (20 ноября 1918 г.) — содержатся сведения

* Написание имен собственных не унифицировано и дается в соответствии с текстом документов.

об успешном формировании китайского полка в Чусовой благодаря талантливому организатору — Жень Фучену. Новые архивные документы дают возможность уточнить процесс формирования этого полка, дополнить уже имеющиеся сведения о его боевых действиях на Верхотурском направлении за станцию Выя. В одном из сражений китайский полк понес большие потери. Героически погиб его командир Жень Фучен, попав в руки колчаковцев.

Согласно документам ЦГАСА, командование 3-й армии, учитывая состояние полка и гибель Жень Фучена, предприняло меры по формированию нового китайского батальона из 150 состоявших ранее в полку китайцев и двух новых китайских рот.

Вновь выявленные данные из ГАОРССМО говорят о том, что после гибели Жень Фучена командиром этого китайского подразделения был назначен Ли Цзыхин, трудившийся с 1916 г. на Алапаевском заводе в Перми, член РКП(б) с декабря 1918 г.

Серия документов (заявлений, анкет, автобиографий из ГАОРССЛО) открывает целый ряд новых имен, проливает свет на состав китайского отряда Син Цишаня, активно действовавшего в начале 1918 г. под Петрозаводском против англо-американских интервентов и белогвардейцев, а затем соединившегося с петроградским отрядом И. Д. Спиридонова. Среди добровольцев этого отряда были Чжан Юйсян, позднее вступивший в ВКП(б), Чжан Чиншан — начальник отряда Красной Армии на мурманском боевом участке Северного фронта, Ван Юнфу и др. Они выступили на защиту завоеваний Октября уже в 1917 г. в составе красногвардейских отрядов Петрограда. Судя по автобиографии одного из бойцов отряда И. Д. Спиридонова Лю Дэ (Людина), уроженца провинции Шаньдун, приехавшего в Россию по найму в 1916 г., он добровольно вступил в этот партизанский отряд, где находился до 23 февраля 1918 г. После этого весь отряд вошел в ряды Красной Армии, в 3-ю китайскую роту 41-го стрелкового полка. В этом формировании Лю Дэ сражался до 1920 г.

Представляют интерес документы ЦГАСА, характеризующие деятельность мало известного по опубликованным источникам и исследовательским работам коммуниста Сун Фу. В сентябре 1920 г. он был назначен командиром и военкомом интернационального полка, входившего в 35-ю стрелковую дивизию 5-й армии, дислоцировавшегося в районе Иркутска. Полк, численностью около тысячи человек, был сформирован из трех рот китайцев и одной — корейцев. Причем китайцы составляли 65 % красноармейцев⁶.

Изучение архивных материалов значительно расширяет наши представления об истории формирования отрядов китайских добровольцев и участия китайских граждан в партизанском движении Сибири и Дальнего Востока, открывает новые имена героев-партизан и красноармейцев. В архивах Хабаровского края хранятся списки китайцев-партизан и красноармейцев, награжденных орденом Красного Знамени; в Государственном архиве Читинской области — личные дела нескольких сотен китайцев-партизан, сражавшихся в партизанском отряде Старика (А. Н. Бутрина). Китайские партизаны отряда Старика в конце 1919 г. под командованием Чэнь Бочуна активно участвовали в боях под деревнями Бесхлебовка, Николаево, Белогорка, Медведево.

Практически не введены в научный оборот источники об интернациональных формированиях на Дальнем Востоке в 1919 — первой половине 1920 гг. В связи с этим представляют интерес хранящиеся в ЦГАСА приказы по китайскому полку интернационалистов. Они подписаны его командиром Фу Иченом — имя, не известное исследователям. Среди этой серии документов есть именной список командного состава и должностных лиц полка, насчитывавшего 560 человек, от 3 марта 1919 г. В списке названы 109 лиц командного состава, из них 88 — китайцы.

Новые, не встречавшиеся в литературе данные о динамике роста численности иркутского отряда в период с января по март 1920 г. содержатся в рапортах китайской секции на имя начальника штаба интернациональной дружины (ЦГАСА). Эти документы подписаны секретарем секции Хан Фунзаем, сведения о котором не встречаются в опубликованных материалах.

Непосредственным результатом влияния идей Октября на китайских граждан, проживавших в России, являлось создание и деятельность общественных организаций китайских коммунистов в Советской России. В советской историографии получили достаточно широкое освещение история создания и основные направления деятельности Союза китайских рабочих и Центрального организационного бюро — высшего партийного органа китайских граждан, проживавших на территории Советской России,

в которое входили Шан Бейфу, командир китайского полка Красной Армии, Сан Фуян, упомянутый выше организатор интернациональных формирований Красной Армии, Лю Цзэжун, председатель Союза китайских рабочих, и др. Менее освещена и представлена архивными материалами деятельность организаций китайских рабочих и коммунистических ячеек на местах. Вот почему особый интерес представляют вновь выявленные документы по этой теме. Например, в архивах Омской области имеются следующие документы: Устав китайского и корейского союза Петропавловска, данные об организации китайских граждан в Челябинске, Омске, Томске, Красноярске; в ГАОРССЛО хранится доклад о работе китайской коммунистической фракции в Петрограде, одним из организаторов которой был Шан Бейфу. В этой фракции в 1918 г. числилось 19 членов и 25 кандидатов. Вновь выявленные документы из фондов ЦГАСА проливают свет на деятельность китайского коммуниста Сю Цая, являвшегося депутатом Петроградского Совета и одним из руководителей китайских рабочих в России.

Деятельность китайских интернационалистов и коммунистов по политическому воспитанию среди своих соотечественников — бойцов Красной Армии, осуществлявшаяся в тесном контакте с РКП(б), — интереснейшая страница истории формирования и деятельности китайских отрядов Красной Армии. В советской исторической литературе описаны лишь отдельные факты и направления этой работы. Хотя основное направление политработы в китайских частях Красной Армии, исходя из содержания опубликованных документов, просматривается (создание коммунистических ячеек, воспитание политической и революционной сознательности у красноармейцев-китайцев, борьба с неграмотностью, укрепление духа интернационализма, организация митингов, распространение брошюр и газет), следует отметить недостаточность наших знаний о формах политработы в китайских частях. Известно, что в китайских отрядах Красной Армии успешно функционировал институт политкомиссаров-китайцев, прошедших подготовку в партийных школах. Политработой в китайских частях руководили Центральное организационное бюро китайских коммунистов при ЦК РКП(б) и отдел Востока при Политуправлении Реввоенсовета Республики. Одним из инструкторов Политотдела 5-й армии являлся Чжин Чжанхай. После того как в 1921 г. Политотдел 5-й армии объединился с Политуправлением Восточно-Сибирского военного округа, при этом новом политическом органе была создана интернациональная партшкола (245 человек), слушателями которой являлись китайцы, корейцы, чехи, сербы, латыши.⁷

Не публиковавшийся ранее документ ЦГАСА — «Приказ войскам 5-й армии и Восточно-Сибирского военного округа № 1756 с объявлением положения о китайской партшколе» (типографский экземпляр) от 7 ноября 1921 г. — представляет, на наш взгляд, особую ценность. Упоминание о китайских партшколах в советской литературе основано на косвенных данных, выявленный же документ — единственный в своем роде. В документе содержатся сведения о положении и штате китайской партшколы, которая первоначально действовала при армейской партшколе. Учеба проводилась под наблюдением Дальбюро Коминтерна. В школу было зачислено 60 курсантов⁸.

Для раскрытия темы политического воспитания в китайских частях Красной Армии представляет интерес ряд документов с характеристикой «политико-морального состояния» китайских подразделений.

Расширению рамок темы «Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на развитие революционного движения в Китае» способствовало бы изучение жизни и деятельности вернувшихся на Родину китайцев-интернационалистов. В ЦГАСА, а также в областных и краевых архивах имеются данные о китайцах, вернувшихся на Родину, в частности, в фондах ЦГАСА — «Удостоверение китайскому подданному Ван-До-У, старшему из 27 человек, что они следуют на родину в Харбин» от 12 ноября 1922 г., подписанное начальником мобилизационного управления штаба Народно-революционной армии Дальневосточной Республики, с приложением поименного списка. Проследить судьбу депатриированных китайских граждан отчасти дает возможность мемуарная литература 50-х гг., однако анализ этой проблемы возможен лишь с привлечением архивных материалов КНР и при участии китайских историков.

Выявление и публикация ранее не издававшихся документов из фондов ЦГАСА, областных и краевых архивов СССР в сочетании с уже опубликованными архивными документами по данной проблематике, безусловно, имеет большое научное и общественно-политическое значение. Подбор документов и их тематическая публи-

кация с соответствующими комментариями необходимы для более углубленного изучения деятельности китайских интернационалистов в годы Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войны, борьбы с иностранной интервенцией. Новые данные проливают дополнительный свет на наши представления о самоотверженной героической борьбе китайских добровольцев с белогвардейцами и иностранной интервенцией, явившейся славной страницей дружбы китайского и советского народов, ярким проявлением интернационализма и беззаветной преданности идеям социалистической революции.

¹ См.: Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917—1922). М.: 1957; «Дружба народов», 1957, № 11; «Новый мир», 1959, №№ 4—5; Н. А. Попов. Они с нами сражались за власть Советов. Китайские добровольцы на фронтах гражданской войны в России (1918—1922). Л., 1959; Г. Новогрудский и А. Дунаевский. Товарищи китайские бойцы. М., 1959; Дело трудящихся всего мира. М., 1957; Л. И. Жаров, В. М. Устинов. Интернациональные части Красной Армии в боях за власть Советов. М., 1960; Китайские добровольцы в боях за Советскую власть (1918—1922 гг.). М., 1961; Дружба, скрепленная кровью. Сборник воспоминаний китайских товарищей — участников Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в СССР. М., 1959. В вышедший к 70-летию Великого Октября сборник «Они остаются с нами» включены материалы о китайских интернационалистах.

² В советской литературе конца 50-х — начала 60-х гг. приводятся данные о том, что в 1917—1920 гг. в интернациональных частях Красной Армии находилось 30—40 тыс. китайцев.

³ См. «Известия ВЦИК» 19.XI. 1919. Цит. по: Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917—1922), с. 203—204.

⁴ См.: Н. А. Попов. Китайские пролетарии в гражданской войне в России. — В сб.: Китайские добровольцы в боях за Советскую власть (1918—1922 гг.), с. 30.

⁵ Некоторые из этих документов были опубликованы. См., напр.: Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России, с. 360, 362—363, 365; Китайские добровольцы в боях за Советскую власть, с. 162, 164.

⁶ См.: Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917—1922), с. 243—244, с. 381—382.

⁷ Китайские добровольцы в боях за Советскую власть, с. 35.

⁸ См. там же.

К вопросу о контактах представителей Китайской секции РКП(б) с организациями КПК (По новым документам 1921— 1922 гг.)

*А. И. КАРТУНОВА,
доктор исторических наук*

В советской историографии вопрос о зарождении и деятельности организаций китайских коммунистов как одной из иностранных секций РКП(б) на территории Советской России в годы гражданской войны получил известное освещение в научных статьях, документах, книгах, сборниках воспоминаний¹.

В. И. Ленин придавал большое значение работе РКП(б) и Советских органов власти среди китайских трудящихся, оказавшихся во время Октябрьской революции и гражданской войны на территории Советской России. В 1918 г. с помощью местных органов Советской власти в ряде городов России были созданы китайские рабочие организации — в Петрограде, Москве, Екатеринбурге, Харькове, Перми и других городах. В начале декабря 1918 г. в Петрограде был создан Всероссийский союз китайских рабочих, насчитывавший 50—60 тыс. членов².

29 ноября 1918 г. В. И. Ленин беседовал с председателем Союза китайских граждан в России Чжан Инчуном, а 19 ноября 1919 г. принял председателя Центрального Исполнительного комитета Союза китайских рабочих Лау Сиуджау (Лю Цзэжун). Ленин беседовал с ними о китайской революции, о жизни китайских рабочих, о деятельности союзов. Во время беседы с Лау Сиуджау В. И. Ленин написал добавление к его удостоверению, выданному Наркоминделом 7 октября 1919 г.: «С своей стороны очень прошу все советские учреждения и власти оказывать всяческое содействие тов. Лау Сиуджау. Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин) 19/XI.1919»³.

В полном соответствии с политикой Советского правительства в деле защиты интересов китайских граждан, находящихся в Советской России, был образован Центральный исполнительный комитет Союза китайских рабочих. Активную работу развернула партийная организация китайских коммунистов этого комитета. При отделениях Союза китайских рабочих в Петрограде, Самаре, Саратове, Екатеринбурге, Верхнеудинске, на Украине, в Средней Азии и других местах также функционировали коммунистические ячейки. После VIII съезда РКП(б) партийные ячейки отделений Союза китайских рабочих были преобразованы в коммунистические фракции⁴.

Для руководства работой китайских коммунистических фракций, возникших в Москве, Петрограде, Вятке, Омске, Верхнеудинске, Иркутске, на Дальнем Востоке, 20 июня 1920 г. было создано Центральное организационное бюро китайских коммунистов при ЦК РКП(б), которое выступило как составная часть иностранных групп РКП(б). В его состав вошли: Ан Нэнхак, Чжау Юнлу и Шан Бэйфу⁵.

Центральное оргбюро проводило широкую агитационную и пропагандистскую работу среди китайских рабочих и красноармейцев, организовывало китайские коммунистические секции на местах, занималось изданием революционной литературы, много внимания уделяло переводу на китайский язык работ В. И. Ленина, публи-

ковало брошюры, листовки, воззвания. На Дальнем Востоке для китайцев издавалась газета «Коммунистическая звезда». Были организованы просветительные курсы, партийные школы. В красноармейских частях, где служили китайцы, создавались школы для ликвидации неграмотности⁶.

Таким образом китайские коммунистические организации возникли и функционировали на территории Советской России как составная часть иностранных секций РКП(б) по крайней мере за два с половиной года до официального оформления Коммунистической партии Китая на I съезде КПК, проходившем в конце июля — начале августа 1921 г.

Согласно уставу, Организация китайских коммунистов в России ставила перед собой задачи и по деятельности в Китае. Так, в разделе устава, озаглавленном «Организационные настроения китайских коммунистов на Родине», говорится:

«1. Китайские коммунисты считают своей прямой обязанностью перед пролетариатом всех стран проведение социальной революции в Китае и организацию рабочего класса Китая.

2. При всяком наличии коммунистов и им сочувствующих на родине создаются партийные ячейки».

Как известно, история коммунистического движения в Китае пошла иным путем: КПК была создана без участия китайских коммунистов из Советской России. Но возникает вопрос: имелись ли связи у китайских коммунистов — членов китайской секции РКП(б) с парторганизациями КПК после ее создания?

До сих пор советские историки не располагали такого рода данными. Было известно лишь, что Оргбюро китайских коммунистов при Дальбюро ЦК РКП(б) 6 декабря 1920 г. рассматривало вопрос о необходимости организации коммунистических ячеек, об установлении связи с Союзом молодежи в Шанхае и Тяньцзине. Бюро постановило утвердить немедленную командировку тов. Лю (Федорова) в Китай на три месяца для установления связей с соответствующими организациями в Шанхае, Тяньцзине и Харбине. Эта сфера деятельности нашла также отражение в Плате распределения наличных сил Центрального организационного бюро китайских коммунистов. В этом документе перечислены лица, командированные в Китай через Семипалатинск: Гу Хунбин, Лю Иосиф и Сун Ханван. В Шанхай к Сунь Ятсену был командирован Ким Черхун⁷. Однако эти командировки по разным причинам успехом не завершились.

В Партархиве Амурского Обкома КПСС хранится Список членов комячейки при Амурском областном союзе китайских рабочих по защите труда, которые имеют членские партбилеты или удостоверения киткомпартий⁸ (имеются в виду партийные организации КПК некоторых городов Китая.— А. К.). Машинописный в подлиннике, документ подписан секретарем комячейки Ван Женхэем, датирован 1922 г. Он представляет несомненный интерес для исследователя, так как дает основание утвердительно ответить на вопрос о связях представителей Китайской секции РКП(б) с некоторыми организациями КПК. Едва ли в КПК сохранились данные о том, кого парторганизации Пекина и Ханькоу направляли в Советскую Россию и кому из прибывших из Советской России китайских коммунистов они выдавали удостоверения. Всего в списке значится 15 коммунистов, имеющих удостоверения или партбилеты КПК, с их краткими характеристиками. Приведем некоторые из них.

«Люй Сичан⁹, 23 года, рабочий, уроженец провинции Шаньдун, из рабоче-крестьянской семьи. С февраля 1920 года проживал на советском Дальнем Востоке. В том же году организовал секцию РКП(б) и работал при таковой...¹¹. Далее говорится, что он «до сих пор продол[жает] работать как при секции, так и при Союзе китрабочих... Имеет удостоверения: китайск[ой] Пекинск[ой] компартии от 2-го декабря 1921 года. Членский же партбилет компартии (Китай.— А. К.) пока не имеет ввиду того, что состоит в рядах русской компартии»¹⁰.

«Дян Зунчан, 32 года, рабочий. С апреля м-ца 1921 г. работает при Союзе китрабочих, был секретарем и председателем. В 1922 г. был в командировке на Восточном фронте. Имеет удостоверения: Киткомпартии Пекинской от 22 дек[абря] 1921 г. № 2 — для ведения и организации военного дела, 2-е [удостоверение] из Ханькоу от 6 мая 1922 г. № 17. Членск[ого] партбилета киткомпартии пока не имеет ввиду того, что состоит в рядах русской компартии»¹¹.

«Ван Женхэй, 25 лет, секретарь комячейки. [Из] провинции Шэньси. Студент Пекинского университета, в 1921 г. в Пекине выпускал политические газеты Сейхуэ шанюндун (так в документе, возможно имеется в виду Шэхуэй шаонянь юндун.— А. К.), в настоящее время работает при секции и Союзе. Имеет членский партбилет № 7 от ноября 1921 г.»¹².

«Ии Шоучан, 40 лет, китучитель и переводчик. С 1921 г. работает при обл[астном] Союзе китрабочих, в последнее время в качестве секретаря. Имеет членск[ий] партбилет из Ханькоу № 18 от 18 апреля 1922 г.»¹³.

«Ван Богуй, 47 лет, рабочий. До осени 1921 г. работал при Союзе китрабочих, а затем откомандирован для работ и связи в китпартотряды Восточн[ого] фронта. Имеет членск[ий] партбилет Пекинск[ой] партии № 19 от 22 апреля 1922 г.»¹⁴.

«Ма Чунва, 33 года, рабочий-квасник. В 1921 г. прикомандирован из Хабаровского Союза китрабочих для работ при Амурск[ом] обл. Союзе китрабочих. Имеет членск[ий] партбилет Пекинской компартии № 6 от 4.III. 1922 г.»¹⁵.

«Ян Зыфын, 33 года, рабочий. Был в отряде «Старика» (видимо имеется в виду командир партизанского соединения Бутрин Антон Никифорович.— А. К.) и в настоящее время откомандирован в область по делам Союза для связи с рабочими массами. Имеет чл[енский] партбилет Пекинской компартии № 12 от 4.III. 1922 г.»¹⁶.

Партбилеты Пекинской парторганизации также имели: Ли Босан — партбилет № 5, Чжозз Мин — партбилет № 7, Кун Шину — партбилет № 13, Ван Инзун — партбилет № 11, Чжан Ваню — партбилет № 9, Чжан Юну — партбилет № 10, Сун Тисян — партбилет № 14 (все членские билеты выданы 4.III.1922) и Чан Хайсан — партбилет № 19 (выдан 1.V.1922)¹⁷.

Приведенные в этом списке сведения свидетельствуют о том, что:

— во-первых, некоторые китайские коммунисты, находившиеся в 1921—1922 гг. на территории ДВР¹⁸, были либо направлены туда парторганизациями КПК (в частности, Пекинской и Ханькоуской), либо прибывали из Советской России и устанавливали связи с организациями КПК, где получали соответствующие удостоверения, определенные задания по оказанию интернациональной помощи родине Октября;

— во-вторых, в защите завоеваний Октября принимали участие не только китайские трудящиеся, оказавшиеся во время Октябрьской революции и гражданской войны в России, но также некоторые революционно настроенные китайцы — рабочие и интеллигенты, которые пробирались через границу уже в годы гражданской войны, чтобы принять участие в защите завоеваний Октября.

Многие из китайский коммунистов — членов Китайской секции РКП(б), пройдя в Советской России школу пролетарского интернационализма и боевую выучку, вернулись в Китай. Однако в советской историографии, да и в китайской, имеется очень мало сведений о дальнейшей их судьбе. Кто из них по возвращении на родину вступил в КПК, какую вел работу, участвовали ли они в революции 1925—1927 гг. и в последующих событиях по мере развития китайской революции, использовали ли и в какой мере накопленный опыт участия в гражданской войне в Советской России,— на все эти и другие вопросы, видимо, могут ответить только китайские историки.

Известно, что китайские коммунисты в Советской России не только сами готовились к проведению революционной работы по возвращении на родину, но вели также соответствующую пропагандистскую деятельность среди масс китайских трудящихся, готовившихся к отъезду в Китай.

В этом отношении характерны сведения, содержащиеся в отчете петроградской китайской коммунистической секции за июль 1922 г. за подписью секретаря секции Джу Ванфу. В отчете, в частности, говорится:

«В истекшем месяце произошло довольно крупное событие в китайской колонии Петрограда, а именно: 16 июля был отправлен 1-й эшелон с китайскими рабочими на родину...

В момент отъезда секцией был организован на Николаевском вокзале митинг, на котором выступали как представители секции, так и представители Исполкома Союза. Главный мотив, на который указывали все выступавшие ораторы, было обращение к уезжающим указать честным китайским рабочим на ту ложь, которая распространяется капиталистами всего мира против Советской России. Со стороны

отъезжающих также выступали отдельные товарищи, указывавшие, что по приезде в свой Китай они все свои усилия направят к тому, чтобы раскрыть глаза угнетенным западными капиталистами рабочим. Путеводной звездой им будет служить рабоче-крестьянская Советская Россия. При отходе поезда был исполнен Интернационал. Отъезжавшие просили передать свою искреннюю благодарность Советскому правительству за его заботу об уезжающих китайских рабочих.

Секцией до отъезда эшелона были устроены два собрания уезжающих китайцев, на которых партийными товарищами были сделаны следующие доклады: 1) Краткий очерк революции, 2) Принципы новой экономической политики, 3) Задачи Советской России на Дальнем Востоке. Затем каждому отъезжающему была роздана литература (главным образом Конституция РСФСР на китайск[ом] яз.)».

Таким образом у историков впереди увлекательный поиск, который даст дополнительный материал о воздействии идей Октября и его свершений на развитие революционного процесса в Китае.

¹ См.: В. М. Устинов. Китайские коммунистические организации в Советской России (1918—1920 гг.).— «Вопросы истории КПСС», 1961, № 4; Л. И. Жаров, В. М. Устинов. Интернациональные части Красной Армии в боях за власть Советов в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. М., 1960; Н. А. Попов. Они с нами сражались за власть Советов. Китайские добровольцы на фронтах гражданской войны в России (1918—1922). Л., 1959; Китайские добровольцы в боях за Советскую Россию (1918—1922 гг.). М., 1961.

² См.: Н. А. Попов. Указ. соч., с. 28.

³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1975, т. 6, с. 264; 1977, т. 8, с. 40.

⁴ См.: В. М. Устинов. Указ соч., с. 109.

⁵ См.: А. И. Картунова. Из истории пробуждения классового самосознания китайских рабочих (1917—1920 гг.).— «Народы Азии и Африки», 1977, № 5, с. 63.

⁶ См.: Л. И. Жаров, В. М. Устинов. Указ соч., с. 45.

⁷ См.: Картунова А. И. Указ соч., с. 64. Остается и поныне неизвестным, знали ли руководители Оргбюро китайских коммунистов при Дальбюро ЦК РКП(б) об оформившихся к тому времени и находившихся в процессе организации марксистских кружках в Пекине, Шанхае, Гуанчжоу, Тяньцзине и других городах.

⁸ Первое упоминание см.: А. И. Картунова. Красноармеец Сан Фуян. Китайские добровольцы сражались за Советскую власть.— «Новое время», 1987, № 45, с. 25.

⁹ Фамилии приведены в транскрипции документа.

¹⁰ «Новое время», 1987, № 45, с. 25.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Партийный архив Амурского обкома КПСС, ф. 11, оп. 1, д. 65, л. 84.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См. там же, л. 84—85.

¹⁸ Дальневосточная Республика существовала как буферное государство между Советской Россией и Японией с 6 апреля 1920 г. по 15 ноября 1922 г., после разгрома белогвардейцев и японских интервентов территория ДРВ вошла в состав РСФСР.

¹⁹ Ленинградский партийный архив, ф. 16., оп. 11, д. 11216, л. 9.

Об Уставе организаций китайских коммунистов в России

После начала первой мировой войны в Россию прибыли по трудовым контрактам десятки тысяч китайских рабочих. В 1919—1920 гг. под влиянием воспитательной деятельности нашей партии среди них начали формироваться коммунистические секции при комитетах РКП(б), а в 1920 г. был подготовлен Устав организаций китайских коммунистов в России. По возвращении на родину члены коммунистических секций стали активными проводниками правды о первом в мире социалистическом государстве. После образования в 1921 г. Коммунистической партии Китая необходимость в существовании китайских коммунистических секций отпала.

*Р. А. МИРОВИЦКАЯ,
кандидат исторических наук*

Устав организаций китайских коммунистов в России*

I. Общее положение

1. В целях организации Китайских коммунистов в Советской России на местах, где имеются китайцы-коммунисты, создаются китайские коммунистические секции при комитетах Р. К. П.

2. Высшим органом китайской секции коммунистической партии является Всероссийская Конференция, созываемая по возможности не реже одного раза в год.

3. Руководящим органом является центральное бюро китайских коммунистов, которое избирается на съезде и утверждается Ц.К.Р.К.П.

4. Центральное бюро состоит временно в Москве при Ц.К.Р.К.П. и все свои решения по принципиальным вопросам выносит в полнейшем согласии с Ц.К.Р.К.П.

II. Центральное организационное бюро

1. Центральное организационное бюро состоит из пяти человек (членов) и 2 кандидатов к ним.

---

* Партархив Института истории партии Ленинградского обкома КПСС.

2. Центральное организационное бюро свои решения рассылает нижшим партийным инстанциям циркулярными письмами.

3. Центральное организационное бюро санкционирует утвержденные местными общепартийными организациями китайские секции.

4. При Центральном организационном бюро создается в Москве центральная партийная школа, в которую все китайские партийные организации посылают наиболее выдающихся товарищей для усвоения ими основ марксизма.

III. Президиум организационного бюро

1. Президиум организационного бюро ведет всю текущую работу, руководя деятельностью Секретариата.

2. Президиум организационного бюро является исполнительным органом бюро и проводит все его решения в жизнь.

3. Президиум берет на учет весь личный состав Китайских Коммунистов и распределяет силы, поскольку это касается России, не иначе, как с согласия и ведома Ц.К. Российской Коммунистической Партии.

4. Президиум поддерживает самый тесный контакт с Ц.К.Р.К.П., информируя его о своих работах Социалистической Республики и предпринимает эти работы только лишь с согласия Ц.К.Р.К.П.

5. Президиум организационного бюро выработывает анкеты, вопросы для отчетов и т. д.

IV. Местные секции китайских коммунистов при парткомах Р.К.П.

1. Для расширения агитационной работы и революционирования трудящихся китайских масс при некоторых парткомах Р.К.П. в тех местах, где имеются китайские коммунисты организуются китайские секции, с утверждением Губкома Р.К.П.

2. Для ведения постоянной работы и руководства секций общим собранием китайских коммунистов избирается местное организационное бюро сроком на три месяца.

3. Организационное бюро состоит из трех лиц, которые сами из своего состава избирают Председателя и Секретаря.

4. Организационное бюро работает в самом тесном контакте с местным парткомом, получая от него инструкции в общепартийном отношении.

5. Организационное бюро организует агитационные недели с целью привлечения трудящихся китайских масс в партию.

6. Местное организационное бюро проводит анкеты среди членов-китайцев, цель которой учет агитаторов, организаторов, работников в различных отраслях и цифровые сведения сообщают в Ц.Б.

7. Местные организационные бюро руководят агитационной и пропагандистской работой среди китайских масс, прививая им революционные идеи, для чего устраиваются митинги, собрания, лекции о Китае, о революционном движении в Китае и т. д.

Примечание: в китайских войсковых частях организуются войсковые ячейки на общих основаниях. Эти ячейки входят в немедленную организационную связь с Центральным организационным бюро в Москве и ведут работу в духе этой инструкции.

V. Организационные построения китайских коммунистов на родине

1. Китайские коммунисты считают своей прямой обязанностью перед пролетариатом всех стран проведение социальной революции в Китае — организует рабочий класс Китая.
2. При всяком наличии коммунистов и им сочувствующих на родине создаются партийные ячейки.
3. Работу в этих ячейках ведут организационные бюро, примерно по той же схеме, как было указано выше.
4. При всяком удобном случае местные бюро входят в связь с Ц.Б. китайских коммунистов, которое временно будет помещаться в Москве.

Председатель Центрального организационного бюро Китайск. коммунистической партии

Секретарь

Современный этап развития китайской историографии

*Б. Г. ДОРНИН,
кандидат исторических наук*

Историческая наука КНР вступила в новый, важный этап своего развития. Он отмечен небывалым размахом исследовательской работы, серьезными качественными переменами, сложными, подчас противоречивыми процессами. Начало этим переменам было положено решениями конца 70-х — начала 80-х гг., определившими основные направления исторических исследований в КНР и меры, обеспечивающие их развитие. Историческая наука в этих документах рассматривалась как важный и эффективный инструмент решения некоторых крупных политических и идеологических проблем, стоящих ныне перед обществом и государством.

До последнего времени развитие исследований в области историографии затруднялось тем, что в силу некоторых особенностей историописания в древнем и средневековом Китае сложилась весьма своеобразная система взглядов на изложение истории науки, анализ исторических сочинений и другие проблемы. Несомненно, что для своей эпохи эта система была огромным достижением исторической мысли. Однако со временем старые взгляды, продолжавшие доминировать в области источниковедения и историографии, пришли в противоречие с потребностями постепенно набравшей силу современной исторической науки. Как отмечают современные китайские историки, выход исторических исследований в конце 70-х — начале 80-х гг. на новые рубежи еще более обострил это положение, что обусловило особое внимание к проблемам историографии.

Развертывание историографических исследований, их координацию, концентрацию усилий на решении главных задач призваны обеспечить крупные организационные мероприятия, к числу которых прежде всего следует отнести становление сети специализированных учреждений. Важное место в этой системе сейчас занимает Научно-исследовательский институт историографии при Пекинском педагогическом университете, который возглавляет известный историк старшего поколения, член руководства Всекитайской ассоциации историков, профессор Бай Шоуи. С 1981 г. институт издает ежеквартальный журнал «Шисюэши яньцзю»¹. Тематика публикуемых в нем материалов достаточно широка: вопросы методологии и методики, история исторической науки, изучение и преподавание историографии и др.

Большую работу проводит Научно-исследовательский институт китайской историографии при Восточно-Китайском педагогическом университете, возглавляемый профессором У Цзэ, членом руководства Всекитайской ассоциации историков, автором большого числа фундаментальных исследований. Институт выпускает несколько серийных изданий по проблемам отечественной и зарубежной историографии. Кроме того, исследование в этой области ведет также сектор историографии при Институте истории Академии общественных наук Китая.

В последние годы действенным инструментом организации историографических исследований становится коллективное обсуждение различных проблем. Так, в декабре 1984 г. редколлегия журнала «Шисюэши яньцзю» провела совещание по проблемам изучения истории китайской историографии². В мае 1985 г. по инициативе Научно-исследовательского института при Пекинском педагогическом университете состоялась историографическая конференция, на которой было представлено около 40 научных учреждений и организаций и заслушано более 50 докладов³. На конференции было предложено создать специальный механизм для обсуждения наиболее важных проблем, в частности регулярно проводить тематические конференции по истории развития теории науки и источниковедения, другим актуальным вопросам. Был поставлен также вопрос о необходимости создания Всекитайского историографического общества.

Одной из важнейших в настоящее время является задача подготовки специалистов в области историографии. Источниковедение и историография заняли важное место в учебных программах исторических факультетов вузов КНР, большое внимание уделяется вопросам преподавания этих дисциплин, подготовки соответствующих пособий и различного рода методических материалов⁴. Менее чем за десятилетие издано несколько десятков книг по историографии, ежегодно публикуется около 250 статей.

Большое внимание на современном этапе уделяется разработке проблем истории китайской исторической науки. Только в течение последних нескольких лет, помимо большого количества статей, в КНР опубликованы фундаментальные исследования Чжан Мэнлуна, Инь Да, Чэнь Гуанчуня, Цан Сюэляна и Вэй Даляна, Гао Кана, Лю Цзе и некоторых других ученых⁵. Разумеется, далеко не все авторы сумели преодолеть давление традиций. Однако основное направление современных исследований определяют работы, где вопросы истории исторической науки ставятся и решаются по-новому.

К числу таких работ может быть отнесена «История развития исторической науки в Китае», созданная коллективом авторов во главе с профессором Инь Да. В книге прослеживается весь путь развития исторической науки — от ее зарождения в древнем Китае до образования КНР, причем значительное влияние авторы уделили становлению и развитию марксистской историографии. Важной особенностью данного труда является также то, что в нем наряду с традиционным кругом материалов рассматриваются и исследования по истории малых народов Китая. По признанию создателей книги, они ставили перед собой следующие задачи: проанализировать и обобщить основные закономерности возникновения истории в Китае, превращения ее в науку; точно определить этапы развития историописания и показать их особенности, внутренние связи; обобщить и дать марксистскую оценку богатого исторического наследия страны; уделить основное внимание теории исторической науки, концепциям, которые имели в ней хождение⁶. Характерно, что авторы отказались от традиционных принципов организации материала (по династиям, жанрам и т. д.) и взяли за основу современную периодизацию основных этапов социально-экономического развития страны: рабовладение, феодализм, период полукolonиального и полуфеодального общества⁷.

Одна из главных отличительных черт данного труда — стремление авторов дать анализ излагаемого материала, показать главные особенности развития исторической науки на каждом из выделенных ими этапов.

Это исследование, безусловно, новое явление в современной китайской исторической науке. В ней в той или иной мере нашли отражение

многие новые тенденции, набирающие сейчас силу в историографических исследованиях.

Значителен интерес китайских ученых и к проблемам развития исторической науки периода нового и новейшего времени, среди которых можно выделить такие, как упадок феодального историописания, зарождение и становление новой исторической науки, сложные явления, сопровождавшие этот процесс⁸. Особое место в этих исследованиях занимают проблемы становления марксистской исторической науки в Китае. Разработке этой темы посвящены соответствующие разделы в сводных трудах по истории науки, статьи, ежегодно публикующиеся на страницах научной периодики.

Крупным явлением в современной исторической науке стала публикация работ, посвященных крупнейшим историкам КНР⁹, многие из которых, как известно, были репрессированы в годы «культурной революции». Большая работа ведется также по изданию их трудов, как тех, что уже были опубликованы, так и оставшихся в рукописях. Значительный интерес в этом отношении представляют сборники статей современных китайских историков под редакцией профессора У Цзэ. В этой серии уже вышли труды Люй Чжэньюя, Шан Юэ, Ли Пинсиня, Чэн Юаня и некоторых других крупнейших историков КНР. Каждый такой сборник содержит очерк жизни и творчества ученого и его труды, имеющие, по мнению составителей, принципиальное значение.

Важное значение придается освещению процессов, идущих в исторической науке КНР в наши дни. Речь прежде всего идет о справочно-информационной деятельности, которая ведется с большим размахом.

Наиболее полное представление о современном состоянии науки дают «Китайский исторический ежегодник» («Чжунго лишисюэ няньцзянь») и издаваемая его редколлегией ежеквартальная «Информация об исторической науке» («Шисюэ цинбао»)¹⁰. Регулярную информацию об исследовательской работе на важнейших направлениях исторической науки дают также журналы «Чжунго ши няньцзю дунтай», «Шицзе ши няньцзю дунтай» и некоторые аналогичные издания.

Большое распространение в Китае получила публикация рефератов наиболее важных и интересных трудов по истории и рецензий на них в различных журналах, в том числе специальных. С 1985 г. начал выходить специальный сборник «Рефераты научных трудов по истории Китая» («Чжунго ши няньцзю вэньчжай»), который готовит сектор историографии Института истории Академии общественных наук Китая.

Среди материалов, характеризующих положение в современной исторической науке, следует назвать выпуски большой серии «Выборки материалов из периодики» («Баокань цзыляо сюаньхуэй»), издаваемой Народным университетом (Пекин). Выпуски охватывают восемь основных тем: «Историческая наука», «Доциньская история и история Цинь и Хань», «История Вэй, Цзинь, северных и южных династий, Суй и Тан», «История Сун, Ляо, Цзинь и Юань», «История Мин и Цин», «Новая история Китая» и «Новейшая история Китая», «Древняя и средневековая история зарубежных стран», «Новая и новейшая история зарубежных стран». Каждый из них выходит 12 раз в год и включает в себя наиболее важные статьи из различных изданий, а также список всего, что вышло в КНР по данной теме. Это дает не только обильную информацию историку, но и позволяет ему легко ориентироваться в весьма внушительной по своим масштабам исторической периодике КНР.

Одна из центральных задач, поставленных сейчас перед историографией, — на основе марксистского анализа имеющегося материала выявить основные закономерности развития исторической науки в Китае и специфику

этого процесса. Некоторые ученые, не ограничиваясь данными национальной историографии, предпринимают попытки сопоставить развитие отечественной науки с тем, что происходило в других странах. Подобный сравнительный метод изучения получает все большее распространение и дает весьма интересные результаты¹¹.

Еще одно магистральное направление историографических исследований — разработка крупных теоретических проблем. Было бы неверным утверждать, что прежде подобная тематика не интересовала историков КНР. Однако по разным причинам масштабы этой работы были ограничены, и, как отмечают китайские историки, теоретическая оснащенность исторической науки к началу современного этапа ее развития оказалась недостаточной¹². Не случайно поэтому китайские историки уделяют сейчас серьезное внимание различным аспектам теории исторической науки. Эти вопросы были предметом обсуждения на сессии Всекитайской ассоциации историков (апрель 1983 г.), на совещании по планированию исторической науки (1983), где теория исторической науки в числе четырех важнейших тем была включена в план седьмой пятилетки, на историографической конференции в марте 1985 г. в Пекине. Осенью 1985 г. в Ухане состоялась специальная конференция по теории исторической науки.

Надо сказать, что понятие «теория истории» разными авторами трактуется неодинаково. Известный ученый Нин Кэ в своей статье «Что такое теория исторической науки» относит к ней следующие проблемы: 1) общие принципы и закономерности исторического материализма; 2) диалектика объективного исторического развития; 3) конкретизация исторического материализма применительно к определенной эпохе или региону или выявление особых закономерностей, характерных для определенной эпохи или региона; 4) проблемы теории и метода самой исторической науки; 5) историография и различные идеологические течения и взгляды в современной исторической науке; 6) задачи, проблемы и тенденции в современных исторических исследованиях и преподавании¹³. Несколько иначе был определен круг вопросов теории исторической науки на упоминавшемся выше совещании по планированию¹⁴, однако и там он был достаточно широк.

Сейчас в КНР регулярно публикуется значительное число работ по самым различным теоретическим вопросам, в том числе и монографии¹⁵. Наибольший интерес китайских историков вызывают вопросы методики и методологии, и прежде всего марксистской методологии исторического исследования.

Долгое время историческая наука в Китае развивалась в весьма сложной идеологической обстановке, где на пути творческого овладения теорией марксизма стояли серьезные препятствия. Процессы, произошедшие в стране после «культурной революции», затронувшие все китайское общество, во многом изменили ситуацию к лучшему, хотя трудностей еще остается немало. Можно по-разному оценивать то, что делается сейчас в Китае для овладения марксистской методологией, однако было бы неверным не видеть, что работа на этом направлении ведется большая. Появились труды, где разрабатываются отдельные аспекты этой большой темы, в конкретных исторических исследованиях ощущается стремление авторов более активно и творчески использовать основные положения теории марксизма. Такой новый подход виден, например, в исследованиях проблем народных движений. Очевидно, сейчас можно говорить о процессе постепенного отторжения прежних догм в исторической науке КНР. Разумеется, здесь далеко не все просто. Насколько можно судить по имеющимся материалам, и сами

китайские историки пока не считают, что задача овладения методологией ими уже решена.

Другая крупная теоретическая проблема — это содержание, место и роль историографии в исторической науке, особенности процесса ее развития и современного состояния и ряд других. Своего рода итогом изучения проблем историографии в КНР стало появление комплексных трудов особого типа. К их числу можно отнести книги Гэ Маочуня и Бай Шоуи, а также историографический словарь¹⁶. В своем труде Гэ Маочунь рассматривает вопросы истории исторической науки, материализма как единственной исторической концепции, научной периодизации истории общества, использования классового анализа, диалектического исследования процесса движения истории человечества, проблемы нации и национальных отношений, проблемы оценки личности в истории, критического восприятия исторического наследства, научного обобщения в истории, сбора и приведения в порядок материалов по истории Китая, археологических и исторических исследований. Кроме того, в книге содержатся очерк китайской историографии, очерк европейской историографии, критический очерк некоторых исторических концепций в современной зарубежной историографии. Столь же широк и круг вопросов, поднятых в книге Бай Шоуи.

Как видим, внимание авторов привлекают вопросы не только китайской, но и европейской историографии. Дело в том, что на современном этапе изучение работ зарубежных авторов по этой проблематике стало важной составной частью историографических исследований в КНР. Очевидно, можно говорить о том, что растет понимание китайскими историками невозможности плодотворной разработки проблем отечественной историографии без основательного знакомства с достижениями мировой исторической мысли. Это стало тем более важно, что с конца 70-х гг. перед китайскими историками была поставлена задача создания «всемирной истории с китайской спецификой» и начала разворачиваться работа в этой области¹⁷. Все это обусловило непрерывно растущий интерес к изучению проблем зарубежной историографии, главным образом западной¹⁸. Важным этапом в этой работе стало совещание в Чэнду (август 1984 г.), которое было посвящено созданию учебных пособий по западной историографии. Одновременно здесь был обсужден комплекс проблем, связанных с изучением и преподаванием западной историографии и подготовкой кадров.

В настоящее время изучение западной историографии развивается по двум направлениям: переводы наиболее важных работ зарубежных авторов и разработка китайскими историками проблем развития исторической науки на Западе¹⁹. Крупным событием стал выход в свет в 1983 г. книги Го Шэнмина «Очерки западной историографии». Данный труд охватывает период с древности до наших дней и включает в себя не только материалы по западно-европейской историографии, но и по историографии Восточной Европы и США (с XVIII в.). Вслед за ним появилось еще несколько монографических исследований, как общих, так и посвященных национальным историографиям крупнейших государств Запада, опубликовано довольно большое число переводов работ западных ученых²⁰. Велик интерес китайских историков и к различным немарксистским концепциям исторического процесса, философии истории. В Китае хорошо известны и изучаются сочинения Дж. Вико, О. Шпенглера, А. Шопенгауэра, А. Тойнби, Я. Буркхардта и других буржуазных философов и историков. Все это позволяет китайским историкам использовать в своей исследовательской работе опыт и знания, накопленные к настоящему времени мировой исторической наукой, по-новому взглянуть на проблемы отечественной историографии. Вместе с тем увлече-

ние концепциями буржуазной исторической науки, не всегда критическое восприятие их отдельными учеными может дать и негативные результаты.

Как особое направление в изучении зарубежной исторической науки следует рассматривать растущий интерес китайских ученых к мировой синологии. Научная периодика КНР, различные справочно-библиографические издания регулярно дают информацию по этим вопросам. С достижениями мировой синологии китайские историки знакомятся также в ходе международных конференций по важнейшим проблемам истории Китая, проведение которых прочно вошло в практику исторической науки КНР. Активно участвуют китайские ученые и в различных международных конференциях, проводящихся за пределами Китая.

Таковы основные, наиболее характерные черты современной китайской историографии. Совершенно очевидно, что на этом направлении учеными КНР были достигнуты существенные успехи, выражающиеся не только в широком размахе исследований, но и в их серьезном качественном росте. Разумеется, на пути развития историографии, как и всей исторической науки КНР, еще немало трудностей. По мнению самих китайских историков, историография в Китае как самостоятельная отрасль исторических знаний еще не сложилась окончательно, многие важные проблемы ее развития пока еще не решены. Однако проделанная к настоящему времени работа создает хорошую основу для их преодоления. Историография начинает играть в исторической науке КНР все более заметную роль, активно способствует выходу исторических исследований на новый, более высокий, чем прежде, уровень.

¹ Журнал рассматривается как продолжение двух ранее выходивших изданий: «Чжунго шисюэши цзыляо» (1961—1964) и «Шисюэши цзыляо» (1979—1980).

² См.: «Шисюэши яньцзю», 1985, № 1, с. 1—13.

³ Материалы конференции были опубликованы в журнале «Шисюэши яньцзю», 1985, № 2. К числу наиболее крупных проблем, обсуждавшихся на конференции, относятся: овладение марксистской методологией, периодизация развития китайской исторической науки, проблемы источникововедения, состояние и пути развития историографии, проблемы ее изучения и преподавания.

⁴ Около четверти докладов, представленных на историографическую конференцию, так или иначе касалось вопросов преподавания историографии и подготовки специалистов в этой области.

⁵ См.: Чжан Мэнлунь. История китайской исторической науки. Ланчжоу, 1983; Инь Да (гл. ред.). История развития исторической науки в Китае. Чжунчжоу, 1985; Чэнь Гуанчунь. Сборник статей по истории китайской исторической науки. Шэньян, 1984; Чан Сюэлян, Вэй Дэлян. Краткая история исторической науки древнего Китая. Харбин, 1983; Гао Гокан. Очерки истории исторической науки древнего Китая. Гуанчжоу, 1985; Лю Цзе. Очерки истории китайской исторической науки. Чжунчжоу, 1982 (все на кит. яз.).

⁶ См.: Инь Да. Указ. соч., с. 1.

⁷ Вопросы периодизации истории китайской исторической науки стоят очень остро и активно обсуждаются в КНР. Однако единой точки зрения на эту проблему пока не выработано, разные авторы решают ее по-своему. Вместе с тем можно, видимо, говорить о том, что сейчас наметился определенный отход от старых схем и идет поиск научной периодизации.

⁸ В китайской историографии получило распространение представление о том, что на рубеже позднего средневековья и нового времени произошло замедление темпов развития исторической науки.— См., напр.: Тао Маобин. Мое мнение о причинах длительного застоя исторической науки древнего Китая.— «Шисюэши яньцзю», 1985, № 2, с. 47—49; Шэн Банхэ. Об особом «восточном» пути развития исторической науки на Востоке и в Китае в новое время.— «Шисюэши яньцзю», 1985, № 2, с. 52—56.

⁹ См., напр.: Научная жизнь У Ханя. Ханчжоу, 1984 (сборник воспоминаний видных китайских ученых об историке; он содержит также материалы о реабилитации У Ханя; на кит. яз.).

¹⁰ Первые два выпуска этого издания были посвящены исторической науке КНР в 1979 и 1980 гг. В 1981 г. ежегодник не издавался, а с 1982 г. выходит регулярно. С 1982 г. началось и издание «Шисюэ цинбао».

¹¹ См., напр.: Ван Цинцзя. Опыт сопоставления исторической науки в древнем Китае и Европе.— «Шэхуй кэсюэ». Шанхай, 1984, № 8, с. 64—67; Цзян Нин. Обзор течений в исторической науке нового и новейшего времени в Китае и за рубежом.— «Лиши цзяосюэ вэньцзи», 1985, № 4, с. 37—42.

¹² См.: Обзор материалов конференции по теории исторической науки (Ухань, 1985).— Китайский исторический ежегодник — 1985. Пекин, 1985, с. 223—224 (на кит. яз.). Данная проблема обсуждалась также на историографической конференции в Пекине в 1985 г. («Шисюэши яньцзю», 1985, № 2).

¹³ Нин Кэ. Что такое теория исторической науки.— «Лиши яньцзю», 1984, № 3.

¹⁴ См.: «Шисюэ цинбао», 1983, № 4, с. 99.

¹⁵ См.: Лян Ханьбин. Основы теории исторической науки. В 2-х т. Пекин, 1982; Изучение теории истории. Чунцин, 1984; Теория и метод исторического исследования. Пекин, 1983 (сборник подготовлен и выпущен редакцией журнала «Хунци»); Обсуждение проблем теории исторической науки со времени образования КНР. Пекин, 1984 (сборник издан редакцией журнала «Лиши яньцзю»). Все издания на кит. яз.

¹⁶ Гэ Маочунь. Очерки исторической науки. Цзинань, 1984; Бай Шоуи. Очерки исторической науки. Иньчуань, 1983; Большой китайский исторический словарь. Историография. Шанхай, 1983 (все издания на кит. яз.).

¹⁷ В КНР прошла дискуссия по проблеме «Как писать всемирную историю с китайской спецификой». В рамках этой дискуссии была опубликована серия статей в различных исторических журналах.

¹⁸ Краткий обзор изучения западной историографии в Китае см.: Чжан Гуанчжи. Изучение западной историографии в Китае.— «Шисюэши яньцзю», 1985, № 2, с. 21—26.

¹⁹ Переводятся не только работы по историографии, немалое значение для ознакомления с методологией исторических исследований буржуазных историков имеют также переводы на китайский язык их фундаментальных трудов по различным аспектам всемирной истории, которые осуществляются в КНР в достаточно больших масштабах.

²⁰ См., напр.: История европейской исторической науки нового времени. Пекин, 1984; Тянь Жукан, Цзинь Чжунъюань. Сборник материалов о течениях в западной исторической науке в новейшее время. Шанхай, 1982 (оба издания на кит. яз.).

А. С. ИПАТОВА,
кандидат исторических наук

Имя старейшего китайского литературоведа, талантливого переводчика, неутомимого популяризатора советской и русской литературы, писателя-публициста, общественного деятеля, профессора Пекинского университета Цао Цзинхуа хорошо известно и в Китае, и в Советском Союзе.

11 августа 1987 г. ему исполнилось 90 лет. Он был современником двух выдающихся событий XX века: Великой Октябрьской социалистической революции, рождения первого в мире социалистического государства в России, и революционного национально-освободительного движения в Китае, завершившегося победой народной революции и образованием в октябре 1949 г. Китайской Народной Республики.

Ему было 20 лет, когда в России свершилась пролетарская революция, а вскоре, в период «движения 4 мая» 1919 г., он вступил на путь революционной борьбы. Делу революции Цао Цзинхуа посвятил всю свою долгую жизнь. Не случайно его 90-летие отмечалось 7 мая 1987 г. и было приурочено к 68-й годовщине «движения 4 мая».

В этот по-праздничному светлый, весенний день в Доме приемов и торжественных мероприятий Пекинского университета Цзяньхусюань, небольшом нарядном здании традиционной китайской постройки, расположенном в живописнейшей части университетской территории, состоялось научное заседание, посвященное 90-летию Цао Цзинхуа. Оно было организовано Пекинским университетом, Союзом китайских писателей, Китайской ассоциацией переводчиков, Китайским обществом изучения советской литературы, музеем Лу Синя в Пекине, редакцией журнала «Шинзе вэньсюе», редакцией журнала «Гуаньдун вэньсюе» и издательством «Шэньси жэньминь чубаньше». В заседании приняли участие видные деятели науки и культуры КНР, известные ученые, писатели, художники, ведущие русисты, коллеги, ученики и друзья Цао Цзинхуа, его дочь Цао Сулин. Фотовыставка, устроенная у входа в здание, отразила различные этапы жизни юбиляра, памятные эпизоды, встречи. Несколько фотографий, сделанных в СССР: Цао Цзинхуа на фоне Московского Кремля, на набережной Невы в Ленинграде. А рядом разместились выставка его трудов: произведения советских и русских писателей в переводе Цао Цзинхуа, сборники его произведений, письма Лу Синя к Цао, книга юбиляра «Цветы», его последний, недавно изданный труд — «Избранные публицистические произведения Цао Цзинхуа», куда вошли и его воспоминания. Здесь же и книга К. Симонова с дарственной надписью: «Глубокоуважаемому товарищу Цао Цзинхуа с уважением на добрую память от автора. Константин Симонов. 6.10.1949 г. Бэйцзин». Книгу писатель подарил Цао, когда в составе советской делегации деятелей культуры принял участие в торжествах по случаю провозглашения КНР.

С большой любовью был оформлен и сам зал: множество цветов, живых, и искусственных (Цао очень любил цветы), декоративные вазы, на стенах —

традиционные китайские свитки, в центре — большой акварельный портрет юбиляра, специально для этого заседания написанный его младшим коллегой и другом, знатоком русского языка Гао Маном.

Заседание открыл бывший проректор Пекинского университета, профессор факультета восточных языков, специалист по древнеиндийской литературе, давний друг Цао Цзинхуа Ци Сяньлинь. В зал вносят огромную корзину великолепных живых цветов. Это Дэн Инчао, вдова Чжоу Эньлая, член Политбюро ЦК КПК, заместитель председателя Постоянного комитета ВСНП, поздравила Цао Цзинхуа. Зачитывают ее поздравление, затем и поздравления члена Политбюро ЦК КПК, заместителя председателя Постоянного комитета ВСНП Ян Шанкуня, секретаря ЦК КПК Дэн Лицуня, заместителя председателя Государственного комитета КНР по образованию Пэн Пэйюня и других государственных и общественных деятелей КНР. С докладом о жизни и деятельности Цао Цзинхуа выступил кандидат в члены ЦК КПК, секретарь парткома Пекинского университета, член партии с дореволюционным стажем, профессор Ван Сюечжэн. Затем своими воспоминаниями поделились многие из участников заседания. Среди них: секретарь Союза китайских писателей Тан Дачэн, старейший писатель КНР, автор романа «Ли Цычэн» Яо Сюеинь, писатель Лю Баоюй, директор музея Лу Синя Пэн Дэянь, известный переводчик русской литературы, автор талантливых переводов произведений А. С. Пушкина Гэ Баоюань, главный редактор журнала «Шицзэ взньсюе» Гао Ман; коллеги Цао Цзинхуа по Пекинскому университету профессора Ци Сяньлинь, Тянь Баоци, Вэй Чжэнь (переводчик «Слова о полку Игореве»), декан факультета русского языка и литературы, профессор Ли Минбин, художник и поэт, один из первых учеников Цао Цзинхуа по Дунбэйскому университету Гуань Шаньфу и др. Говорили о вкладе Цао Цзинхуа в революционное движение в Китае, о его влиянии на революционную, прогрессивно настроенную молодежь 30—40-х гг., молодежь нового Китая. Вспоминали наиболее значительные, запомнившиеся эпизоды из жизни и творческой биографии юбиляра. За несколько часов заседания перед собравшимися прошла большая жизнь Цао Цзинхуа, в которой как бы спрессовались важнейшие повороты исторического развития Китая, жизнь яркая, богатая событиями.

Уроженец уезда Луши провинции Хэнань, Цао Цзинхуа окончил среднюю школу в городе Кайфэне. В 1920 г. Студенческий союз провинции Хэнань избрал его своим делегатом на проходивший в Шанхае съезд Всекитайского студенческого союза. Тогда же, в начале 20-х гг., Социалистический союз молодежи Китая направил Цао в числе своих первых посланцев на учебу в Советскую Россию, где еще бушевал огонь гражданской войны. Железнодорожные пути были разрушены, вспоминал впоследствии Цао Цзинхуа, и часть пути до Владивостока пришлось проделать пешком, прежде чем они добрались до какого-то железнодорожного состава. Русские, узнав, кто эти люди, радушно приняли их, накормили и разместили в вагоне первого класса.

Из Владивостока путь Цао лежал в Москву. Здесь с 1922 по 1925 г. он учился в Коммунистическом университете трудящихся Востока, серьезно занялся изучением русского языка, стал пробовать силы в переводе литературных произведений на китайский язык («Медведь» и «Три сестры» А. П. Чехова). Вскоре Цао Цзинхуа возвращается в Китай и включается в революционную борьбу. Он — участник Северного похода Национально-революционной армии в 1926—1927 гг. Летом 1927 г. после поражения революции 1925—1927 гг. Цао Цзинхуа снова уезжает в Советский Союз. Здесь он продолжает учебу — на этот раз в Коммунистическом университете трудящихся Китая им. Сунь Ятсена, а затем в течение нескольких лет преподает китайский язык в Ленинграде, продолжает работу над переводами. В 1929 г. он

закончил перевод сборника одноактных пьес Чехова, вышедшего под названием «Медведь». В 1930 г. перевел сборник рассказов «Трубки». Однако ситуация, создавшаяся в Китае после поражения революции, убеждает Цао Цзинхуа заняться переводом советской революционной литературы. Как отмечал в докладе Ван Сюечжэн, главными вдохновителями Цао в этом важном и благородном деле были Чжоу Эньлай и Дун Биу. Уже в 1928 г. в СССР выходит в его переводе «9 января» А. М. Горького, а в 1929 г. в Шанхае отдельной книжкой был издан рассказ Б. Лавренева «Сорок первый», неоднократно потом переиздававшийся. Первым крупным произведением советской революционной литературы, за которое взялся Цао Цзинхуа, находясь в СССР, был «Железный поток» А. Серафимовича. Выбор произведения был подсказан ему Лу Синем. Вот, что рассказали об этом выступавшие. Лу Синь, страстный пропагандист советской и русской литературы, перевел с японского на китайский язык роман А. Фадеева «Разгром». Завершая работу над переводом, он написал Цао Цзинхуа, что нужно перевести и «Железный поток» А. Серафимовича. Цао Цзинхуа взялся за перевод этого произведения и, завершив его, переслал рукопись Лу Синю. Тот дал 1000 юаней на издание трех произведений советской революционной классики: романов А. Фадеева «Разгром», А. Серафимовича «Железный поток» и Ф. Гладкова «Цемент». Издание этих книг в условиях гоминьдановской реакции было делом и трудным, и смелым. Лу Синь принял деятельное участие в подборе иллюстраций к «Железному потоку», считая, что книгу необходимо издать с иллюстрациями советских художников. Однажды, просматривая журналы «Баньхуа» («Гравюра»), Лу Синь обратил внимание на иллюстрации Н. Пискарева к книге А. Серафимовича и решил воспроизвести их в китайском издании «Железного потока». Он написал Цао Цзинхуа в СССР, поручив найти понравившиеся гравюры. И хотя книга вышла без этих иллюстраций, но историю их поиска, встречи Цао с советскими художниками-граверами, которые подарили ему свои гравюры, предоставив самому отобрать, что он считает нужным, интересно и увлекательно описал Цао Цзинхуа в своих воспоминаниях¹. Лу Синь, принявший такое деятельное участие в переводе и издании «Железного потока», признавался, что любит этот роман, как собственного сына.

Работа над переводом «Железного потока» сыграла важную роль в творческой судьбе самого переводчика, в формировании его гражданской позиции. Цао говорил, что перевел «Железный поток», чтобы пробудить в сердцах китайцев те же высокие душевные качества, что были присущи героям произведения. Трудно переоценить роль книги А. Серафимовича в духовном воспитании китайских революционеров, прогрессивно настроенной молодежи 30—40-х гг. Как вспоминали выступавшие, все участники Великого похода 1934—1935 гг. читали это произведение. Во время антияпонской войны с невероятными трудностями удалось переиздать «Железный поток». Многие рассказывали и о роли этой книги в их личной судьбе. Так, один из участников заседания вспоминал, что, будучи студентом, он познакомился с книготорговцем, который вскоре стал продавать ему запрещенную литературу. Среди них оказался и «Железный поток». В этой книге, сказал выступавший, он увидел картину новой жизни, трагической и прекрасной. С тех пор «Железный поток» ввел его в революцию. Секретарь Союза китайских писателей Тан Дачэн вспоминал, как он, 18-летний юноша, впервые прочитал книгу Серафимовича и под ее влиянием вступил на революционный путь.

В 1933 г. Цао Цзинхуа возвращается в Китай и обосновывается в Пекине. Когда его спросили, почему он не поехал к Лу Синю в Шанхай, он ответил, что в Пекине очень много работы. В этот период Цао Цзинхуа преподает в нескольких университетах, в том числе Пекинском и Дунбэйском. В послед-

нем, как вспоминали на заседании, училось много выходцев из оккупированной японскими милитаристами Маньчжурии. В Дунбэйском университете были особенно сильны революционные настроения и существовала крепкая партийная организация китайских коммунистов. Цао Цзинхуа, как и все китайские революционные писатели, отмечалось на заседании, сочувственно относился к социализму. Революционные качества, революционный дух этих писателей во многом были подражанием революционному духу героев советской литературы.

В те годы, отдавая много сил и времени педагогической деятельности, Цао Цзинхуа не прекращал и переводческой работы. Все его внимание было сосредоточено на советской литературе. В 1933 г. он перевел повесть А. Неверова «Андрон Непутевый», а в 1936 г. подготовил к изданию «Сборник семи советских авторов», предисловие к которому написал за десять дней до своей кончины великий Лу Синь. Он писал о Цао: «Люди, работавшие без шума, казались тогда отсталыми, зато и не исчезли вместе с шумом, а составили крепкий костяк. Цзинхуа — один из тех, кто переводил молча, без перерыва. За двадцать лет работы он прекрасно изучил русский язык и без шума издал немало книг: «Три сестры», «Кипяток», «Трубки», «Сорок первый», «Железный поток» и др. Он не рекламировал себя и до сих пор не создал себе имени. Его преследовали и запрещали, а он все так же отработывал свои старые переводы, которые и сейчас живут в сердцах читателей»².

Цао Цзинхуа был одним из активных членов «Общества без названия» («Вэйминше»), организованного Лу Синем в 1924 г. для переводов русской и советской литературы. Это небольшое общество просуществовало недолго, но усилиями его членов-энтузиастов были переведены на китайский язык произведения Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Л. Андреева, Б. Лавренина и др. Верная большая дружба связывала Лу Синя и Цао Цзинхуа. Это были отношения не только соратников и единомышленников, но и просто двух хороших людей, умевших дружить и дорожить дружбой. С 1925 г. Лу Синь и Цао Цзинхуа переписывались, а в 1926 г. произошла их встреча. С тех пор они неизменно проявляли друг к другу внимание и заботу. Директор музея Лу Синя рассказал о таком эпизоде. В 1934 г. Цао поехал в Шанхай и навестил Лу Синя. Он привез ему чумизу, этого северного злака не было в Шанхае. Лу Синь крайне удивился, откуда друг знает, что он любит чумизу. Цао ответил, что внимательно читает его произведения.

После студенческих волнений 1936 г. Цао Цзинхуа уволили из Дунбэйского университета. Во время войны Сопrotивления японской агрессии он находился в Чунцине, где по рекомендации КПК стал ответственным секретарем Китайско-советского культурного общества.

Об этом периоде жизни на чествовании Цао Цзинхуа вспоминал Гэ Баоцюань. В Чунцине Цао с семьей поселился в небольшой комнатке. Он продолжал переводить и с большим трудом, несмотря на жесткую гоминьдановскую цензуру, издавал произведения советских писателей.

В годы Великой Отечественной войны Советского Союза против гитлеровской Германии и в последующий период видное место в переводах Цао Цзинхуа занимали произведения советских писателей, рассказывающие о патриотизме, героизме и мужестве советского народа. Эта литература была особенно созвучна патриотическим чувствам китайцев, долгие годы боровшихся против японской агрессии. Он перевел произведения К. Симонова, в том числе и пьесу «Жди меня», И. Эренбурга, «Радугу» В. Василевской и др.

В конце 40-х гг. из Чунцина Цао Цзинхуа уехал в Нанкин, продолжая и там работать в Китайско-советском культурном обществе. В это время он взялся за перевод книги К. Федина «Города и годы».

После победы народной революции и образования КНР Цао Цзинхуа вернулся на работу в Пекинский университет, где возглавил, сначала кафедру русского языка, а затем и факультет русского языка и литературы, бессменным деканом которого оставался вплоть до недавнего времени. Он активно включается в общественную жизнь нового Китая, являясь членом многих творческих организаций и союзов. Он — секретарь Союза китайских писателей, член Общества китайско-советской дружбы, избирается депутатом ВСНП трех первых созывов. В 1956 г. Цао Цзинхуа вступил в КПК.

50-е гг. — период наивысшего расцвета переводческой деятельности Цао Цзинхуа. Благодаря его переводам китайский читатель получил возможность прочитать такие произведения советской и русской литературы, как «Города и годы» К. Федина (1950), «Я — сын трудового народа» (1951) и «Сон» (1953) В. Катаева, «Нашествие» Л. Леонова (1952), «Танкер "Дербент"» Ю. Крымова, «Наука ненависти» М. Шолохова (1954), «Хлеб» А. Н. Толстого, сборник пьес А. Чехова (1960), сборник статей советских писателей о творческом опыте, адресованный молодым писателям. Он составил и перевел сборник сказок народов СССР «Голубой ковер» (1951), «Рассказы о Ленине», «Рассказы о Чапаеве и других». Цао Цзинхуа — автор многих статей и очерков о русской и советской литературе, о ее влиянии на китайскую литературу. Писатель Яо Сюэнь подчеркнул во время своего выступления, что между советской и китайской литературой существует кровная связь и что Цао, переводя произведения советских писателей, давал соотечественникам духовный хлеб. Он говорил также и о том, что влияние советской литературы на китайскую было здоровым. В связи с этим он вспомнил об одном разговоре с Цао Цзинхуа. Яо Сюэнь поинтересовался однажды у Цао: «В русской литературе много замечательных произведений, почему ты не переводишь их?» И тот ответил, что считает советскую литературу нужнее.

Цао Цзинхуа известен и как публицист. В 1962 и 1964 гг. в Пекине был издан сборник его публицистических произведений «Цветы», написанных за период с 1933 по 1962 г. Цао очень любил цветы, и в названия двух последующих сборников он также включил это слово, отразив в аллегорической форме этапы своего жизненного пути: «Осыпавшиеся цветы в весеннем городе» и «Осыпавшиеся цветы» (1978 г.). Накануне юбилея Цао, осенью 1986 г., вышли его «Избранные публицистические произведения», куда были включены и его воспоминания. В свои 90 лет он был членом Всекитайского комитета НПКСК, советником Союза китайских писателей, членом правления Всекитайской ассоциации работников литературы и искусства (ВАРЛИ), членом Комиссии по ученым степеням Госсовета КНР, почетным членом правления Всекитайской ассоциации переводчиков, советником Китайской ассоциации изучения иностранной литературы, почетным председателем Китайского общества по изучению советской литературы. В последнее время Цао Цзинхуа постоянно находился в больнице под наблюдением врачей.

Проникновенной, глубоко эмоциональной была речь на юбилее Гао Маня. Он поставил Цао Цзинхуа рядом с Лу Синем и Цюй Цюбо, назвав их революционными писателями, открывшими новое направление в переводной литературе — перевод советской и русской революционной литературы. По этому пути, сказал Гао Мань, мы идем и теперь. Много интересных трогательных эпизодов из жизни Цао Цзинхуа вспомнил в тот день Гао Мань. Он рассказал, что известные советские китаеведы Л. И. Думан, Л. Д. Позднеева и др. учились у Цао Цзинхуа. В 1956 г., когда Л. Д. Позднеева защищала докторскую диссертацию, Цао находился в Москве и был самым почетным гостем на банкете по случаю этой защиты. Не раз Гао Мань, работавший секретарем Общества китайско-советской дружбы в Пекине, вместе

с Цао Цзинхуа принимал советские делегации, посещавшие Китай, и не раз совместно с ним выезжал в СССР. Как-то раз во время одной из таких поездок они встретились в Ленинграде с В. Пановой и В. Василевской. Те сердечно благодарили Цао за переводы их произведений на китайский язык. Во время посещения Цао Цзинхуа Б. Полевым было сделано много памятных фотоснимков, но во время «культурной революции» хунвэйбины изъяли их. Впоследствии пытались разыскать эти фотографии, но безуспешно. Гао Ман рассказал и о том, каким большим уважением пользовался Цао Цзинхуа у советских писателей — А. Фадеева, А. Серафимовича, К. Федина, Б. Лавренева, Л. Леонова, В. Катаева, Б. Полевого и др.

Однажды, еще до разгрома пресловутой «четверки», вспоминал Гао Ман, Цао Цзинхуа навестил его. Засиделись допоздна. В 10 часов вечера вышли вместе из дома. Но никак не могли расстаться и продолжали беседу, прогуливаясь. Наконец сели в последний троллейбус. Гао Ман хотел проводить Цао до дома, а тот уговаривал его выйти на ближайшей же остановке, ведь путь неблизкий, а время уже последние троллейбусов. Троллейбус был полупустой, и кондуктор, с интересом следивший за их спором, вмешался, пообещав Гао Ману доездить старика до его остановки и помочь ему выйти из троллейбуса. Гао Ман уступил. В ту памятную ночь он не мог уснуть, вспоминая встречу с Цао Цзинхуа и беспокоясь, как тот добрался до дома. Поздно ночью он записал в своем дневнике: «Кондуктор! Кондуктор! Знал бы ты, какого «старика» ты сегодня вез!»

Много добрых, идущих от сердца слов было сказано в тот день о Цао Цзинхуа, старейшине китайских русистов. Выступивший в конце заседания декан факультета, профессор Ли Минбин сообщил о том, что Пекинский университет готовит 10-томное издание переводов и сочинений Цао Цзинхуа. Первые 8 томов составят его переводы произведений советской и русской литературы. В 9-й и 10-й войдут сочинения самого юбиляра.

Несмотря на праздничную атмосферу, царившую в тот день на заседании, налет невысказанной грусти ощущался и в выступлениях, и в настроении всех участников заседания: сам юбиляр не мог присутствовать на своем торжестве, все знали, что он тяжело болен, но голос его, записанный на магнитофонную ленту, все-таки прозвучал. В одном из выступлений в тот день было сказано: у каждого писателя есть свои наиболее характерные черты. У Лу Синя — это беспощадная критика, у Мао Дуня — глубокая задумчивость, у Лао Шэ — сатира и юмор, у Цао Цзинхуа — простота и честность. В справедливости этой характеристики мне вскоре довелось убедиться самой.

Несколько дней спустя после заседания Цао Цзинхуа пригласил к себе в больничную палату меня и советского преподавателя факультета русского языка и литературы Пекинского университета С. А. Матвееву. Радушный прием оказали нам Цао Цзинхуа и его дочь Цао Сулин, как и отец, отлично владеющая русским языком и, так же как он, автор многих переводов произведений советских писателей, в том числе двух романов К. А. Федина («Первые радости» и «Необыкновенное лето»). Цао был оживлен и бодр для своих лет, несмотря на нездоровье. Он охотно рассказывал о своих давних друзьях — советских писателях, вспоминал советских китаеведов старшего поколения, тех, с кем вместе работал, был знаком, кому преподавал. Он называл имена, которые мы знаем сейчас лишь по книгам, а для него они были современниками, коллегами, друзьями. Вспоминал он о них с большим уважением и теплом, чувствовалось, что этот человек высоко ценит дружбу. В конце нашего визита Цао Цзинхуа подарил мне свою последнюю книгу. В ней я обратила внимание на одну иллюстрацию к его воспоминаниям о Чжоу Эньлае. Убитый горем седовласый старик с непокрытой головой и траурной повязкой

на рукаве стоит на площади Тяньаньмэнь, а рядом, как бы поддерживая его, девушка, видимо, студентка. И вот что рассказала мне его дочь Сулин в связи с этой иллюстрацией. С Чжоу Эньлаем Цао Цзинхуа связывала многолетняя дружба. Когда Чжоу Эньлай умер, в течение всех траурных дней рано утром Цао приходил на площадь Тяньаньмэнь к дому ВСНП, чтобы почтить память близкого ему человека. Ему самому тогда уже шел 79-й год.

Прежде мне не доводилось встречаться с Цао Цзинхуа, но имя его мне было хорошо известно со студенческих лет, не довелось познакомиться с ним и во время моей стажировки в Пекинском университете в 1965—1966 гг. Трудное то было время. И вот теперь сидим в просторной больничной палате и вспоминаем имена советских китаеведов, вспоминаем и тех, кого уже нет среди нас.

Переводческая и преподавательская деятельность Цао Цзинхуа были высоко оценены нашей страной. В мае 1987 г. ему присвоили звание почетного доктора Ленинградского государственного университета. Тогда же группа советских дипломатов во главе с послом СССР в КНР О. А. Трояновским посетила Цао Цзинхуа в больнице. Советский посол поздравил юбиляра и вручил ему диплом почетного доктора ЛГУ³. А через 3 месяца, 11 августа, в день рождения Цао Цзинхуа Указом Президиума Верховного Совета СССР за большой вклад в укрепление советско-китайского культурного сотрудничества, за заслуги в популяризации русской и советской литературы и в связи с 90-летием он был награжден орденом Дружбы народов. Высокую правительственную награду вручил Цао Цзинхуа посол О. А. Трояновский. С юбилеем тепло поздравило Цао Цзинхуа Общество советско-китайской дружбы.

* * *

Когда статья уже была написана, из Пекина пришла скорбная весть о кончине Цао Цзинхуа 8 сентября 1987 г. В таком случае полагается писать некролог. Но рука не поднимается переделывать, переписывать статью, окрашивать ее в траурные тона. Слишком жива еще в памяти встреча с ним, атмосфера юбилейных торжеств. Такие люди, как Цао Цзинхуа, не уходят из жизни в день своей кончины, они продолжают жить в своих трудах, в трудах и делах учеников.

Более пятидесяти лет назад Лу Синь писал: «...переводы Цзинхуа не нуждаются в предисловии. Они, как и прежде, без шума принесут несомненную пользу китайскому читателю»⁴. Эти пророческие слова можно с полным основанием поставить эпитафией ко всей жизни Цао Цзинхуа, к его многогранной деятельности.

¹ Об этом подробнее см.: Р. С. Белоусов. В тысячах иероглифов. М., 1963.

² Лу Синь. Собрание сочинений. Т. 2, М., 1955, с. 385—386.

³ Тогда же, в мае 1987 г., дипломы почетного доктора Московского государственного университета были вручены еще двум старейшим китайским русистам, преподававшим ранее в МГУ, — Гэ Баоцюаню и Е Шуйфу.

⁴ Лу Синь. Указ. соч., с. 387.

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

«Жэньминь жибао» о социально-психоло- гических проблемах при внедрении подряда в деревне

В комментариях и теоретических статьях газеты «Жэньминь жибао» об обстановке в деревне отмечается, что достижения в сельском хозяйстве страны за последние годы обусловлены прежде всего внедрением различных форм подряда. Система коллективного подряда, пишет газета, «всколыхнула активность крестьян, и в результате удалось достигнуть колоссальных успехов». Массовое распространение различных форм подряда китайские ученые-аграрники рассматривают как «великую революцию в деревне». Сейчас развитие коллективного подряда принято в качестве долговременного стратегического курса и преследует главную цель — формирование социалистического товарного хозяйства на селе. В отчетном докладе ЦК КПК XIII съезду партии прямо указывается на необходимость «укреплять и совершенствовать многообразную по формам подрядную систему ответственности, при которой главным является семейное ведение хозяйства и оплата труда зависит от его конечных результатов» («Жэньминь жибао», 4.XI.87).

Впервые подряд начал внедряться в некоторых районах провинций Аньхой и Сычуань еще в 1978 г., пишет «Жэньминь жибао» (17.IX.87), и сейчас 9-летний опыт показывает, что различные формы подряда обеспечили быстрое развитие производительных сил в китайской деревне и явились самым значительным преобразованием на селе со времени земельной реформы. Но в настоящее время в связи с углублением реформы и выдвижением новых задач возникают и новые, довольно трудные проблемы. Главной целью при их разрешении, подчеркивает газета, остается обеспечение ускоренного развития товарной экономики на селе.

В редакционной статье под заголовком «Товарная экономика — мощный рычаг развития деревни» «Жэньминь жибао» (27.VII.87) пишет, что на первом этапе осуществления реформы в деревне в 1979—1984 гг. в результате повсеместного внедрения подряда крестьяне стали самостоятельными производителями и были созданы важнейшие условия для развития товарной экономики. С 1985 г. была реорганизована система централизованных закупок сельскохозяйственной продукции. Это был второй этап реформы, а ее стержнем фактически стала плановая товарная экономика. Товарная экономика является необходимой ступенью социально-экономического развития, через которую невозможно перескочить, и этот исторический вывод, сделанный на 3-м пленуме ЦК КПК 12-го созыва, подчеркивается в статье, стал великой практикой для 800-миллионного крестьянства Китая. С 1978 по 1986 г. товарность продукции сельского хозяйства и подсобных промыслов возросла с 45,2 до 58 %. Товарность продукции сельской промышленности увеличилась с 53,7 до 68,1 %. При этом стоимость заготавливаемой продукции сельского хозяйства и подсобных промыслов возросла в абсолютных цифрах с 55,79 млрд. до 199 млрд. юаней. Очевидным фактом стало то, что расцвет товарной экономики сопровождается мощным развитием производительных сил в деревне.

Ленин неоднократно подчеркивал, отмечается далее в статье, что дело построения социализма — это творчество многомиллионных народных масс. Прежняя система «питания из большого котла», система централизованных закупок и сбыта, действовавшая многие годы, сковывала инициативу крестьян. Развитие товарной экономики позволило сотням миллионов крестьян самим проявить себя в хозяйствовании. Тем

самым в стране создавалась совершенно новая обстановка, позволившая совершить, казалось бы, невозможное. «Жэньминь жибао» призывает продолжать и углублять реформу в деревне, бороться со всеми препятствиями на ее пути.

До недавнего времени в китайской печати в качестве основных проблем при проведении реформы на селе указывались, как правило, чисто экономические — несбалансированность между спросом и предложением, плохо отлаженная система государственных закупок и сбыта, слабое регулирующее воздействие государства на рынок сельскохозяйственной продукции, рассматривались пути превращения натуральных и полунатуральных хозяйств в современные товарные, другие проблемы. Однако, судя по последним публикациям в «Жэньминь жибао», углублению реформы на селе препятствует и ряд социально-психологических факторов — застарелые взгляды кадровых работников и населения, мешающие развитию подрядной системы.

Среди таких застарелых воззрений «Жэньминь жибао» выделяет все еще сохраняющееся стремление к уравниловке. Реформа в деревне, пишет газета (9.VII.87), привела к тому, что жизнь крестьян как приморских, так и внутренних районов в той или иной мере улучшилась. Народ выражает удовлетворение. Однако, говорится в комментарии газеты, «некоторые товарищи высказывают беспокойство в связи с разницей в доходах в различных районах, у различных крестьянских дворов одного района». Кое-кто даже считает, продолжает газета, что это свидетельствует об «отступлении от курса на повышение общего благосостояния», и выражает сомнение в необходимости дальнейшего углубления реформы. В статье критикуется политика, проводимая на селе в прошлые годы, когда не допускалось «повышение благосостояния одних раньше других», «когда рост общего благосостояния отрывался от повышения благосостояния отдельных лиц», «когда господствовала ошибочная теория уравниловки», при которой не учитывалась разница социально-исторических условий, природных возможностей, обеспеченность дворов рабочей силой, профессиональные качества и другие объективные причины возможности производства, а распределение осуществлялось через так называемый «большой котел». Предпринимались попытки «через сокращение и даже ликвидацию разницы в доходах достичь социального равенства». Однако в результате такой политики производственная активность крестьян была подорвана, экономика длительное время топталась на месте и население оказалось в бедственном положении, говорится в комментарии «Жэньминь жибао».

На 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва были учтены уроки прошлых лет и изменены политические установки. В том числе признана возможность того, что в некоторых районах и у части населения благосостояние будет расти быстрее, чем в среднем по стране. Это, пишет газета, внесло в настроения крестьян дух соревнования. Одновременно с развитием производства крестьяне стали осознавать, что только труд ведет к богатству. Несостоятельными оказались и опасения, подчеркивается в комментарии, что «углубится поляризация в доходах и богатые станут богаче, а бедные беднее». За последние годы, например, в западных, сравнительно отсталых районах темпы ежегодного роста сельской экономики были выше, чем в восточных, богатых районах, хотя и в последних наблюдалось быстрое развитие сельского хозяйства.

С другой стороны, продолжает газета, можно было слышать слова осуждения в адрес крестьян, «добившихся повышения благосостояния в первую очередь». Однако под влиянием их примера и стимулирования поэтапного роста благосостояния доходы как отдельных крестьян, так и сельского населения в целом быстро росли. По данным Государственного статистического управления, пишет «Жэньминь жибао» (9.VII.87), среднегодовой доход китайского крестьянина с 1979 по 1986 г. вырос более чем на 263 юаня, что примерно в три раза больше, чем рост дохода за предыдущие 29 лет. За тот же период удельный вес крестьянских дворов с низким доходом, т. е. со среднегодовым доходом на человека ниже 200 юаней, снизился с 72,5 до 11,3 %, а дворов с высокими доходами — 500 юаней и выше — поднялся с 0,6 до 28,6 %. Это говорит о том, считает автор комментария, что «поляризации нет». Нельзя сказать и того, что в ходе реформы наблюдается отход от курса на повышение общего благосостояния. Раньше считали, говорится в комментарии, что необходимо добиваться общего повышения жизненного уровня, не допуская выделения отдельных лиц по уровню благосостояния, и в результате пришли к общей бедности. Ныне проводится курс на поэтапное повышение уровня жизни отдельных групп населения,

и при этом уже просматривается тенденция общего повышения благосостояния.

Практика — критерий истины, но некоторые товарищи, пишет газета, не делают правильных выводов из практики. Вызывает удивление, что, по мнению ряда руководителей, «абсолютно невозможно общее повышение благосостояния при существовании некоторой разницы в зажиточности». При этом забывается принцип распределения по труду. Следует помнить, пишет «Жэньминь жибао», что при общем росте благосостояния не каждый сможет продвинуться в равной степени, есть определенные экономические рамки. Далее в статье подчеркивается, что общее благосостояние при примерно одинаковом доходе требует прочной материальной базы. Необходимо опираться на высокое развитие общественных производительных сил, что в определенной мере обеспечивается в ходе проведения поэтапного повышения благосостояния. Без непрерывного повышения производительных сил общее повышение благосостояния — всего лишь пустые слова.

Одним из важных факторов, обеспечивших успехи в сельском хозяйстве страны за последние годы, говорится далее в комментарии, является то, что «партия тесно увязала теорию с практикой и развитие производительных сил вновь рассматривается как первейшая задача социализма». В соответствии с этим партия выработала и провела в жизнь целый комплекс политических мероприятий, способствующих развитию производительных сил. Среди них важнейшим является обоснование положения, по которому часть районов, часть людей могут повышать свое благосостояние в первую очередь, пишет «Жэньминь жибао».

Практика последних восьми лет, говорится далее в статье, подтверждает, что существование разницы в доходах в процессе экономического развития не только неизбежно, но и обязательно. Одним из основных принципов социализма является распределение по труду, и это является предпосылкой возникновения такой разницы. Только при наличии этого создаются благоприятные условия для развития производительных сил, для уничтожения бедности, так как в условиях социализма принцип распределения по труду является отражением качества труда и размера трудового вклада. Труд хороший — вклад больше, вклад больше — доходы выше. Возникает естественное желание использовать все возможности и все способности. Это желание — рычаг, который за последние годы обеспечил рост производительных сил в деревне, привел к всестороннему развитию сельской экономики. Если же вернуться к прежней уравниловке, то производительность труда, безусловно, снизится. В статье высказывается опасение, что на местах «кое-кто еще и теперь сожалеет об уравниловке и «большом котле», который обеспечивал многим тепло и сытость без затраты труда».

Признание важности и необходимости разницы в доходах, пишет «Жэньминь жибао», тем не менее не означает, что следует вообще отказаться от контроля и регулирования. Нельзя допускать, чтобы разница в доходах вышла за определенные рамки и вместо стимула стала тормозом. Можно и необходимо принять соответствующие меры, чтобы обеспечить баланс между развитием производительных сил, стремлением к экономической эффективности и обеспечением социальной справедливости. Нельзя, конечно, допускать крайностей поляризации. Тем не менее в настоящее время особое внимание следует обратить на то, чтобы «ликвидировать замшелые взгляды на уравниловку, полностью признать, что без разницы в доходах невозможно стремительное развитие производительных сил, невозможно достичь цели — общего повышения благосостояния», делается вывод в статье.

О беспочвенности опасений ряда специалистов в связи с тем, что развитие товарной экономики на селе приведет к опасной поляризации среди крестьянства, говорится и в ряде других комментариев «Жэньминь жибао». При социализме государство прочно держит в своих руках основные средства производства и другие хозяйственные активы, мощные регулирующие рычаги, подчеркивается в одном из них (27.VII.87). Товарный обмен в условиях социализма гарантирует эквивалентный обмен труда. Этот обмен необходим для реализации принципа «За большой труд — большее вознаграждение». В равных условиях разницы в доходах отражает качество труда.

Во многих публикациях газеты проводится мысль о том, что в новых условиях крестьянам необходимо оказывать эффективную помощь в организации производства. Однако в ряде государственных и партийных органов на различных уровнях все еще существует пренебрежительное отношение к нуждам крестьян. Крестьяне стоят перед лицом сложных проблем, пишет «Жэньминь жибао» (27.VII.87), а «к их нуждам никто

не прислушивается, им некому пожаловаться». С целью «как можно шире открыть через газету каналы диалога сельских жителей с партией и правительством, обществом в целом» «Жэньминь жибао» (16.VII.87) открыла новую рубрику: «Зов крестьянских масс». Под этой рубрикой, говорится в редакционном примечании, намечается публиковать письма крестьян и сельских кадровых работников. Никто не отрицает, пишет газета, что основная задача хозяйственных ведомств — служить интересам крестьян. Однако слова еще не означают действий. Факты говорят, что лиц, которые бы выступали в защиту интересов крестьян, мало, а таких, кто что-либо по-настоящему делал бы для них, еще меньше. Наоборот, много примеров, когда крестьян обирают и притесняют, относятся пренебрежительно к их нуждам.

В ряде районов, пишет газета, руководство различных ведомств не уделяет должного внимания развитию деревни и сельского хозяйства, забывает о личных интересах крестьян. Дают задания по зерну, но тут же стараются урезать снабжение удобрениями, дизельным топливом. Есть факты и прямого нарушения закона, когда на местах некоторые кадровые работники и служащие проявляют грубость, администрирование, необоснованно налагают штрафы, оказывают давление на крестьян и обманывают их. Служащие некоторых управленческих ведомств, продолжает газета, забыли о своих обязанностях, думают только о личных удобствах и выгоде, а иногда используют данную им власть в целях наживы. Более того, отдельные из них в корыстных интересах входят в контакт с дельцами на черном рынке и через них сбывают удобрения, пестициды, семена, нанося прямой ущерб сельскохозяйственному производству. Газета приводит конкретные примеры таких действий в провинции Хэнань.

Пренебрежительное отношение к нуждам крестьян имеет глубокие корни, пишет «Жэньминь жибао». В течение 20 лет, до 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (1978), развитию деревни и интересам крестьян уделялось сравнительно мало внимания. И в настоящее время в экономическом строительстве все еще сохраняются пренебрежительный подход к нуждам деревни, недооценка роли сельского хозяйства. В результате развитие сельской экономики идет медленно, лишь в хвосте общенациональной экономики. Исторический опыт говорит, подчеркивает газета, что не следует пренебрегать деревней и сельским хозяйством. Если деревня не сможет стать богатой, то и государство не будет богатым, ибо определяющим фактором для Китая является то, что из миллиардного населения страны 800 млн. — крестьяне.

«Жэньминь жибао» (16.VII.87) призывает изменить отношение к крестьянину. Этого, пишет газета, требуют интересы развития реформы, от этого зависят успешное проведение открытой политики и грандиозные планы осуществления «четырёх модернизаций». Работа руководителей различных рангов и соответствующих организаций с крестьянами должна тщательно контролироваться, и особое внимание необходимо уделять тому, что практически сделано для крестьян, нет ли ущемлений их прав. Руководство различных рангов должно чаще бывать на местах, прислушиваться к мнению крестьян, по-деловому относиться к их нуждам, оказывать помощь. На практике, констатирует газета, часто можно видеть обратную картину. Как отрицательный пример газета публикует информацию о положении в волости Байянтан. Кадровые работники волости вместо оказания практической помощи выезжают в деревни главным образом с целью сбора различных отчислений. В случае отсутствия у крестьян денег, пишет газета, реквизируются удобрения, семена и даже имущество. Конечно, законные отчисления должны производиться, но недопустимо изымать семена и удобрения в счет этих отчислений. Следовало бы дожидаться урожая, но поступали иначе, рассказывается в статье. В результате некоторые крестьянские дворы в волости продаются.

«Жэньминь жибао» публикует ряд материалов, в которых приводятся факты прямых поборов с зажиточных крестьян, владельцев специализированных дворов. Так, владелец специализированного двора Хэ Кэжэнь волости Хосин провинции Сычуань, пишет газета (19.VII.87), имеющий основные средства на сумму свыше 2 млн. юаней, намерен свернуть производство, так как на его счету в банке осталось всего 900 юаней. Причиной разорения явилось то, что с 1985 по начало 1987 г. десять кадровых работников и две организации под теми или иными предлогами получили от Хэ Кэжэня свыше 200 тыс. юаней. Это установила специальная комиссия уездного комитета по проверке дисциплины. Среди кадровых работников бытовало мнение, что «миллионер» Хэ Кэжэнь не разорится, если у него «немного позаимствовать». Они в полном смысле

слова «запустили руки» в карман Хэ Кэжэня, пишет газета. Деньги брали у него под разными предлогами, но никто не думал возвращать долги. Сейчас ведется расследование этого случая. В комментарии газета требует сурово наказывать тех, кто «сосет кровь из крестьян, используя власть». У крестьян, стремящихся честно наращивать производство, на душе неспокойно. Можно ли ждать от них активности в развитии экономики, задает вопрос газета.

Как одну из сложных социально-психологических проблем в китайской деревне на современном этапе «Жэньминь жибао» рассматривает отношение внутри крестьянской общины к владельцам подрядных дворов, особенно к тем, у кого хозяйство ведется успешно. Широкая дискуссия о необходимости изменения во взглядах на подряд в деревне началась в «Жэньминь жибао» с публикации 17 сентября 1987 г. репортажа корреспондента газеты о трудностях подрядного двора крестьянина Инь Юнчэна, занимающегося садоводством. В репортаже отмечаются пессимистические настроения крестьянина, который по прошествии 4 лет работы по подряду «намерен повесить мотыгу на крюк». Четыре года назад он разбил сады на горных склонах. Сейчас эти сады начали плодоносить и приносить большие урожаи. Успехи Инь Юнчэна, говорится в репортаже, пропагандировались в газетах и по местному телевидению, он неоднократно получал премии от организаций провинции, уезда, волости. Однако у жителей общины «нарастает к нему черная зависть», его стали называть «новым помещиком». Инь Юнчэн столкнулся с фактами прямого грабежа и вандализма, у него портили посадки, выкрадывали саженцы и урожай, ломали оборудование. Чаще всего это была мсть жителей общины, когда Инь Юнчэн отказывался отдать часть урожая бесплатно. Местный учитель считает, что около 30—50 тыс. му земли в районе удобны для выращивания цитрусовых. Инь Юнчэн освоил 70 му, но его примеру теперь вряд ли кто-нибудь последует.

В редакционном комментарии к этому репортажу «Жэньминь жибао» призвала обсудить практику внедрения подрядов, возникающие трудности на местах. Реформа, говорится в обращении газеты к читателям, выходит за рамки старых установок, что вызывает противоречия. Чтобы преодолеть подобные противоречия, необходимо широкое обсуждение, опора на практику, углубленная учеба, пропаганда знаний среди широких масс.

В номере от 24.IX.87 г. «Жэньминь жибао» опубликовала первый материал под новой рубрикой «Как разрешить трудности в области подряда». В нем рассказывается о совместном обсуждении проблемы кадровыми работниками и крестьянами в уезде Ванду провинции Хэбэй. Уже в заголовке подчеркивается, что задачей на длительный период при внедрении на селе системы подрядной производственной ответственности является преодоление «болезни красных глаз» — так в китайском фольклоре называют зависть. Многие из тех, кто завидует подрядным дворам, не замечают, сколько труда и усилий затрачено на получение дохода, пишет газета. Участники обсуждения, в том числе кадровые ответственные работники уезда, отметили, что и в их уезде подрядные дворы испытывают те же трудности, что и Инь Юнчэн. Когда в уезде начинали внедрять подряд, лишь единицы пошли на это. Прошло несколько лет, члены подрядных дворов трудились в поте лица, сейчас их труд начал приносить плоды в прямом и переносном смысле слова, и сады сразу оказались в центре внимания населения. Многие кадровые работники, отмечали участники беседы, стали посылать в подрядные дворы юристов для проверок, жители деревень стали заявлять о том, что каждый имеет право на долю урожая в подрядных садах.

Крестьяне в ходе беседы заявили, что у них появляются опасения в связи с возможными изменениями в политике по отношению к крестьянам. Многие отказываются от расширения производства, закупок техники, сталкиваясь с откровенной завистью. Основной причиной зависти, как считает большинство участников беседы, является то, что многим трудно отрешиться от психологии, которая выражается в словах: «Земля коллективная, деревья выращивались ранее сообща, и каждый имеет право на свою долю от урожая». В связи с этим секретарь уездного комитета в ходе беседы поставил задачу по усилению пропагандистской и воспитательной работы. Сейчас ясно, сказал он, что у нас право собственности и право хозяйствования разделены. Но в сознании некоторых лиц право собственности несколько трансформировалось, и они пытаются обосновать возможность пользоваться плодами труда других. Несмотря на трудности, за последние годы подрядные хозяйства в деревне получили широкое развитие. Как

отметил секретарь уездного комитета, потребуется еще 3—4 года для того, чтобы изжить зависть, стремление получать блага, не приложив труда,— взгляды, являющиеся следствием многолетней практики «большого котла» и «уровниловки».

По мнению простых крестьян — участников беседы, за последние два года в деревнях действительно возросла зависть к участникам подряда. Однако, как считает большинство, «смутьянов становится все меньше, в сознании людей наступает оздоровление». Подряды позволяют наращивать производство, а это улучшает благосостояние большинства населения. На основе использования продукции подрядных хозяйств в уезде расширяется местная промышленность, построены консервный завод, мельница, кирпичный завод — всего более десяти предприятий. На них трудоустроена почти половина населения деревень. Таким образом, в каждом дворе кто-то зарабатывает на жизнь не только обработкой земли, но и на стороне. Это в той или иной мере «компенсирует зависть к хозяевам, работающим по подряду». По мнению участников беседы, для изменения отношения к таким, как Инь Юнчэн, необходимо развивать в деревне местную промышленность, дать возможность крестьянам приложить свои руки и в других сферах.

«Жэньминь жибао» продолжает публикации под рубриками «Как разрешить трудности в области подряда» и «Зов крестьянских масс». В них в первую очередь подчеркивается необходимость преодоления в сознании людей груза устаревших, а часто и ошибочных теоретических установок, важность повышения сознательности масс. Основная цель публикаций, как подчеркивается в редакционных комментариях, — найти пути преодоления трудностей при внедрении подряда, который рассматривается на данном этапе как важный рычаг, обеспечивающий формирование социалистического товарного хозяйства на селе, без чего невозможно обеспечить рост производительных сил в деревне.

Б. Н. БАСОВ

*Л. А. ВЕРБИЦКАЯ,
доктор филологических наук,
член Президиума
Международной ассоциации
преподавателей русского языка
и литературы,
первый проректор ЛГУ*

В начале лета 1987 г. группа активистов Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами посетила Китайскую Народную Республику по приглашению Всекитайского народного общества дружбы с заграницей. Члены группы представляли отделения Общества советско-китайской дружбы Москвы, Ленинграда, Киева, Иркутска, Благовещенска, среди них были большей частью русисты — преподаватели вузов, работающие с иностранными учащимися. Группа посетила Пекин, Шанхай, Харбин, Шэньян, Аньшань, Далянь. Программа пребывания везде строилась таким образом, чтобы ежедневно посещать высшие учебные заведения, познакомиться с методикой преподавания языка, технической оснащенностью учебного процесса, посетить занятия, встретиться со студентами, побывать на студенческих вечерах. Кроме того, в программу входило посещение промышленных предприятий, детских садов, знакомство с достопримечательностями каждого из городов, с музыкальной культурой страны.

Крупными центрами по подготовке специалистов-языковедов являются 1-й институт иностранных языков Пекина и Институт иностранных языков Шанхая.

В пекинском институте (ректор этого института профессор Ван Фусян — выпускник МГУ) на 10 факультетах обучается 3500 студентов дневного и 50 тыс. вечернего и заочного отделений. 700 преподавателей обучают английскому, немецкому, японскому, французскому, русскому, арабскому, итальянскому, португальскому, шведскому, сербскому, румынскому, польскому, чешскому, венгерскому, болгарскому, албанскому, суахили, хауса, таи, бирманскому, малайскому, индонезийскому, сингальскому, вьетнамскому, кхмерскому и турецкому языкам. Кроме того, ведется преподавание библиотечного дела и китайского языка как иностранного. При институте имеются курсы подготовки переводчиков для ООН, готовящие специалистов по синхронному и письменному переводам.

Студенты, овладев соответствующим языком, получают специальности переводчика-международника, специалиста в области международного культурного обмена, международной политики, международного финансового дела. На факультете русского языка 200 студентов.

В шанхайском институте иностранных языков 2600 студентов дневного и 15 тыс. вечернего и заочного отделений. В институте преподают 14 языков: английский, русский, японский, немецкий, французский, испанский, пор-

тугальский, итальянский, греческий¹, арабский, эсперанто, албанский, корейский и китайский как иностранный.

Кроме того, в институте готовятся специалисты по журналистике, внешней торговле, международному праву. Срок обучения — от 4 до 5 лет. В институте 600 преподавателей, из них 135 профессоров и доцентов. На факультете русского языка обучается 130 студентов, на I и II курсах по 2 группы, на остальных — по 1. Изучается современный русский язык, русская советская литература, методика преподавания русского языка, география и история СССР и др.

В институте ведется большая научная работа: составлен Китайско-русский словарь, готовится Русско-китайский словарь, переведена на китайский «Грамматика-80», подготовлена книга по стилистике русского языка, переводы произведений Ч. Айтматова, Ф. Абрамова, Ю. Бондарева и др. Готовится к выходу в свет Китайско-русский политехнический словарь (65 тыс. статей).

Ректор института Ху Мэнхао — президент Китайской ассоциации преподавателей русского языка и литературы, заместитель председателя Общества китайско-советской дружбы в Шанхае.

При институте создана лаборатория для записи лингвистических текстов. Заключено прямое соглашение с фабрикой на поставку чистых кассет. В год лаборатория тиражирует 2 млн. кассет по всем изучаемым языкам (из них на 80 % кассет тексты на английском, на 3 % — на русском языке). В течение каждого семестра студенты должны прослушать 30 получасовых кассет. От продажи кассет с лингафонными курсами и другими материалами институт выручает ежегодно 60 млн. юаней, которые тратятся на нужды вуза. При институте действует и хорошо оснащенная импортной техникой телестудия, на которой подготавливаются видеокассеты для языковой практики. В качестве «актеров» выступают студенты и преподаватели.

В Хэйлунцзянском университете города Харбина (ректор Ху Ланху) 13 факультетов: филологический, исторический, экономический, географический, юридический, математический, физический, химический, вычислительной математики, журналистики, русского, английского и японского языков. В университете 4 тыс. студентов дневного и 15 тыс. вечернего и заочного отделений; в учебном процессе участвует 900 преподавателей, среди них 240 профессоров и доцентов. На факультете русского языка около 100 студентов, имеется аспирантура. Здесь успешно действует кафедра лексикографии, сотрудники которой в содружестве со специалистами других центров осуществили перевод на китайский язык «Советского энциклопедического словаря» (Пекин — Шанхай, 1986 г.). Сотрудники Кабинета составителей русско-китайских словарей факультета русского языка в 1985 г. выпустили «Большой русско-китайский словарь» (Пекин, издательство Шанью иньшугуань), включивший 157 тыс. слов. Сейчас сотрудники Кабинета приступили к подготовке многотомного «Большого русско-китайского словаря», в работе над которым они готовы сотрудничать с советскими специалистами.

В Ляонинском университете Шэньяна (ректор Фэн Ючан) обучение проводится на 14 факультетах — китайского языка и литературы, историческом, философском, экономическом, юридическом, иностранных языков (английский, испанский, русский), компьютерной технологии, математическом, физическом, химическом, биологическом — по 30 специальностям. В университете 7 тыс. студентов дневного и 10 тыс. вечернего и заочного отделений. В учебном процессе участвуют 1200 преподавателей, из них 300 — профессора и доценты. На русском отделении обучается 80 студентов.

В Институте иностранных языков Даляня 4 факультета: английский, испанский, русский, французский. Около 4 тыс. студентов дневного отделения. На факультете русского языка 55 студентов, их обучают 26 преподавателей, имеются лингафонные классы. Ректор института — специалист по английскому языку, и, как можно было заметить, основное внимание уделяется преподаванию английского языка. Оснащенность техническими средствами факультета русского языка и литературы недостаточна.

Все вузы имеют солидные библиотеки. Фонды насчитывают от 500 до 800 тыс. томов (в Ляонинском университете 1,2 млн.), приблизительно половина — на иностранных языках. Все вузы имеют свои периодические издания.

Следует отметить высокую обеспеченность учебного процесса учебниками и учебными пособиями, техническими средствами, импортным, преимущественно японским, а также шведским и американским, оборудованием. Однако в изучении языков преобладают английский и китайский как иностранный (были показаны записи уроков, телеуроки, система звучащих пособий). Что же касается преподавания русского языка, то создается впечатление весьма скромного технического оснащения: записи уроков русского языка не демонстрировались, уроков по телевидению и радио очень мало (только в Пекинском институте иностранных языков), советских учебников по русскому языку нет совсем, отсутствуют пособия и по страноведению СССР. В основном там пользуются пособиями, созданными в Пекинском и Шанхайском университетах китайскими специалистами. Общая подготовка русистов в Китае неплохая, особенно следует отметить их теоретическую подготовку и знание лингвистической литературы. Вузы получают периодические издания по языкознанию и русистике, известные работы советских лингвистов: труды по лексикографии (Ю. Н. Караулова), по функциональной семантике (Ю. Д. Апресяна, Д. Н. Ивлева), по общим проблемам грамматики, по фонетике (Л. В. Бондарко, М. А. Матусевич, Е. А. Брызгунова). Однако в практическом плане преподавание нуждается в улучшении, в совершенствовании методики, в интенсификации учебного процесса с учетом современных повышенных требований к овладению русским языком. Это касается как подготовки студентов, будущих преподавателей и переводчиков, так и аспирантов.

На Всекитайском совещании по вопросам преподавания иностранных языков, состоявшемся в 1978 г. в Пекине, были установлены следующие направления в преподавании иностранных языков: 1) улучшение качества преподавания иностранных языков; 2) закладка прочных основ знания иностранных языков в средней школе; 3) улучшение преподавания иностранных языков в вузах как филологического, так и нефилологического профиля.

В повышении уровня преподавания иностранных языков ключевую роль играет средняя школа. В средних школах КНР преподаются 3 иностранных языка: английский, русский и японский. Летом 1982 г. Госкомитет по делам образования КНР провел Всекитайское совещание по вопросам преподавания иностранных языков в средней школе, на котором еще раз было подчеркнуто, что русский язык является одним из ведущих иностранных языков. По официальным данным², общее число учащихся, изучающих русский язык, составляет около 600 тыс. человек. С 1977 г. единые учебники по русскому языку составляются и публикуются издательством «Народное образование» при Госкомитете по делам образования, то есть это учебники русского языка, созданные китайскими специалистами.

Вместе с тем в области преподавания русского языка в средней школе стоит целый ряд проблем: нехватка учителей, недостаточный уровень их профессиональной подготовки, отсутствие учебных материалов по русскому языку.

В 1986 г. Госкомитет по делам образования дважды созывал Всекитайское совещание для исследования состояния преподавания иностранных языков в вузах КНР. Было принято решение проводить набор студентов на факультеты русистики в 26 вузах КНР (общий прием должен быть доведен до 500 человек). Срок обучения — 4 года или 5 лет. Преподавание русского языка как языка специальности состоит в вузах из 2 этапов: начального и продвинутого.

На начальном этапе обучения (I и II курсы) преподаются: история КПК, политэкономия, литературное чтение на китайском языке, введение в языкознание, практический и аудиовизуальный курс русского языка, грамматика и чтение на русском языке. Цель обучения русскому языку на начальном этапе — дать основы фонетики, лексики и грамматики русского языка с упором на комплексное развитие навыков аудирования, говорения, чтения, письма и перевода. При этом главное внимание уделяется развитию устной речи. В процессе обучения в ряде вузов используются аудиовизуальные и технические средства обучения (видеозаписи, кинофильмы).

Целью продвинутого этапа обучения является дальнейшее развитие речевых умений на русском языке, расширение лингвистических, страноведческих и других знаний с известным уклоном по специальности. На продвинутом этапе в учебные планы включены следующие предметы: философия, история международного коммунистического движения, история международных отношений послевоенного периода, практический и аудиовизуальный курсы русского языка, чтение и сочинение на русском языке, спецкурсы по грамматике русского языка, перевод, второй иностранный язык и др.

За последние годы в практику преподавания включены лингво-страноведение, лингвистика текста, функциональная стилистика и др. В ряде вузов на старших курсах и в аспирантуре функциональная лингвистика стала обязательным предметом; читалась она и на курсах усовершенствования преподавателей вузов.

Быстрое развитие лингвистической семантики, прагматики, функциональной стилистики привело к необходимости определенной перестройки методики преподавания языка. Начал осуществляться принцип коммуникативности в преподавании практического русского языка. Основная цель обучения — усвоение не только плана выражения, но и плана содержания, предполагается научить студентов пользоваться языком как средством общения в практической деятельности. Все усилия преподавателей направляются на формирование и развитие умений и навыков во всех видах речевой деятельности: аудировании, говорении, чтении и письме. Каждый из видов речевой деятельности требует определенных умений и навыков, которые формируются тренировкой в разнообразных речевых ситуациях.

Применяемая система преподавания русского языка предусматривает следующие этапы работы: 1) знакомство с материалом, разъяснение его содержания; 2) выполнение упражнений по образцам; 3) выработка умений использования материала в зависимости от потребностей речевого общения, выбора подходящих средств для каждой ситуации. Процесс обучения должен быть организован так, чтобы разные виды речевой деятельности взаимодействовали, дополняли друг друга.

Во всех ведущих вузах КНР на факультетах русского языка создана аспирантура, которая готовит научных сотрудников на соискание ученых степеней бакалавра и доктора филологических наук.

В июле 1985 г. в Нанкине состоялось Совещание по вопросам преподавания русского языка для нефилологов. В совещании приняло участие около 100 преподавателей из 67 вузов. Вопрос о разработке 10 учебников

для технических и гуманитарных вузов был главным вопросом обсуждения. Во многих вузах были открыты вечерние и заочные отделения.

С 1985 г. в программу Центрального радио Китая включены уроки русского языка для всей страны. Учебник «Русский язык по радио» (2 части) разошелся тиражом около 40 тыс. экземпляров.

В 1980 г. была образована Всекитайская редакционная комиссия, занимающаяся вопросами составления и редактирования учебников по русскому языку. За прошедшие годы выпущено 33 учебника и учебных пособия (78 томов), в том числе «Русский язык» для I и II курсов вузов; «Современный русский язык»; «Введение в языкознание»; «Учебник по переводу» (с русского на китайский язык и с китайского на русский язык); «Хрестоматия по русской и советской литературе»; «Развитие письменной речи»; «Аудиовизуальный курс»; «История СССР»; «География СССР»; «Экономика СССР»; «Культура и образование СССР»; «Современная советская литература».

В КНР выходит более 20 журналов по проблемам обучения иностранным языкам. В течение четырех последних лет в этих журналах было опубликовано более 700 статей, касающихся преподавания и исследования русского языка. Целиком посвящены проблемам русского языка и переводам русской и советской литературы 5 журналов: «Русский язык в Китае», «Русский язык», «Русская и советская литература», «Современная советская литература», «Иностранный язык в начальной и средней школах» (преподавание русского языка).

С 1979 по 1985 г. на страницах журнала «Современная советская литература» опубликованы в переводе на китайский язык произведения 160 современных советских писателей и 60 советских поэтов.

Вместе с тем нынешнее состояние преподавания русского языка пока еще не отвечает современным требованиям. Здесь существуют две проблемы: кадры (нехватка преподавателей, отсутствие специалистов в области истории, политики, экономики СССР) и отсутствие широкого круга учебных материалов и пособий.

Большую роль в решении этих задач играет помощь советских преподавателей: с 1985 г. ежегодно в вузах Китая работает около 30 преподавателей русского языка из СССР. Всекитайская ассоциация преподавателей русского языка и литературы, созданная в Шанхае в мае 1981 г., в которую вошло 66 вузов, также способствует подготовке квалифицированных кадров. Общее число членов ассоциации около 1,5 тыс. человек. Задачей ассоциации является решение актуальных проблем в области преподавания и теоретического исследования русского языка, организация обмена опытом в этих областях, подготовка преподавателей русского языка и литературы. Всекитайская ассоциация провела две научные конференции. Первая состоялась в ноябре 1983 г. в провинции Сычуань. В ней участвовало 85 представителей от 60 вузов Китая, было опубликовано более 80 научных докладов. В декабре 1985 г. в Ханчжоу прошла вторая научная конференция, в которой приняли участие 94 преподавателя от 65 вузов, было представлено более ста научных докладов. На этих конференциях состоялся обмен опытом проведения реформы преподавания русского языка в вузах и применения теории языка в практике преподавания. Секционные заседания были посвящены вопросам методики преподавания теории языка, литературы и перевода. На 1987 г. намечено проведение третьей Всекитайской научной конференции, содержанием которой будут вопросы методики преподавания русского языка, выбора специальных дисциплин и подготовка аспирантов.

Интерес к русской литературе, русскому искусству мы отмечаем не только среди лингвистов, русистов, но и у более широкого круга лиц,

с которым встречались. Повесть «А зори здесь тихие...» Б. Л. Васильева тронула сердца китайских телезрителей и читателей. Китайский филолог Чэнь Юань отмечал, что героическая гибель пяти простых девушек-патриотов, родственна «Героической симфонии» Бетховена, заставляет китайского зрителя глубоко задуматься над прошлым и будущим. Любопытно, что среди молодежи самый популярный советский фильм — «Москва слезам не верит». Девушки Китая хотят быть такими, как героиня фильма.

Русская и советская литература пришла в Китай благодаря таким литераторам-переводчикам, как Лу Синь, Цюй Цюбо, Цао Цзинхуа. Переводчиками многих произведений были и известные китайские писатели. Ба Цзинь перевел романы «Отцы и дети» и «Новь» И. С. Тургенева, Ся Янь — роман «Мать» М. Горького и «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н. В. Гоголя, Мао Дунь — «Сын полка» В. Катаева. Хотелось бы специально остановиться на деятельности профессора Пекинского университета Цао Цзинхуа в связи с тем, что с 1928 по 1933 г. он был доцентом Ленинградского университета, преподавал китайский язык. Это был его второй приезд в СССР, в 1921 г. он по направлению Социалистического союза молодежи учился в Москве в Коммунистическом университете трудящихся Востока. Цао Цзинхуа перевел на китайский язык роман А. Серафимовича «Железный поток», сыгравший в Китае огромную революционизирующую роль, воспитавший мужество в годы борьбы с японским фашизмом и гоминьдановской реакцией. Цао Цзинхуа перевел и издал многие произведения: «Я сын трудового народа» В. Катаева, «Танкер «Дербент» Ю. Крымова, «Города и годы» К. Федина, ряд пьес А. Чехова, «Избранное» А. Гайдара. Незадолго до кончины в 1987 г. Цао Цзинхуа стал почетным доктором Ленинградского университета.

С конца 70-х гг. (и до 1984 г.) на китайский язык впервые было переведено около 2500 произведений писателей разных стран мира. Среди них и новые переводы сочинений Л. Толстого, Ф. Достоевского, А. Чехова, М. Горького, мало знакомых китайскому читателю А. Ахматовой, М. Булгакова, а также переводы новых романов Ч. Айтматова, Ю. Трифонова, В. Быкова, Ю. Бондарева, В. Распутина, Ф. Абрамова и др.

Под редакцией профессора Цао Цзинхуа в сотрудничестве с преподавателями 9 вузов был составлен трехтомник «История русской и советской литературы». Группа сотрудников Пекинского университета подготовила и сдала в печать учебник «Современная советская литература» под реакцией Ли Мининя.

Студенты внимательно следят за развитием современной советской литературы, пишут интересные курсовые и дипломные работы, например о «Белом пароходе» Ч. Айтматова, «Доме на набережной» Ю. Трифонова.

Большое внимание уделяется сравнительному изучению литератур. Новые возможности открывает изучение русской и советской литературы в контексте восприятия ее в Китае.

Хотелось бы сказать о живом интересе к советским преподавателям со стороны китайских студентов, отметить их вопросы, касающиеся различных сторон жизни вузов, советского студенчества (чем интересуются студенты, какие любят книги, как используют свободное время, какие получают стипендии, все ли студенты живут в общежитиях и т. п.).

В беседах с преподавателями были рассмотрены пути совершенствования подготовки преподавателей, системы ФПК и стажировки в вузах СССР для иностранных русистов. Особо была отмечена возможность приезда в Советский Союз бывших выпускников советских вузов, которым при желании могут быть оформлены приглашения по линии Минвуза СССР. Заинтересо-

ванность в стажировке высказывали в беседах многие.

Волнующими были встречи с китайскими преподавателями, побывавшими в СССР, и в особенности с теми, кто получил образование в 50-е гг. В МГУ на филологическом факультете учились Ху Мэнхао, ректор Института иностранных языков Шанхая, У Тюся, доцент 1-го института иностранных языков Пекина, Чжао Сэньцзе, профессор, заведующий кафедрой Хейлунцзянского университета, Ма Тифа и Хуа Шао — преподаватели этого университета.

В ЛГУ на филологическом факультете учился доцент 1-го института иностранных языков Пекина Синь Делинь (сейчас он является заместителем главного редактора журнала «Изучение и преподавание иностранных языков»).

Были встречи и с профессорами, доцентами и стажерами, побывавшими в СССР в 1985/86 и 1986/87 учебных годах. Это профессор, заведующий кафедрой лингвистических теорий 1-го института иностранных языков Пекина Дуань Шицзы, заместитель декана факультета русского языка Пекинского университета, доцент У Ии, стажер Фэн Юйли и др.

Все очень тепло и с благодарностью вспоминали свое пребывание в СССР, называли своих советских учителей, имена которых хранят в памяти по сей день.

Живой интерес к советским преподавателям, жизни советских людей ощущался всюду. Об этом же свидетельствовали и многочисленные вопросы, связанные как с проблемами высшей школы, так и с различными сторонами жизни советских людей: каковы различия между советскими и зарубежными направлениями в языкознании (в частности, в социолингвистике), как решаются вопросы языковой и национальной политики в сфере образования, массовой коммуникации в условиях многонационального общества, проблемы двуязычия, какова интонационная система русского языка и многое другое.

Ряд вопросов был связан с организацией учебного процесса: по каким учебным планам работают вузы, какова учебная нагрузка студентов в часах (лекции, практические занятия, самостоятельная работа), какова нагрузка преподавателей, профессоров, доцентов и ассистентов, зарплата преподавателей.

Во время встреч с преподавателями во всех вузах мы подробно рассказывали о перестройке высшего образования в СССР.

В Даляне состоялась встреча с членами Ассоциации преподавателей русского языка и литературы, созданной в 1981 г. и объединившей 166 специалистов. Члены ассоциации специально интересовались новыми методами обучения языку, основными принципами фоностилистики, лингвистики текста, проблемами сопоставительного языкознания. Мы были глубоко растроганы искренним дружеским чувством к советским людям со стороны наших собеседников.

Общество китайско-советской дружбы предложило гостеприимную и обширную программу, дало возможность познакомиться с различными сторонами жизни современного Китая.

Мы старались со своей стороны ответить на многочисленные вопросы китайских товарищей о жизни нашей страны и о внутренней и внешней политике, о перестройке, о дружбе советского и китайского народов.

¹ В КНР подготовка специалистов по греческому языку ведется только в Шанхайском институте иностранных языков.

² Ван Фусяи. Русский язык в Китае. Пекин, 1986, с. 6.

Экспансия международного финансового капитала в ЮВА

*В. Н. КАРПУНИН,
кандидат экономических наук*

В 70—80-е гг. в международной экспансии финансового капитала произошли изменения, выявились новые тенденции. Одной из них стал перенос все большего объема международной деятельности финансового капитала в развивающиеся страны. Этот процесс затронул практически все области экономики современного капитализма — промышленное производство, торговлю, банковское дело и т. д. В международной валютно-кредитной сфере капитализма данная тенденция, в частности, выразилась в формировании и быстром росте в развивающемся мире вненациональных региональных рынков капиталов, аналогичных рынку евровалют, — рынков азиатвалют в Юго-Восточной Азии (ЮВА), латиноамериканских долларов в Латинской Америке и арабовалют на Ближнем Востоке.

Пожалуй, наиболее развитым и быстро растущим среди вненациональных кредитных рынков является рынок азиатвалют. Основными центрами его операций стали Сингапур и Гонконг.

Перемещение растущего объема кредитно-финансовой деятельности международного капитала в развивающиеся страны, в том числе ЮВА, вызвано рядом объективных процессов, происходящих ныне в мировом капиталистическом хозяйстве, как в его «центре», так и на «периферии». Важнейшие из них следующие: усиление неравномерности развития капитализма, особенно в развивающихся странах, что привело к появлению так называемых новых индустриальных стран; расширение масштабов интернационализации капиталистической экономики, которая захватывает в свою орбиту не только развитые капиталистические страны, но и многие развивающиеся государства, прежде всего наиболее продвинувшиеся в экономическом отношении; эскалация экспансии промышленных и банковских монополий в эти государства; усиление мощи их национального капитала и его активный выход на внешние рынки.

* * *

Усиление интернационализационных процессов в освободившихся странах, выражающееся в быстром втягивании ряда из них в мировое капиталистическое хозяйство и международное разделение труда, тесно связано с процессом неравномерности развития капитализма в развивающемся мире. Неравномерность экономического развития среди молодых государств, которая происходит в три раза интенсивнее, чем в развитых капиталистических странах¹, привела к тому, что среди них выделилась группа стран и территорий, которые по ряду экономических показателей (темпам экономи-

ческого роста, потреблению валового внутреннего продукта на душу населения и т. д.), а также по структурным сдвигам в хозяйстве приближаются или достигли уровня среднеразвитых промышленных государств. Эти страны и территории в экономической литературе получили название новых индустриальных.

Ряд таких государств и территорий располагается в ЮВА, среди них Сингапур, Гонконг, Тайвань. К разряду быстро индустриализирующихся стран относятся также по некоторым параметрам Таиланд, Малайзия, Филиппины и Индонезия. Быстрые темпы интернационализации производства и капитала этих стран определяются, с одной стороны, активным проникновением на внешние рынки их крупного национального капитала, а с другой — увеличением проникновения сюда международного финансового капитала.

Первое вызывается тем, что в этих странах в связи и вместе с их экономическим развитием растут национальные промышленные и банковские монополии. Так, на Филиппинах 40 финансово-промышленных групп в 70-е гг. контролировали 90 % всего капитала национального сектора экономики², а из 28 коммерческих банков 23 принадлежат 10 группам, которые доминируют в хозяйстве страны³. Аналогичная картина наблюдается и в других странах ЮВА, что, в частности, видно из укрепления в них мощи национального банковского капитала. В Индонезии, например, на 5 крупнейших банков приходится почти 80 % депозитов и предоставляемых кредитов⁴. В Сингапуре на кредитном рынке господствуют 4 крупнейших местных банка. В Гонконге лишь один «Гонконг энд Шанхай бэнкинг корпорейшн» захватил свыше половины всего кредитного бизнеса колонии⁵. А в целом из 97 ведущих банков развивающихся стран, входивших в 1985 г. в список 500 крупнейших банков мира, 25 банков приходится на государства и территории ЮВА⁶.

Крупному местному капиталу становится тесно в рамках национальных границ. Он активно вторгается во внешнеэкономическую сферу, стремясь занять подобающее место на международных рынках. Об этом, в частности, говорит повышение роли этих стран и территорий как производителей и экспортеров расширяющегося ассортимента промышленной продукции, а также все более смелое проникновение их национальных монополий на международные рынки путем прямого вывоза капитала за границу, создания ими за рубежом собственных производственных мощностей. В Гонконге уже в 1977 г. объем ежегодно вывозимого капитала превысил иностранные капиталовложения в местную экономику, а в середине 80-х гг. размер прямых иностранных инвестиций гонконгских компаний составлял более 5 млрд. долл.⁷ Суммарный объем зарубежных капиталовложений сингапурских фирм равен 1,5 млрд. долл., тайваньских — около 300 млн. долл.

Аналогичные тенденции наблюдаются и в банковской сфере новых индустриальных стран и территорий ЮВА. Подобно транснациональным банкам промышленно развитых стран, наиболее крупные местные банковские монополии активно создают сеть своих отделений и филиалов за рубежом. Например, в Лондоне, крупнейшем международном финансовом центре мира, в середине текущего десятилетия действовало свыше 30 банков из ЮВА⁸. В Нью-Йорке насчитывалось более 40 банков из стран этого региона⁹. И хотя подавляющее число этих кредитных институтов по своей мощи вряд ли может выступать «на равных» с крупнейшими банками стран развитого капитализма, среди них есть весьма крупные учреждения, способные в ряде случаев соперничать даже с ведущими банковскими монополиями капиталистического мира. Например, в Нью-Йорке только гонконгские банки обладают активами 17,3 млрд. долл., что составляет около

5 % всех активов иностранного банковского сектора этого мирового финансового центра, а ведущий гонконгский банк «Гонконг энд Шанхай бэнкинг корпорейшн» по величине активов занимает здесь четвертое место среди иностранных кредитных институтов¹⁰.

Параллельно с ростом внешней экспансии местного капитала, в новых индустриальных странах и территориях Азиатского континента происходит и другой процесс — усиление проникновения в них международного финансового капитала. Благодаря довольно высоким темпам экономического развития в этих государствах значительно расширилась емкость их внутренних товарных рынков, что в сочетании с имеющимися здесь богатыми сырьевыми рынками, наличием дешевой рабочей силы, благоприятным инвестиционным климатом и т. д. привлекает международные монополии. Именно в эти страны направляется основной поток частных инвестиций из промышленно развитых капиталистических стран, и именно эти государства транснациональные корпорации избрали в качестве одной из главных сфер деятельности в развивающемся мире, что в свою очередь еще более усугубляет неравномерность экономического развития среди молодых государств. Если в 1965 г. на долю азиатских стран приходилось 19,2 % всех прямых инвестиций США в развивающиеся страны¹¹, то в первой половине 80-х гг. уже почти 30¹². Доля азиатского региона в прямых инвестициях западноевропейских стран в развивающиеся государства увеличилась с 29 % в начале прошлого десятилетия до 36 % к началу нынешнего¹³, а в экономической экспансии японских монополий ЮВА всегда занимала важнейшее место¹⁴.

Вслед за проникновением в регион транснациональных корпораций здесь расширяют свое присутствие и транснациональные банки промышленно развитых стран, осуществляющие кредитное обслуживание ТНК и стремящиеся максимально приблизиться к своей клиентуре в этом районе мира. Международные банки не только следуют за своими клиентами — транснациональными корпорациями, — их деятельность в свою очередь становится необходимым условием расширения экспансии последних в этих странах. Транснациональные банки также находят в ЮВА новых клиентов в лице крупных национальных компаний.

Итак, новые индустриальные страны и территории ЮВА стали основной сферой деятельности международных монополий из промышленно развитых стран. В то же время довольно высокого уровня развития здесь достиг национальный капитал, который уже не удовлетворяется эксплуатацией своих собственных стран и все активнее проникает на международные рынки. Со стороны действующих в этих странах международных корпораций и национальных монополий растет спрос на крупные кредитные ресурсы в иностранных валютах, необходимые им для расширения внешнеэкономической деятельности, прежде всего кредиты в американских долларах (ввиду того что 80 % всего внешнеторгового оборота капиталистического мира опосредуется долларами США). Кроме того, увеличивается потребность в международных кредитных средствах со стороны государственных организаций данных стран, которые с помощью этих средств пытаются решать различные задачи государственной валютной политики, например пополнение валютных резервов страны или смягчение дефицита платежного баланса. О возрастании этого спроса свидетельствует рост внешнего долга государства региона, особенно в конце 70-х — начале 80-х гг. Внешний долг Таиланда, Филиппин и Малайзии в середине 80-х гг. колебался от 20 до 30 млрд. долл. В Индонезии почти третья часть всех валютных поступлений страны идет на оплату иностранных кредитов¹⁵.

В поисках средств заемщики из стран региона обращаются в первую

очередь на национальные рынки капиталов. Однако этот быстро расширяющийся спрос на крупные кредитные ресурсы местные кредитные рынки удовлетворить не в состоянии ввиду их слабой развитости, с одной стороны, а с другой — более строгого ограничения доступа на них иностранных компаний, то есть усиления протекционистских тенденций в кредитно-финансовой сфере этих стран.

Основными причинами недостаточной развитости местных кредитных рынков, отставания их развития от темпов роста потребностей стран ЮВА в заемных ресурсах являются длительная экономическая отсталость этих государств и политика неоколониализма, проводящаяся по отношению к ним монополистическими кругами Запада. Доставшаяся в наследство от колониальной эпохи и в значительной степени сохраняющаяся и поныне диспропорциональность и несостыкованность национальных экономических структур этих стран предопределяет и дезинтегрированность их местных рынков капиталов, препятствует концентрации и централизации их ресурсной базы¹⁶. До сих пор значительная часть экономики стран региона продолжает оставаться вне сферы денежных отношений. Это касается прежде всего сельского хозяйства, составляющего важную отрасль их национальных экономик. Кредиты, особенно в сельской местности, часто предоставляются натурой. Здесь широко действует так называемый неорганизованный кредитный сектор — ростовщики, роль которых продолжает оставаться значительной. Замедляет развитие местных кредитных рынков и узость их внутренних товарных рынков, что усугубляется низким уровнем потребления малоимущих и неимущих слоев населения, а также традиционным стремлением состоятельных слоев населения держать свои сбережения в форме золота и драгоценных камней и не использовать их для предоставления кредитов. Сказываются также недостаточно широкая сеть отделений местных банков, ограниченный круг услуг, которые они могут предложить клиентам, а также отсутствие у банков достаточных средств в виде складов на длительный срок для предоставления долгосрочных ссуд, поскольку местные компании ввиду высоких темпов инфляции предпочитают хранить свои средства в виде краткосрочных депозитов. В итоге ощущается общая нехватка ссудных капиталов, которых едва хватает лишь для покрытия потребностей в краткосрочных средствах. Местные банки вкладывают значительную часть своих кредитных ресурсов не в промышленность и сельское хозяйство, а предпочитают осуществлять финансирование товарных операций, сделок с валютными ценностями и недвижимостью, которые часто носят спекулятивный характер и, хотя и приносят банкам немалые прибыли, в целом усугубляют узость внутренних кредитных рынков.

Пагубно влияют на развитие местных кредитных рынков неравноправные торгово-экономические отношения стран региона с государствами развитого капитализма. Ухудшение условий торговли и другие отрицательные явления внешнего порядка, особенно усиливающиеся под влиянием кризисных потрясений в экономике капитализма (в частности, колебания курсов ведущих капиталистических валют, общее ужесточение условий кредитования молодых государств и т. д.), сужают возможности накопления ими инвальных ресурсов, что еще более усугубляет общий дефицит кредитных средств на рынках капиталов этих стран.

Подобное состояние дел на национальных рынках капиталов приводит к тому, что, несмотря на общий рост в государствах ЮВА сбережений, дающий возможность несколько расширить кредитование на местных рынках, все явственнее ощущается неспособность этих стран покрыть свои потребности в кредитных средствах только за счет внутренних накоплений. Причем

данный дефицит кредитных ресурсов с годами не только не сглаживается, но еще более увеличивается. Например, на Филиппинах разрыв между сбережениями и инвестициями увеличился с 1 % валового внутреннего продукта страны в 1970 г. до 5 % к 1980 г., хотя на сбережения в этой стране идет все возрастающая доля национального дохода. В Сингапуре в том же году этот разрыв составил 13 %, в Гонконге — 5 % и т. д. (см. таблицу 1).

Таблица 1

Сбережения и инвестиции в странах и территориях Юго-Восточной Азии (в % от валового внутреннего продукта)

	Сбережения		Инвестиции	
	1960 г.	1980 г.	1960 г.	1980 г.
Гонконг	6	24	18	29
Тайвань	13	33	20	36
Сингапур	3	30	11	43
Малайзия	27	32	14	29
Индонезия	8	30	8	22
Танланд	14	22	16	27
Филиппины	16	25	16	30

Источники: «Economist», Far East Finance Survey, 13.XI.1982, р. 11.

Поэтому, хотя в новых индустриальных странах и территориях ЮВА проводится в отношении иностранного капитала политика «открытых дверей» и всячески поощряется его приток, их власти все чаще вынуждены прибегать к ограничению доступа действующих в них иностранных компаний к кредитным ресурсам этих рынков. Они надеются таким образом сберечь финансовые средства для экономического развития и заставить транснациональные корпорации использовать в своей деятельности не местные капиталы, а собственные средства.

Транснациональные банки удовлетворяют спрос региона на крупные инвалютные кредитные средства, не только заимствуя их на международном рынке капиталов, но и привлекая временно свободные ресурсы обосновавшихся в ЮВА международных монополий и крупных национальных компаний, ищущих выгодного вложения своих инвалютных средств, получаемых от внешнеэкономической деятельности, и не всегда находящих его на национальных рынках капиталов.

В итоге, с одной стороны, происходит ускоренный экономический рост стран и территорий ЮВА, укрепление мощи местного капитала, перешагивающего национальные границы, и эскалация экспансии сюда международных монополий, что приводит к формированию в регионе спроса на международные капиталы, а с другой — неразвитость местных кредитных рынков создает здесь потребность в таких рынках капиталов, которые были бы адекватны достигнутому этими странами и территориями уровню экономического развития и степени интернационализации их производства и капитала. В то же время в ЮВА появляется предложение международных капиталов со стороны обосновавшихся здесь транснациональных банков. Это противоречие, назревшее в международной валютно-кредитной сфере капитализма, нашло разрешение путем формирования в ЮВА международным финансовым и местным монополистическим капиталами внеационального кредитного рынка — рынка азиавалют.

Этот рынок растет быстрыми и довольно устойчивыми темпами. Если в 1971 г. его размер равнялся 1 млрд. долл. и составлял 0,6 % всего объема международного рынка капиталов, то в середине текущего десятилетия в ЮВА уже было сконцентрировано как минимум 400 млрд. долл., или 16 % объема мирового рынка¹⁷. По темпам роста рынок азиатвалют существенно превосходит евторынок. Так, среднегодовые темпы роста рынка в ЮВА во второй половине 70-х — начале 80-х гг. составляли 35,8 %, в то время как темпы роста рынка евровалют в те же годы составляли лишь 23,6 %¹⁸.

* * *

Что же представляет собой этот внешнеазиатский региональный рынок капиталов, какова его сущность? Существует та точка зрения, что рынок азиатвалют — это самостоятельное экономическое образование, никак не связанное с международным рынком евровалют¹⁹. По нашему мнению, с подобным взглядом нельзя согласиться. Хотя рынок азиатвалют имеет определенную специфику в своем формировании, функционировании и развитии и ряд только ему присущих черт, по своей экономической природе и сущности он является неотъемлемой частью, как бы региональным «сектором» или «филиалом» евровалютного рынка, распространяющего свою деятельность на весь капиталистический мир. Такой вывод можно сделать по следующим причинам.

Основой образования как рынка евровалют, так и внешнеазиатского рынка капиталов в ЮВА явились сходные противоречия капиталистического экономического развития: столкновение центробежных и центростремительных тенденций в мировом капиталистическом хозяйстве, в том числе и на его «периферии», а также неспособность местных кредитных рынков удовлетворить потребности быстро растущего национального и международного капитала в кредитных ресурсах. Данные противоречия являются и постоянной движущей силой их развития.

В практическом плане и сам евторынок, и его азиатский «сектор» были созданы одними и теми же крупнейшими международными банковскими монополиями, которые, обосновавшись в соответствующих регионах, начали принимать депозиты и выдавать ссуды в иностранных валютах. Причем главными инициаторами создания рынков являлись в основном американские транснациональные банки²⁰. Расширением своей международной деятельности эти же банки обеспечивают и устойчивый рост того и другого рынков.

Как рынок евровалют, так и азиатский внешнеазиатский рынок представляют собой совокупность кредитных операций в иностранных валютах сравнительно небольшого числа крупнейших транснациональных банков промышленно развитых стран, прежде всего американских банковских гигантов, разбросавших свои отделения и филиалы как по развитым капиталистическим странам, так и по государствам и территориям ЮВА. Главными поставщиками этих средств и их потребителями на обоих рынках являются фактически одни и те же международные монополии, действующие в Западной Европе и в Азии.

Объединяет эти рынки и механизм формирования и перераспределения кредитных ресурсов. Международные банковские монополии мобилизуют средства главным образом крупных транснациональных корпораций, осуществляющих свою деятельность в соответствующих регионах, и используют их для нужд все тех же транснациональных монополий.

Кредитные операции в том и другом случаях осуществляются в валютах главных промышленно развитых стран, прежде всего в американских долларах, доля которых на евrorынке в целом составляет примерно 80 %²¹, а на рынке азиатвалют — 95 %²². Эти рынки также схожи и по структуре операций. Основу их образуют краткосрочные кредиты, на которые на рынке азиатвалют приходится 96,7 % операций рынка²³, а на рынке евровалют — $\frac{5}{6}$ его объема²⁴. Процентные ставки, на которые банки ориентируются при предоставлении международных кредитов на азиатском региональном рынке, основываются на процентной ставке евrorынка. Кроме того, между рынками евровалют и азиатвалют осуществляется постоянный, каждодневный перелив ссудных капиталов, что также объединяет их в единое целое.

Однако общность в происхождении евровалютного и азиатвалютного рынков и их функционировании не исключает относительной самостоятельности последнего, определяемой рядом его специфических черт.

Хотя причины образования обоих рынков схожие, к появлению рынков они привели не одновременно, а по мере созревания экономических предпосылок для их формирования в Западной Европе и Юго-Восточной Азии. Европейский валютный рынок возник в конце 50-х гг., рынок азиатвалют появился примерно 10 лет спустя — на рубеже 60-х и 70-х гг.

Имеются различия и в институциональной основе рынков. Хотя ее костяк образуют международные банковские монополии промышленно развитых стран, на рынке азиатвалют увеличивается роль национальных кредитных институтов азиатских стран и территорий, которые активно включаются посредством этого рынка в международную банковскую деятельность.

Потребителями рынка азиатвалют все в большей степени становятся местные банки и компании из стран и территорий региона, которым фактически закрыт или сильно затруднен непосредственный доступ на евровалютный рынок. Поэтому имеются различия и в особенностях деятельности этих рынков. На азиатвалютном рынке в отличие от евrorынка облегчен доступ местных, зачастую даже некрупных заемщиков к международным кредитным ресурсам, создана для них возможность размещения средств на этом рынке. Ввиду этого большая часть средств рынка азиатвалют используется непосредственно в рамках ЮВА. Его кредитные ресурсы в подавляющем объеме поступают в государства АСЕАН, а также на Тайвань, в Южную Корею и Китай²⁵.

Отличает азиатвалютный рынок и то, что на нем растет доля местных валют в структуре его международных кредитных операций — прежде всего японской иены, а также сингапурского и гонконгского долларов.

Несмотря на относительную самостоятельность рынка азиатвалют, он остается как бы в подчиненном положении у монополистического капитала промышленно развитых стран и евровалютного рынка в силу господства на нем транснациональных корпораций и банков Запада, которые не только создали этот рынок, но и всецело определяют его развитие ввиду незначительной роли на рынке капиталов самих развивающихся стран.

Имеющиеся различия между рынками евровалют и азиатвалют не меняют, однако, сущности последнего как неотъемлемой составной части единого мирового евровалютного рынка.

* * *

Образование азиатского регионального «сектора» евrorынка фактически означает расширение географических рамок последнего. Этот процесс явился следствием объективных тенденций экономического развития капитализма

на современном этапе, вызвавших необходимость приспособления международного рынка капиталов к изменившимся условиям и потребностям в мировом капиталистическом воспроизводстве. Расширение интернационализационных процессов в капиталистическом хозяйстве, их распространение на развивающиеся страны, причем главным образом на наиболее развитые из них, в том числе из ЮВА, стремительный рост международной экспансии капитала промышленно развитых государств, главным объектом которой стали хозяйства новых индустриальных стран региона, выход на международную арену их крупного капитала потребовали соответствующих изменений в функционировании международного рынка капиталов, который первоначально ограничивался лишь промышленно развитыми странами, в первую очередь Европейским континентом. Поэтому расширение географических границ евrorынка, проявляющееся в формировании его региональных «секторов», в том числе и в ЮВА, и превратившее его в подлинно всемирный рынок, представляет собой своеобразный способ адаптации международного рынка капиталов к указанным переменам в мировом капиталистическом воспроизводстве.

Расширение географических границ международного рынка капиталов вызывается также следующими факторами. Транснациональные корпорации и банки, стремясь увеличить временной диапазон своей деятельности в течение суток, стараются обеспечить свое присутствие в таких часовых поясах Земли, деятельность в которых давала бы им возможность круглосуточного осуществления операций, а значит, практически непрерывного приумножения прибылей. Кроме того, ужесточение государственно-монополистического регулирования экономики и усиления протекционистских тенденций в капиталистическом хозяйстве заставляет международный капитал искать наиболее удобные в правовом, налоговом и иных отношениях опорные пункты в его глобальной экономической стратегии.

В целом причины успешного роста рынка азиатвалют являются теми же, что и евrorынка: неподконтрольность национальным правительствам (поскольку операции на обоих рынках осуществляются в иностранных валютах, а главными участниками рынков выступают зарубежные компании и банки, то эти операции не подпадают под юрисдикцию национальных правительств), легкость доступа к кредитным ресурсам, возможность получить средства практически любого размера, гибкость механизма и т. д. Однако азиатский «сектор» евrorынка имеет ряд дополнительных привлекательных для международного и национального капиталов сторон, которые способствуют его опережающему развитию по сравнению с рынком евровалют в целом. Его ускоренный рост в большой мере обеспечивается возможностью доступа на этот рынок заемщиков среднего звена, для которых ранее рынок евровалют был фактически закрыт, а также наличием для них возможности выгодно размещать свои временно свободные средства. Поэтому рынок азиатвалют стал для монополий новых индустриальных стран ЮВА главной кредитной базой расширения их внешнеэкономической деятельности, своеобразным «окном», каналом выхода в международную валютно-кредитную сферу.

С другой стороны, азиатвалютный рынок явился важным источником капиталов для международных корпораций, «финансовым плацдармом», без которого был бы невозможен стремительный рост их деятельности в странах данного региона.

Операции рынка азиатвалют сосредоточились в нескольких международных финансовых центрах, которые возникли на основе этого рынка и растут вместе с ним. Транснациональные банки, формирующие институциональную

основу азиатского валютного рынка, распространяя свою деятельность на азиатский регион, создают свои отделения и филиалы в тех городах и странах ЮВА, где имеются наиболее благоприятные условия для их международного бизнеса с точки зрения льготности правовых, налоговых условий, удобства географического положения, развитости международных средств коммуникаций, стабильности политических режимов и т. д. Этим требованиям в регионе наилучшим образом отвечают Сингапур и Гонконг. Поэтому именно там международный банковский капитал стремится обосноваться в первую очередь. В Сингапуре ныне действует свыше 300 разного рода финансовых институтов, а в Гонконге — более 450²⁶. Объем международных кредитных операций, осуществляемых в Сингапуре, достигает ныне почти 220 млрд. долл., а в Гонконге — около 130 млрд. долл. Таким образом, Сингапур и Гонконг стали главными центрами рынка азиатского валютного рынка. В них ныне сконцентрирована практически вся деятельность этого рынка, а сами они превратились в одни из крупнейших финансовых центров мира. Вместе с притоком в эти центры средств иностранных банков происходит и перемещение сюда растущего объема операций рынка евровалют. В 1971 г. в Сингапуре было сконцентрировано менее 1 % объема евровалютного рынка, а в Гонконге и того меньше, а в 1987 г. здесь уже сосредоточилось соответственно 9,1 и 5,4 % всех операций евровалютного рынка²⁷.

Помимо Сингапура и Гонконга, на роль международных финансовых центров в регионе претендуют также Макао и Тайвань, где в последние годы предпринимаются активные шаги по стимулированию развития международных кредитно-финансовых операций. Другим кандидатом на роль центра рынка азиатского валютного рынка является Токио. Финансовые власти Японии под нажимом банковских кругов создали в декабре 1986 г. в столице так называемую «свободную банковскую зону» — прототип собственного международного евровалютного центра. Банкам, занимающимся международным бизнесом, предоставлены широкие правовые и налоговые льготы, что, как полагают, поможет привлечь в Токио иностранные финансовые институты и международные капиталы и превратит в скором времени столицу Японии в крупный мировой финансовый центр. Хотя с момента организации «зоны» прошло не так много времени, уже сейчас Токио по объему совершаемых в нем азиатского валютного операций оказывает серьезную конкуренцию Сингапуру и Гонконгу. Размер международного кредитного бизнеса ныне приблизился здесь к 100 млрд. долл.²⁸

Из вышесказанного можно сделать вывод, что рынок азиатского валютного рынка представляет собой совокупность кредитных операций в валютах, свободных от юрисдикции национальных правительств, производимых кредитно-финансовыми институтами, расположенными в международных финансовых центрах ЮВА и дальневосточного региона.

* * *

Что же несет государствам и народам ЮВА развитие в регионе вне-национального рынка капиталов? Следует сказать, что рынок азиатского валютного рынка играет в экономике этих стран двойственную роль.

С одной стороны, формирование и рост в ЮВА вне-национального рынка капиталов в определенной степени способствуют хозяйственному развитию государств региона, укреплению их экономической самостоятельности. Такое воздействие рынок оказывает благодаря тому, что является важным источником средств для этих стран, испытывающих острый дефицит в кредитных ресурсах. Например, в Сингапуре международные монополии обеспечивают

$\frac{3}{4}$ всех новых инвестиций в промышленный сектор, а иностранные финансовые институты, действующие в этом городе-государстве, представляют $\frac{2}{3}$ всех займов в национальном хозяйстве²⁹.

Рынок азиатской валюты открывает крепнущей национальной буржуазии доступ к международным капиталам, облегчает ей выход на внешние рынки. Тем самым укрепляется альянс местного и иностранного капитала, а значит, рынок способствует более тесному пристегиванию азиатских стран к системе мирового капиталистического хозяйства и международного капиталистического разделения труда, что приводит к усилению экономической зависимости молодых государств от центров мирового империализма.

На стимулирование развития в молодых странах региона иностранных банковских операций национальные правительства толкают еще и то, что различные сборы, взимаемые с банков, обосновавшихся в финансовых центрах региона, являются источником денежных поступлений в бюджеты. Так, финансовый центр в Гонконге ежегодно приносит в казну колонии сумму, равную $\frac{1}{5}$ его ВВП. Следует заметить, что зависимость экономического роста стран, где сформировались финансовые центры, от деятельности последних с годами не только не уменьшается, но еще более возрастает. В Сингапуре, например, в 1972 г. финансовый сектор создал 14,4 % ВВП республики, а в 1983 г. — уже более $\frac{1}{3}$, то есть эта доля увеличилась за указанный период в 2,5 раза. Как в Сингапуре, так и в других странах, где функционируют такие центры, финансовый сектор является наиболее быстро растущей отраслью их национальных хозяйств. Таким образом, происходит повышение роли иностранного финансового капитала в общем экономическом развитии этих государств и территорий.

Привлекательным моментом является и то, что международное банковское сообщество обеспечивает работой определенную часть местного населения, способствуя тем самым снижению безработицы. Однако нельзя и преувеличивать роль мировых финансовых центров. В странах, где действуют эти центры, в банковской сфере занято лишь от 5 до 8 % трудоспособного населения³⁰, что, конечно, не может кардинально решить проблему хронической безработицы.

Вместе с тем развитие вненационального рынка капиталов в ЮВА становится еще одним фактором обострения внутренних экономических трудностей стран региона.

Серьезные негативные социально-экономические последствия, вызываемые деятельностью азиатского валютного рынка, связаны прежде всего с тем, что он, облегчая проникновение транснациональных корпораций и банков в экономику государств этого района мира, приводит к усилению их зависимости от международного монополистического капитала, их более крепкому пристегиванию к мировой капиталистической системе, а значит, и влечет весь комплекс отрицательных последствий: усиление эксплуатации природных и людских ресурсов стран региона, рост в них имущественного неравенства, обострение социальных конфликтов, появление реакционных тенденций в их внешней политике и т. д. Укрепление мощи местного монополистического капитала, его все более тесный сговор с международным финансовым капиталом осложняют борьбу народов ЮВА за социальные перемены.

Помимо этого, сам азиатский валютный рынок стал в руках международного финансового капитала новым мощным инструментом усиления экономической и валютно-кредитной эксплуатации стран и народов региона. Это, в частности, происходит по следующим направлениям. Транснациональные банки, предлагая местным инвесторам более выгодные условия размещения средств, чем внутренний кредитный рынок, отвлекают значительную

часть национальных капиталов из экономики этих стран и используют их на международном рынке капиталов в интересах монополий Запада. Только в Сингапуре иностранные банки сконцентрировали у себя около 40 % всех местных вкладов. На них приходится также 70 % общих активов кредитной системы страны. По данным журнала «Экономист», из государств ЮВА на международный рынок поступают средства от 25 млн. лиц китайского происхождения, проживающих в странах региона, не считая капиталов других местных бизнесменов³¹. Отвлекаемые средства используются транснациональными банками отнюдь не в интересах экономического развития данных государств и территорий; они перекачиваются в международную сферу, пополняя финансовую базу западных монополий.

Такое оттягивание капиталов ослабляет позиции национальных кредитно-финансовых институтов в ожесточенной конкурентной борьбе с международными банковскими гигантами. В результате местные банки все чаще терпят банкротства. Все это подрывает неокрепшие кредитные системы государств ЮВА и в целом тормозит их экономический рост.

Рынок азиатской валюты обеспечивает удобный канал для бесконтрольного перевода прибылей действующих здесь международных монополий из этих государств за рубеж, что оборачивается для последних огромными потерями финансовых ресурсов и иностранной валюты.

В этом отношении о рынке азиатской валюты можно говорить как об особом механизме, созданном международным монополистическим капиталом для усиления финансовой эксплуатации освободившихся государств ЮВА, как об одной из новых ее форм.

Отрицательное воздействие рынка азиатской валюты связано еще и с тем, что не подчиняющаяся какому-либо официальному контролю его деятельность подрывает меры местных властей по регулированию национальной кредитно-финансовой сферы этих стран и территорий. Так, Сингапур и Гонконг не раз подвергались массивному стихийному наплыву зарубежных валютных средств, в результате чего происходил резкий рост в них денежной массы (поскольку иностранная валюта обменивалась на национальную, а это делало необходимым дополнительный выпуск денежных знаков в обращение), а значит, резко усиливалась инфляция, ослабевала стабильность национальных валют.

Таким образом, деятельность рынка азиатской валюты делает экономику стран региона сильно уязвимой в отношении неблагоприятных внешних воздействий. Неурядицы в экономике развитых капиталистических государств посредством этого рынка передаются на внутривозвращенную сферу государств региона, усугубляя трудности и проблемы их экономического развития и еще более обостряя в них социальные конфликты. Транснациональные монополии используют этот рынок как трамплин для проникновения в экономику стран ЮВА. Фактически рынок азиатской валюты стал новым орудием неокOLONиализма в экономической и валютно-кредитной областях. Все сказанное еще раз свидетельствует о том, что «империализм сумел создать и отладить самую изощренную систему неокOLONиалистской эксплуатации, теснее привязать к себе значительное число освободившихся государств. ...Ее формы и методы меняются, но суть остается прежней»³².

¹ См: «Мировая экономика и международные отношения», 1980, № 12, с. 31.

² См. там же, 1982, № 4, с. 142.

³ In: «Economist», Far East Finance Survey, 13.XI.1982, p. 21.

⁴ In: «International Herald Tribune», 22.XI.1983.

- ⁵ In: «Euromoney», July 1983, p. 145.
⁶ Ibid., June 1986, p. 107.
⁷ См.: БИКИ, 25.VII.1987.
⁸ Рассчитано по: «Banker», November 1985, p. 105.
⁹ Рассчитано по: «Banker», March 1985, p. 102.
¹⁰ In: «Banker», March 1985, p. 109, 115—139.
¹¹ См.: Л. А. Громыко. Внешняя экспансия капитала: История и современность. М., 1982, с. 392.
¹² In: «Survey of Current Business», August 1983, p. 22, 24.
¹³ См.: «Мировая экономика и международные отношения», 1984, № 2, с. 32.
¹⁴ Рассчитано по: «БИКИ», 28.IX.1985; «Far Eastern Economic Review», 13.VI.1985, p. 82, 83.
¹⁵ In: «Japan Economic Journal», Tokyo Financial Markets. Special Survey, Summer 1987, p. 46.
¹⁶ См.: «Мировая экономика и международные отношения», 1986, № 5, с. 111.
¹⁷ Рассчитано по: «Banker», May 1974, p. 455; «Bank of England», Quarterly Bulletin, May 1987, p. 241.
¹⁸ Подсчитано по: «Economist», Far East Finance Survey, November 13, 1982, p. 25.
¹⁹ См.: Современный рынок капиталов. Под ред. Г. П. Солюса. М., 1977, с. 81.
²⁰ История рынка азиатских валют началась в 1968 г., когда правительство Сингапура по совету «Банк оф Америка» разрешило банкам на его территории принимать вклады и выдавать ссуды в иностранных валютах.
²¹ In: «Neue Züricher Zeitung», 27, 28.I.1985.
²² См.: О. С. Богданов, Б. И. Сергеев. Зарубежные интересы японских банков. М., 1981, с. 84.
²³ In: «Financial Times», 14.XI.1983.
²⁴ См.: «Мировая экономика и международные отношения», 1983, № 2, с. 53.
²⁵ In: «Economist», Far East Finance Survey, 13.XI. 1982, p. 25.
²⁶ In: «Financial Times», 17.III.1986.
²⁷ In: «Bank of England», Quarterly Bulletin, May 1987, p. 241; «Far Eastern Economic Review», 4.VII.1985, p. 63; «Fortune», 7.XII.1987, p. 43.
²⁸ In: «Japan. Supplement to Euromoney», April 1987, p. 4.
²⁹ In: «Economist», Far East Finance Survey, 13.XI. 1982, p. 15.
³⁰ Ibid., p. 25.
³¹ Ibid., p. 22.
³² Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 16, 17.

Владивосток — Хайфон: социалистический интернационализм в действии

---

*А. Я. СОКОЛОВСКИЙ,
ответственный секретарь
Владивостокского городского
отделения Общества
советско-вьетнамской дружбы*

Прямые побратимые связи между Владивостоком и Хайфоном были установлены 16 лет назад. Тогда, в июле 1971 г., по приглашению городского комитета КПСС Владивосток посетила представительная делегация общественности Хайфона, которую возглавлял член бюро Хайфонского горкома партии Нгуен Ван Хунг. С ответным визитом в августе того же года в Хайфон выезжала делегация общественности Владивостока. Вскоре после этих дружественных визитов во Владивостоке на учредительной конференции представителей общественности 19 ноября 1971 г. было образовано городское отделение Общества советско-вьетнамской дружбы (ОСВД).

Но начало этим связям было положено значительно раньше. И приоритет в этом принадлежит советским морякам-дальневосточникам. В сентябре 1955 г. пароход «Генерал Панфилов» под командованием капитана М. А. Серых, ныне Героя Социалистического Труда, пришвартовался к причалу порта Хайфон. Началась выгрузка минеральных удобрений, автомобилей и станков. Так была открыта морская линия Владивосток — Хайфон, которая в годы войны с американскими агрессорами стала для борющегося вьетнамского народа поистине дорогой жизни. Эта линия протяженностью 2500 миль получила в те огненные годы название «мост дружбы». Круглый год шли по нему советские суда с продовольствием, оборудованием для вьетнамских предприятий, медикаментами. Во время воздушных налетов американских «стервятников» погибли моряки-владивостокцы Николай Рыбачук и Юрий Зотов, был затоплен теплоход «Гриша Акопян»... Жители Владивостока глубоко чтут подвиги своих земляков. На их ярком примере воспитывается молодежь города. Приятно сознавать, что имена Рыбачука и Зотова известны не только взрослому поколению Вьетнама, но и его молодежи. Каждый день сотни вьетнамских юношей и девушек посещают экспозицию в хайфонском музее, посвященную советским морякам. Многие работники Дальневосточного морского пароходства за оказание интернациональной помощи братскому вьетнамскому народу награждены советскими и вьетнамскими орденами и медалями, являются почетными гражданами портовых городов СРВ. Среди них начальник пароходства В. М. Миськов, капитаны А. И. Назаров, П. Г. Дрюк, первый помощник капитана В. Н. Зяблицев, старший инспектор отдела пароходства В. И. Вшивцев и многие другие. Моряки-дальневосточники и сегодня обеспечивают бесперебойное действие морской линии, связывающей советские дальневосточные порты с вьетнамскими. Суда Дальневосточного и Приморского морских пароходств, совер-

шая в течение года свыше 200 судозаходов в порты Вьетнама, перевозят значительную часть из 5 млн. тонн грузов, ежегодно доставляемых из Советского Союза в СРВ морским путем.

Развернувшееся с 1977 г. интернациональное социалистическое соревнование сейчас перешло на новый, более высокий организационный уровень. Договоры об интернациональном соцсоревновании заключаются теперь не только между экипажами советских судов и портовиками СРВ, но и между руководством компаний. Результаты такого прогрессивного вида трудового соперничества налицо: наладилась более четкая организация перевозок грузов, возросло количество рейсов, увеличилась провозная способность судов на вьетнамском направлении. Время обработки судов во вьетнамских портах сократилось в 4 раза. Очевидно, что дело это выгодное, эффективное. За плодотворную работу по внедрению и совершенствованию интернационального социалистического соревнования и успешное выполнение производственного плана экипажи теплоходов «Анри Барбюс» и «Полина Осипенко» были награждены ВЦСПС по поручению стран — членов СЭВ почетными дипломами. А избрание капитана теплохода «Анри Барбюс» П. Г. Дрюка в Центральное правление ОСВД свидетельствует о признании большого вклада Дальневосточного морского пароходства в дело укрепления и развития дружбы и сотрудничества между Владивостоком и Хайфоном, советским и вьетнамским народами.

Активно сотрудничают также портовики городов-побратимов. В прошлом году докеры Владивостокского морского торгового порта из бригады лауреата Государственной премии СССР В. В. Дунаева предложили вьетнамским коллегам внедрить на перевозке овощей и фруктов особые контейнеры, сконструированные бригадой. В результате использования передового опыта сохранность груза заметно улучшилась. Сотрудничество, совместный с вьетнамскими товарищами поиск оптимальных технологий, улучшение организации труда помогли нашей хозрасчетной комплексной бригаде еще к 1 мая 1987 г. выполнить план двух лет пятилетки, перекрыв обязательства, взятые к 70-летию Великого Октября. Конечно, имеются и свои проблемы. Но коллеги решают их сообща. Совсем недавно, в августе минувшего года, Владивосток посетил делегация профсоюзного комитета Главного управления морских перевозок СРВ, возглавляемая членом бюро профкома, заведующим отделом ГУМП СРВ товарищем Ву Ван Зы. В ходе визита были подведены итоги предоктябрьского социалистического соревнования между коллективами Владивостокского транспортного узла и Главного управления морских перевозок СРВ. Не столько торжественно, сколько по-деловому, конкретно шел на встрече с владивостокскими коллегами разговор. Подводя итоги за предъюбилейный период, участники встречи решили: переходящее Красное знамя победителя в интернациональном социалистическом соревновании передать на этот раз работникам морского транспорта Вьетнама — за поиск, настойчивость, за стремление и умение учиться. Что касается бригады В. В. Дунаева, то она брала в честь VI съезда КПВ повышенные социалистические обязательства, которые с честью выполнила накануне открытия съезда. Сверх плана было переработано около 10 тыс. тонн овощей и фруктов, поступивших в Приморье из братского Вьетнама.

Дружественные связи между трудящимися Владивостока и Хайфона день ото дня крепнут и развиваются. Они становятся шире и разностороннее. По-настоящему творческие контакты установились между Владивостокским городским комитетом КПСС и Хайфонским горкомом КПВ. Дело не только в регулярном обмене делегациями. Сами встречи носят все более «прикладной» характер: опыт соседа проецируется на собственную работу. Так,

в прошлом году положено начало сотрудничеству Владивостокского инструментального завода с родственным ему хайфонским предприятием. Их директора побывали друг у друга в гостях, внимательно познакомились с предприятиями, многое взяли на заметку, изучили опыт друг друга. Начало положено хорошее. Теперь дело за хозяйственным обоюдывыгодным взаимодействием.

Уже не первый год поддерживают плодотворные дружественные связи коллектив Дальневосточного высшего инженерно-морского училища имени адмирала Г. И. Невельского с Хайфонским высшим мореходным училищем. Наши курсанты побывали в гостях у своих вьетнамских сверстников. Они пришли в Хайфон на учебном судне «Профессор Ющенко», приняли участие в интернациональном субботнике, митинге дружбы. Преподаватели прочитали для хайфонских курсантов несколько лекций. В планах сотрудничества — обмен курсантами и преподавателями, обмен опытом подготовки кадров, регулярная информация о выходе учебной и методической литературы.

Привычным стали совместные экспедиции, в которых принимают участие ученые Дальневосточного отделения АН СССР и сотрудники Национального центра научных исследований (НЦНИ) СРВ. Ведутся совместные работы по освоению морских ресурсов, по прогнозированию метеорологических условий в районе Тихого океана. Активно работают также в плане совместного сотрудничества ученые из ТИНРО со своими коллегами из Хайфонского научно-исследовательского института морской продукции. Не так давно группа ученых из этого института приезжала во Владивосток. Возглавлял ее кандидат биологических наук, заведующий лабораторией института Нгуен Тиен Кань. Вьетнамские ученые обсудили со своими коллегами из ТИНРО отчет о результатах совместной работы по определению возможностей использования биоресурсов в СРВ. Кроме этого, сотрудники ТИНРО прочли хайфонским коллегам ряд лекций, важных для дальнейшей совместной работы. Они также познакомили своих гостей с лабораториями института. Научное сотрудничество будет продолжать развиваться. Его перспективы обсуждались в ходе визита во Владивосток в июне 1987 г. делегации НЦНИ СРВ во главе с президентом центра профессором Нгуен Ван Хиеу.

Важный вклад в дело укрепления дружбы и сотрудничества между жителями Владивостока и Хайфона, между советским и вьетнамским народами вносит Владивостокское городское отделение Общества советско-вьетнамской дружбы. В минувшем году отделение торжественно отметило свое 15-летие. За это время оно значительно выросло. Если в 1971 г. в него входило 9 первичных организаций, которые объединяли 17 тыс. активистов, то сейчас — 52, насчитывающие около 50 тыс. человек. Активисты проводят вечера, митинги и собрания, посвященные знаменательным датам вьетнамского народа, декады и месячники советско-вьетнамской дружбы, знакомят жителей города с историей вьетнамского народа, его обычаями и традициями. Они также проводят интернациональные встречи с вьетнамскими гражданами, находящимися на учебе и стажировке в Приморье. Недавно, например, активисты ОСВД оказали помощь руководству Артемовской фабрики бельевого трикотажа в подготовке к приему на учебу и работу большой группы вьетнамских девушек из Хайфона и других районов Вьетнама. На фабрике были прочитаны лекции и проведены беседы о Вьетнаме, организован семинар для преподавателей русского языка, которым предстоит обучать вьетнамских работниц русскому языку. Повара фабричной столовой, где будут питаться девушки из Вьетнама, познакомились с секретами вьетнамской кухни.

Большую работу по укреплению советско-вьетнамской дружбы и распространению изучения вьетнамского языка проводит Дальневосточный государственный университет, являющийся первичной организацией ОСВД. Преподаватели и студенты восточного факультета руководят кружками вьетнамского языка, которые посещают не только учащиеся, но и рабочая молодежь Владивостока. В университете регулярно выходит стенгазета «Вьетнам: страна и люди», проходят вечера вьетнамской поэзии. Издательство университета выпустило в свет в прошлом году «Учебный вьетнамско-русский словарь», который стал полезным подспорьем для студентов, а также всех желающих изучать язык героического народа. А таких людей во Владивостоке немало. Вот что, например, написала школьница Света Овчинникова, изучающая вьетнамский язык во Дворце пионеров: «Меня восхищает мужество вьетнамского народа, боровшегося против американских агрессоров. Мы не раз читали и слышали о подвигах детей, наравне со взрослыми вставшими на защиту своей родины. И сейчас мы очень рады, что над землей Вьетнама мирное небо и что вьетнамский народ может спокойно строить социализм. Дружба между нашими народами должна крепнуть и развиваться. Ведь только единство народов поможет отстоять мир на Земле. Я изучаю вьетнамский язык, чтобы внести свой скромный вклад в это большое и важное дело».

Правление Владивостокского отделения ОСВД поддерживает связи с Правлением Хайфонского отделения Общества вьетнамо-советской дружбы (ОВСД). В сентябре во Владивостоке находилась делегация Хайфонского отделения ОВСД, которую возглавлял заместитель председателя правления, председатель Отечественного фронта Хайфона товарищ Ле Тоан. Члены делегации посетили предприятия, первичные организации общества, познакомились с их работой. В Правлении состоялась встреча с активистами, где обсуждались дальнейшие перспективы сотрудничества. Товарищ Ле Тоан передал отчет о работе Хайфонского отделения за 1986 г. и за первую половину 1987 г. В ходе визита обе стороны пришли к заключению о необходимости более целенаправленной работы, для чего были обсуждены вопросы о необходимости заключения соглашения о сотрудничестве двух обществ дружбы.

В рамках сотрудничества двух обществ в настоящее время ведется работа по изданию совместной советско-вьетнамской книги «Мост дружбы». Она рассказывает об экономических, торговых, культурных связях Владивостока и Хайфона. Анализируя состояние контактов и сотрудничества между нашими городами-побратимами, необходимо взглянуть на этот вопрос с позиций решений XXVII съезда КПСС и VI съезда КПВ, которые глубоко созвучны. Несмотря на многообразие нашего сотрудничества, следует все же признать: не все резервы еще используются. Богатый опыт взаимодействия накоплен между нашими странами, контакты на высоком уровне обрели прочные традиции. А вот на уровне городов здесь — непочатые возможности. Мы много сейчас говорим о перестройке. По-видимому, она должна коснуться и отношений городов-побратимов и вообще тех городов, между которыми исторически сложились добрососедские связи. Эти связи выходят на принципиально новый уровень, им следует придавать конкретное содержание, преодолевать формализм.

Трудящиеся Владивостока по праву гордятся братской дружбой с тружениками Хайфона. Мы единодушно поддерживаем курс нашей партии и государства, направленный на укрепление советско-вьетнамской дружбы и сотрудничества.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Творческий путь Сюй Бэйхуна

Т. А. Пострелова. Творчество Сюй Бэйхуна и китайская художественная культура Китая XX в. М., «Наука», 1987. Главная редакция восточной литературы, 264 с.

Жизнь и деятельность любого большого художника — тема неисчерпаемая. Неизбежным этапом на пути ее освоения становятся обобщение и систематизация накопленных сведений, позволяющие уточнить проблематику и направления дальнейшей работы. К таким обобщающим трудам относится рецензируемая книга.

Мастер, которому она посвящена, — Сюй Бэйхун (1895—1953) — входит в число выдающихся живописцев Китая. Его роль в истории духовного развития китайского общества сопоставима с ролью Лу Синя, Лао Шэ, Тянь Ханя. Как и в произведениях этих литераторов, в его полотнах воплотилось стремление прогрессивной интеллигенции страны к возрождению национальной культуры на основе демократических идеалов, синтеза лучших ее достижений с передовыми эстетическими принципами и методами их выражения, рожденными иной культурной традицией.

Очерчивая круг задач исследования, автор справедливо увязывает становление художественных взглядов и почерка Сюй Бэйхуна с ключевыми проблемами развития искусства Китая первой половины нашего столетия, такими, как поиск путей творческого осмысления действительности, выработка новых изобразительных средств, формирование реалистической художественной школы (с. 14). Описание жизненного пути Сюй Бэйхуна, хотя и систематизированное главным образом хронологически, осуществляется в соответствии с выношенной и обдуманной концепцией его творческого облика и исторического места.

Первые профессиональные шаги в

искусстве Сюй Бэйхун сделал еще в отрочестве, помогая отцу — деревенскому художнику — в изготовлении лубочных картинок и благопожелательных каллиграфических надписей. В 1914—1915 гг. он занимался в шанхайском Институте изобразительных искусств, но крайняя стесненность в средствах вынудила его бросить учебу. В 1916 г. он поступил на работу в книжный магазин одного из издательств Шанхая. Общение с профессиональными живописцами, с участниками революционно-демократического движения немало способствовало расширению его культурного кругозора, формированию передовых взглядов на искусство и общество. Начав некогда с обучения у художника-лубочника, чье ремесло основывалось на мировосприятии простонародья и считалось недостойным внимания людей просвещенных, он постепенно, под руководством высококлассных мастеров, овладевал секретами живописи гохуа, которая в то время в значительной степени оставалась выражением «книжной», рафинированной традиции. Важно отметить, что слияние в творчестве художника двух пластов национальной культуры ощущается и в его поздних произведениях.

Хотя работы Сюй Бэйхуна, выполненные в традиционной манере, уже в 1917 г. получили некоторое признание и приобрелись ценителями, тем не менее он все отчетливее сознавал, что «замкнуться в пределах национального искусства — значит обескровить его и погубить» (с. 21). Чтобы глубже понять европейскую культуру, он начал изучать французский язык. Сюй Бэйхун мечтал посетить Францию, но в разгар первой мировой войны поездка туда была невозможна. В 1919 г. он побывал в Японии, однако в результате знакомства с искусством этой страны у него сложилось впечатление, что для японских художников актуальными были те же проблемы, что и для китайских (с. 21).

Наконец осуществилась его мечта: с группой студентов он был направлен на учебу во Францию за государственный счет.

В Париж Сюй прибыл довольно зрелым мастером гохуа, но европейскими методами рисунка и живописи ему пришлось овладевать с азов. Сначала он занимался в Академии Жюльена, затем — в Парижском высшем художественном училище, одновременно брал уроки у из-

вестного живописца Даниана-Бувре. Хотя в 1921—1927 гг. Сюй Бэйхун нередко покидал Францию, тем не менее этот отрезок жизни художника автор правомерно относит к парижскому периоду, поскольку из всех поездок Сюй неизменно возвращался в Париж. Прощание с этим городом в конце 1927 г. было ознаменовано для него организацией персональной выставки.

О том, как происходило формирование художественного почерка Сюй Бэйхуна, рассказывают описания произведений, созданных им в то время. К сожалению, отсутствие среди иллюстраций репродукций большинства из них не даст читателю возможности воочию убедиться в справедливости авторских замечаний. Вместе с тем не вызывает сомнения утверждение автора о том, что созданные тогда произведения Сюй Бэйхуна еще не столь глубоки, как работы, относящиеся к 30-м гг., когда ему становится под силу воплощение социальной тематики (с. 32).

По возвращении на родину он, уже признанный виртуоз кисти, почетный член Общества французских художников, с энтузиазмом приступил к преподавательской деятельности, передавая ученикам свое понимание реалистического метода, трактуемого как сочетание «традиционных приемов китайской классической живописи... средств изображения, принятых в европейском искусстве, и нового осмысления действительности» (с. 41). Своеобразие и широта этого толкования проявляются, в частности, в том, что Сюй Бэйхун был горячим почитателем и пропагандистом творчества Ци Байши, которого называют «самым китайским» из художников Китая нашего столетия: его творческие методы во многом противостоят тем, что проповедовал Сюй Бэйхун. Работы Сюй Бэйхуна, выполненные в конце 20-х — начале 30-х гг., говорят о богатстве его ассоциативно-образного мира. Наряду с произведениями, легко воспринимаемыми по привычным для нас эстетическим меркам (например, портреты), он создает картины, требующие знания литературного наследия, истории и культуры Китая. В тот период все отчетливее выявляется гражданственная направленность его творчества. Важно отметить, что картины, выражающие отношение художника к социальному неравенству, несправедливости, подчеркнута национальн

но по форме, напоминая морализующие лубки (например, «На тему стихотворения Ваи Фаньчжи»); в то же время сюжетам, взятым из национальной истории («Ожидание», «Тянь Хэн и пятьсот преданных»), художник придавал эпическое наполнение с помощью композиционных и живописных приемов, характерных для европейского изобразительного искусства, прежде всего для полотен на религиозные и исторические темы. Сюй Бэйхун предостоял еще длительный творческий поиск, прежде чем он добился подлинно органичного сочетания национальной простонародной и литературной символики с образами общечеловеческого звучания, традиционных китайских живописных приемов с современными европейскими на одном полотне.

В 1933—1934 гг. за пределами Китая прошел ряд выставок китайской живописи, на которых были представлены и работы Сюй Бэйхуна. Устраивались также его персональные вернисажи: во Франции, Бельгии, Германии, Италии. В мае — июне 1934 г. Сюй Бэйхун как директор выставки китайского искусства посетил Москву и Ленинград. В книге скрупулезно освещаются технические подробности организации выставки, ее состав, отзывы прессы о представленных на ней работах, контакты Сюй Бэйхуна с деятелями культуры и искусства нашей страны. Сюй Бэйхун состоял в переписке с руководителями Всесоюзного общества культурных связей с зарубежными государствами, с искусствоведами, а также с художниками: Л. Бруни, И. Грабарем, Е. Кибриком, П. Кончаловским, И. Машковым, М. Нестеровым, В. Фаворским и др. Он обменивался с ними литературой, репродукциями, гравюрами, высылал картины китайских художников для советских музеев (с. 69—97). В 1935 г., когда было создано китайско-советское культурное общество, Сюй Бэйхун вошел в состав его президиума. Он энергично помогал организаторам выставки советской графики в Нанкине и Шанхае в конце 1935 — начале 1936 г., усматривая в культурном обмене путь к «взаимопониманию в области идеологии, образа жизни и взаимоуважению народов» (с. 100).

Автор выделяет работы Сюй Бэйхуна, созданные в 30-е гг., в отдельный этап его творчества, который знаменуется духовным контактом мастера с искусством социалистического реализ-

ма (с. 120). Безусловно, неправомерно было бы искать непосредственный отпечаток нового метода во всех произведениях Сюя. В целом верное утверждение автора о том, что в тот период «покойная созерцательность, лирическая грусть или же романтическая тональность парижских произведений дополняется или сменяется взволнованностью... пафосом» (с. 120), справедливо только для определенных картин. Эмоциональный диапазон художника оставался чрезвычайно широким. Многие описанные в книге пейзажные работы вызывают скорее ощущение гармонии, света, покоя (с. 121—123). Отзвуки политических бурь порой прорываются лишь полунамеком, иногда только в названиях работ (например, «У храма Цзимин» — имя собственное переводится как «Крик петуха», символ пробуждения и победы), временами — в аллегорической образности внешне социально нейтральных, «спокойных» сюжетов.

Творческая деятельность Сюй Бэйхуна в 30-е гг. осложнялась преследованиями со стороны гоминьдановской реакции, недовольной проводившейся им пропагандой советского искусства, а также его участием в движении за установление единого фронта политических сил страны, прежде всего гоминьдана и компартии, перед лицом агрессивной политики Японии. В выступлениях китайской прессы того времени Сюй Бэйхун называли «центром волнения художественных кругов Китая» (с. 116).

Развернутая летом 1937 г. милитаристской Японией широкомасштабная агрессия против Китая вызвала в стране мощный патриотический подъем. Сюй Бэйхун принимал участие в создании плакатов и агитационных лубков, жертвовал средства для поддержки беженцев и борцов сопротивления. Однако прежде всего общественная активность художника-гражданина отражалась в его полотнах. Даже находясь за рубежом — в Малайзии, Сингапуре, Индии, — Сюй Бэйхун наряду с портретами и местными пейзажами создавал циклы, проникнутые национальными китайскими мотивами. И его предшественники умели раскрывать сложнейшие философские и нравственные проблемы в незатейливых, на неискушенный взгляд, сюжетах — изображениях животных, расте-

ний, ландшафтов. Но почти никто до Сюй Бэйхуна не мог с такой силой отразить во внешне простой тематике осмысление художником своей эпохи, раздумья о судьбах родины.

В 1939 г. он приступил к созданию полотна, которое может рассматриваться как одно из его высших творческих достижений. Даже оставшись незавершенным вследствие высочайшей требовательности художника к своему труду, оно поражает зрителя силой и масштабностью звучания, мастерством и органичностью соединения разнородных — европейских и китайских — живописных и композиционных приемов. Издревле в Китае была популярна притча о старце Юй Гуне, задумавшем передвинуть мешавшую земледельцам гору. Заведомо непосильный труд увенчался успехом благодаря помощи богов, пораженных мужеством и упорством Юй Гуна. На картине Сюй Бэйхуна «Юй Гун передвигает гору» мы видим подчеркнуто земных, сильных, сплоченных общей целью людей, которых не страшит громадность стоящей перед ними задачи. Традиционное для китайского искусства обращение к легендарному сюжету обрело особый смысл в условиях самоотверженной борьбы народа Китая против агрессора. Автор омекает, что в «Юй Гуне» Сюй Бэйхун поднялся «до социального активного искусства с четко поставленными акцентами места и значения объединенных в упорной борьбе народных масс» (с. 149).

В 1946 г. Сюй Бэйхун занял должность ректора Пекинского художественного училища. Автор подробно раскрывает самобытные педагогические принципы и приемы Сюй Бэйхуна, который вводил на ранних этапах обучения обязательную работу с живой моделью, побуждая студентов к определенному обобщению, типизации образа; вычленял народное декоративное творчество в отдельный курс; поэтапно оценивал учебные композиции и т. п. (с. 173—179). Написанные им в эти годы журнальные статьи полны активного неприятия формализма, консерватизма в творчестве. Он призывал обратиться к лучшим образцам истории не только китайской, но и зарубежной культуры, убеждал в необходимости создания искусства, «богатого социалистическим содержанием и интернационального по форме» (с. 180). Реакционеры организовали бешеную травлю Сюй Бэй-

хуна, выдвинув лозунг «Опрокинуть Сюя!». Гоминьдановское министерство просвещения требовало, чтобы он покинул Пекин, его единомышленники изгнались с преподавательских постов (с. там же).

После образования КНР Сюй Бэйхун с увлечением ушел в работу по пропаганде социалистического искусства, подготовке нового поколения художников и эстетическому воспитанию масс. Он участвовал в I и II Всекитайских съездах деятелей литературы и искусства (1950 и 1952 гг.), был избран членом правления Общества китайско-советской дружбы, председателем Всекитайского союза работников изобразительного искусства. В 1950 г. сбылись его давние чаяния: возглавляемое им Пекинское художественное училище было преобразовано в Центральный институт изобразительных искусств (иногда в литературе именуется Академией художеств) — общегосударственный центр, на который возлагались не только функции непосредственной подготовки живописцев, скульпторов, графиков, но и научно-методическое руководство художественным образованием в стране. Это учебное заведение Сюй Бэйхун возглавлял до самой своей кончины, последовавшей 26 сентября 1953 г.

Очевидной заслугой Т. А. Постреловой является то, что ей по крупицам удалось собрать свидетельства советских людей, лично встречавшихся с Сюй Бэйхуном. Некоторых из них уже нет в живых, и мгновения жизни таланта, нюансы впечатлений, формирующие в представлении потомков его облик, могли пропасть для нас навсегда. Удачной находкой выглядит также завершение повествования оценками творчества Сюй Бэйхуна, которые даны современными представителями художественной интеллигенции Китая (с. 201—204).

Вероятно, большего внимания заслуживает положение об интересе Сюй Бэйхуна к «пластам народной мудрости» (с. 145). Должный учет лубочных мотивов в мироощущении и творчестве этого мастера позволил бы, в частности, расшифровать сюжет одного из его произведений, обозначенного в альбоме иллюстраций и в приложении к тексту каталоге как не имеющее названия (илл. 26). Изображение длинноволосых улыбающихся двойников в одежде из ливны, с огромной жабой на руках ги-

пично для благопожелательных лубков: это образ «дарующего богатство» даоского святого Лю Хара, слившегося в сознании простых китайцев с гениями Согласия и Единения — Хэ Хэ. Примечательно, что Сюй Бэйхун часто дарил друзьям нарисованные им картинки с пожеланиями благополучия.

Донесенная до читателя концептуальная схема творческого становления Сюй Бэйхуна убедительно раскрывает основные черты эволюции художественной культуры Китая в рассматриваемый период. В то же время путь Сюй Бэйхуна — от лубка к высокопрофессиональному владению живописью гоухуа, затем к проникновению в глубины западной культуры и совершенствованию в технике европейской художественной школы, к все более полному и органичному слиянию способов видения мира и манер воплощения художественного замысла, присущих разным культурам, к совершенствованию методов эстетического осмысления социальной тематики, к эффективному претворению в преподавательской и общественно-политической деятельности своих жизненных и творческих идеалов — предстает как непрерывный поступательный процесс, не знающий сбоев, компромиссов, противоречий. Между тем только приведенные автором высказывания Сюй Бэйхуна о предназначении художественного творчества, о реалистическом методе, о принципах обучения живописцев свидетельствуют о сложности, подчас парадоксальности его взглядов. Эти противоречия разрешаемые в произведениях и педагогической деятельности благодаря гениальной интуиции художника, были неизбежным отражением проблем переломного для судеб нации и ее культуры периода.

За рамками авторского интереса остался еще ряд вопросов, немаловажных для раскрытия темы. Однако ее широта не позволяет судить о книге на основании того, что в ней нашла отражение не вся проблематика, имеющая отношение к творчеству Сюй Бэйхуна. Исследование Т. А. Постреловой представляет собой существенный шаг в деле упрочения уз духовного общения между двумя народами и заслуживает благодарного внимания не только специалистов, но и широкого круга читателей.

А. Г. ЮРКЕВИЧ

Маньчжурия в эпоху феодализма

История Северо-Восточного Китая XVII — XX вв. Книга первая. Маньчжурия в эпоху феодализма (XVII — начало XX в.). Владивосток. Дальневосточное книжное издательство. 1987. 423 с.

Дальневосточное книжное издательство выпустило в свет первую книгу «Истории Северо-Восточного Китая», написанную большим коллективом ученых-дальневосточников. Она посвящена периоду истории Маньчжурии (современное наименование — Дунбэй, что в переводе означает «Северо-Восток») со времени образования государства Маньчжоу в конце XVI — начале XVII в. до 1917 г. Монография представляет собой итог многолетней работы, в которой авторы на основе марксистско-ленинской методологии обобщили накопленные мировым востоковедением знания о Маньчжурии и ее народах, занимающих особое место в истории стран Дальнего Востока.

Необходимость в таком издании созрела давно, в современной историографии до сих пор не было ни одного комплексного исследования по истории Маньчжурии, и это вынуждало всех, занимающихся маньчжурской проблемой, пользоваться трудами буржуазных авторов¹. Актуальность данной публикации определена также необходимостью разоблачить разного рода фальсификации истории Маньчжурии и ее народов в современной литературе, основывающейся на традиционной феодальной историографии Китая.

Авторы широко использовали русские, китайские, японские и другие источники и публикации, показав высокий уровень знания историографии Маньчжурии.

Начальные разделы посвящены истории Маньчжурии до завоевания Китая Цинами в 1644 г. Это небольшая по объему, но очень важная и интересная часть рецензируемой книги. В ней приведены общие сведения о далеких и близких предках маньчжуров, их в основном идентичной материальной и духовной культуре. Сменяя друг друга, с незапамятных

времен жили они на территории современного Дунбэя и на соседних землях. Приведенный материал доказывает несостоятельность попыток некоторых представителей современной китайской историографии не признавать этническую самобытность маньчжуров и рассматривать их как часть некоей «единой ханьской нации». Факты показывают также, что формирование маньчжурской народности произошло на ограниченной территории Цзяньчжоу. Ядром племенного объединения были цзяньчжоусские чжурчжэни.

Большое научное и практическое значение имеет подробный анализ маньчжурской экспансии в северном и северо-восточном направлениях при правителе страны Нурхаи и затем при его сыне Абахэе. Привлеченный материал убедительно свидетельствует, что главной целью этих военных походов был захват в плен местного населения для пополнения маньчжурской восьмизнаменной армии, а не включение земель этих народов в состав маньчжурского государства.

Анализ хозяйственной деятельности маньчжуров неоспоримо свидетельствует, что все основные виды ее маньчжуры унаследовали от своих непосредственных предков — чжурчжэней. Конец первой главы посвящен взаимоотношениям чжурчжэней и маньчжуров с соседними народами на принципах традиционной феодальной политики «кнута и пряника». С Китаем маньчжуры в 1618 г. вступили в военный конфликт, приведший к захвату ими Пекина в 1644 г.

Большое внимание уделяется в книге истории Маньчжурии после захвата Китая, причем специально рассматривается вопрос о границах Маньчжурии в XVII в. Приведенные веские аргументы убедительно свидетельствуют, что в тот период территория Маньчжурии ограничивалась землями Мукдена (современное название — Ляонин), ее граница была обозначена линией так называемого Ивового палисада, за пределами которого жили независимые местные племена, традиционно управлявшиеся вождями и старшинами. Строительство Ивового палисада в середине XVII в. намного расширило пределы Маньчжурии, вопреки утверждениям некоторых зарубежных историков². Во второй главе даются также сведения о местном административном управлении Маньчжурии, социальных процессах в жизни маньчжурского знаменитого населения, организации восьмизнамен-

ных войск, а также хозяйственной деятельности жителей во второй половине XVII в.

На основании новейших достижений советской историографии авторы подробно освещают агрессивную внешнюю политику Цинской империи во второй половине XVII в. против России в Приамурье, вошедшем в состав русского государства в середине XVII в. Важно, что эта политика являлась частью общей агрессии, проводившейся сильнейшим государством Восточной Азии того времени в отношении всех своих соседей. Особое внимание обращено на конкретную историческую обстановку заключения русско-цинского Нерчинского договора 1689 г. (первого договора Китая с европейской державой), без чего нельзя и верно оценить дальнейшее развитие русско-китайских отношений. В специальной главе подробно рассматриваются методы и формы маньчжурской дипломатии, в том числе на переговорах в Нерчинске, когда решение амурской проблемы было перенесено из военной сферы в дипломатическую. Множество фактов неоспоримо доказывает, что Нерчинский договор, навязанный России цинским правительством силой оружия, не отражал исторически сложившейся границы между двумя государствами и был крайне несовершенен с международно-правовой точки зрения. Вместе с тем Нерчинский договор легализовал двустороннюю торговлю, которая переместилась в города Нерчинск и Селенгинск, ставшие в конце XVII в. важными центрами торговли России с Китаем.

В главе «Упрочение Цинского государства и развитие феодальных отношений в Маньчжурии (XVIII — первая половина XIX в.)» рассматривается структура административного аппарата, созданного в Гиринской и граничащей с Россией Хэйлуцзянской провинциях. С привлечением большого фактического материала подробно анализируется этнический вопрос и этническая политика цинского правительства, запрещавшая переселение китайцев в Маньчжурию, которую Цины считали священной родиной своих предков и главной опорой угнетения китайского народа. Как показало исследование, эта политика потерпела неудачу, местные маньчжурские власти были не в состоянии справиться с потоком китайских переселенцев, маньчжур-

ская народность начала быстро растворяться в массе китайского населения. Земледелие получило действительное развитие в Маньчжурии в ходе заселения всей ее территории китайскими колонистами. Интересна эволюция форм землевладения и землепользования в этот период.

Авторы подробно анализируют развитие русско-китайской торговли на Дальнем Востоке. Караванная торговля с учетом национальных интересов сыграла важную роль в экономическом сближении двух государств. В книге вскрыты причины застоя торговли в Кяхте к середине XIX в. Решающее влияние оказали Кульджинский договор 1851 г. и легализация караванной торговли в Синьцзяне.

Во второй половине XIX в. проявился кризис цинского господства в Китае, обостренный агрессией иностранных держав. Важно отметить, что авторы четко определили роль России в борьбе держав за раздел «сфер влияния» в Китае. Западноевропейские страны и США стремились к экономическому и политическому закабалению Китая, навязывая ему неравноправные договоры. Россия же была заинтересована в развитии русско-китайской торговли и обеспечении безопасности своих границ на Дальнем Востоке, поэтому стремилась к сохранению с Китаем равноправных добрососедских отношений.

Исключительно важная проблема — формирование русско-китайской границы на Дальнем Востоке во второй половине XIX в. Изложенный в соответствующем разделе материал доказывает, что установление русско-китайской границы проходило мирным путем посредством заключения русско-китайских договоров. Последний из них — Пекинский дополнительный договор 1860 г. (подтвердивший и пояснивший Айгуньский и Тяньцзиньский договоры 1858 г.) — подвел итог важного этапа в развитии русско-китайских отношений, определил современную линию границы на восточном ее участке и заложил основы разграничения на западном. В книге дается и объективная оценка союзного договора России с Китаем, заключение которого явилось результатом сближения интересов обеих стран. Подчеркивая его значение для безопасности России и Китая, авторы вместе с тем справедливо отмечают, что строительство КВЖД через Маньчжу-

рию, разрешенное одной из статей этого соглашения, свидетельствовало об экспансионистских устремлениях русского капитала в Маньчжурии.

Один из параграфов пятой главы книги отведен анализу структуры русско-китайской торговли как основной формы экономических отношений русского Дальнего Востока и Маньчжурии. Весьма существенно, что в торговле были заинтересованы обе стороны и что правила ее ведения были зафиксированы в соответствующих договорных актах. Важное значение имеет раздел, относящийся к дальнейшему заселению и хозяйственному освоению земель Маньчжурии во второй половине XIX в. Особое внимание уделяется причинам, вызвавшим изменения в политике цинского правительства в вопросе переселения китайских крестьян в Маньчжурию, важнейшей из которых были военно-стратегические соображения. Китайская колонизация, как показывают авторы, была одной из главных причин коренных изменений в экономическом развитии Северо-Востока, разрушения отсталых форм хозяйствования.

Большой интерес представляет освещение в монографии проблем, связанных с социально-экономическим развитием Маньчжурии в конце XIX — начале XX в. Анализируется новый этап китайской колонизации Северо-Востока, последовавший за отменой в 1878 г. всех ограничений на переселение китайцев в Маньчжурию и в связи с началом строительства КВЖД. На основе многочисленных данных авторы показывают, что основной поток китайских переселенцев, в основном из Шаньдуна и Чжили, направлялся на север Маньчжурии, которая до начала века оставалась малонаселенной окраиной Цинской империи. Подробно рассматриваются формы колонизации Маньчжурии в начале XX в., административное переустройство в связи с усилением колонизации и созданием в Маньчжурии крупных городов, торговых сел и других населенных пунктов.

Один из разделов книги специально посвящен строительству КВЖД, что вместе с другими русскими предприятиями объективно способствовало экономическому развитию Маньчжурии, созданию фабрично-заводских предприятий, развитию капиталистических отношений в сельском хозяйстве, оказало

большое влияние на внешнюю торговлю. Отдельный параграф книги авторы отводят такой важнейшей для Маньчжурии проблеме, как аграрные отношения: разложению и трансформации военно-феодалного землевладения, развитию частной собственности на землю, формированию помещичьего землевладения, формам концентрации земли в руках маньчжурских помещиков и зажиточных крестьян. В конце первого десятилетия XX в. институт частной собственности на землю в системе аграрных отношений Маньчжурии стал основным и определяющим. Авторы исследуют также роль торгового земледелия Маньчжурии как развитого района Китая, ведущее место во внутренней и внешней торговле которого заняла продукция специализированного сельского хозяйства.

Один из разделов книги посвящен социально-экономическому развитию страны, первым классовым выступлениям рабочих, росту его самосознания, рассказывает о том, как под воздействием русской революции 1905—1907 гг. произошло постепенное вовлечение рабочего класса в революционное движение.

Последняя, седьмая глава рецензируемой книги посвящена самому крупному событию в новой истории Китая — Синьхайской революции 1911—1912 гг., которая имела прогрессивное значение для полуфеодалной страны, низведенной империализмом до положения полуколонии. В ней говорится о борьбе империалистических держав за сферы влияния в Маньчжурии в начале XX в., подробно рассматривается процесс вызревания революционных предпосылок в Китае, приведших к революции, анализируется расстановка сил на политической арене в стране и на Северо-Востоке. К 1917 г. Дунбэй оказался фактически захвачен Чжан Цзолинном, который вскоре вместе с другими могущественными милитаристами страны вступил в борьбу за контроль над центральным правительством Китая.

Первая книга монографии представляет собой весьма солидный труд. Мы полагаем, что он будет встречен с большим интересом не только специалистами-китаеведами, но и всеми, кто интересуется историей Китая и народов Азии³.

Вместе с тем хотелось бы высказать пожелание коллективу авторов, работающему в настоящее время над второй книгой «Истории Северо-Восточного Ки-

тая», обратить большее внимание на вопросы истории культуры.

И. Т. МОРОЗ,
кандидат филологических наук

¹ Lee, Robert H. G. The manchurian frontier in Ch'ing history. Cambridge (Mass.), Harvard univ. press, 1970; Quesled, R. K. I. The expansion in East Asia 1857—1860. Kuala Lumpur, Singapur, Univ. of Malaya press, 1968.

² Лю Сюаньминь. Цин кайгочу чжэнфу чжубу цзяньюй као (К вопросу о местах проживания различных племен, покоренных в начале образования государства Цин).— «Яньцин сюэбао», 1938, № 23.

с. 182; Chen A. Chinese frontier diplomacy.— "The Venching journal of social studies", 1949, № 4, p. 99—205; Chen V. Sino-Russian relations in the seventeenth century. The Hague, 1966.

³ В период подготовки этой работы авторским коллективом были выпущены ценнейшие библиографические указатели: История Маньчжурии XVII—XX вв. Библиогр. указ. АН СССР. (Дальневосточный научный центр. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока). Кн. I. Владивосток, 1981. Труды по истории Маньчжурии на русском языке (1781—1975 гг.). Владивосток, 1981; История Северо-Восточного Китая: Библиогр. указ. (АН СССР. Дальневосточный научный центр. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока). Ч. 1—2. М., 1986.

Советский Союз глазами японцев

Японские писатели о Стране Советов. Составитель, автор послесловия и примечаний Г. Г. Свиридов. Л., 1987, 254 с., ил.

Рецензируемая книга завершает публикацию Лениздатом серии «XX век: два лица планеты». В сборник вошли работы (или отрывки из них) японских прозаиков, поэтов, драматургов, литературоведов, переводчиков, деятелей искусства, публицистов. Среди них имена широко известные — Сэн Катаяма, Юрико Миямото, Тацуо Курода, Тосико Маруки, Кадзуо Ямада, Акира Курогава. Есть имена и новые для советского читателя — их произведения даны в переводе составителя сборника кандидата филологических наук Георгия Свиридова; он же написал и послесловие «Интерес японцев к русским делам растет...»

Сборник открывает статья Сэн Катаяма «Советская Россия становится популярной среди японцев», помещенная в «Петроградской правде» 27 января 1922 г.

Основатель коммунистической партии Японии пишет: «Вопреки лжи и измышлениям о Советской России на страницах японских газет со дня Октябрьской революции, несмотря на весь гнет и преследование большевистского движения и его органов печати со стороны милитаристского правительства Японии, интерес японцев к русским делам растет, и Россия стала предметом восхищения рабочих, интеллигенции и учащихся. Значительная часть японского народа не обращает более внимания на буржуазную ложь и извращения, которые распространяют представители мирового империализма» (с. 4—5). С. Катаяма приводит примеры — выпуск в императорском Токийском университете ежемесячника «Народ», объективно освещающего события в Советской России, ряд материалов в других радикальных журналов в поддержку развития дружественных отношений с нашей страной; перевод, несмотря на строжайшую цензуру, классических трудов по социализму и многое другое, свидетельствующее о пробуждении общественного сознания в Японии, понимании японской молодежью, в частности, необходимости коренных перемен в ее жизни.

Широко известно благотворное влияние русской классической литературы на творчество писателей самых разных стран. В Японии предметом особого поклонения давно стали Л. Толстой и

Ф. Достоевский. Почетное место принадлежит А. Чехову, его прозе и драматургии. Общеизвестна путеводная роль М. Горького, его произведений и самой личности писателя для формирования молодой пролетарской литературы Японии, обладающей ныне большой и славной историей. Естественно поэтому включение в сборник воспоминаний о встречах с Горьким сразу трех японских литераторов — Нобори Сэму, Отокити Курода и Юрико Миямото. Последняя под впечатлением встречи писала: «И в моей жизни это было мгновением, если иметь в виду только время. Но навсегда я сохранию в моей душе то чувство доверия, которое возникло у меня к нему, то впечатление, которое произвел на меня этот Человек, шагавший с неиссякаемой энергией и душевной силой по жизни навстречу сегодняшнему дню» (с. 35). Шел 1928 г. — в жизнь претворялся первый пятилетний план. Ю. Миямото, тогда еще молодая писательница, жила в то время в СССР, знакомясь с нашей действительностью. Она много путешествует, бывает на заводах, фабриках, в колхозах, школах, больницах, театрах, книжных магазинах. Увиденное и пережитое ложится в основу статей и очерков «Это действительно новые советские люди», «Пятилетний план и скачок в развитии советской культуры», «Летний отдых советских рабочих», «Письмо к младшей двоюродной сестре» (о посещении детского дома в Москве). Героиня последнего очерка после встречи с воспитателями и детьми записывает в тетрадь отзыв: «Товарищи! Мы очень рады, что смогли встретиться с вами. Как радостно, что мы увидели, как живете вы, люди нового, советского общества! Желаем вам хорошей работы, и пусть как можно скорее дети всего мира заживут такой жизнью, какой живут дети Советского Союза. Да здравствует страна трудящихся — Советский Союз!» (с. 70). Кое-кому в наше прагматичное время эти фразы могут показаться излишне восторженными, но не следует забывать, что написаны они в 1932 г. в Японии писательницей-коммунисткой, пять раз подвергавшейся тюремному заключению за свою литературную и общественную деятельность и до конца своей жизни (1951) остававшейся верным другом нашей страны.

Материалы сборника свидетельствуют о в высшей степени уважительном отношении прогрессивной части японского общества к личности и трудам В. И. Ленина. Известный японский киновед Акира Ивасаки, автор фундаментальной «Истории японского кино», называет Ленина самым непосредственным и самым великим своим учителем (с. 22). Еще в университете, вспоминает Ивасаки, его товарищ-первокурсник дал ему прочитать по-немецки (японских переводов произведений В. И. Ленина тогда еще не существовало) труд вождя об империализме. Это была первая революционная книга, которую довелось читать Ивасаки. «Помню, — пишет он, — как после прочтения ее у меня мелькнула мысль: видимо, именно о таком ощущении люди говорят, что «пелена спала с глаз...» Я считаю, что эта книга была первой точкой, связавшей меня с идеями коммунизма» (с. 23).

Один из авторов сборника, прогрессивный японский писатель Хироси Нома, отвечая в 1970 г. на анкету журнала «Иностранная литература», состоящую из двух вопросов (При каких обстоятельствах вы впервые познакомились с именем В. И. Ленина? В чем вы видите актуальность ленинизма сегодня?), в частности, писал: «Ленина я начал читать, еще когда учился в старших классах средней школы и готовился к поступлению в университет... Я прочел письма В. И. Ленина к Горькому, «Лев Толстой, как зеркало русской революции». Благодаря этим произведениям я смог впервые понять объективную связь между революцией и литературой.

Письма Ленина к Горькому ясно показали мне, как ценил великий революционер великого революционного писателя, с какой бесконечной мягкостью привлекал его на свою сторону, как бережно обращался с ним, как поддерживал его в минуты, когда это было особенно нужно легкоранимому сердцу писателя, как поощрял его создавать новые произведения. И когда мне бывало особенно тяжело, когда я испытывал состояние, близкое к отчаянию, я доставал письма Ленина к Горькому и вновь перечитывал их» (с. 20—21).

Об огромном влиянии работ В. И. Ленина на развитие японской литературы, и прежде всего на творчество пролетарских писателей Японии, рассказано

в статье литературоведа и критика Конти Охара «Ленин в японской литературе». Из дневника виднейшего пролетарского писателя Такидзи Кобаяси, погибшего в полицейском застенке в 1934 г., выдержки из которого приводит в своей статье К. Охара, видно, как упорно стремился он овладеть ленинизмом. «На В. И. Ленина ссылаются и герои почти всех произведений Такидзи Кобаяси — рабочие и интеллигенты, связавшие свои судьбы с деятельностью Коммунистической партии Японии, с борьбой за освобождение трудящихся» (с. 72).

К. Охара подчеркивает, что «в послевоенный период, несмотря на препятствия, чинимые реакционерами, несмотря на преследования и гонения, которым подвергается Коммунистическая партия Японии, учение В. И. Ленина находит все более и более широкое распространение в японском народе. Ныне на японский язык переведены все произведения великого учителя революции» (с. 76).

Действительно, японцы начинали знакомиться с работами В. И. Ленина в английских и немецких переводах, но уже в 1919—1920 гг. С. Катаяма переводит на японский несколько книг Ленина, в том числе «Государство и революция», которая дала ему и его соратникам «ключ к пониманию большевистской революции». В 20-е — начале 30-х гг. в Японии выходит несколько собраний сочинений В. И. Ленина — в 10 и 6 томах, издается сборник статей по аграрному вопросу. После войны (1953—1967) осуществлено издание Полного собрания сочинений В. И. Ленина в 42 томах.

С середины 30-х гг. и вплоть до окончания второй мировой войны в Японии почти полностью было прекращено издание переводов не только советской, но и русской классической литературы. Это было время строжайшей цензуры и жестоких репрессий против революционной литературы, арестов пролетарских писателей и деятелей искусств. Японская военщина вводит запрет на издание и чтение даже произведений буржуазно-либерального характера. Страну наводняет милитаристское чтиво типа журнала «Хинодэ» («Восход солнца»), романа «Дрожь Японии», воспевающих войну как «высшее моральное достижение, объединяющее людей

в одном национальном чувстве» (с. 242). Чем обернулся этот шовинистический угар — об этом лучше всех могут рассказать японские военнопленные, обретшие прозрение и раскаяние.

С интересным феноменом впервые столкнулся я в середине 70-х гг., когда в качестве переводчика при Русском академическом хоре под управлением А. В. Свешникова дважды в течение месяца пересек японский архипелаг с севера на юг и обратно. За время гастролей в 19 городах приходилось участвовать в десятках встреч и бесед, общаться с представителями самых различных слоев японского общества — от губернаторов и мэров крупных префектур и городов до владельцев маленьких магазинчиков, студентов, рабочих и служащих. Их отношение к нашей стране колебалось от плохо скрываемой неприязни до самого искреннего дружелюбия. Так вот — самое теплое, душевное расположение мы встречали у тех пожилых людей, кто волею судеб оказался после войны в наших лагерях для военнопленных. Факт на первый взгляд поразительный, однако вполне объяснимый. Убедительно пишет об этом составитель сборника Г. Г. Свиридов: «...Парни в мундирах Квантунской армии... ждали поголовного жестокого возмездия за преступления, совершенные японской военщиной, — и это возмездие казалось им неизбежным, неотвратимым. То же, что они увидели на самом деле, потрясло, перевернуло души — они увидели простое, естественное, человеческое к себе отношение» (с. 243). В очерке Ясуё Курихара «Матушка» японский юноша, бывший солдат, нравственно воскресает благодаря заботе о нем русской женщины, сын которой погиб в боях с японцами. Хироя Такаясуги в своем «Передвижном театре» рассказывает об агитбригаде военнопленных, на представление которой вместе с японцами приходили и работающие неподалеку советские люди. Эти нелюди, «смертельные враги японцев», (с. 243) собирали букеты полевых цветов и подносили их исполнителю главной роли — актеру «оннагата» (мужчине, исполняющему женскую роль. — Ю. Б.). Из таких зарисовок мы видим, как через общение с советскими людьми приходили к японским военнопленным душевное успокоение,

чувство симпатии к нашему народу, сохранившееся и сегодня.

С восстановлением дипломатических отношений в 1956 г. японцы как бы заново «открывают» для себя Советскую страну. Третий раздел сборника в основном включает в себя статьи и очерки, написанные в середине 50-х — начале 70-х гг.

Патриарх японской русистики Масао Энэкава трижды посетил нашу страну — в 1917, 1927 и 1954 гг. Свои впечатления о Стране Советов М. Энэкава изложил в книге «Путешествие в Советский Союз», изданной в Токио в 1954 г. В главах из этой книги, помещенных в сборнике, много внимания уделяется громадной работе, которая проводится в СССР по сохранению и реставрации бесценных зданий, музеев, памятников. Рассуждая о культуре и искусстве, автор сопоставляет факты, отдаленные друг от друга по времени, что помогает глубокому анализу явлений искусства. Интересны, на наш взгляд, заметки еще одного профессора-русиста — Тацуо Курода. Очерк «Мои впечатления о советском искусстве» взят из книги Т. Курода «365 дней в СССР», опубликованной в Токио в 1961 г. Книга Т. Курода стала для японских русистов ценным страноведческим пособием, документально отображающим советскую действительность того времени.

Читатель найдет в сборнике заметки о творчестве всемирно известного кинорежиссера Акира Куросава, подчеркивавшего, что он «воспитывался на русской литературе» (с. 233), и его коллеги Кэндзи Ёсида, сопостановщика совместного фильма «Москва, любовь моя», взявшего за это дело, «чтобы японские зрители лучше поняли Советский Союз, полюбили его» (с. 235).

и много других, разных по объему и глубине содержания, но неизменно проникнутых самыми дружескими чувствами к нашей стране работ или фрагментов из работ японских авторов.

Авторы сборника, в большинстве своем искренние друзья нашей страны, зачастую, особенно в первые годы и десятилетия Советской власти, справедливо усматривали в СССР единственную надежду на освобождение народов от гнета капитала. В силу этого они несколько идеализированно относились к нашей действительности. Думается, в послевоенное время, особенно после XX съезда КПСС, подобное отношение претерпело определенные изменения.

Сборник вышел в 1987 г., однако вошедшие в него работы японских авторов ограничиваются 1973 г. Маловероятно, что за последние 13—14 лет из-под пера японских писателей, публицистов, переводчиков, деятелей культуры не вышло ни строчки о Советском Союзе. Видимо, этому есть другие объяснения. Не исключено, на наш взгляд, что появлени новых работ на страницах сборника помешало наличие в них критических оценок некоторых сторон нашей деятельности. На эту мысль прямо-таки наталкивает преобладающая восторженность тона помещенных в книге статей, сливающаяся в панегирик советской стране и всем ее деяниям. Это, к сожалению, несколько снижает познавательную ценность в целом интересно составленного сборника. Здоровая конструктивная критика со стороны зарубежных друзей, да и не только друзей, должна находить место в наших печатных изданиях.

Ю. Е. БУГАЕВ

Новое исследование политической системы Японии

С. Сато, Т. Мацудзаки. Система правления Либерально-демократической партии Японии (Дзиминто сэйкэн). Токио, «Тюо коронся», 1986, 416 с.

В последние годы, особенно в связи с имевшим место в ноябре 1985 г. 30-летним «юбилеем» правящей Либерально-демократической партии Японии (ЛДП), как в самой Японии, так и за ее пределами, появилось большое число публикаций, с самых разных сторон рассматривающих «феномен ЛДП». Внимание исследователей и комментаторов при этом привлекает в первую очередь сам уникальный факт более чем 30-летнего стабильного господства одной партии в условиях преобладающего распространения в ведущих капиталистических странах двухпартийной системы, при которой на политической арене устойчиво доминируют две крупные партии, попеременно сменяющие друг друга.

В потоке новой литературы о консервативной партии Японии выделяется предлагаемая вниманию читателя книга двух известных японских политологов, относительно недавно завоевавших себе имя, — профессора Токийского университета С. Сато, советника бывшего премьер-министра Японии Я. Накасонэ, и Т. Мацудзаки, сотрудника центрального аппарата ЛДП. Предприняв попытку рельефно очертить место ЛДП в политической системе страны, подробно проанализировать внутреннюю организацию и процесс принятия политических решений в правящей партии Японии, авторы работы обобщают материал целой серии публикаций, появившихся в середине 80-х гг. на страницах японских общенациональных и специальных журналов общественно-политического направления.

Давая общую характеристику партийной системы, сложившейся в Японии в послевоенный период, С. Сато и Т. Мацудзаки характеризуют ее как «классическую» систему доминирования одной партии», при этом ЛДП называется «наиболее мощной и стабильной доминирующей партией в мире» (с. 9), практически не имеющей аналогов в западных странах.

В то же время, как указывают авторы, в организационном плане ЛДП отличает весьма низкая степень структурированности, что сближает ее с двумя основными партиями США — республиканской и демократической. Так же как и последние, она является ти-

пичной партией электорального типа — четко ориентированной на парламентские выборы партией без разработанной идеологической платформы (с. 154—155).

В значительной степени уникальной особенностью ЛДП является то, что в ее организации решающее значение принадлежит полуформальным объединениям, включающим в себя фракции, так называемые «племена» («дзоку»), «общества поддержки» («коэнкай»), связанные с отдельными консервативными политиками.

Неизменно привлекающие к себе пристальное внимание внутрипартийные фракции, указывают авторы, являются организациями с оформленным членством, объединяющими подавляющее большинство депутатов парламента от ЛДП. Подобно многим исследователям, С. Сато и Т. Мацудзаки подчеркивают невысокую степень «идеологизированности» фракций в ЛДП, отмечая в то же время их первостепенную роль в механизме функционирования ее как политической партии.

Фракции в ЛДП, по своей структуре и функциям в наибольшей степени схожие с фракционными группировками в Христианско-демократической партии Италии («соргенті»), как совершенно справедливо указывают авторы, выполняют важнейшие функции, имеющие витальное значение для правящей партии Японии. Выделяются четыре таких функции: 1) рекрутирование пополнения для ЛДП; 2) распределение «политических фондов» — пожертвований правящей партии из внешних источников; 3) обеспечение нормальной политической деятельности отдельных консерваторов; 4) распределение постов в партийном аппарате и правительстве (с. 56).

На наш взгляд, весьма ценным представляется подробный анализ последней организационной функции фракций в ЛДП, в отличие от первых трех сравнительно малоизученной. Известно, что распределение высших правительственных и партийных должностей в правящей партии Японии традиционно производится на основе принципа «паритета фракций» — пропорционального представительства в высших эшелонах власти всех группировок. При этом, как убедительно показывают авторы, строго соблюдается и другой принцип — очередности, основанной на продолжительности парламентского стажа. По данным С. Сато и Т. Мацудзаки, тщательно исследовавших типологии карьер либерал-демократов, для назначения на министерский пост депутату от ЛДП необходимо иметь парламентский стаж не менее пяти сроков. Подавляющее большинство всех лиц (87,5%), имевших назначения в кабинете со времени образования партии по 1 марта 1986 г., избиралось в высший законодательный орган девять раз и больше (с. 42).

Переходя к анализу процесса принятия политических решений в ЛДП, авторы отмечают, что в настоящее время существуют две основные соперничающие концепции относи-

тельно того, какой элемент политического механизма — правящая партия или высший эшелон исполнительной власти — доминирует в этом процессе. Традиционной является концепция превалирующей роли правительственной бюрократии, однако в последние годы в академических кругах и в средствах массовой информации Японии много рассуждается о «повышении роли партии (ЛДП) и снижении роли чиновничества» («сэй ко кан тэй»). В целом последнюю точку зрения разделяют и авторы (с. 78).

В рецензируемой книге справедливо указывается, что в зависимости от характера политического вопроса, по которому необходимо принять решение, меняются как участники процесса принятия этого решения, так и порядок приоритетности выполняемых ими ролей. При этом в качестве одной из наиболее характерных черт процесса принятия политических решений в послевоенной Японии называется то обстоятельство, что в условиях долговременного единоличного режима ЛДП произошло фактическое слияние в единый функциональный механизм высшего эшелона правящей партии и бюрократии («сэй кан конготай») (с. 79).

Безусловно, что наличие глубоких взаимопереплетающихся связей между политическими органами и государственно-административным аппаратом характерно для всех капиталистических стран. Так, в случае США часто говорят о так называемом «железном треугольнике» — тесном взаимодействии между комиссиями конгресса, федеральными ведомствами и лоббистскими «группами интересов» (с. 80—81). Важнейшим отличием политического механизма Японии от США — и об этом упоминают авторы — является значительно меньшая степень зависимости бюрократии от политических кругов. Это связано с целым рядом обстоятельств, в частности с тем, что в США верхний слой правительственного чиновничества составляют не карьерные бюрократы, как в Японии, а политические деятели. Большая стабильность бюрократических органов Японии по сравнению с США обеспечивается отсутствием подобия принятой в Америке практики, согласно которой смена президента приводит к обновлению высшего эшелона центрального административного аппарата примерно на 80%. В Японии частые, примерно раз в 2—3 года, перемещения в правительстве страны — кабинете министров — практически не отражаются на персонале государственных министерств и ведомств.

Одной из наиболее характерных черт политического механизма Японии авторы считают тесное функциональное взаимодействие между Советом по изучению политических вопросов (Сэйму тэсакай) — одним из ключевых органов центрального аппарата ЛДП — и государственно-административным аппаратом.

Совет по изучению политических вопросов

ЛДП, влияние которого в высших сферах власти Японии заметно повышается в последние годы, представляет собой сложнейшее образование, состоящее (по состоянию на 1985 г.) в общей сложности из 144 структурных подразделений. Об активности совета свидетельствует, в частности, тот факт, что в 1985 г. его заседания на различных уровнях созывались 657 раз (с. 253, 263).

Одно из достоинств работы — предоставление обширной информации о деятельности наименее изученных внутрипартийных группировок в ЛДП — так называемых «племен» («дзоку»), важнейшей ареной активности которых становится совет.

В отличие от фракций, преимущественно выполняющих организационные функции, «племена», определяемые авторами как «объединения депутатов (от ЛДП) среднего ранга, которые повседневно оказывают сильное воздействие на формирование определенной политики, входящей в компетенцию того или иного государственного ведомства», играют далеко не второстепенную роль в процессе принятия политических решений (с. 92).

Возникновение «племен», служащих, по нашему мнению, связующим звеном между политико-административными органами и различными лоббистскими «группами интересов», или «группами давления». С. Сато и Т. Мацудзаки относят к 60-м гг. Особое внимание, указывают авторы, «племена» стали привлекать с конца 70-х гг., когда значительно усилилась роль Совета по изучению политических вопросов в процессе принятия важнейших решений на государственном уровне.

В настоящее время существует более двух десятков «племен», важнейшими из которых являются: «племя внешней политики» («гайко дзоку»), «финансовое племя» («дайсэй дзоку»), «племя торговли и промышленности» («сёко дзоку»), «племя национальной обороны» («кокубо дзоку»), «строительное племя» («кэнсэй дзоку»), несколько группировок, связанных с сельским и лесным хозяйством и рыболовством (с. 264—273).

К сожалению, предоставляя подробный материал о «племенной» принадлежности либерал-демократов, авторы не уделяют достаточного внимания такой важной проблеме, как организационное и функциональное взаимодействие между фракциями и «племенами». Во внутренней структуре «племен», весьма аморфной и не идущей ни в какое сравнение со строжайшей внутренней иерархией фракций, отчетливо прослеживается характерная японская система старшинства, формального лидерства (обычно называемая общим термином «нэмото сэй»). Роль координаторов функционирования «племен» играют наиболее «почтенные» консервативные деятели, нередко занимающие лидирующее положение в соответствующих фракциях. Так, в «племени внешней политики» выделяется роль Т. Мики, Т. Фукуда, К. Миядзава, Дз. Абэ (с. 267). Обращает на себя внимание так-

же повышенная активность в «племенной» деятельности фракции К. Танака, считающейся наиболее коррумпированной в ЛДП (с. 62).

Весьма интересными представляются разделы книги, в которых авторы рассматривают «среду, окружающую правящую партию Японии», анализируя механизм, обеспечивающий ЛДП статус доминирующей партии. Помимо присущей либерал-демократам особой «гибкости», подчеркиваются как фактор первостепенной важности имеющиеся у них возможности использовать в своих интересах «исключительные дарования... японской бюрократии, которая по своей компетентности и присущему ей чувству профессионального долга превосходит все мировые стандарты» (с. 107). Отмечается, что бюрократия имеет тесные связи с многочисленными «группами интересов» и участвует в работе разнообразных консультативных органов при правительстве страны, в которых представлены различные социальные и профессиональные группы (большинство в этих органах неизменно составляют представители финансово-монополистических кругов). В то же время достаточно наивно звучит утверждение о том, что японское правительственное чиновничество обладает особым чувством «общественных интересов» («кокётэки ризэки») и выступает в роли аккумулятора «желаний народа» («минъэн») (с. 108).

С. Сато и Т. Мацудзакэ особо останавливаются на анализе системы связей правящей партии Японии с широкими слоями общественности, выделяя несколько каналов их осуществления.

В качестве первого коммуникативного канала подобного рода называются «дружественные организации» («юко дантай»). Под последними подразумеваются различного рода профессиональные — аграрные, промышленные — организации, равно как и общественные союзы (молодежные, женские, экологические) консервативного толка, оказывающие ЛДП поддержку на выборах. По подсчетам авторов, их сейчас 1225 (с. 108—111).

Второй важный канал связей либерал-демократов с общественностью функционирует на уровне избирательных округов, включая в себя так называемые «общества поддержки» («коэнкай») депутатов и кандидатов в депутаты парламента от правящей партии. Весьма продуктивным представляется сравнение «обществ» с существующими в США «машинами для голосования» (с. 114—116).

В качестве третьего коммуникативного канала авторы выделяют парламентскую политику ЛДП. Ее важнейшая особенность заключается, по их мнению, в стремлении насколько возможно удовлетворить требования слоев, поддерживающих оппозиционные партии, и, «не позволяя оппозиции войти в правительство, тем не менее оставлять ее в рамках политической системы, тем самым еще более

стабилизируя долгосрочный консервативный режим» (с. 118).

С. Сато и Т. Мацудзакэ подробно анализируют роль парламента в политическом прогрессе. Рассматривается она преимущественно в деструктивном плане — в плане использования оппозицией парламента как арены для обструкционистской деятельности (с. 128—129). Этому, по их мнению, способствует высокая — по сравнению с парламентами других стран — так называемая «вязкость» («viscosity») японского парламента. Подобная особенность, порожаемая такими отличительными чертами, как сравнительно небольшая продолжительность сессий, относительно большое значение второй палаты — палаты советников, решающая роль заимствованной из США системы парламентских комиссий, способствует обструкции оппозиции, затрудняя, таким образом, прохождение правительственных законопроектвов (с. 123—124).

В заключение, подводя итоги проведенному исследованию, авторы предпринимают попытку сконструировать модель японской политической системы. Они отвергают распространенный критический взгляд на нее как на «отстающую систему» «вследствие наличия фракционности в ЛДП и отсутствия сменяемости у власти политических партий» (с. 153—154). Слабая в отличие от многих партий Западной Европы структурированность организации либерал-демократов, сближающая их с двумя крупнейшими партиями США, обусловлена, по мнению С. Сато и Т. Мацудзакэ, в первую очередь практикой опоры на сеть «дружественных организаций» и «обществ поддержки». При этом существование в стране системы «средних избирательных округов», от каждого из которых избирается от трех до пяти депутатов, порождает соперничество консервативных кандидатов в одних и тех же округах, гальванизируя деятельность фракций, оказывающих им материальную и организационную поддержку.

Не будучи приверженцами имеющей широкое хождение теории «слияния элит» (правящей партии, верхушки предпринимательских кругов и бюрократии), авторы характеризуют политическую систему Японии как «ограниченный плюрализм» («сикирарэта тагэнсюги»). При этом имеется в виду раздельное существование «групп интересов» и правительства и отсутствие отчетливого доминирования политиков над чиновничеством государственного аппарата (с. 164—171).

В заключительной части книги содержится богатый фактический материал о структуре и кадровом составе аппарата ЛДП, скрупулезные данные о ее парламентской группе, анализ результатов послевоенных парламентских выборов (с. 174—416).

Книга «Система правления Либерально-демократической партии Японии» представляет безусловную ценность для всех исследователей политической системы современной

Японии, отличаясь широтой используемых материалов, нетривиальностью многих оценок. Работа С. Сато и Т. Мацудзакки предоставляет много тем для размышлений, затрагивая такую важнейшую проблему, как трансформация основных политических институтов современного капиталистического общества, углубление процесса институализации буржуазных партий.

В то же время в целом апологетический тон работы, подчеркнутое стремление авторов доказать «исключительность» правящей партии Японии, несомненно, снижают ее научную значимость. Хотелось бы напомнить в этой связи, что в самой Японии и за ее пределами среди исследователей, весьма далеких от антипатии к буржуазным ценностям, широко распространен взгляд на японскую

политическую систему как на «половинчатую демократию» или как на «демократию без корней». Характерно, что сам материал да и многие обобщения, содержащиеся в рецензируемой книге, ярко свидетельствуют об элитарно-кастовой замкнутости системы политической власти в современной Японии, практически не допускающей аутсайдеров в свои «коридоры» и создающей параллельные неформальные и полупоформальные механизмы. Излишне доказывать, что это во многих случаях фактически сводит на нет торжественно декларируемые буржуазно-демократические нормы и институты.

*А. А. МАКАРОВ,
кандидат исторических наук*

Монгольский театр: история и современность

С. Дашдондог. *Жужиглэхуэйн ухаан*. (Театральное искусство). Ред. Б. Равдан, Улаанбаатар, Улсын хэвлэлийн, 1986, 159 с.

Истоки монгольского национального театра уходят в глубь веков, в тесную связь с самобытным фольклором, жизнью и мироощущением народа. Театральные элементы всегда были в народных шествиях, праздниках и карнавалах. Религиозные ритуальные мистерии «цам», которые устраивались ламами, отличались яркой зрелищностью, танцевальным ритмом и изрядной долей театральности. Великий монгольский поэт Д. Равжа (1803—1856) написал первую драму «Лунная кукушка», поставил ее в своей гобийской ставке при огромном стечении народа. Постановка имела огромный успех у зрителей. В 20-х гг. в Монголии были распространены спектакли китайского происхождения «ший-жужиг».

Однако профессиональный театр возник в Монголии лишь в послереволюционные годы. О зарождении, становлении и развитии этого театра детально расска-

зывается в рецензируемой нами монографии известного в МНР театроведа С. Дашдондога.

Монголы, успешно развивая национальные истоки театра и опираясь на лучшие традиции русского, советского и мирового сценического искусства, создали профессиональный театр нового типа — национальный по форме и социалистический по содержанию.

С. Дашдондог ярко показал великую действенную силу системы К. С. Станиславского, которая оказала самое прямое влияние на зарождение, становление и развитие профессионального театра МНР, отвечавшего требованиям революционной эпохи 20—30-х гг. и последующих лет.

МНРП и правительство МНР на всех этапах развития монгольского театра оказывали ему эффективную помощь, направляли его в идейном, эстетическом, патриотическом и профессиональном отношениях, оберегая его от разного рода ошибок и неверных ориентаций.

Вторая и третья главы рассказывают о возникновении нового театра в 20—30-х гг., о дальнейшем развитии театра в годы второй мировой войны, о большой роли сотрудничества многонационального советского и монгольского театров в общем деле социалистического строительства.

В 30-х гг. театр особенно нуждался в опоре и поддержке со стороны советских режиссеров и художников. Наставниками театральной молодежи в разные годы были А. А. Ефремов, Г. А. Уваро-

ва, А. Р. Рабинович, Д. А. Борейшо, Н. В. Бельский и др., которые внесли большой вклад в дело воспитания актерского состава, становления его мастерства, идейного роста театра. В те годы образовалось и множество самодеятельных музыкально-театральных кружков. В их деятельности сыграл особую роль Народный Дом, находившийся в ведении советского посольства.

Молодая монгольская труппа, участвуя в международном конкурсе рабочих-крестьянских революционных театров, завоевала второе место. Спектакль по пьесе С. Буяннэмэха (1902—1932) «Темная власть» был оценен по достоинству в московской прессе. В 30-х гг. вышли из театральной и литературной среды талантливые артисты Ц. Цэгмид, Д. Ичинхорлоо, опытные режиссеры Ц. Гомбожав, Д. Намдаг, а также известные последствии драматурги Д. Нацагдорж (1906—1937), С. Буяннэмэх, Ш. Аюш (1903—1985). Самым плодовитым драматургом тех лет был С. Буяннэмэх, перу которого принадлежало много разных по тематике и идейному замыслу пьес. Наряду с пьесами местных авторов театр смело ставил произведения русской и мировой классики: «Ревизор» Н. В. Гоголя, «Слуга двух господ» К. Гольдони, «Бронепоезд 14—69» В. Иванова и др.

В 30—40-х гг. в МНР были заложены солидные основы театрального искусства. В годы второй мировой войны репертуар театра заметно изменился тематически и идейно. Ставили патристические, исторические и геронко-революционные пьесы национальных и зарубежных (прежде всего, советских) драматургов: «Жди меня» (1944) и «Русские люди» (1942) К. Симонова, а также монгольских авторов Э. Оюн «Амарсана» (1944), Д. Намдага «Три шарайголских хана» (1941). Общность целей и задач двух братских народов в годы войны ярко и наглядно отразилось в театральных связях СССР с МНР.

С. Дашдондог особо отмечает (с. 55—72), что все достижения театра и рост мастерства актеров в монгольском театральном искусстве тех лет были немыслимы без бескорыстной помощи советских театральных деятелей, которые внесли бесценный вклад в развитие национального театра, заложили прочную основу его дальнейшей судьбы.

В двух последних главах автором

критически обобщен, изучен многообразный и фактологический обширный материал по истории театра, театрального процесса и разностороннего сценического искусства. Написать эти главы — дело не из простых, потому что необходимо осмыслить комплекс ряда историко-театроведческих, театрально-критических, идейно-эстетических проблем всего вида искусства по всей стране в едином целенаправленном развитии как национального театра, так и его живых нитей связи с театрами социалистических стран.

В 50—70-х гг. монгольский театр предстает перед нами со страниц монографии как зрелый сплав со своей пусть небольшой, но славной и поучительной во многих отношениях историей, с самобытно-национальным лицом, динамичным художественным мышлением и яркими интернациональными гранями творчества. В эти годы Монгольский государственный театр драмы им. Д. Нацагдоржа вступил в новую полосу идейных исканий, шел от количественного к качественному, решительно отмежевываясь от временных заблуждений, просчетов и поветрий.

В 1947 г. ЦК МНРП принял постановление «Репертуар и деятельность музыкально-драматического театра, о мерах повышения его творческого уровня», в котором отмечено, что основной недостаток в работе состоял в том, что в его репертуаре мало произведений о современниках и современности, пьесы на фольклорные и исторические темы уводили силы актеров от действительности, их обилие явно тормозило театральный прогресс. Театр стал уделять серьезное внимание постановкам пьес о современниках, ставились спектакли по пьесе «Путь», комедии «Семьдесят небывлиц» Чойжамцына Ойдова (1918—1963), «Цолмон» Э. Оюн, «Эрдэнийн Дорж» Ч. Лодойдамбы (1917—1969), «Своим путем» Ч. Лодойдамбы и Д. Сэнгээ (1916—1959), «Врачи» Л. Вангана (1920—1968) «На пороге» Ч. Чимда (1927—1980). Они отличались от предыдущих яркой актуальностью, трезвым реализмом, правдой истории и современности. По мнению исследователя, театр за 1940—1960 гг. достиг заметных успехов в результате творческого освоения громадного опыта советского многонационального театра.

Большое место в репертуаре Монгольского театра драмы им. Д. Нацагдор-

жа в 30—60-х гг. составляли пьесы советских и русских драматургов: «Гроза» А. Н. Островского (1954), «Ревизор» Н. В. Гоголя (1936), «Вишневый сад» А. П. Чехова, «На дне», «Егор Булычов и другие» М. Горького, «Оптимистическая трагедия» В. Вишневского, «Поднятая целина» М. Шолохова (1959), «Русский вопрос» К. Симонова, «Платон Кречет» А. Корнейчука (1946), «Иркутская история» (1962), «Мой бедный Марат» А. Арбузова, «День рождения Терезы», «Украли консула» Г. Мдивани, «Материнское поле» Ч. Айтматова, «Барabanщица» А. Салынского, «Старший сын» А. Вампилова и ряда других.

Монгольский театр драмы неоднократно ставил на своей сцене спектакли, обращаясь к шедеврам мировой классики: «Фуэнте Овехуна» Лопе де Вега (1936), «Слуга двух господ» К. Гальдони, «Проделки Скапена» Ж.-Б. Мольера в 40-х гг., «Отелло» В. Шекспира (1955, 1978), его знаменитые трагедии «Король Лир» (1964), «Ромео и Джульетта», «Гамлет» (1974), а также «Коварство и любовь» Ф. Шиллера, «Овод» Э. Войнич, «Царь Эдип» Софокла и др.

В национальном репертуаре театра имелись и имеются пьесы о великой дружбе монгольского и советского народов, КПСС и МНРП. Таковыми являются пьесы Ц. Цэдэнжава и Б. Баста «Юность Цога», группы авторов «Степной витязь», Ч. Ойдова «Моя радость» и «Все для фронта, все для победы» и др. В них отразились события революции и второй мировой войны, нерушимая дружба двух народов в общей борьбе за социальный прогресс.

В репертуаре Монгольского государственного театра драмы большое место занимают воплощение революционного подвига В. И. Ленина и роль вождя монгольской революции 1921 г. Д. Сухэ-Батора, а также изображение молодого рабочего класса Монголии в период превращения страны из аграрной в индустриальную. Такова магистральная, актуальная тематика всей деятельности театра в коммунистическом патриотическом и интернациональном воспитании трудящихся масс в духе беззаветного служения Родине и партии.

Театральная Лениниана возникла на монгольской сцене в 50-х гг., утвердилась она и упрочилась в процессе постановки многих замечательных пьес видных советских драматургов. В 1951 г.

была поставлена пьеса И. Ф. Попова «Семья». Роль В. И. Ленина исполнял народный артист МНР, лауреат Государственной премии МНР Цагаан Цэгмид. Его первое воплощение образа Ленина на национальной сцене оказало немалое положительное влияние на последующие поколения актеров. Народный артист МНР Дамбын Дамдинсурэн с большим пафосом и высокой художественной силой исполнял роль Ленина в пьесах Н. Ф. Погодина «Кремлевские куранты» и «Человек с ружьем». На его долю выпало счастье исполнить роль вождя Великой Октябрьской революции в пьесах: «Осень 1921 года», «Ленин среди рабочих», «Встреча В. И. Ленина с Сухэ-Батором».

Известный современный артист Ц. Гантумур воплотил образ В. И. Ленина во многих пьесах, поставленных театром. Талантливо сыграл Ц. Гантумур роль вождя мировой революции в пьесе М. Шатрова «Именем революции». По мнению С. Дашдондога, Ц. Гантумур много работал для воплощения замечательного образа: изучал труды В. И. Ленина, воспоминания о нем, знакомился со многими произведениями изобразительного искусства, кинофильмами о нем. Особенно проникновенно изучал он работы Б. Щукина, М. Штрауха, Ю. Каюрова над образом Ленина, своих предшественников Ц. Цэгмида, Д. Дамдинсурэна, слушал речи В. И. Ленина в грамзаписи, проникая в мир его ораторского искусства и полемики. Благодаря большой разносторонней работе над образом и недюжинному таланту ему удалось создать полнокровные, емкие и эмоционально-глубокие образы, показать яркие моменты из жизни Ильича и величие его гения.

Мир рабочего класса, его активная жизненная позиция отразились наиболее полно, остро и современно в пьесах Л. Вангана «Водитель Тожо», «Гудок» и «На пороге» Ч. Чимида, «Почему я?» Д. Мягмара, «Бумбат Эрдене» С. Удвал и Э. Оюн и др.

В монографии С. Дашдондога отразилась история монгольского театра на примере Монгольского музыкально-драматического театра, который позже разделился на Театр оперы и балета и Театр драмы (в 1981 г. ему присвоено звание «Академический», с тех пор он именуется Монгольским Государственным Академическим театром драмы имени

Д. Нацагдоржа), с привлечением материалов о деятельности народных аймачных театров (в городах Кобдо, Баян-Улгий, Дархан, театров Восточного, Центрального и других аймаков).

Таким образом, в монографии С. Дашдондога впервые в монгольском теат-

роведении обобщен и конкретно исследован весь исторический путь развития театра в МНР.

В. Э. РАДНАЕВ,
кандидат филологических наук

Панорама литературных связей

М. Ю. Ким. Литературы стран Латинской Америки в КНР. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1987, 176 с.

В дни бурного расширения культурных связей между странами, роста обмена духовными ценностями изучение взаимосвязей и взаимодействия литературы — одно из важнейших направлений филологической науки. Изучение отдельных национальных литератур, как и истории мировой литературы в целом, сегодня невозможно без глубокого исследования литературных взаимосвязей и их роли в развитии той или иной национальной литературы. Возрос интерес и к проблемам сравнительного изучения литератур, выявлению конкретно-исторических типологических связей.

В Китае новый этап литературных связей с другими странами начался, как известно, после «движения 4 мая» 1919 г. Именно в те годы, когда на повестку дня встал вопрос о путях развития страны, началось активное восприятие прогрессивных элементов иностранной культуры. Значительно расширились тогда и сферы культурных интересов Китая: в поле зрения оказались ближайшие соседи — Индия, Индонезия, Бирма и более отдаленные — Восточная Европа, Скандинавия, Латинская Америка. Можно сказать, с тех дней и началась жизнь латиноамериканской литературы в Китае.

Этой теме посвятила свою монографию М. Ю. Ким, теме тем более сложной, что автор выступает здесь как

«землепроходец», ведь сравнительное литературоведение применительно к Дальнему Востоку находится в процессе становления. Кроме фундаментального исследования М. Е. Шнейдера «Русская классика в Китае», аналогичных работ пока что крайне мало, если не сказать, что их нет вообще. М. Ю. Ким отважно взялась восполнить этот пробел, и, думается, ее попытка увенчалась успехом.

В отличие от компаративистов, в частности их субъективного и поверхностного подхода к проблеме связей Востока и Запада, автор показывает, какой неисчерпаемо разнообразный материал дает для серьезного исследования избранная им тема, каким благодатным является изучение литературных связей Латинской Америки и Китая.

Автор предлагает выработанную им научно обоснованную периодизацию пространства в КНР латиноамериканской литературы. Эта периодизация в целом совпадает с основными этапами развития собственно китайской литературы. Причем каждый из периодов рассматривается во взаимосвязи с литературным процессом и в его реальном соотношении с процессами общественно-политического и культурного развития.

Еще 30 лет назад писатель и критик Чжоу Эрфу отмечал в своей статье «Литературные связи Китая и Латинской Америки», что стихи латиноамериканских поэтов оказали «огромное влияние на китайскую поэзию». Это, быть может, звучит некоторым преувеличением. Однако, несомненно, что уже со времени образования в 1921 г. Общества изучения литературы и начала его просветительной деятельности, осуществляемой Мао Дунем, Чжэн Чжэньдо, Е Шэнтао и другими, в 20—30-е гг. стали появляться переводы из латиноамериканской литературы. Публиковались произведения

никарагуанских, мексиканских и аргентинских поэтов, чилийских драматургов, бразильских и кубинских прозаиков. И хотя переводы тогда выполнялись в основном с европейских языков, они сыграли роль толчка в общем литературном развитии, в частности самого искусства перевода как формы творческого взаимодействия с литературами, в данном случае Латинской Америки, обогащая художественные возможности собственно китайской литературы и расширяя эстетический кругозор читателя. Об этом — то есть роли перевода — писали в общем плане И. Г. Неупокоева¹ и в конкретном, применительно к развитию японской литературы, Н. И. Конрад². Оставаясь глубоко национальной, китайская литература, подчеркивает в связи с этим М. Ю. Ким, обогащенная достижениями русской, западной (в том числе латиноамериканской), японской и других литератур, постепенно стала выходить на простор общемирового литературного процесса не только по типологическим (они существовали и прежде), но и по все более развивающимся контактным связям. И если говорить о вкладе латиноамериканских писателей в развитие китайской литературы 20—40-х гг., то он несомненен, хотя теоретически был осмыслен гораздо позднее.

В связи с этим автор подробно анализирует труд Ван Янлэ «Латиноамериканская литература», появившийся в 1963 г. в Пекине и переизданный в 1974 г. в Гонконге. Надо отметить, что не остались вне поля зрения исследовательницы и изданные в разное время статьи, заметки, рецензии, посвященные китайско-латиноамериканским литературным связям.

С образованием КНР начался новый этап в развитии культурных связей страны, когда латиноамериканская литература, как, впрочем, и литературы других стран, и прежде всего русская и советская, стали объектом серьезного научного изучения. В те годы (1949—1958), замечает автор, популяризация мирового классического наследия имела для Китая большое значение. Впервые широкие массы получили реальную возможность знакомиться с духовными ценностями народов мира, в том числе латиноамериканских. Это способствовало воспитанию китайских читателей в духе интернационализма.

Автор подробно анализирует выполненные в тот период переводы, знакомив-

шие с творчеством таких выдающихся мастеров, как Н. Гильен, М. А. Астуриас, Х. Марти, П. Неруда, Ж. Амаду, К. А. Леон, и др. Важно при этом подчеркнуть, что в качестве переводчиков часто выступали известные китайские поэты и писатели — Юань Шуйпо, Хун Шэнь, Сяо Сянь, Чэнь Юнсин, Ли Южань, У Лао и др.

С начала 60-х гг. (1959—1965) количество публикаций о странах Латинской Америки, в том числе и литературных, достигло внушительных масштабов, особенно увеличившись после образования Республики Куба. Поток переводов стихов и прозы нарастал день ото дня, причем пальма первенства при отборе материалов для перевода отдавалась произведениям латиноамериканских романтиков. Происходило это по двум причинам. Романтизм издавна интересовал китайских литераторов при обсуждении коренных вопросов социального бытия в первую очередь постановкой социально-идеологических проблем. Отсюда и стремление выделить сходные, типологические черты китайского и латиноамериканского романтизма, а также и различия между ними. Китайские литературоведы обращали внимание главным образом на связь романтизма с освободительной борьбой, на вопросы политического характера, такие, как тирания, трагическая судьба народов, их стремление к прогрессу. Все это было близко китайскому читателю и находило отклик в его душе.

Другая причина более конъюнктурная. В Китае тех лет был выдвинут, как мы знаем, «новый творческий метод сочетания революционного реализма и революционного романтизма». Раскрывая и подробно поясняя причину сближения, автор дает углубленный анализ как латиноамериканского романтизма, его зарождения и развития, так и собственно китайского, выявляя сходные черты — прежде всего это «дух восторженного почитания национальной реальности — природной и исторической» (с. 58). Не остались при этом, естественно, вне поля зрения автора и другие направления — реализм и модернизм.

Интересны и его наблюдения о духовном родстве Неруды и Ай Цина — «двух пламенных пропагандистов идей рабочего класса, идей коммунизма» (с. 76), о том, что на творчество каждого из них оказал воздействие В. Маяковский. Обо-

их поэтов постигла печальная участь: один погиб, мы знаем, от рук пиночетовцев, другой подвергся репрессиям со стороны хунвэйбинов.

Этим годам — вторая половина 60-х — 80-е гг., — захватывающим и период «культурной революции», посвящена вторая часть монографии. В ту пору насильственной духовной изоляции китайцев искусство перевода не только заглохло, оно вообще было исключено из творческой жизни, подчиненной, как известно, догматическому регламентированию и всевозможным запретам.

И только с середины 70-х гг., с окончанием эпохи мракобесия и застоя, наметились новые тенденции в литературных связях. Этому посвятил свою работу «Новые течения в литературе Азии, Африки и Латинской Америки» (Пекин, 1975) Ду Цзянь, работу, предоставившую автору монографии и фактический материал, и повод для спора, и возможность сделать обобщающие выводы. Любопытно, что Ду Цзянь, наряду с признанными авторитетами современной латиноамериканской литературы — аргентинцем Картасаром, перуанцами Льюсой и Алегрией, уругвайцем Оннети и другими, упоминает и писателей менее известных, и даже, можно сказать, второго ряда, в частности Б. Травена, чья загадочная судьба долгие годы интриговала читателей и литературоведов многих стран, о чем неоднократно доводилось писать и автору этих строк³. До 1969 г. было лишь известно, что Б. Травен жил в Мексике, однако свои популярные романы и рассказы создавал главным образом на немецком языке. Кто он, откуда появился? Ответ на этот вопрос появился только после его смерти. По одной из достоверных версий, Б. Травен — немецкий революционер, бежавший из Германии после разгрома Баварской Советской республики и скрывшийся в Мексике. Китайский критик особо выделяет роман Б. Травена «Белая роза», посвященный эксплуатации мексиканских рабочих на нефтяных промыслах, принадлежавших США.

В последующих частях монографии М. Ю. Ким анализирует произведения латиноамериканских писателей, переведенные в тот период на китайский язык. На основе этого анализа она приходит к выводу, что с начала 80-х гг. наметился активный перелом в популяризации зарубежной культуры, латиноамериканской

литературы в частности. И тогда перед страной встала проблема переводческих кадров, преподавателей и исследователей, необходимость создания широкой сети специальных научно-исследовательских институтов. Тогда же появились: Научно-исследовательский институт советской литературы при Пекинском пединституте, Научно-исследовательский институт иностранной литературы при Нанкинском университете, Научно-исследовательский институт современной литературы США при Шандунском университете, кафедра литератур стран Тихого океана при Аньхойском университете, кафедра литератур стран ЮВА при Цзинаньском университете и т. п.; были созданы всекитайские общества: советской литературы, литературы США, японской литературы, литератур Испании, Португалии и Латинской Америки. Вышли в свет многие исследования по зарубежной литературе, появились многочисленные журнальные публикации (статьи и переводы), проводились научные конференции, в частности и по литературам стран Латинской Америки.

С оживлением творческой жизни активно заработали и переводчики, отвечая на «жгучий интерес к латиноамериканской литературе в 1984—1985 гг.» (с. 129). В КНР начали переводить статьи авторитетных европейских и американских специалистов по латиноамериканской литературе. «В современных условиях широкого культурного обмена, — пишет М. Ю. Ким, — политики «открытых дверей», распространившейся и на культуру, мнение Европы и Соединенных Штатов Америки было важно и полезно» (с. 130). Этот интерес, как показывает автор, был пробужден темами, созвучными внутрикитайской проблематике. И все же, считает автор, в переводах латиноамериканской литературы оставались досадные лакуны (с. 136). Как ни странно, долгое время китайская критика обходила молчанием творчество такого выдающегося писателя, как Г. Г. Маркес. Анализируя его творчество, автор соотносит его с явлениями других литератур, в частности японской, и пытается разобраться в этом явлении, находя, на наш взгляд, убедительное объяснение невосприимчивости тогда философской интеллектуальной прозы, причисляемой китайскими критиками к так называемому магическому реализму (с. 146).

Сегодня романы Г. Г. Маркеса переведены на китайский язык и пользуются большой популярностью. Что же касается замалчивания в недавнем прошлом произведений этого выдающегося писателя, то, замечает автор, он далек «от мысли подозревать китайских критиков в недопонимании или недооценке» созданного им. Оно, это недопонимание, было продиктовано внелитературными соображениями.

Работе М. Ю. Ким присущ высокий литературоведческий уровень; ей удалось ввести в научный оборот, в поле зрения исследователей новый, ранее не привлекавшийся историко-литературный материал. В результате возникла многообразная, емкая панорама, освещающая еще одну сторону литературных взаимо-

связей КНР с другими странами, в данном случае с литературами Латинской Америки.

Р. С. БЕЛОУСОВ

¹ См.: И. Г. Неупокоева. Проблема взаимосвязей и взаимодействия литератур.— В сб.: Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур. М., 1961, с. 30.

² Н. И. Коппрад. К вопросу литературных связей. ПОЛЮА АН СССР, 1957, т. XVI, вып. 4.

³ См., в частности: Р. С. Белоусов. По следу Многоликого. — В кн.: Р. Белоусов. Рассказы старых переплетов. М., 1985; Его же: Травениада продолжается.— «Иностранная литература», 1983, № 8; Его же: Находки зарубежных литературоведов.— «Вопросы литературы», 1964, № 7.

Искусство, любимое народом

Н. А. Спешнев. Китайская простонародная литература. Песенно-повествовательные жанры. «Наука», Главная редакция восточной литературы, М., 1986, 320 с., ил.

Первым среди корифеев мировой синологии академик В. М. Алексеев пришел к осознанию важности изучения китайской культуры во всех ее проявлениях, на всех ее уровнях, и первым практически приступил к этой гигантской работе. «Я мечтал показать ученому миру, что Китай живет своей культурой не только в ученых верхах, но и во всей народной массе. Я понимал, что анализировать и описывать эту толщу культуры будет, пожалуй не легче, чем переводить, например, китайских классиков», — писал он в одной из работ, составивших книгу «Китайская народная картина». Начатое патриархом дело продолжили его ученики и ученики его учеников. В их числе доцент ЛГУ Н. А. Спешнев. Недавно вышла в свет его монография о популярных в Китае песенно-повествовательных литературных жанрах.

Судьба предоставила Н. А. Спешневу, можно сказать, уникальную возможность приобщения к простонародной (или массовой, если иметь в виду положительный оттенок этого термина) культуре. Органическое владение китайским языком, приобретенное в детские годы в Пекине, и врожденная музыкальность, помноженные на любознательность, позволили ему рано приобщиться к своеобразному и по-своему сложному миру сказительского искусства. Знакомство началось не с книг и не с записей фольклористов, а с живых наблюдений и контактов с певцами, музыкантами, исполнителями комических сенок и рассказчиками. Как бы сами собой в памяти откладывались специфические словесные обороты и формулы, запоминались мелодии и приемы исполнения. Все это пригодилось, когда Н. А. Спешнев обратился к простонародной литературе уже в качестве ученого-исследователя. Очень существенно то, что он в состоянии не только «анализировать и описывать» те или иные жанры, но и демонстрировать многие из них в живом исполнении. Как свидетельствуют приведенные в книге примеры из практики зарубежных исследователей, умение исполнять изучаемые произведения является если не обязательным, то в высшей степени желательным условием (к названным в монографии именам можно добавить профессора Калифорнийского университета Пер-

ри Линка, владеющего искусством сяньшэна).

На протяжении двух десятилетий на научных конференциях звучали яркие доклады Н. А. Спешнева, в научных сборниках помещались его статьи по отдельным проблемам изучения песенно-повествовательных жанров. И вот перед нами книга — наиболее полное и систематизированное исследование по данному предмету в мировой синиологической литературе. Ее научное значение определяется и важностью темы, и весомостью полученных результатов.

Известно, что сказительское искусство в Китае имеет длительную и богатую историю — есть письменные свидетельства его широкого распространения, по крайней мере начиная с эпохи Тан. В следующую, сунскую эпоху появляются специальные помещения, где наряду с ранними, несложными театральными представлениями можно увидеть искусство сказителей, принадлежавших к различным школам и жанрам. Об этом сохранились довольно подробные сведения в сочинениях той поры, названия которых приведены в книге (с. 33). Я позволю себе предложить несколько иной перевод заглавия очень важного в данном случае сочинения Мэн Юаньлао: вместо «Записей пестрых снов о Восточной столице» более точным было бы «Сны о былом великолепии Восточной столицы».

Вначале сказительское искусство развивалось бок о бок с театральным, и недаром в юаньских и раннеминских пьесах не раз встречаются упоминания о сказителях и отрывки из исполнявшихся ими произведений. Позднее, по мере развития профессионализации, произошло более четкое разделение, хотя живые связи продолжали сохраняться. Оно продолжает существовать и сейчас, и не случайно, как сказано в монографии, выдвинутая в конце 50-х гг. идея реформы сказительского искусства, его сближения с театральным не нашла поддержки. Все же в некоторых жанрах наблюдается, как констатирует Н. А. Спешнев, переход от монологической к диалогической речи и происходит разрушение формы сказа, который «приобретает черты театрального действия иного характера, близкого к пьесе» (с. 29). Это положение весьма важно — оно подтверждает, что трансформация и диффузия жанров и даже видов художественно-

го творчества продолжают поныне.

«Трудно переоценить роль песенно-повествовательной литературы в становлении национального самосознания китайцев... Сказительское искусство, как и традиционный театр и народная картина, служило источником, из которого народ черпал сведения об истории своей страны», — пишет автор. Одних сказителей приближали ко двору, произведения других попадали под запрет, но искусство продолжало жить и охватывать своим влиянием новые слои слушателей, главным образом в городах. Часто периоды подъема сказительского искусства совпадали с важными событиями в жизни нации — так было, в частности, в период антияпонской войны, когда авторами сказов стали такие корифеи, как Лао Шэ.

Нельзя не отметить и расцвет сказительского искусства после 1949 г., причём как в его традиционных, так и во вновь возникших тематических разновидностях, прямо связанных с отражением перемен в жизни страны. Совсем иной, но также по-своему характерный пример использования сказов в пропагандистских целях являют годы «культурной революции», когда «приятные уху и глазу китайцев» простонародные формы поднимались на щит в противовес якобы «буржуазному и ревизионистскому» искусству и литературе.

И ныне, несмотря на известное падение интереса к ряду традиционных, не поспевающих за временем жанров сказа, другие, более жизнеспособные его разновидности продолжают занимать заметное место в духовной жизни КНР. И это еще более подчеркивает актуальность данной работы, ее практическую полезность.

В первой главе книги содержится сжатое, но достаточно полное освещение характерных особенностей сказовой литературы, рассматриваемых диалогически — и в историческом плане, и как современная система жанров и стилей. Изучение генезиса различных видов традиционной китайской литературы представляет значительные трудности. Происходившее на протяжении столетий взаимовлияние и взаимопроникновение жанров носило столь сложный характер, что не всегда возможно четко «очертить формальные границы некоторых жанров и выделить их художественные особенности с достаточной сте-

пенью полноты» (с. 28). Все же для значительной части жанров Н. А. Спешневу — использующему, естественно, материалы и выводы китайских исследователей — удается проследить историю их возникновения и развития. Не нужно говорить, насколько это обогащает характеристику их современного состояния и помогает определить их художественную специфику.

Весьма сложной является проблема классификации жанров сказовой литературы. Китайские источники насчитывают около трехсот ее разновидностей, которые, как справедливо указывает автор, часто лишь условно можно назвать «жанрами». Одни из них («объединяющие или охватывающие жанры») включают несколько отличных друг от друга форм, другие являются по существу местными вариантами одного жанра. К этому следует добавить терминологическую непоследовательность, в результате которой один и тот же жанр в разное время и в различных районах носил неодинаковые названия. Тем не менее классификация необходима как для научных, так и для практических целей — она помогает ориентироваться в многообразии жанров и разновидностей, выявлять внутренние связи и границы между ними. А для наиболее крупной их группы, объединяемой общим названием «песенный сказ», или «гушюй», уже существует, как пишет автор, «по-видимому, традиционная» классификация из семи пунктов. Н. А. Спешнев, конечно, прав, отмечая в традиционной классификации отсутствие единого критерия, спорность включения в нее отдельных жанров. Но еще более прав исследователь, когда принимает ее «как рабочий вариант в первом приближении». Дело в том, что традиционная классификация (это относится не только к сказам) выработана на основе долгой практики и потому имеет под собой реальные основания, она достаточно устойчива и известна посвященным. Попытки же найти «единый критерий», позволяющий создать стройную систему жанров и выявить их иерархию, могут оказаться непродуктивными.

В данной работе исследователь распределил все известные разновидности сказов по трем большим группам — песенный, прозаический и поэтический сказ; каждая из этих групп анализируется в отдельной главе книги. По определению автора, песенный сказ отли-

чают краткость формы, вокальное исполнение и наличие музыкального аккомпанемента. Литературную основу некоторых из входящих в эту группу жанров составляют семисложные парные строки, другие жанры используют строки разной длины. Однако, пишет автор со ссылкой на Ван Ли, «число нероглифов в произведении является совершенно определенным, впрочем, как и чередование ровных и косых тонов» (с. 24). Должен признаться, что отсылка к китайскому лингвисту мне непонятна — ведь тексты большинства жанров известны, так что проверить справедливость этого важного утверждения было нетрудно.

Очень интересны размышления Н. А. Спешнева о музыкально-ритмической стороне сказа. Часть из них носит характер предположений. Зарождение песенной мелодии, использовавшейся в сказах, автор связывает с текстом и прежде всего с его «естественной мелодикой, характерной для тонального языка, каким является китайский». На первых порах мелодия, так сказать, приспособлялась к интонациям текста, позднее же, когда выработались «напевы-формулы», уже текст приспособлялся к мелодии. Таким образом появились сказы, различные по поэтическому содержанию, но однотипные по мелодике. Все же автор считает возможным утверждать, что в китайском песенном сказе — в отличие от русских былинных напевов — музыка передает эмоциональную сторону сказа, настроение отдельных фрагментов. Только делается это главным образом через ритм, темп повествования.

Принцип гармонии поэтического и музыкального содержания в искусстве сказа определяет собой то, что для передачи определенного содержания — героики, лирики, сатиры — оказываются «предпочтительными» определенные жанры. Эти принципиальные соображения автора подтверждаются анализом многочисленных музыкальных примеров, которые содержатся в разных разделах книги.

Поэтический сказ отличается от песенного тем, что произведения не поются, а декламируются, причем характерный для него четкий, постепенно ускоряющийся ритм подчеркивается ударами кастаньет. Наконец, в категорию прозаических сказов, в которых отсутствует музыкально-ритмическая основа, входят

как крупномасштабные произведения эпического склада, так и небольшие комические сценки сяньшэн. Но произведения первого рода (пинхуа, или пиншу) автор специально не рассматривает, отмечая, что они частично изучены Б. Л. Рифтиным.

Ценную информацию содержит книга по вопросу о бытовании сказительского искусства в Китае — об исполнительских школах, связанных с индивидуальностью того или иного исполнителя, взаимоотношениях учителей и учеников, особенностях репертуара. Обычно в ряде жанров исполнители ограничивают свой репертуар десятком—двумя апробированных на зрителе традиционных произведений, а в пиншу сказитель исполнял одно (естественно, очень крупное по объему) редко два—три произведения в течение всей творческой жизни. Все эти факты свидетельствуют о высокой степени профессионализации исполнителей сказов.

В этой связи возникают сомнения в правомерности безоговорочного отнесения всего китайского сказа к фольклору. В чем принципиальное отличие, скажем, исполнения С. Кочаряном «Тысячи и одной ночи» от сказа по истории Троецарствия? Очевидно в том, что в первом случае исполнитель ближе держится к тексту оригинала, а во втором представлен его измененный и расширенный вариант. Но разве это придает исполнению сказа характер «пассивно-коллективного творчества» — ведь у этого варианта есть автор-сказитель? Еще труднее согласиться с отнесением к «активно-коллективному» творчеству (в котором участвует и аудитория) такого жанра, как сяньшэн, когда речь идет о его классических образцах в исполнении Хоу Баолиня и других мастеров. Это, на мой взгляд, вполне профессиональное эстрадное искусство. Конечно, наряду с ним продолжает существовать и любительское. Возможно, оправдан более дифференцированный подход: часть сказов (очевидно, большая) остается в сфере фольклора, другая же переросла его рамки.

Основная часть книги посвящена описанию и анализу наиболее репрезентативных разновидностей песенного, поэтического и прозаического сказов. Большинство из них впервые становятся известными некитайскому читателю, некоторые вообще не были объектом научно-

го исследования. Во всех возможных случаях Н. А. Спешнев излагает историю жанра, рассказывает о выдающихся исполнителях и особенностях бытования, анализирует литературную форму и характер музыкального сопровождения, очерчивает круг излюбленных тем и настроений. Многочисленные переводы целых произведений или их фрагментов, отличающиеся большой степенью точности, дают возможность увидеть художественную ткань сказов, знакомят с их стилистикой, образной системой, с традиционными речевыми формулами-клише и лексическими новациями.

Особо хочется выделить разделы о поэтическом сказе цзыдишу и прозаическом сяньшэн. В первом содержится обширная информация о литературных источниках сказов, их тематике и манере изложения. Несомненной заслугой автора является реконструкция мелодии, на которую исполнялись цзыдишу, а перевод сказа «Вознаграждение за тайное доброе дело» не только знакомит с интересным в художественном плане произведением, но и придает большую убедительность анализу литературной основы жанра.

В отличие от поэтического цзыдишу, традиционной и, возможно, уже исчезнувшей разновидности сказа, прозаический диалог сяньшэн — один из наиболее распространенных в наше время жанров, способный живо откликаться на запросы эпохи. Это жанр сатирико-юмористический, причем смех призван вызывать не только, а порой не столько смысл высказываний персонажей, сколько их речевая оболочка. Отсюда частая игра слов, обыгрывание диалектизмов, нарочитое искажение и перетолковывание терминов и понятий. Писать о произведениях такого рода для иностранных читателей — задача неблагодарная, но автор с ней довольно успешно справился, чему способствует удачный подбор литературных иллюстраций, переведенных весьма живо. Особенно интересен — и не только в плане анализа жанра сяньшэн — разговор о приемах создания комических эффектов («смеховых точек»). Вызывает сомнение лишь утверждение о том, что китайский слушатель чаще воспринимает отдельные реплики «без обязательной их связи со всем произведением» (с. 295). Если это и справедливо, то лишь в отношении ауди-

тории определенного культурного уровня.

К работе приложен обширный список литературы на китайском, японском и европейских языках, а также неоглифический указатель терминов (жаль только, что он не соотнесен с текстом — это облегчило бы пользование книгой).

Подытожим сказанное: монография Н. А. Спешнева является солидным научным трудом, в ней впервые столь разносторонне и систематически исследованы основные жанры песенно-повествовательной литературы Китая. Широкий,

теоретически обоснованный подход к литературному явлению сочетается в ней с детальным анализом литературной и музыкальной форм сказа, их языка, особенностей их исполнения и бытования. Она основана на широком круге оригинальных источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Наличие этих несомненных достоинств позволило автору успешно защитить данную книгу в качестве монографии на соискание ученой степени доктора филологических наук.

*В. Ф. СОРОКИН,
профессор*

Китайские и американские ученые о Синьхайской революции

The Chinese Revolution of 1911: New Perspectives. Edited by Chün-tu Hsüeh. Hongkong, 1986, IV+234 p.

Китайская революция 1911 года: новые перспективы. Под редакцией Сюэ Цзюньду. Гонконг, 1986, IV+234 с.

Синьхайская революция, в результате которой была свергнута маньчжурская династия и провозглашена Китайская республика, сыграла важную роль в политическом и социально-экономическом развитии страны, а также в истории человечества. В. И. Ленин в 1912 г. указывал на «мировое значение революционной борьбы китайского народа, несущей освобождение Азии...»¹. События революции 1911—1913 гг. на протяжении десятков лет привлекают внимание исследователей различных стран. В 1986 г. вышел в свет совместный труд ученых США и КНР под общей редакцией видного американского ученого китайского происхождения, профессора Мэриленд-

ского университета Сюэ Цзюньду (американская транскрипция — Чунь-ту Сюэ)². В рецензируемой книге он выступает автором двух статей из семи, остальные пять принадлежат перу ведущих ученых из КНР. Это обстоятельство придает дополнительный интерес для читателя, так как он получает возможность сопоставить взгляды и новейшие достижения западной и китайской исторической науки, представить объективную картину событий более чем семидесятилетней давности.

Открывает книгу статья Сюэ Цзюньду «Новые аспекты революции 1911 г.». В ней автор выдвигает идею (характерную для западной науки) сравнительного анализа Синьхайской революции с другими периодами в истории Китая с середины XIX в. По взглядам американского ученого, основными целями многих общественных движений в Китае, включая движение «самоусиления», реформы 1898 г., революцию 1911 г., равно как и курс «четырёх модернизаций» 80-х гг., всегда являлись обновление общества, достижение «благосостояния, могущества... и стремление догнать передовые промышленные страны Запада» (с. 17). Автор, правда, оговаривает необходимость учета классового характера указанных преобразований, будь то феодальное маньчжурское правление, буржуазная демократия Китайской республики или же современная социалистическая система КНР. Подобный подход представляется достаточно плодотворным, поскольку позволяет исследовать политические

и социально-экономические процессы в китайском обществе, эволюцию политического и хозяйственного механизма, развитие демократии от буржуазной формы к социалистической, становление нации в соприкосновении западного и восточного обществ и множество других сторон.

Сюэ Цзюньду отмечает, что «всякая политическая (точнее сказать, социальная.— С. Д.) революция включает в себя два аспекта: разрушение старого строя и создание и формирование новой системы» (с. 2). Революция 1911 г., свергнув маньчжурскую династию, не смогла установить жизнеспособную политическую систему. Разделяя это утверждение, заметим, что автор уходит от анализа экономической основы революции — конфликта производительных сил с тесными рамками устаревших производственных отношений, приводящего к обострению социальных антагонизмов и классовой борьбе. А ведь именно социально-экономическая программа обеспечивает решение всех задач «модернизаций», о которых шла речь выше.

В статье Сюэ Цзюньду выборочно касается таких вопросов, как роль военных в политическом развитии, культ личности и оценка руководителей. Понятно, что в небольшой по объему работе невозможно охватить все стороны проблемы, тем более что автор сразу же заявляет о намерении не повторять написанного ранее. Для нас, пожалуй, представляют интерес приведенные Сюэ Цзюньду данные о состоянии китайской и американской историографии по данной теме.

Как сообщает автор, за период 1949—1979 гг. в КНР вышло 50 книг, 30 томов источников и более 600 очерков, включая памятные статьи и воспоминания. Множество ценных публикаций появилось в канун празднования 50-й годовщины Синьхайской революции. Затем исследования были прерваны «культурной революцией», и лишь после разгрома «банды четырех», в особенности после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.), научная жизнь возобновилась. Так, в 1980 г. в КНР проведено более 70 конференций историков, в том числе несколько крупных международных симпозиумов. В апреле 1980 г. было восстановлено Китайское историческое общество. Одним из ведущих научных объединений на сегодняшний день является Общество изучения Синьхайской револю-

ции, созданное в декабре 1978 г. В ноябре 1979 г. под его эгидой в Гуанчжоу прошла конференция «Сунь Ятсен и Синьхайская революция», на которой выступило более 140 ученых (с. 9—10). Эти факты свидетельствуют об огромном интересе к революции 1911 г. в Китае и за рубежом.

Другая статья Сюэ Цзюньду — «Эссе о Хуан Сине с комментарием о революции 1911 г.» — по словам автора, представляет собой «попытку рассмотреть достижения Хуана, его личность, стиль работы и политическое мышление» (с. 27). Как известно, Хуан Син (1874—1916) был одним из основателей и наиболее влиятельным после Сунь Ятсена политическим деятелем революционного союза Тунмэнхуэй. Хотя он и не имел четко сформулированной политической программы, его идеи проявлялись через взгляды на практические вопросы. Сам Хуан Син выразил свое кредо в следующих словах: «Все эти годы я стремился и действовал в целях сохранения нашей нации». Цель революции представлялась Хуан Сину, помимо свержения маньчжурского господства, в установлении «богатой, сильной, независимой, демократической республики». Он выступал сторонником ненасильственной социалистической революции, считал, что «мир неизбежно движется к социалистической революции», которая осмысливалась им не только как расовая, политическая революция, но и как воплощение социальной революции. Он верил в мирный социализм Тунмэнхуэя, поддерживал идеи уравнивания прав на землю, налогообложения в соответствии с ценой земли, ликвидации разрыва между богатыми и бедными (с. 46). В статье приводятся некоторые письма Сунь Ятсена Хуан Сину, уточняются фактические детали его деятельности.

Первой из статей китайских ученых-обществоведов в книге помещена работа профессора истории Педагогического института «Хуачжун» (Ухань), президента Общества изучения Синьхайской революции Чжан Кайюаня. Его статья «Раскрепощать мышление, изыскивать истину из фактов и тщательно исследовать историю революции 1911 г.» касается методологических проблем исторического познания. В ней подчеркивается, что только после образования КНР, под руководством Коммунистической партии и старшего поколения революционеров, таких, как Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай, стремитель-

ное развитие получило «теоретическое оружие исторического материализма» (с. 65—66). Из крупных изданий, посвященных революции 1911 г., выделяются восьмитомное собрание «Синьхайская революция», продолжающиеся публикации журнала «Миньбао» и других важнейших источников, шеститомное собрание «Воспоминания о Синьхайской революции», «Сборник статей, посвященных 50-й годовщине Синьхайской революции» и др.

Автор указывает, что до 1949 г. изучение Синьхайской революции являлось монополей официальных ученых реакционной клики Чан Кайши и в основном рассматривалось как часть истории партии гоминьдан (с. 65). Начиная с 50-х гг., революция стала изучаться с различных сторон. Объектами исследований ученых стали экономические предпосылки и классовый характер революции, философские идеи и политические установки Сунь Ятсена, исторические личности (Хуан Син, Сун Цзяожэнь, Чжан Цзянь), Новая армия и политические партии, движение за конституционную монархию, идейная полемика накануне революции, различные массовые движения и др.

Ду Сюньчэн (Институт экономики АОН Шанхая) и Чжоу Юаньгао (Институт истории АОН Шанхая) представили статью «Краткое изложение изучения буржуазии начиная с 1949 г.». Статья прослеживает социальные истоки двух частей китайской буржуазии — национальной и бюрократической, компрадорской. В ней показано происхождение и формирование национальной буржуазии, ее состав, взаимоотношения революционеров и национальной буржуазии, конституционалистов и национальной буржуазии, революционеров и конституционалистов, определено историческое место и роль конституционалистов. В работе широко представлены различные подходы китайских ученых к проблеме, отмечены дискуссионные моменты. Подводя итоги, Ду Сюньчэн и Чжоу Юаньгао высказывают мнение о том, что следует более тщательно изучить бюрократическую, компрадорскую буржуазию, классовое происхождение революционеров и теорию «перемены политического фронта» (с. 114—115).

Для экономистов определенным интерес представляет статья Хуан Ипиня (университет «Хуадун», Шанхай) «Роль революции 1911 г. в развитии националь-

ной капиталистической промышленности». Автор полагает, что из-за отсутствия последовательной антифеодальной, антиимпериалистической программы революция не смогла изменить полуфеодального, полуколониального характера Китая. Огромная масса крестьянства была задавлена феодальной эксплуатацией со стороны помещиков. Разрушительные военные столкновения между милитаристами, растущие долги правительства Юань Шикая, непомерно тяжелые налоги и повинности не благоприятствовали развитию национальной капиталистической промышленности. «Под угнетающим бременем двух могущественных сил, империализма и феодализма, развитие национальной капиталистической промышленности могло лишь быть ограниченным» (с. 135). В силу этого обстоятельства историческая роль Синьхайской революции не должна преувеличиваться, заключает Хуан Ипин.

Обширная статья Жун Тешэна (Хэнаньский университет) «Женское движение в Китае до и после революции 1911 г.» обращает нас к малоизвестным фактам, связанным с борьбой передовых женщин Китая за эмансипацию и равные права. При этом автор прослеживает историю вопроса с XVIII в., включая «опиумные» войны и движение тайпинов. Однако в современном понимании борьба за освобождение женщин Китая, как отмечает автор, началась в ходе реформаторского движения «Ста дней реформ» (1898). Великие реформаторы Кан Ювэй, Лян Цичао, Тань Сытун и Янь Фу сознательно рассматривали освобождение женщин неотъемлемой частью этого движения (с. 141—142). В годы Синьхайской революции женское движение было еще слабо, и лишь после второй мировой войны оно «вырвалось из изоляции и влилось в мировой поток» (с. 171).

Заключительная статья Лю Дэлня и Хэ Шуаншэна (редакция новой истории Китая пекинской книжной компании «Чжунхуа») — «Краткая характеристика публикаций исторических источников по революции 1911 г. начиная с 1949 г.» — представляет собой историографический обзор по следующим рубрикам: сборники документов, сборники общих источников, сборники по специальным вопросам, сборники архивных материалов, воспоминания, сборники работ, хронологические биографии, смешанные работы. По неполным оценкам, начиная

с 1949 г. в КНР опубликовано 70—80 собранных источников, прямо или косвенно касающихся Синьхайской революции (с. 175).

Авторы вновь отмечают, что особенно продуктивным в плане научного творчества было начало 60-х гг., затем последовало десятилетие, когда прерывались какие-либо научные изыскания. После 1976 г. исследования возобновились, прежде всего благодаря расширению круга источников, почерпнутых из открытых архивов и ценных материалов, опубликованных на Тайване (с. 201).

Интересующиеся литературой по Синьхайской революции могут найти перечень некоторых относительно новых книг на китайском языке, вышедших в 1980—1981 гг.

В приложении к сборнику помещены четырнадцать стихотворений Хуан Сина в переводе на английский язык Сюэ Цзюньду и других авторов с комментариями Сюэ Цзюньду. Как отмечается, революционная литература представляет собой еще не изученную западными учеными сторону Синьхайской революции.

Не лишена книга и отдельных недостатков. Основным, на наш взгляд, является отсутствие целостности в общем замысле исследования, что затрудняет восприятие Синьхайской революции как единого, органичного движения. Не удалось авторам, по нашему мнению, показать массовый характер революции,

практически не освещена идеология Сунь Ятсена, которую В. И. Ленин называл «платформой великой китайской демократии»¹.

В целом же книга располагает богатой информацией, представляется легко доступной с точки зрения языка. Примечательно также и то, что она великолепно оформлена, имеет параллельные места на китайском языке, в том числе китайскую транскрипцию всех имен собственных. Ориентир на широкую аудиторию, несомненно, привлекает к книге как специалистов-историков, экономистов, филологов, так и массового читателя.

С. Г. ДЕМЕНТЬЕВ

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 155.

² Сюэ Цзюньду является автором и ответственным редактором десяти книг, в том числе см.: Chün-tu Hsüeh. Huang Hsing and the Chinese Revolution. Stanford University Press, 1961 (reprinted 1968; chinese edition 1980, reprinted 1982); Chün-tu Hsüeh. Revolutionary Leaders of Modern China. Oxford University Press, 1971 (reprinted 1973; french edition 1973). Американский ученый неоднократно приезжал в СССР, имеет тесные научные контакты с советскими коллегами.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 400.

*С. ЛУВСАНВАНДАН,
доктор филологических наук, секретарь
Международной ассоциации
монголоведов (МНР)*

Современное многоотраслевое монголоведение является научной системой гуманитарных исследований, охватывающих язык, историю, культуру и цивилизацию монгольских народов от древности до сегодняшних дней. Зародившись как отрасль востоковедения, изучающая отдельные этапы и характеристики истории и культуры монголов, монголоведение вобрало в себя все новые направления и опреляется теперь возрастающей тенденцией к комплексному исследованию всех сфер общественной и культурной жизни монгольских народов, процессом дальнейшей актуализации исторического поиска и повышенным вниманием к социальной проблематике, к углубленному изучению всей истории монголов во взаимосвязи с региональными и общемировыми процессами.

Внимание, проявляемое к монголоведению, углубление монговедческих исследований обусловлены рядом причин. Среди них назовем научные интересы, которые стимулируются современным уровнем востоковедения, увеличивающимся объемом публикаций источников, расширением возможностей непосредственного знакомства с изучаемой страной, ее историческим и культурным наследием. Рост международного авторитета МНР, усиление ее участия в международной жизни, исторический и социальный опыт монгольского народа, древняя и самобытная монгольская культура оказывают все более позитивное воздействие на возрастание международного научного и общественного внимания.

Монголоведение как самостоятельная научная дисциплина возникло почти двести лет назад в системе русского востоковедения. После того как была основана кафедра монгольской словесности сначала в 1833 г. в Казанском университете, а затем кафедра восточных языков в 1855 г. в Петербургском университете, оно стало специальной дисциплиной в европейских вузах. В стенах российских университетов выросли такие известные монголоведы, как О. Ковалевский, А. Попов, А. Бобровников, К. Голстнусский, А. Позднеев, В. Котвич, А. Руднев, Б. Владимирцов, чьи имена и труды являются вехами в мировом монголоведении. Конечно, истоки монголоведения следует искать раньше, еще в 1818 г., когда на базе восточных письменных коллекций кунсткамеры Российской Академии был учрежден Азиатский музей (ныне Институт востоковедения АН СССР). Уже в XVIII в. в исследованиях видных русских востоковедов Г. Миллера, И. Фишера, П. Палласа и др. содержались ценные сведения и обобщения по монгольской истории и культуре. Одним из первых монголоведов был Я. Шмидт, создавший впервые в 1832 г. «Грамматику монгольского языка». За ним вышли труды известных монголоведов России — таких, как Н. Пржевальский, Г. Потанин, П. Козлов, Л. Котвич и др. Их исследования сосредоточивались и в области изучения истории и цивилизации монгольских народов, географии, флоры и фауны нашей страны.

Русскому классическому монголоведению были свойственны фундаментальность и масштабность исследований. В процессе его творческого развития в дальнейшем сформировалась советская школа ориенталистики и монголоведения, выросли ее выдающиеся представители — С. Ольденбург, В. Бартольд, Н. Бертельс, Ю. Крачковский, В. Алексеев, И. Минаев, Б. Владимирцов и др., в чьих трудах охватыва-

ется широкий спектр проблем по истории и цивилизации монгольских народов, рассматриваемых в социально-историческом контексте. Следует отметить, что советскому монголоведению еще явственнее присущи высокий теоретико-методологический уровень, фундаментальность исследований, новаторский подход. В трудах С. Корзина, С. Киселева, А. Окладникова, И. Златкина, Г. Санжеева выдвинуты новые идеи и концепции. В системе общей монголистики успешно развиваются бурятоведение и калмыковедение.

Динамично совершенствуется отечественная школа монголоведения, которая за период своего более чем 60-летнего развития сложилась как многоотраслевая система гуманитарных наук. Видные ее представители — Ц. Дамдинсүрэн, Ш. Лувсанвандан, Б. Ринчен и др., труды которых стали явлением в монгольской научной мысли и способствовали развитию научного монголоведения, формированию и подготовке квалифицированных кадров данной области науки. В настоящее время монгольские ученые всесторонне исследуют проблемы социальной истории Монголии, ее экономического прогресса, развития современного монгольского языка, процесса формирования философской и эстетической мысли, истории культуры и искусства, фольклора и народного творчества.

В странах социалистического содружества как результат процесса интеграции экономической и культурной жизни расширяется и углубляется сотрудничество в области современной науки, в том числе и монголоведения, обогащаются формы и методы этого сотрудничества. Монголоведение социалистических стран, при всех специфических особенностях каждой национальной школы, от традиционной до вновь зарождающейся, развивается на единых методологических основах. В братских социалистических странах осуществляются комплексные исследования проблем истории и культуры монгольских народов. Среди них труды и публикации по памятникам культуры Л. Ингетн, Д. Кары и А. Рона-Таша (Венгрия), по истории, культуре и этнографии П. Поуха и И. Шимы (ЧССР), В. Дыновского и С. Шинкевича (Польша), по монгольской филологии С. Калужинского (Польша) и П. Фитце (ГДР).

В последние годы китайские монголоведы регулярно выпускают серии публикаций источников по истории и культуре Монголии, памятников литературного перевода.

Монголоведение в Западной Европе ведет свою историю с первой половины XIX в. В 1834 г. вышло первое издание «Истории монголов» Д'Оссона. В XIX в европейское монголоведение значительно расширило фронт исследований, особенно в области изучения и публикации исторических и культурных источников. В число самых известных представителей европейского монголоведения вошли Г. Рамстедт (Финляндия), П. Пеллио (Франция), Л. Амби (Франция), А. Бойл (Великобритания), А. Мостаерт (Бельгия), Э. Хейниш (Германия), Д. Туччи (Италия).

Среди американских монголоведов нужно выделить О. Латтимора, В. Кливса, Ф. Лессинга, Л. Крейдера. Японское монголоведение выдвинуло целый ряд признанных специалистов, ученых, в том числе К. Ширатори, Ш. Хаттори, С. Ивamuра и др.

Сегодня монголоведы капиталистических стран значительное внимание уделяют древней, средневековой и новой истории Монголии, филологии и этнографии. Достойны пристального внимания работы П. Аалто (Финляндия), посвященные сравнительному изучению алтайских языков, В. Хайссига (ФРГ) — монгольским историческим хроникам, истории монгольской литературы (XIX — начало XX в.), Ч. Боудена (Великобритания) — монгольской истории, эпосу, верованиям, И. Рахевильдза (Австралия) — исследованию «Сокровенного сказания», К. Роуллинга (Канада) — экономическому развитию современной Монголии, Ф. Обэна (Франция) — социальной истории Монголии, Р. Амайона (Франция) — монгольскому языку; П. Стари (Италия) — алтайской филологии; К. Сагастера (ФРГ) — исследованию «Белой истории». Большое значение имеет библиография по монголоведению, составленная Г. Шварцем (США).

В настоящий момент монголоведение переходит на новую качественную ступень развития, являющуюся результатом творческого научного поиска ученых, занятых в исследовательских центрах и в системе высшего образования. Сегодня монголоведение представлено в 50 научно-исследовательских и 60 высших учебных заведениях 40 стран мира. Ежегодно публикуются около 200 монголоведческих исследований. Помимо публикаций в фундаментальных научных журналах востоковедения, регулярно выходят самостоятельные монголоведческие периодические издания в МНР, СССР, КНР, США, Японии, ФРГ, Франции, Великобритании, Канаде и др.

В МНР, СССР, ГДР, КНР, Японии, США и других странах наряду с традиционными центрами, вузовскими кафедрами и научными секторами были созданы национальные ассоциации монголоведения. Укрепление организационных основ монголоведения отражает как качество накопленных знаний и научных разработок, так и потребность в объединении творческих усилий специалистов и координации исследовательской деятельности.

Как известно, на II Международном конгрессе монголоведов в 1970 г. (I Международный конгресс монголоведов состоялся в 1959 г.) был создан Постоянный комитет, целью которого является укрепление связей между монголоведами, расширение плодотворного сотрудничества. За прошедшие годы Постоянный комитет Международного конгресса монголоведов (ПК МКМ) подготовил и организовал три конгресса, регулярные заседания Постоянного комитета, рабочие встречи ученых. В среднем на каждом конгрессе было представлено около 200 докладов, участвовали представители 20—24 стран, а также ряда международных организаций. Было опубликовано 8 томов документов, докладов, выступлений. Научное издание ПК МКМ «*Studia Mongolica*» издается с 1970 г. За это время уже вышло 14 томов, в которые вошли работы многих ученых-монголоведов из разных стран мира. Деятельность ПК МКМ сделала неоспоримым тот факт, что МНР стала центром современного мирового монголоведения. Международный конгресс монголоведов стал традиционным форумом для обсуждения его актуальных проблем.

V Международный конгресс монголоведов состоялся в Улан-Баторе — столице Монгольской Народной Республики с 14 по 21 сентября 1987 г. Очередной форум монголоведов мира, как каждый из предыдущих, явился крупным событием в культурной и научной жизни народной Монголии, обозначил новую веху в развитии современного монголоведения. Настоящий форум монголоведов, в целом сохраняя преемственность традиций и олицетворяя динамичность развития мирового монголоведения, обладает своей спецификой, имеет ряд отличительных черт.

Прежде всего можно констатировать заметное увеличение круга стран-участников, численного состава их представителей. В работе конгресса приняли участие около 300 делегатов и гостей из 34 стран мира, 4 международные научные организации, а также ЮНЕСКО.

Весьма примечательно, что среди участников конгресса наряду с монголоведами старшего поколения, чьи труды снискали себе заслуженное признание мировой научной общественности, большинство составляла талантливая плеяда молодых исследователей, на плечи которых ложится ответственность за будущее мирового монголоведения. Отрадно заметить, что за истекшие 20 лет выросла и сформировалась эта достойная молодая смена в монголоведческой науке. Отличительной чертой нового поколения ученых является присущее им стремление к чуткому реагированию на исторические перемены в жизни современной Монголии, в обществе, экономике и культуре МНР, на новые черты быта и обычаев народа. И что также важно, добротное знание монгольского языка позволяет им глубоко ознакомиться и скрупулезно обработать первоисточники и другие материалы.

Во-вторых, другой особенностью конгресса было значительное расширение диапазона и углубление тематики, масштабность исследуемой проблематики.

В ходе конгресса чередовались пленарные и секционные заседания. На вступительном пленарном заседании было заслушено пять основных докладов по насущным проблемам, организационным и научным вопросам современного монголоведения, а на заключительном заседании приняты и утверждены основные документы конгресса, здесь же выступили с речью известные монголисты и видные деятели международных организаций.

Кроме пленарных заседаний, деятельность конгресса развивалась полных пять дней на трех секционных заседаниях. Во время работы секций «История, экономика, философия», «Язык, литература, искусство», «Взаимосвязь культур Монголии и народов Центральной Азии» были предложены доклады 320 ученых из 37 стран; 230 из них были заслушаны и обсуждены, а остальные приняты как стендовые доклады, их решено включить в материалы конгресса, которые будут изданы в 1988 г. в трех томах.

В докладах конгресса были затронуты многие проблемы, касающиеся монгольской истории всех времен, монгольского и родственных языков и диалектов, процесса

истории цивилизации, экономического развития, культурной жизни, народного творчества, фольклора, археологии и этнографии. Во многих докладах были вынесены на рассмотрение и введены в научный оборот новые факты, выдвинуты оригинальные идеи и неординарные концепции.

С докладами по теоретическим и практическим вопросам некапиталистического пути развития МНР и социалистических преобразований в нашей стране выступили ученые из Советского Союза, МНР, ГДР, Англии, Индии, Японии. Были обсуждены также доклады ученых из Монголии, Советского Союза, Польши, Японии, Австралии по исследованию «Сокровенного сказания монголов». Одним словом, эти доклады составили нечто единое, целостное, так как дополняли и уточняли друг друга, обладали важным свойством — целенаправленностью.

Заседания третьей секции в целом прошли на уровне самостоятельного симпозиума. С одной стороны, доклады на этой секции охватывали весь комплекс основных проблем истории культурных отношений народов Монголии и других стран Востока, с другой стороны — исследовали и анализировали с исторической точки зрения развитие племенных союзов и государственных образований кочевников Центральной Азии от гуннов и киданей до монгольской феодальной империи, а также исторические и культурные отношения монгольских народов с тюркскими и иранскими народами, с Индией, Китаем, Тибетом, что также свело воедино эти доклады и сообщения.

Деятельность конгресса не ограничивалась докладами и речами, его органичным продолжением были встречи ученых в кулуарах, свободный обмен мнениями, творческие беседы, дружеские диспуты. Сама сущность конгресса заключалась не в монологе, не в единичных выступлениях, но в диалоге между учеными, в полемике. Такой диалог, переходя в коллективную форму, сконцентрировался на исследовании «Сокровенного сказания» и превратился, можно сказать, в настоящую международную встречу. Была создана авторская группа по многостороннему, коллективному исследованию «Сокровенного сказания». Иначе говоря, в дружеских встречах и диалоге между учеными создавался фундамент будущих коллективных трудов, зарождались программы сотрудничества.

Наряду с индивидуальными беседами, коллективным обменом мнениями проводилась важная рабочая встреча по научно-организационным проблемам мирового монголоведения, а именно — по созданию Международной ассоциации монголоведения (МАМ), ее структуре и формам деятельности, по разработке основных документов конгресса, программы дальнейшей научной работы. Особенно активно и творчески сотрудничали ученые при разработке основных документов конгресса — Устава МАМ, Обращения участников конгресса ко всем ученым мира и др.

В-третьих, V Международный конгресс войдет в историю монголоведения как учредительный конгресс Международной ассоциации монголоведения. На нем были утверждены основные документы, принят Устав новой международной организации. Согласно Уставу, Международный конгресс монголоведов стал высшим органом мирового монголоведения. Был избран Исполнительный комитет для осуществления его решений в составе 48 авторитетных ученых из более чем 30 стран. Руководство ассоциации избрано в составе президента, 7 вице-президентов и генерального секретаря. Образован международный секретариат — постоянный рабочий орган Исполкома МАМ в составе 11 ученых. Утверждены также соответствующие положения, регламентирующие деятельность вышеназванных руководящих органов.

Образование МАМ — историческое событие, открывающее новые перспективы в научном и организационном развитии мирового монголоведения.

В-четвертых, на конгрессе было принято решение об издании начиная с 1988 г. периодического журнала «Монголоведение» (20 печатных листов) — научного печатного органа МАМ. Он станет центральным органом для публикации достижений и открытий мировой монголоведческой науки, трибуной широкого творческого сотрудничества монголоведов мира.

Всем понятна роль и значение научного журнала в развитии монголоведения как многоотраслевой научной системы, в обогащении и укреплении плодотворного сотрудничества ученых-монголоведов, да и вообще востоковедов, а также научных центров и ассоциаций всех стран, в особенности при подготовке молодой смены монголоведения.

В-пятых, был основан информационный бюллетень МАМ «Монголоведческие исследования», первый номер которого, выпущенный совместно с международным информационным советом общественных наук социалистических стран (МИСОН), был вручен делегатам и гостям конгресса.

Велика роль информации в развитии современной науки. Нарастающий темп монголоведческих исследований и рост объема публикаций ставят задачу по интенсификации обмена научной информацией в этой области. Регулярный выпуск информационного бюллетеня в целях предоставления более полной и оперативной информации о достижениях монголоведения, активное и деятельное участие в нем национальных ассоциаций и центров будет способствовать созданию в будущем международной информационной службы монголоведения.

В-шестых, на конгрессе была обсуждена и утверждена программа дву- и многостороннего научного сотрудничества на 1987—1992 гг. между национальными центрами и ассоциациями монголоведения, а также между учеными. В программе определены основные направления монголоведения, охвачены его ключевые теоретико-исторические проблемы.

Будущее мирового монголоведения зависит от плодотворного сотрудничества монголоведов и монголоведческих организаций всех стран, их смелых инициатив и нововведений, творческой активности.

Поддержка идей, инициатив и научных достижений монголоведов, их реализация окажут позитивное воздействие на развитие монголоведения.

Научно-организационная деятельность МАМ должна содействовать ускоренному внедрению в научный оборот новых источников и теоретических разработок монголоведов. Эта работа будет проводиться в рамках дву- и многостороннего сотрудничества ученых.

Исторический опыт монгольского народа, открывшего новый путь социального прогресса — путь перехода от докапиталистической формации к социализму, — имеет большое международное значение. Преобразование кочевого образа жизни, кооперирование сельского хозяйства, создание национальной промышленности, победа культурной революции — все это требует дальнейшего научно-теоретического обобщения. В результате решения задач социального прогресса, экономического преобразования и культурной перестройки монгольский народ приобщился к современной цивилизации и научно-техническим достижениям, коренным образом изменились его социально-исторические условия, жизненный уклад и духовный мир, что является одной из главных тем совместных исследований, исторического и теоретического осмысления. В этой области уже много лет сотрудничают ученые социалистических стран, в частности монгольские и советские обществоведы.

Сотрудничество монгольских и советских специалистов охватывает кардинальные проблемы монголоведения. Вышло немало совместных научных исследований, выдвигающих новые концепции и оригинальные выводы. К V Международному конгрессу монголоведов увидел свет совместный труд «Актуальные проблемы монголоведения» с участием 29 специалистов двух стран. На конгрессе получила развитие мысль о применении подобного опыта сотрудничества в более широком международном масштабе.

Расширение международного сотрудничества в области монголоведения предполагает создание фундаментальных совместных исследований, представляющий широкий научный интерес. Ученые-монголоеды многих стран, имеют труды, открывшие новые рубежи монголоведения. Среди них следует отметить работы по источникам монгольской истории и культуры, в частности историческим летописям XVII—XVIII вв. Несмотря на то что «Сокровенное сказание монголов» (XIII в.), уникальный памятник языка, истории и культуры Монголии и непреходящая ценность цивилизации Востока, переведено на многие языки и нашло смелые трактовки в солидных трудах многих ученых мира с конца XIX в., изучение «Сокровенного сказания» не может ограничиваться определенным временем. Оно и впредь остается в центре внимания монголоведов как объект комплексных исследований.

На наш взгляд, неисчерпаемым объектом многоплановых исследований ученых является древняя столица монголов Кара-Корум. Коллективные работы по исследованию исторических, культурных и архитектурных памятников монгольских народов могут быть организованы под эгидой ЮНЕСКО. В них могут принять участие ученые

различных специальностей: историки, археологи, этнографы, филологи, искусствоведы, не только монголоведы, но и специалисты смежных областей науки, например исследователи истории цивилизаций народов Востока.

Социальная, этническая и культурная история монголов является основным направлением комплексных исследований монголоведов.

Монголия — сокровищница памятников не только своей национальной культуры, но и соседних стран и народов, прежде всего индийского, тибетского, китайского, тюркского и др. В этом отношении имеется широкая возможность для работы монголоведов над текстологией и научным изданием памятников монгольской и восточной культур не только в Монголии, но и в других странах, которые располагают такими источниками. Это — будущее источниковедческих и историографических исследований. В связи с этим следует отметить серии публикаций, посвященных памятникам истории и культуры монгольских народов, созданных монгольскими и советскими учеными, а также венгерскими, китайскими, западногерманскими монголоведами.

Испытанный практикой и временем опыт научного сотрудничества монгольских и советских ученых приносит свои результаты. Особенно примечательна организуемая с 1947 г. совместная историко-культурная экспедиция, в рамках которой проводились исследования в области археологии и этнографии монгольских народов, их взаимосвязей с соседними народами с древнейших времен. Экспедиция открыла уникальные памятники материальной и духовной культуры нашего народа, издала ряд значительных трудов по ее находкам и результатам.

Такого рода деятельность можно расширить путем организации более широкой интернациональной экспедиции ученых-монголоведов. Ведь на территории Монголии имеются многочисленные исторические и культурные памятники: наскальные рисунки, пещерные росписи, каменные бабы, скульптурные композиции, древние города и другие архитектурные сооружения. Монгольские языки и диалекты, историко-литературные памятники, эпические творения, произведения музыкального фольклора и устного народного творчества, танцевальное искусство, декоративно-прикладное искусство — все это станет объектом совместных комплексных исследований монголоведов и востоковедов.

Монгольская культура, развиваясь на стыке различных цивилизаций, сохранила самобытность и специфику и вместе с тем воспринимала и развивала лучшие традиции других народов. В Монголии сохранились ксилографии и рукописи индийских, тибетских и китайских памятников культуры, включая знаменитые «Ганджур» и «Данджур», изданные в разных местах и написанные с помощью порошков различных минералов, в том числе «девятью драгоценностями».

Значительный материал по истории и цивилизации монгольских народов содержится в многочисленных источниках на арабском и персидском, китайском и тибетском, латинском и других языках, настоятельно требующих совместных текстологических исследований и публикаций. Поэтому важным направлением нашей работы является развитие многостороннего сотрудничества с международными научными организациями, в частности по индологии, синологии, арабистике, тюркологии, алтаистике и др., активное участие в их научной деятельности. Таким образом, области сотрудничества монголоведов и востоковедов обширны и многоплановы.

Кроме всего этого, поставлена задача в ближайшее время напечатать монгольские письменные памятники, рунические надписи, источники монгольского письма, в том числе киданьского и квадратного.

Монголоведение является также составной частью исследований истории цивилизации Центральной Азии. В программе ЮНЕСКО на 1971—1972 гг., утвержденной на 16-й сессии Генеральной конференции, отмечено в связи с участием МНР в изучении истории цивилизации Центральной Азии, что «рамки проекта будут расширены путем включения в него Монголии и новых тем исследования, рекомендованных II Международным конгрессом монголоведов». В соответствии с этим в 1972 г. был проведен международный симпозиум на тему «Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии» с участием представителей 20 стран. Материалы симпозиума были опубликованы в специальном сборнике. Одна из секций V Международного конгресса монголоведов, как и III конгресса (1982), посвящалась проблемам взаимосвязи истории и культуры народов Монголии и Центральной Азии. Монгольские ученые

в свою очередь принимают участие в написании и редактировании многотомного труда «История цивилизаций Центральной Азии».

Заложены основы сотрудничества с ЮНЕСКО в области охраны памятников истории и культуры Монголии, публикации источников и создания альбомов по искусству. ЮНЕСКО со своей стороны постоянно оказывает финансовую помощь в проведении научных исследований монголоведения, в организации международных конгрессов и симпозиумов, является активным участником этих мероприятий.

Согласно программе сотрудничества, и в дальнейшем предусматривается регулярное проведение научных конгрессов, конференций, специализированных симпозиумов, деловых встреч, профессиональных семинаров как эффективных и сложившихся форм дву- и многостороннего сотрудничества. В период до VI Международного конгресса монголоведов, который состоится в 1992 г., будут организованы Международная научная конференция, посвященная 750-летию «Сокровенного сказания монголов» (в 1990 г.), Международный симпозиум «Теоретические вопросы современной монгольской художественной культуры» (в 1991 г.). Также будет проведен Международный профессиональный семинар по археологии и этнографии Монголии (в 1989 г.).

Сегодня научный прогресс невозможно представить без сотрудничества ученых. Это сотрудничество, направленное на достижение общих целей, станет залогом успеха.

Реальной гарантией дальнейшего развития монголоведения как в национальном, так и в международном плане является совместная творческая деятельность, объединение усилий ученых-монголоведов разных стран мира. Именно поэтому в приветственном послании Председателя Президиума Великого Народного Хурала МНР товарища Ж. Батмунха участникам конгресса было подчеркнуто, что «МНР придает большое значение развитию монголоведения и плодотворному сотрудничеству монгольских ученых с их зарубежными коллегами. Мы искренне рады тому, что в разных странах пополняются ряды монголоведов, все более расширяются тематика, итоги и достижения их исследований». Такое объединение служит не только целям изучения и распространения знаний об истории и культуре монголов, но и благородной задаче содействия взаимопониманию и сотрудничеству между народами. Тем самым прогрессивная творческая интеллигенция, в том числе и ученые-монголоеды, выполняют благородную миссию — способствуют взаимопониманию и сближению народов нашего региона и мира в целом, укреплению прочного мира на планете.

Эти стремления еще раз подтверждаются Обращением участников конгресса ко всем деятелям науки: «Мир и наука неразделимы. Ибо без мира нет науки, которая призвана служить Человеку, быть гуманистичной».

Исходя из этого, мы, ученые-монголоеды, обращаемся ко всем ученым мира, ко всем тем, кому дорого дело мира и науки, ко всем честным людям Земли с призывом еще более активизировать усилия в борьбе за мир и безопасность через разоружение».

Конференция обществоведов Советского Союза и Корейской Народно-Демократи- ческой Республики

---

26 - 28 ноября 1987 г. в Пхеньяне состоялась советско-корейская конференция ученых, посвященная проблемам объединения Кореи и обеспечения мира и безопасности в азиатско-тихоокеанском регионе. Советская сторона на конференции был представлена делегацией Академии наук СССР, которую возглавлял член Президиума АН СССР, академик-секретарь Отделения исторических наук АН СССР С. Л. Тихвинский. В ее состав вошли специалисты ряда институтов АН СССР — востоковедения, Дальнего Востока, мировой экономики и международных отношений, экономики мировой социалистической системы. Корейские участники конференции во главе с вице-президентом Академии общественных наук Ким Чэль Сиком представляли институты истории, права, философии, экономики АОН КНДР, Институт проблем объединения, Институт международных проблем и Университет им. Ким Ир Сена, а также Комитет по мирному объединению родины. В их числе были и корейские ученые, проживающие в Японии.

Советско-корейская конференция стала первой такого рода встречей ученых двух стран. Она положила начало намеченным на будущее регулярным двусторонним контактам по актуальным вопросам международного развития в азиатско-тихоокеанском регионе и на Корейском полуострове.

В основном докладе советской делегации, сделанном академиком С. Л. Тихвинским на тему «Азиатско-тихоокеанский регион в мировой политике и советская концепция безопасности», был дан всесторонний анализ современного международного положения в АТР, показано его возрастающее значение в мировой политике, особенно в контексте обеспечения безопасности. Докладчик подчеркнул, что в настоящее время, как никогда ранее, перед человечеством стоит кардинальная проблема выбора дальнейшей судьбы его развития — либо мирное сосуществование и сотрудничество, либо самоуничтожение в ядерной войне. В этой связи он привел слова Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева о том, что в условиях появления и угрозы применения ядерного оружия вопрос выживания стал одинаково актуальным для всех регионов земного шара и связал воедино интересы народов всех континентов. А это в свою очередь стимулирует и обуславливает крайнюю необходимость коллективных усилий всех народов в борьбе за мир и безопасность на планете.

В выступлении С. Л. Тихвинского были проанализированы основные особенности стратегии империализма в АТР, которая является главной причиной нарастающей здесь напряженности, усиления процессов милитаризации и гонки ядерных вооружений. В этой связи он отметил, что продолжающееся военное присутствие США и гонка вооружений на Юге Кореи, нежелание Вашингтона и правящих кругов Юга страны идти навстречу миролюбивым предложениям КНДР по укреплению безопасности и объединению превращают полуостров в потенциально взрывоопасную зону и препятствуют достижению национального единства.

В докладе отмечалось, что нарастание опасных тенденций в военно-политической области, стремление народов региона к сотрудничеству и необходимость включения Азии и Тихого океана в процесс создания всеобъемлющей безопасности и вместе с тем отсутствие, в отличие от Европы, каких-либо всеобщих структур для обсуждения острых

проблем современности настоятельно диктуют необходимость принятия срочных и эффективных мер для создания здесь атмосферы мира и сотрудничества.

В таком контексте докладчик изложил основные направления сформулированной М. С. Горбачевым в его выступлении во Владивостоке и в интервью газете «Мердека» советской концепции азиатско-тихоокеанской безопасности, ее военно-политические, экономические и гуманитарные аспекты, подчеркнув органичную связь концепции с новым политическим мышлением и Программой построения безъядерного и ненасильственного мира.

С. Л. Тихвинский особо отметил, что данная концепция опирается на уже накопленный миролюбивый потенциал социалистических, развивающихся и других стран и имеющийся исторический опыт, в том числе опыт и инициативы Корейской Народно-Демократической Республики. Конструктивные предложения КНДР, заявил С. Л. Тихвинский, пользуются неизменной поддержкой советских ученых, всего советского народа, которые высоко ценят традиционную дружбу с трудящимися КНДР. Это сотрудничество получило новый импульс после дружеских визитов в СССР в 1984 и 1986 гг. Генерального секретаря ЦК Трудовой партии Кореи, президента КНДР Ким Ир Сена и его встреч и бесед с советскими руководителями.

О конкретных аспектах нынешнего и будущего развития азиатско-тихоокеанского региона с точки зрения обеспечения безопасности и сотрудничества во всех сферах говорили также в своих выступлениях заместитель директора Института востоковедения АН СССР профессор Г. К. Широков и заместитель директора Института Дальнего Востока АН СССР профессор В. С. Мясников. Доктор экономических наук В. А. Яшкин (ИВАН) проанализировал главные тенденции современного экономического развития АТР. Доктор экономических наук Л. И. Кондрашова (ИЭМСС) рассказала о возможностях расширения экономического сотрудничества Советского Дальнего Востока с социалистическими странами АТР. Заведующий отделом тихоокеанских исследований кандидат экономических наук В. И. Иванов (ИМЭМО) рассмотрел проблемы, касающиеся гонки ядерных вооружений в АТР. Большой интерес вызвали доклады по отдельным субрегионам азиатско-тихоокеанского района, в частности: о роли американо-японского союза в АТР (кандидат исторических наук К. О. Саркисов, ИВАН), о стратегии империализма в Юго-Восточной Азии (кандидат исторических наук Т. И. Сулицкая, ИВАН; Ю. Г. Жарких, ИДВ), о борьбе народов Индокитая за ослабление напряженности и урегулирование так называемой «кампучийской проблемы» (кандидат исторических наук Г. М. Маслов, ИВАН).

Значительное место в работе конференции заняло обсуждение вопросов обеспечения мира на Корейском полуострове и объединения страны, на которых сосредоточили внимание корейские ученые. Программа самостоятельного мирного объединения Кореи, основу которой составляет создание Конфедеративной республики Корё; предложения правительства КНДР о превращении Корейского полуострова в мирную безъядерную зону и о поэтапном сокращении вооруженных сил Севера и Юга с одновременным выводом американских войск из Южной Кореи и ликвидацией там военных баз и объектов США; роль Корейского полуострова в системе безопасности в АТР и существование формирующегося треугольника США — Япония — Южная Корея как части более широкой военно-политической структуры в регионе; политическое и экономическое развитие Южной Кореи накануне президентских выборов в условиях активного разворачивания антидиктаторских выступлений в стране; процессы милитаризации на Корейском полуострове и в Японии, выступающей в едином союзе с США, и одновременно вопросы антиядерного антивоенного движения в АТР — таков далеко не полный перечень проблем, выдвинутых и рассмотренных в выступлениях корейских ученых.

С советской стороны по корейской проблематике выступили с докладами доктор исторических наук В. Д. Тихомиров (ИВАН), кандидат исторических наук Ю. В. Ванин (ИВАН), кандидат исторических наук А. В. Воронцов (ИВАН) и кандидат исторических наук Ю. И. Огнев (ИДВ). Они дали оценку современного положения на Корейском полуострове с точки зрения безопасности и достижения национального единства страны, проанализировали основные тенденции внутрикореяского и международного (вокруг Кореи) развития, высказали мнения о внутривосточной ситуации в Южной Корее и перспективах ее дальнейшего развития, рассказали о позиции Советского Союза в отношении корейских проблем и поддержке СССР и советской общественностью борьбы корейского народа за мир и национальное единство.

Работе конференции было уделено в КНДР большое внимание. Встречу ученых двух стран открыл Председатель Постоянной комиссии Верховного народного собрания, президент Академии общественных наук КНДР Ян Хён Соб. Принимая советскую делегацию накануне ее отъезда на родину, он высоко оценил деятельность конференции, заявив о том, что она внесла свой вклад в дальнейшее укрепление взаимопонимания, дружбы и сотрудничества между учеными и народами наших стран. Орган ЦК ТПК газета «Нодон синмун» публиковала материалы о ходе конференции с кратким изложением ряда докладов. Радио и телевидение постоянно освещали ее работу.

Конференция носила творческий характер, она прошла в атмосфере плодотворного сотрудничества.

*В. Д. ТИХОМИРОВ,
доктор исторических наук*

Семинар в Пхеньяне

2 ноября 1987 г. в Пхеньяне в рамках сотрудничества национальных комитетов защиты мира состоялся семинар ученых-международников, посвященный теме «Октябрь и проблемы мира и безопасности в азиатском и тихоокеанском регионе».

Хозяева организовали насыщенную многочисленными поездками программу. Особое значение для гостей из Советского Союза имела поездка в Кэсон, посещение 38-й параллели, расколовшей страну на две части и ставшей рубежом между различными путями социального и политического развития Севера и Юга Кореи.

Более четверти века тому назад было опубликовано немало документов, касающихся Кореи. Рекомендации государственного, военного и военно-морского департаментов США и Объединенного комитета начальников штабов еще до разгрома в 1945 г. милитаристской Японии предусматривали, что «японские войска в Корее севернее 38-й параллели должны капитулировать перед советскими войсками, а южнее — перед войсками США». Участники Потсдамской конференции согласились принять 38-ю параллель в качестве разграничительной линии военных действий американских и советских войск в Корее. Запад не может упрекнуть советскую сторону в нарушении союзнических обязательств при освобождении Кореи. Советское командование руководствовалось заранее согласованным с американской стороной порядком принятия капитуляции японских войск. Но мало кто предполагал тогда, что условная линия по 38-й параллели, признанная союзниками временной, необходимой для осуществления мер по принятию капитуляции японских войск, на долгие годы превратится в разрывающий Корею рубеж.

Советские и корейские ученые, выступавшие на семинаре в Пхеньяне, выразили глубокую озабоченность по поводу продолжающейся гонки вооружений в АТР, на Юге Кореи в особенности. Уровень военного противостояния на Корейском полуострове, если учесть соотношение вооруженных сил и количества населения, его геостратегическое положение, наличие ядерного оружия на Юге Кореи, сосредоточение вооруженных сил в соседних странах, а также концентрацию ВМС в прилегающих морях, весьма высок.

Советские участники семинара подчеркнули своевременность и жизненную значимость Программы, выдвинутой в 1986 г. советской стороной во Владивостоке, принципов, изложенных в Делийской декларации. Эти документы пронизывает мысль о необходимости спасения человечества от ужасов войны. Актуальность владивостокской программы в свете необходимости снижения уровня военно-политической напряженности в АТР трудно переоценить.

Принимавшие нас корейские товарищи с пониманием воспринимали советские предложения, направленные на предотвращение ядерной войны. Советские инициативы по созданию безъядерного мира в Азии развенчивают тезис о том, будто азиатские народы должны опасаться «советской ядерной угрозы». А упрочение взаимопонимания между СССР и США создает условия, благоприятные для разрядки в Корее.

Осознание народами различных стран выдвинутой советской стороной идеи всеобъемлющей системы международной безопасности — процесс объективный. В различных странах все больше политических и общественных деятелей признают, что любые попытки использования силы для изменения статус-кво на Корейском полуострове чреваты катастрофическими последствиями глобального масштаба.

Ядерное противостояние в регионе, высокая степень насыщенности АТР ядерным оружием, внедренность ядерного оружия в сухопутные силы прежде всего в районах, где накоплен взрывоопасный потенциал конфликтов — каким стал Корейский полуостров, — наносит серьезный ущерб безопасности государств данного района мира, повышает вероятность столкновения с применением самого варварского оружия в истории человечества.

Во время корейской войны потери США составили 142 тыс. человек, стран Британского содружества — 7 тыс., Турции — 3 тыс. человек. Большие жертвы понес корейский народ. На Юге потери составили 184 тыс. человек, на Севере, согласно американским данным, погиб каждый третий из 10 млн. населения. Сегодня, когда ядерный потенциал АТР насчитывает до 2 тыс. различных боезарядов (а примерно половина из них находится в Корее), любое военное столкновение в этом районе привело бы к конфликту, результатом которого стало бы уничтожение не только Кореи.

Опыт развития внутрикорейского диалога 70-х и 80-х гг. не может не давать надежды на возможность нормализации обстановки на Корейском полуострове. Конечно, важной причиной развития диалога в Корее в первой половине 70-х гг. стали процессы разрядки в международно-политической обстановке в целом. Но главную роль при этом сыграли, как представляется, внутрикорейские факторы. Общим для обеих сторон принципом переговоров начала 70-х гг. стало признание возможного объединения страны без вмешательства извне, обоюдное желание начать обсуждение проблем общенационального характера, среди которых важнейшее место занимает проблема обеспечения мира на корейской земле. Советские участники семинара подчеркнули важность — с точки зрения интересов мира и безопасности — успешного развития внутрикорейского диалога. Основное слово в деле нормализации обстановки в Корее принадлежит самим корейцам.

Как Север, так и Юг Кореи активно вовлекаются в процесс развития международных торговых, общественно-политических, культурно-спортивных связей. Принимаются усилия по развитию диалога в самых различных областях. Такого рода тенденция носит объективный характер. В мире все с большим пониманием воспринимают сложившиеся в Корее реалии, признают единственный путь нормализации обстановки в этом регионе — диалог между двумя корейскими сторонами, обеспечение здесь приемлемого для обеих сторон баланса интересов.

С точки зрения интересов поддержания мира на планете влияние внутрикорейского диалога, усилий обеих сторон на Корейском полуострове в поиске взаимоприемлемых компромиссов распространяется далеко за региональные рамки. Трудно переоценить значение воздействия на перспективы мира и безопасности в Азии любых шагов, предпринятых участниками внутрикорейского диалога для создания атмосферы взаимного доверия, снижения уровня напряженности в Корее.

Выступившие на семинаре советские ученые подчеркивали активную поддержку в Советском Союзе инициатив КНДР, нацеленных на оздоровление обстановки на Корейском полуострове, в том числе предложений о превращении его в безъядерную зону, о поэтапном сокращении вооруженных сил КНДР и Южной Кореи, усилий в направлении снижения напряженности в регионе посредством диалога между Севером и Югом Кореи. Обсуждение советскими и корейскими учеными актуальных проблем мира и безопасности, несомненно, должно быть продолжено. Ведь участие широких кругов общественности различных стран в процессе выработки концепции безопасности в АТР, создание различного рода рабочих органов с целью анализа причин и методов урегулирования тех или иных региональных конфликтов, сотрудничество в этой области с ООН и т. д. будут способствовать развитию многостороннего диалога в рамках региона, помогут поиску наиболее эффективных путей обеспечения мира и безопасности на нашей планете.

*В. Б. ВОРОНЦОВ,
доктор исторических наук*

Памяти Цзэн Сюфу

24 января 1988 г. исполнился год со дня смерти члена КПСС с 1944 г., бойца-коммуниста ленинской закалки, последовательного интернационалиста, бывшего работника Коминтерна, крупного ученого-китаевода, старшего научного сотрудника Института востоковедения АН СССР товарища Цзэн Сюфу. Это был прекрасный человек, обладавший большим сердцем и доброй душой, щедро отдававший всего себя делу и окружавшим его людям.

Цзэн Сюфу родился 26 мая 1910 г. в провинции Цзянси в бедной крестьянской семье и с раннего детства познал тяжелый подневольный труд на помещика, которому был продан отцом за долги. От помещика он убежал в город Ханькоу и попал на завод, где стал рабочим и вступил в профсоюз. В 1927 г. в составе группы молодых китайских рабочих Цзэн Сюфу приехал в Москву, где учился в Институте им. Сунь Ятсена, а затем в Коммунистическом университете трудящихся Китая (КУТК) и в Институте востоковедения им. Нариманова.

В 30-е гг. делегацией КПК в Коминтерне он был направлен в составе группы китайских коммунистов на работу в Синьцзян, где проработал до 1936 г. После возвращения из Синьцзяна в Москву он работал в составе аппарата Исполкома Коминтерна до его роспуска в 1943 г. В 1944 г. вступил в КПСС.

В 1945 г. вместе с советскими войсками принимал участие в освобождении Северо-Восточного Китая. В 50-е гг. продолжил образование в Академии общественных наук при ЦК КПСС, защитил кандидатскую диссертацию на тему «Борьба КПК за расширение и укрепление единого антияпонского национального фронта», получил ученую степень кандидата исторических наук.

После окончания Академии общественных наук Цзэн Сюфу работал старшим научным сотрудником в Институте востоковедения АН СССР. Обладая энциклопедическими знаниями по Китаю, он внес большой научный вклад в изучение новейшей истории Китая и китайской революции. Цзэн Сюфу был одним из инициаторов подготовки и составления большого китайско-русского словаря, однако тяжелая болезнь помешала ему завершить эту работу.

Цзэн Сюфу отличали кипучая энергия, высокая принципиальность, исключительная организованность, трудолюбие, вдумчивость и последовательность, непримиримость ко всем негативным явлениям. Он обладал завидной жизнерадостностью, внимательностью к окружающим и редким даром нести людям тепло и доброту. Через всю жизнь Цзэн Сюфу пронес кристальную чистоту, скромность, преданность марксизму-ленинизму и верность друзьям.

Будучи сыном великого китайского народа, он глубоко переживал возникновение трудностей в китайско-советских отношениях и приложил много усилий для их преодоления. Цзэн Сюфу верил, что эти трудности носят временный характер и дружба двух великих народов Китая и Советского Союза восторжествует.

Имя Цзэн Сюфу, подлинного коммуниста-интернационалиста, искреннего друга Советского Союза и ученого-китаевода, навсегда останется в памяти тех, кто с ним работал и хорошо его знал.

Группа товарищей

**РЕДАКЦИЯ
«ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ»**

Главной редакции литературы на иностранных языках

регулярно знакомит зарубежных читателей с новейшими исследованиями советских ученых в различных областях обществоведения, с перестройкой, обновлением всех сторон жизни советского общества. Редакционный совет возглавляет вице-президент АН СССР академик П. Федосеев.

Издания редакции выходит на английском, арабском, испанском, немецком, португальском, французском и русском языках. Все публикации объединены в тематические серии: 1. «Проблемы современного мира». 2. «Международный мир и разоружение». 3. «Всемирная история: советские исследования». 4. «История СССР: новые исследования». 5. «Советская экономическая наука». 6. «Философия и социология науки и техники». 7. «Право: исследования советских ученых». 8. «Советские этнографические исследования». 9. «Советское религиоведение». 10. «Международное рабочее движение». 11. «Советское востоковедение». 12. «США: советские исследования». 13. «Африка: исследования советских ученых». 14. «Латинская Америка: исследования советских ученых». 15. «Дальний Восток: исследования советских ученых». 16. «Развивающиеся страны: проблемы и перспективы».

Их подготовку осуществляют редакционные коллеги, во главе которых — директора советских академических институтов, ведущие ученые-обществоведы.

Читательская аудитория — ученые, общественные и политические деятели, преподаватели, аспиранты и студенты, активисты демократических и национально-освободительных движений, профсоюзных, молодежных и женских организаций.

Оформление заказов на издания редакции — коллективные монографии и научные тематические сборники проводят фирмы, имеющие деловые отношения с В/О «Международная книга» (113095, СССР, Москва), монопольным экспортером советской литературы.

Адрес редакции «Общественные науки и современность»:
СССР, 121818, Москва, Арбат, 33/12.

ЖУРНАЛ «НАУКА В СССР»

издание Академии наук СССР

(выходит 6 раз в год на русском, английском, испанском и немецком языках)

Многое из того, над чем сегодня работают ученые в лабораториях, завтра станет привычным явлением нашей жизни.

Познакомиться с самым интересным и значительным в мире советской науки, которая представлена четвертой частью всех научных работников Земли. Вам поможет научно-публицистический и информационный журнал «Наука в СССР».

Из первых рук, из уст крупнейших ученых и инженеров, но обязательно в доступной форме Вы узнаете, над чем они трудятся, что думают, что их волнует.

Больше знать, и знать вовремя, поможет Вам журнал «Наука в СССР».

В нем читатели познакомятся:

- с точкой зрения ученых Советского Союза на глобальные проблемы современности;
- с главными результатами исследовательских работ и научной жизнью в СССР;
- с вкладом советских ученых в прогресс мировой науки и международное сотрудничество;
- с проблемами взаимодействия естественных и общественных наук;
- с историей отечественной науки и ее выдающимися представителями.

Подписка на журнал принимается с любого срока и на любой период:
в СССР — отделениями связи, агентствами «Союзпечати» и общественными распространителями по месту работы, учебы. Подписная цена на год — 6 руб. 60 коп. Индексы журналов: на русском языке — 70603, на английском языке — 70604, на испанском языке — 70605, на немецком языке — 70606;

в зарубежных странах — фирмами, распространяющими советскую периодику и имеющими деловые отношения с В/О «Международная книга» (СССР, 113095, Москва, ул. Димитрова, 39/20).

**Журнал «ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ» — орган Секции
общественных наук Президиума АН СССР**

Выходит 4 раза в год в Москве на английском, французском, немецком, испанском и португальском языках; переиздается зарубежными фирмами на местных языках в Японии, Индии, Греции и Египте. Здесь публикуются новейшие исследования советских ученых по философии и истории, политологии и экономике, социологии и праву, филологии и психологии, этнографии и археологии.

Содержание журнала определяет авторитетный Редакционный совет, возглавляемый вице-президентом АН СССР академиком П. Федосеевым, в состав которого входят директора ведущих гуманитарных НИИ и главные редакторы академических журналов.

Особое внимание уделяется в журнале таким актуальным темам, как: человек и общество в современном мире; социально-экономическое развитие СССР в условиях перестройки; глобальные проблемы современности; предотвращение ядерной катастрофы; всеобщая безопасность и разоружение; анализ формирования человеческого сознания; проблемы развивающихся стран; взаимодействие культур: технической и гуманитарной, прошлого и современности, разных стран и народов.

В каждом номере широко представлены материалы постоянных рубрик — «Дискуссии и обсуждения», «Человек и природа», «Молодежь и общество», «Диалоги», в которых выступают собеседниками советские и зарубежные ученые, и др.

Подписка на журнал принимается с любого срока и на любой период:

— в зарубежных странах — фирмами, распространяющими советскую периодику и имеющими деловые отношения с внешнеторговым объединением «Международная книга» (СССР, 113095, Москва, ул. Димитрова, 39/20);

— в СССР — отделениями связи, агентствами «Союзпечати» и общественными распространителями печати по месту работы, учебы.

Журнал АН СССР «ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»

знакомит читателей с новыми исследованиями советских ученых по комплексным проблемам общественного развития. Стержневые темы журнала — теория и практика перестройки, коллективный опыт обществоведов стран социалистического содружества в деле решения актуальных социально-экономических, политических и идеологических задач, диалектика развития современного мира в свете нового политического мышления.

Специфика журнала — в систематическом освещении теоретико-методологических проблем междисциплинарного характера. Прослеживаются интегративные процессы в науке и формирование новых областей знания.

Основные рубрики журнала: «Перестройка: теория и практика», «Международные отношения в современном мире», «Природа, наука и общество», «Методология общественнознания», «Системные и междисциплинарные исследования», «Социально-экономические проблемы капитализма», «Общественные науки за рубежом» и др.

* * *

Журнал «Общественные науки» выходит 6 раз в год. Цена номера — 1 руб. 50 коп., стоимость годовой подписки — 9 руб. Индекс по каталогу «Союзпечать» — 70677.

Подписка на журнал принимается с любого срока и на любой период: в СССР — отделениями связи, агентствами «Союзпечать» и общественными распространителями;

в других странах — фирмами, распространяющими советскую периодику и имеющими деловые отношения с В/О «Международная книга» (СССР, 113095, Москва, ул. Димитрова, 39/20).

«ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА», 1988, № 2, 224 с.
Технический редактор *Т. Ерохова*

Сдано в набор 19.01.88. Подписано в печать 24.02.88. Формат 70×100¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура литер. Усл. печ. л. 18,2.
Уч. издат. л. 19,45. Усл. кр.-отт. 28,6. Изд. № 44843 Тираж 10798
Заказ 87 Цена 70 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли 119817, ГСП, Москва, Г-21, Zubовский бульвар, 17.
Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат ВО «Союзполиграфпром» Государственного комитета СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли 142300, г. Чехов Московской области